ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Аргамак

ТАТАРСТАН

№3 (12) • 2012

К. Васильев. Человек с филином

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Аргамак

ТАТАРСТАН

№ 3(12) • 2012

Поэт – сердце нации, её символ. Когда поэта убивают, попадают в самое сердце народа.

Валерий МИХАЙЛОВ

стр. 175

ББК 94.3+я2(Тат)
А-79

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
литературного альманаха «АРГАМАК. ТАТАРСТАН»

Василенко Светлана Владимировна — *первый секретарь правления Союза российских писателей;*
Ибрагимов Ильфак Мирзаевич — *главный редактор журнала «Чын мирас» («Наследие»);*
Ларионова Татьяна Петровна — *исполнительный директор республиканского фонда «Возрождение» (Татарстан);*
Муратов Марат Яшарович — *руководитель республиканского агентства по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа»;*
Переверзин Иван Иванович — *председатель правления Международного сообщества писательских союзов.*

РЕДКОЛЛЕГИЯ
литературного альманаха «АРГАМАК. ТАТАРСТАН»

Николай Алешков *(Набережные Челны)*
Николай Беляев *(Владимирская область)*
Наталья Вердеревская *(Елабуга)*
Лилия Газизова *(Казань)*
Владимир Гофман *(Нижний Новгород)*
Владимир Ермаков *(Орёл)*
Диана Кан *(Новокуйбышевск)*
Сергей Кузнечихин *(Красноярск)*
Сергей Михеенков *(Таруса)*
Николай Рачков *(Санкт-Петербург)*
Рамиль Сарчин *(Казань)*
Виктор Суворов *(Набережные Челны)*
Михаил Чванов *(Уфа)*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ 16-00151 от 17 апреля 2009 г.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации»

Главный редактор Николай Алешков
Заместители главного редактора Александр Воронин, Вера Хамидуллина
Редактор-корректор Алла Орехова
Дизайнер-верстальщик Виталий Павлов
Офис-менеджер Ксения Ларина
Художник Ольга Белова-Недовизий
Фото на обложке Михаил Медведев

ISBN 978–5–85247–576-3

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

ЧУЖОМУ

Твои знамёна — не мои!
Врозь наши головы.
Не изменить в тисках Змеи
Мне Духу — Голубю.
Не ринусь в красный хоровод
Вкруг древа майского.
Превыше всех земных ворот —
Врата мне — райские.
Твои победы — не мои!
Иные грезились!
Мы не на двух концах земли —
На двух созвездиях!
Ревнители двух разных звёзд —
Так что же делаю —
Я, перекидывая мост
Рукою смелою?!
Есть у меня моих икон
Ценней — сокровище.
Послушай: есть другой закон,
Законы — кроющий.
Пред ним — все клонятся клинки,
Все меркнут — яхонты.
Закон протянутой руки,
Души распахнутой.
И будем мы судимы — знай —
Одною мерою.
И будет нам обоим — Рай,
В который — верую.

Москва, 28 ноября 1920

* * *

Есть счастливцы и счастливицы,
Петь *не* могущие. Им —
Слёзы лить! Как сладко вылиться
Горю — ливнем проливным!
Чтоб под камнем что-то дрогнуло.
Мне ж — призвание как плеть —
Меж стенания надгробного
Долг повелевает — петь.
Пел же над другом своим Давид.
Хоть пополам расколот!
Если б Орфей не сошёл в Аид
Сам, а послал бы голос
Свой, только голос послал во тьму,
Сам у порога *лишним*
Встав,— Эвридика бы по нему
Как по канату вышла...
Как по канату и как на свет,
Слепо и без возврата.
Ибо раз *голос* тебе, поэт,
Дан, остальное — взято.

Ноябрь–декабрь 1934

РОЗА НУТФУЛЛИНА

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПОСВЯЩЕНИЯ МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

В современном цветаеведении сложилось несколько устойчивых направлений.

Одно из них, прежде всего связанное с именами А. Саакянц, И. Кудровой,— исследование жизни, судьбы и творчества Марины Цветаевой, продолженное другими цветаеведами.

Второе, довольно плодотворное, на наш взгляд, направление — исследования краеведческого характера: сбор и изучение материалов, связанных с пребыванием поэта в Тарусе, Москве, Европе, Чистополе, Елабуге и т.д. О значительности данных исследований свидетельствуют материалы четырёх Цветаевских чтений, проходивших в Елабуге.

Всё больший интерес учёных вызывает проблема — творчество Марины Цветаевой в контексте русской литературы XX века, в частности, литературы Серебряного века. В последние годы появились публикации типа «Цветаева и Блок», «Цветаева и Пастернак», «Цветаева и Бальмонт» и др.

В то же время продолжается углублённое изучение поэтики произведений М. Цветаевой, языка, художественных образов как литературоведами, так и лингвистами, которые выявляют всё новые аспекты и нюансы её поэтического дарования. И это самое перспективное направление в цветаеведении, ибо каждое поколение открывает для себя и будет открывать в дальнейшем новые миры в бесконечно сложном поэтическом космосе Марины Цветаевой.

Предложенная нами тема «Поэтические посвящения Марине Цветаевой» не нова. Это ещё одно направление в цветаеведении. Первые стихотворения, посвящённые ей, появились при её жизни, они продолжают появляться и сейчас, может быть, ещё интенсивнее, ибо стихи М. Цветаевой ошеломили, судьба её потрясла многих.

«Как общечеловеческий выдох» — строчки Юлии Нейман:

Как солёная лавина,
Ты нахлынула, Марина,
Пробудив, ошеломив.

В 1990-е годы вышли в свет три книги, в которых были собраны стихотворения, посвящённые Цветаевой: «Сгоревшая жутко и странно Российского неба звезда» (Сборник. Составитель В. С. Мнухина-Витюк.— М., 1990); «Посвящается Марине Цветаевой» (Сборник стихов. Благотворительный выпуск. Составители В. С. Мнухина-

Витюк и Л. А. Мнухин.— М., 1991); «Венок Цветаевой. Сборник стихотворений, посвящённых Марине Ивановне Цветаевой» (Составитель А. В. Ханаков.— М., 1992).

Составитель последнего сборника утверждает, что на время издания его книги им собрано более 400 стихотворений, посвящённых М. Цветаевой, известных авторов и начинающих поэтов, опубликованных и не опубликованных. В сборник же вошли 93 стихотворения, он составлен в алфавитном порядке по авторам: по закону случайности рядом стоят известные фамилии или совершенно незнакомые. К примеру, Ахмадуллина Б. и Ахматова А., Чаговец В. и Чичибабин Б. Так, рядом стоят фамилии Волошин М. и Вердеревская Н., по три стихотворения каждого из них нашли своё место в сборнике.

Упомянутые сборники известны, они вошли в научный оборот, в контекст цветаеведения.

Мы представляем вам совершенно новое издание — книгу М. Я. Левянт «Венок Цветаевой», вышедшую в США, в штате Миннесота, в городе Миннеаполис в 2005 году. Издание серьёзное, с прекрасным объёмным предисловием, подробными комментариями, оригинальной композицией. Это не просто сборник, составленный из стихотворений-посвящений М. Цветаевой, а продуманное творческое исследование, свидетельствующее о глубочайшем погружении М. Левянт в мир цветаевской поэзии и судьбы, в поэтический, сложный мир Серебряного века и современной поэзии.

Немного об авторе-составителе сборника «Венок Цветаевой». Майя Яковлевна Левянт работала в Елабужском государственном педагогическом институте на кафедре русской и зарубежной литературы 10 лет (1964–1974 гг). Вместе с молодыми преподавателями кафедры организовала поэтический кружок, любимый многими студентами, вместе выпускали поэтические стенгазеты, писали сценарии поэтических вечеров и концертов. Поддерживала молодых поэтов-студентов, среди которых выделялась Нина Таш (Таширова), именно М. Левянт открыла читателям республики поэзию талантливой студентки, написав о ней статью и напечатав несколько её стихотворений.

После Елабуги М. Я. Левянт работала в Тирасполе, позже переехала в Америку: жила и работала в Бостоне, преподавала в университете, продолжает работать и сейчас. Издала несколько книг на английском и русском языках. Одна из последних — «Венок Цветаевой».

Появление этой книги вполне закономерно, ибо все годы пребывания М. Я. Левянт в Елабуге прошли под знаком М. И. Цветаевой: она собирала материалы, искала стихи Цветаевой, устраивала поэтические чтения у могилы Поэта. Тогда же была написана поэма о Цветаевой Ниной Таш, рукопись которой М. Я. Левянт увезла в Америку, её фрагмент вошёл в сборник «Венок Цветаевой».

В конце 2008 года сборник был прислан в Елабугу, один экземпляр его подарен Библиотеке Серебряного века.

Сборник «Венок Цветаевой» — солидное, оригинальное издание, результат многолетнего исследования. В него включены стихотворения, посвящённые М. Цветаевой, созданные в течение почти ста лет: первое датируется 1910 годом, последнее — 2005-м. Открывается большим предисловием автора-составителя, где определены концепция и принцип построения сборника. В сборнике 144 стихотворения 85 ав-

торов, многие из которых публикуются впервые. В конце книги помещены алфавитный указатель авторов и примечание: здесь обозначены фамилии, имена, отчества всех авторов, места их проживания и время написания стихотворений. В ремарке составителя сборника читаем: «Источники стихов — авторские сборники и периодика. Одна звёздочка перед фамилией автора означает, что стихотворение из архива Вашингтонского музея русской поэзии, основанного Юрием Зыслиным. Две звёздочки — цитируется по сборнику «Венок Цветаевой» составителя А. Ханакова». Таких двухзвёздочных фамилий — 5.

Оригинальна композиция сборника: стихотворения расположены не по алфавиту фамилий авторов, а по 11 разделам, каждый из которых имеет знаковый заголовок, стихотворения подпадают под этот знак-символ. Можно было бы определить эту композицию как построение стихотворений по тематическому принципу. Но в данном случае это определение не подходит ко всем разделам. Исключением является, на наш взгляд, раздел шестой «По Цветаевским местам», где собраны 37 стихотворений известных поэтов, по-разному воспринимающих вехи жизни М. Цветаевой, многие из них носят реквиемный характер. Это стихи о Московской земле, о Тарусе, Коктебеле, эмиграции и, конечно, о Елабуге (10 стихотворений).

В таком же аспекте можно рассмотреть пятый раздел «Попытка биографии», короткий, состоящий всего из двух стихотворений: П. Антокольского «Марина» (1961 г.) и Б. Ахмадуллиной «Биографическая справка» (1961 г.).

Позиция автора-составителя ясна: биография Марины Цветаевой не нуждается в славословии, именно поэтому и раздел книги назван словом «попытка».

Логично, что сборник открывается разделом «Наедине с поэтами эпохи», как логично и появление в этом разделе первым стихотворения Елены Благининой «Незавершённый сонет»:

Чисты их имена
И горек голос лир.
И дух высок, и слово осиянно...
На вечны времена:
Владимир, Велемир,
Марина и Борис, и Александр, и Анна.

Все десять стихотворений этого раздела написаны современными поэтами, они о поэтах-спутниках М. Цветаевой, о её современниках. Юрий Визбор своё стихотворение так и назвал — «Спутники». Составитель сборника М. Левянт как бы пригласила современных поэтов вести между собой диалог, и в то же время диалог ведут поэты Серебряного века. В стихах повторяются одни и те же имена. Ю. Визбор называет Волошина, Цветаеву, Заболоцкого, Пастернака; А. Вознесенский — В. Маяковского и М. Цветаеву; Б. Чичибабин обращается к О. Мандельштаму и М. Цветаевой: «О брат мой Осип и сестра Марина»; П. Вегин называет волшебными мастерами Пушкина, Хлебникова, Есенина и Цветаеву. Современные поэты находятся как бы в кругу поэтов Серебряного века, наедине с ними размышляют о судьбах и времени, наедине с ними и Марина Цветаева.

В этом разделе есть стихи, в которых не звучат фамилия, имя Марины Цветаевой, но есть знаки-символы, по которым её присутствие угадывается. В стихотворении Б. Кежеева, казахского поэта, живущего в Канаде, речь идёт об И. Анненском. Но вдруг появляются строки «... Ещё одна: курила... морская дочь... Любившая, как сто// сестёр и жён, верёвкою бесплатной// обвязывает горло — и никто// не гладит ей седеющие патлы», по которым внимательный читатель узнаёт Марину Цветаеву. А Р. Казакова использует знаковые поэтические символы: «рябина Марины», «свеча Пастернака».

Во втором разделе «Ведь была на свете Анна, // Ведь писала же Марина» (заголовок — цитата из первого, открывающего раздел стихотворения Давида Самойлова, написанного в 1980-е годы: «Надоели поэтессы, // Их жеманство, их старанья...») собраны стихи о поэтах-Женщинах и женщинах-Поэтах. Пафос данного стихотворения: Анна (Ахматова) и Марина (Цветаева) недосягаемы для современных поэтесс. Своё кредо о поэтессах-поэтах высказал Илья Фоняков: «Не возлюбили слово «поэтесса». А. Кушнер и Полина Барскова (1990-е г.) в своих стихотворениях, не называя имён, создают таинственный, величественный, загадочный образ Поэта, при этом снова используется символика: у Кушнера — словосочетание «морская пучина», у Барсковой — «голубой цвет неба, строки», «лазоревый, как синева». И снова создан своеобразный диалог двух личностей, двух поэтов, благодаря тонко подобранным составителем стихотворениям, следующим одно за другим.

Своеобразен третий раздел «Изба о четырёх углах», открывающийся стихотворением Марии Петровых, нарисовавшей поэтический квадрат, стороны которого составляют Ахматова и Пастернак, Цветаева и Мандельштам: «две сестры, два брата — изба о четырёх углах». Здесь нашли своё законное место стихи названных поэтов — Ахматовой, Пастернака, Мандельштама, посвящённые четвёртому углу — М. Цветаевой, без которого нет избы.

М. Левянт тонко чувствует поэтический мир М. Цветаевой и в качестве эпиграфа к некоторым разделам книги берёт строки её лирики. Так, в разделе четвёртом «К портрету Цветаевой» эпиграфом служат строки:

Есть в стане моём — офицерская прямость,
Есть в рёбрах моих — офицерская честь...

Другие — с очами и с личиком светлым,
А я-то ночами беседую с ветром.

Открывается этот раздел стихотворением М. Волошина, написанным в 1910 году, завершается стихотворением 2005 года украинской поэтессы Зои Цыбульской, проживающей в Америке. Воссоздан портрет Цветаевой, какой её видят поэты, от юности до зрелого взлёта.

В девятом разделе «Уроки Цветаевой» три эпиграфа. Первый — слова самой Цветаевой: «Вот вам мой стих. Он вам нравится или не нравится, доходит или не доходит, красив (для вас) или не красив. Но хорош он как стих или плох, может сказать только знаток, любящий и мастер».

Авторы двух других эпиграфов отвечают Поэту: «Великому трудно не подражать, в этом — земной вариант его бессмертия» (И. Тюрин).

«Её поэзия — не для того, чтобы «оказывать влияние», а для соразмерного сердечного ответа, включающего безоглядность, честь, бесстрашие... Цветаева задаёт масштаб [не просто «мастерства», а человеческой значительности], которому трудно соответствовать» (С. Аверинцев). Лучше, чем высказался знаменитый литературовед, как бы отвечая М. Цветаевой, и не скажешь, но и известные поэты, не безразличные к урокам Цветаевой мастера — А. Тарковский, Б. Ахмадуллина, А. Вознесенский и другие, достойно отвечают поэту Цветаевой.

В восьмом разделе «Настал черёд твоим чудесным винам» подобраны стихотворения, подтверждающие пророчество Марины Цветаевой, что вынесено в эпиграф раздела — «Моим стихам, как драгоценным винам, // Настанет свой черёд».

Довольно грустно звучат стихи десятого раздела «Но если по дороге — куст // встаёт, особенно — рябина...».

Давид Самойлов: «У рябины окаянной // Покраснели кисти рук...».

Евгений Каменский: «Да что же ты кровью на снег // всё плачешь и плачешь, рябина» (2004).

Жизнеутверждающий раздел седьмой — «Твоя бессмертная кончина // Не кончится... Нет ей конца», где нашли своё место стихи, в которых утверждается Вечность Поэзии Цветаевой», и одиннадцатый — «Твоего пламени — все мои искры». В последнем помещены стихотворения поэтесс, считающих себя частичками высокой поэзии, символом которой для них была, есть и будет Марина Цветаева. Название раздела — строки стихотворения Вероники Долиной, московской поэтессы:

От твоей соли — до моей силы,
От твоей боли — до моей были.
От твоей Камы — до моей Истры
Твоего пламени — все мои искры.

Простое перечисление разделов книги свидетельствует о глубоком исследовании автором-составителем самой поэзии, судьбы и жизни Марины Цветаевой, о её прекрасной литературоведческой интуиции, с одной стороны; с другой — о таком же глубоком проникновении в суть каждого стихотворения-посвящения поэту. И в этом особая ценность данной книги. М. Левянт — не составитель сборника в привычном смысле этого слова, она — соавтор представленных поэтов, она выстроила диалоги поэтов с Цветаевой, чему служат эпиграфы из стихов самой Цветаевой, она выстроила диалоги поэтов Серебряного века и века XXI между собой и Цветаевой.

А вступительная статья «Роскошь предпочтения» — концептуальное исследование многих проблем, связанных с личностью Цветаевой. М. Левянт, сравнивая стихи разных поэтов о Цветаевой, сталкивая их друг с другом, находит всеобъемлющую формулу, почему они пишут о поэте: всех их связывает, объединяет любовь к Марине Цветаевой. И не случайно М. Левянт использует термин «цветаевиана», звучащий трогательно и нежно, тогда как общепринятыми являются «цветаеведение» или «цветаевоведение».

В самом начале предисловия автор-составитель пишет: «Поэтическая цветаевиана появилась ещё при жизни М. Цветаевой и начала расти после того, как в 60-е годы её стихи, её история стали известны читателю в СССР». Использование данного термина концептуально для М. Левянт: она соединила два слова — поэтическая цветаевиана, т.е. объединила целое направление, о котором идёт речь, так обозначив поэтические посвящения М. Цветаевой, в отличие от «цветаеведения», которое вбирает в себя научные исследования жизни и творчества Марины Цветаевой.

В заключение считаем необходимым отметить ещё одно достоинство сборника, составленного М. Я. Левянт: он прекрасно иллюстрирован.

ОТ РЕДАКЦИИ. С 20 по 23 августа нынешнего года в Елабуге состоялись VI Международные Цветаевские чтения «Дух — мой сподвижник и Дух — мой вожатый». Отчёт об этом мероприятии читайте в следующем номере нашего альманаха.

НИКОЛАЙ ДОРОЖКИН

СКИФСКАЯ ВОЙНА, ИЛИ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ КАК ОРУЖИЕ

Лет десять назад мне довелось редактировать переведённую на русский язык иллюстрированную книжку «Военная форма» (французский автор Ж.-Л. Бессон). Там были представлены рода войск и соответствующее обмундирование армий всех времён, народов и наций — кроме, естественно, России. Автор вспомнил об «этой стране» (выражение отечественных Смердяковых) только в связи с войной 1812 года. Правда, из видов военной формы были показаны только зипуны и тулупы русских партизан. А наших солдат времён Великой Отечественной французский художник нарядил в такую срамоту, что мне пришлось самому взяться за карандаш и акварельные краски. Заодно дорисовал русского стрельца и наших воинов 1812 года — гусара и уральского казака. Но больше всего удивила одна картинка: зима, метель, люди у костра. И подписано: «Отступление русских войск в 1812 году». Чтобы восстановить историческую правду, слово «русских» я заменил на «французских». Потому что отступали наши войска только летом — до оставления Москвы после Бородина. А потом всю осень и зиму отступали войска Наполеона.

Для точности следует отметить, что зиму остатки армии Наполеона встретили только на территории Польши. А польская зима существенно мягче русской. Как известно из работ Л. Н. Гумилёва, климатическая граница между Западной Европой и Россией (Евразией) проходит по отрицательной изотерме января — если к востоку от этой границы средняя температура января отрицательная, то к западу — плюсовая...

Миф о «генерале Морозе» отразился и в сценарии советского фильма «Гусарская баллада», где корнет Азаров и поручик Ржевский совершают подвиги в условиях суровой зимы. С приближением очередной круглой даты, связанной с Отечественной войной 1812 года, снова разгораются страсти в среде историков и журналистов. При этом, говоря о поражении Наполеона, либерально мыслящие авторы стараются найти причины, вроде бы не имеющие отношения к военному искусству российских военачальников. Например, опубликованная в «МК» статья А. Добровольского «Генерал Понос» начинается такими словами: *«Оправдывая неудачи русской кампании 1812 года, Наполеон и его полководцы не раз ссылались на суровый климат: мол, в отступлении и огромных потерях Великой армии виноват «генерал Мороз». Однако есть*

документальные свидетельства того, что бравые завоеватели стали жертвой ещё и другого «полководца»: их подкосил массовый понос».

Но давайте полистаем серьёзные источники — например, книги академика Е. В. Тарле, героя Отечественной войны Д. В. Давыдова, мемуары военного врача, главного хирурга 10-го кавалерийского корпуса Ф. Мерсье (по изданию И. Руа «Французы в России. Воспоминания о кампании 1812 г. и о двух годах плена в России», СПб, 1912), наконец, сборник «Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев» (Лениздат, 1991), где есть глава «Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев».

Прежде всего, вспомним, что Л. Н. Толстой в романе «Война и мир» называл французскую армию войском объединённой Европы. Это подтверждает в своей книге Франсуа Мерсье: *«В самом деле из 500.000 солдат на долю французов самое большое приходилось две пятых этой цифры. Среди 300.000 иностранцев, входивших в состав армии, пожалуй одни лишь поляки... принимали участие в этой войне с большим пылом и энтузиазмом, чем сами французы. Пруссаки с затаённой болью в сердце становились под знамёна человека, который принёс им столько зла, который нанёс столько оскорблений их национальной гордости, который, наконец, держал их в настоящем рабстве... Австрийцы, в течение 20 лет перед тем воевавшие с Францией, теперь краснели от стыда, будучи вынужденными стать в ряды её союзников, и громко роптали по этому поводу... Что касается вспомогательных войск других наций: германцев, итальянцев, голландцев, испанцев и др.— большая часть их совершенно не скрывала своего неудовольствия; но тем не менее все эти войска, привыкшие гнуть спину под тяжестью французской дисциплины, несли покорно свои обязанности, хотя в душе и были настроены против своих поработителей».* Разумеется, при таком состоянии «боевого духа» и первые осенние заморозки покажутся сибирской стужей...

Разумеется, Русская армия тоже состояла не из одних только русских людей, к которым в то время относились также украинцы и белорусы. На полях сражений прославились такие генералы и офицеры, как шотландец Барклай де Толли, немец Винцингероде, серб Милорадович, грузин Багратион, армянин Мадатов... В борьбе с наполеоновскими войсками деятельно участвовали многие народы Российской империи — татары, башкиры, мордва, чуваши, марийцы, удмурты, калмыки... Из татар Поволжья были сформированы Первый, Второй и Третий Тептярские, Первый и Второй Мишарские полки, из башкир — отдельный Башкирский полк. Кроме того, татары, башкиры и калмыки воевали в казачьих и партизанских отрядах. Наполеон все мусульманские народы России считал татарами и в начале войны, используя древний принцип «разделяй и властвуй», направил татарам послание с просьбой о поддержке. Он не знал, что татары — люди серьёзные...

Но вернёмся к «генералу Морозу». Вот как вспоминает о погодной обстановке перед отступлением французский офицер Иелин: *«Император выехал из Москвы 19 октября... Когда я выехал из Москвы, в ней уже показались казаки. Погода была великолепная, было так тепло, что мы обедали при открытых окнах...»* Другой наполеоновский офицер удивляется, что осень в России такая же тёплая, «как в Фонтенбло». А Денис Давыдов приводит цитату из мемуаров французского офицера Гурго: *«До 25-го октября, то есть на обратном пути около Дорогобужа, погода была хорошая и стужа умереннее той, которую мы переносили во время кампании в Пруссии и в Польше в 1807 году и даже в Испании среди Кастильских гор, в течение зимней кампании 1808 года, под предводительством самого императора...»* Ясно, что из Москвы армию Наполеона выгнал отнюдь не мороз.

Теперь — о «генерале Поносе», который наносил ущерб наполеоновским войскам ещё в ходе их наступления. «Документальные свидетельства», упоминаемые автором

«МК», объясняют массовые кишечные болезни в наполеоновских войсках несколькими причинами. Это отсутствие продовольствия и медицинской помощи (обозы и «амбулансы» не поспевают за войсками), плохая вода в российских болотах, жара несносная... Да, интервенты действительно страдали от голода и вынуждены были есть что попало. Но совсем не потому, что обозы не поспевали...

Как свидетельствует французский офицер Дедем, пока армия шла по территории союзников, запрещалось грабить местное население. Начальство *«... удерживало солдат, говоря: «Когда мы будем на русской земле, вы будете брать всё, что захотите...»* Но воинов великой армии ждало жестокое разочарование: на русской земле их встречали опустевшие деревни и сёла, где не было ни людей, ни скота, ни пищевых продуктов. А там, где жители ещё оставались, они были с «гостями» не очень приветливы. Посланный в деревню за провиантом французский унтер-офицер докладывал командиру: *«Все против нас. Никто ничего не хотел давать... Мужики вооружены пиками, многие на конях; бабы готовы к бегству и ругали нас так же, как мужики...»* А дальше было ещё хуже: казаки отбивали обозы с продовольствием, крестьяне засыпали колодцы, уходили в леса, сжигали то, что не смогли увезти с собой. *«Солдаты наши оставляют свои знамёна и расходятся искать пищи; русские мужики, встречая их поодиночке или несколько человек, убивают их дубьём, пиками и ружьями»* (из письма офицера Пюибюска).

Перед вступлением в Россию генералы говорили солдатам: «Вы идёте в страну, где едят лошадей!» Но ещё на пути от Смоленска до Гжатска привыкшие к европейской кухне завоеватели считали за счастье кусок конины. Вот воспоминания некоего Брандта: *«Очень сильная жара сменялась довольно чувствительным холодом; вода в большинстве случаев была очень плоха, а порой её и вовсе не было. Тогда солдатам приходилось жарить себе мясо на угольях, а мясо это почти всегда было лошадиное, потому что крестьяне уводили свой скот настолько далеко, что его никак невозможно было поймать».*

Чтобы понять, почему интервенты были удивлены и возмущены таким отношением мирного населения, а также чем было вызвано это отношение, следует несколько подробнее представить себе ситуацию того времени.

Наполеон, обладая информацией о вооружённых силах России и будучи особенно талантливым в деле массового уничтожения людей, тем не менее, плохо представлял себе страну и народ, против которых начал эту кампанию. Например, он верил придворным и советникам, которые утверждали, что русские — это фактически скифы, полудикий народ, управляемый европейски образованными царями. И его стремление во что бы то ни стало захватить Москву было продиктовано, наряду с военно-политическими соображениями, также мечтой поживиться «скифским золотом», которого, по словам консультантов, в подвалах Кремля видимо-невидимо...

СКИФСКАЯ ВОЙНА

Конечно, никакого скифского золота Наполеон не нашёл. Его профессиональные мародёры — от солдата до маршала — и без того награбили в Москве столько всякого добра, что перегруженные повозки с ним серьёзно замедлили осеннее отступление. Но в начале кампании, при движении от Немана к Смоленску, а затем к Москве, им и в голову не могло прийти, что армия, не знавшая поражений в Европе, вынуждена будет спасаться бегством, отбиваясь от гусарских сабель и казачьих пик, от крестьянских вил и топоров ...

Н. Самокиш «Штурм Полоцка 6 октября 1812 года»

Однако с боевым наследием скифов «великая армия» всё-таки столкнулась.

М. Б. Барклай де Толли и М. И. Кутузов хорошо знали методы Наполеона. В любой кампании ему было нужно генеральное сражение — и здесь его военный талант не знал себе равных. Во всех кампаниях победу ему приносила именно такая тактика.

Вполне естественно, что не в интересах наших военачальников было принимать правила ведения войны, навязываемые противником. План Барклая де Толли состоял в том, чтобы медленно отступать, ведя арьергардные бои, и увлекать вражеское войско вглубь страны. Он применял тактику, подобную той, какой искусно владели скифы и другие воины-кочевники. Скифы при нападении на них считали себя вправе применять в качестве оружия не только мечи и стрелы, но также природный ландшафт и погодные условия. Тактика их так и называлась в военных кругах — «скифская война».

Кутузов придерживался такой же позиции, но не высказывал её столь прямо и откровенно. Была и разница в подходах к стратегии. Барклай все расчёты строил на том, что Наполеон, непомерно растянув линию сообщений в непривычных российских пространствах, ослабит и погубит себя. Понимал необходимость «скифской войны» и русский император Александр I. Он говорил, что, если на стороне врага почти вся Европа и огромное превосходство живой силы, зато на стороне России — время и пространство. Согласно плану Барклая, русские войска, отступая, к началу зимы дошли бы до Волги, сохраняя армию и боеприпасы, а там оставалось бы только двигаться в обратном направлении, подбирая оружие и хороня замёрзших солдат и офицеров противника. О гениальности этого плана можно судить по словам Ф. Мерсье: *«После взятия Смоленска армия Наполеона успела уже уменьшиться более, чем на половину, тогда как силы противника были ещё почти не тронуты».*

Казалось бы, что ещё нужно? Однако всегда найдётся своё «но». Генерал-фельдмаршал Барклай де Толли был талантлив, отважен, честен и прям, но суховат и не имел обаяния, которое на Руси значит неизмеримо больше любых превосходных качеств. Фельдмаршал Кутузов, опытный разведчик и дипломат, умел без нажима подчинять людей, был хитёр (Наполеон называл его «лукав и — чрезвычайно обаятелен»). Солдаты и офицеры его боготворили. Провожая Кутузова из Петербурга в армию, любимый племянник спросил: «Неужели вы, дядюшка, надеетесь разбить Наполеона?» «Разбить? Нет, не надеюсь разбить! А обмануть — надеюсь!»

Русский аристократ М. И. Голенищев-Кутузов, князь Смоленский, знал свой народ лучше, чем офранцузившиеся помещики, которые боялись своих крепостных больше, чем французской армии. Им казалось, что крестьяне поверят прокламациям Наполеона с обещаниями свободы и примут его сторону. Однако русские мужики, наученные нелёгкой жизнью, твёрдо усвоили заповедь Христа — судить о людях не по словам, а по делам. Нашествие европейских полчищ сопровождалось такими жестокими репрессиями, грабежами и насилием, что никакого доверия к завоевателям и быть не могло. «*Лёгкие отряды врага почти беспрестанно производили нападения на обозы и изолированные отряды французов, а русские крестьяне расправлялись со всеми отставшими» (Ф. Мерсье)*. Крестьяне в 1812 году доказали, что именно у них было правильное политическое сознание и подлинный патриотизм.

Кутузов, приняв командование, хотя и произнёс историческое «Ну, разве можно отступать с такими молодцами?», всё же не отказался от плана Барклая де Толли. Он был уверен: Наполеона погубит пустыня, в которую русский народ превратит свою страну, чтобы извести вторгшихся неприятелей. И продолжал планомерное отступление.

Но не все придворные Александра I разделяли взгляды старого фельдмаршала, да и сам царь недолюбливал Кутузова, считая его хитрым и скрытным, как все дипломаты и работники внешней разведки. Некоторые из ближнего окружения Александра даже умоляли царя сложить оружие и просить у Наполеона мира любой ценой. Другие, напротив, требовали устроить французам генеральное сражение.

И генеральное сражение было дано у Бородина. Наполеон привёл под Москву 130 тысяч человек и 587 орудий. У Кутузова было 112 тысяч человек и 640 орудий. Каждая сторона потеряла более 50 тысяч человек. Остатки великих армий отошли на свои позиции. Никто не считал себя побеждённым. Наполеон не сразу смог понять, что произошло. Уже в ссылке, на острове Святой Елены, он скажет: «Самое страшное из всех моих сражений — это то, которое я дал под Москвой. Французы в нём показали себя достойными одержать победу, а русские оказались достойными быть непобедимыми».

ПОСЛЕ БОРОДИНА

Вскоре после Бородина армия Наполеона вошла в Москву. Что получил Наполеон? Свидетельствует доктор Франсуа Мерсье: *«Шестьсот пленных и несколько подбитых пушек — вот и все трофеи, доставшиеся ему после этой битвы гигантов. Неприятельская армия покинула поле сражения в таком порядке, увозя с собой всех раненых и артиллерию, что не оставила даже отсталых, от которых было можно разузнать, по какому направлению она отступила. В то время как русские продолжали своё отступление к Москве, французы оказались обречёнными на ряд новых несчастий; будучи лишены возможности в течение предшествовавших дней заняться*

грабежом окрестностей, они должны были провести наступившую вслед за битвой ночь на бивуаке, без огня, среди десятков тысяч павших, умирающих и раненых. Лишь с наступлением утра удалось установить, что русские покинули свои позиции. Только очень немногие из сражений способны производить на войско такое необычайное впечатление, какое создавалось в данном случае; войска Наполеона, казалось, долго не могли опомниться от удивления. После стольких перенесённых ими несчастий, лишений и утомительных переходов, направленных всецело к тому, чтобы принудить неприятеля к сражению, наконец после того, как они сразились с ним, они всё же не видели иного результата, кроме кровавого побоища, лишь увеличившего их несчастья и создававшего ещё большую, чем раньше неуверенность относительно продолжения и исхода войны».

Начались грабежи, в которых особенно отличались немцы, поляки и итальянцы. Пожар довершил дело. Армия объединённой Европы вынуждена была «повернуть оглобли» и двинулась к Калуге. Но Кутузов заставил противника отступать той же Смоленской дорогой, где его ждали сёла, разграбленные при наступлении, партизаны, вооружённые топорами и вилами, а ещё «эскадроны гусар летучих», и казацкие отряды, в составе которых рядом с русскими сражались татары, башкиры, калмыки. Письма Наполеона к Александру I и Кутузову с предложениями мира оставались без ответа. Впереди победителей Европы ждали голод, холод, позорное бегство императора, Березина...

Голод сводил людей с ума. Солдаты переставали подчиняться офицерам. Страдания отступающих войск подробно описаны в главе «Французы в России...» вышеупомянутого сборника. *«Люди дрались за кусок хлеба. Если кто-нибудь, замерзая от холода, подходил к костру, то солдаты, зажёгшие его, без всякой жалости прогоняли его прочь. Если кто-нибудь, изнемогая от жажды, просил солдата, нёсшего полное ведро воды, дать хоть несколько капель, то он резко отказывал. Часто можно было слышать, как люди, бывшие, несмотря на разницу положения, до сих пор друзьями, теперь ссорились из-за пучка соломы или из-за куска конины, который они вырезывали для себя. Этот поход был тем более страшен, что совершенно исказил наши характеры и у нас появились пороки, чуждые нам до сих пор. Люди, которые были до этого времени честными, чувствительными и великодушными, сделались теперь эгоистами, скупыми, ростовщиками и злыми» (Лабом).*

Некоторые, надеясь найти спасение в плену, выходили с поднятыми руками навстречу казакам и крестьянам. Но те, отняв оружие и драгоценности, прогоняли их обратно...

Так что «генералы Мороз и Понос» были для интервентов не случайными обстоятельствами, не стихийными бедствиями, а обычными традиционными средствами ведения «скифской войны». Подвергшийся нападению вправе выбирать своё оружие, в том числе холод, голод и всё с ними связанное.

Врагами вторгшихся в Россию войск объединённой Европы были также недомыслие Наполеона и его мания величия. Эта мания доводила Наполеона до того, что он объявлял своими личными врагами некоторых офицеров противника. Так, он с первой встречи (в Тильзите, при заключении мира в 1807 году) возненавидел Дениса Давыдова: как же, отважный гусар не опустил глаза под грозным взглядом Бонапарта и даже, хотя был ненамного выше ростом коротышки-императора, смотрел на него свысока. А в 1812 году, при отступлении, Наполеон чудом избежал пленения партизанами Давыдова. Узнав в нападавшем ненавистного гусара, он послал двухтысячный отряд с приказом — найти его и расстрелять. У Давыдова людей было около тысячи, но они смогли окружить французов и взять в плен весь отряд.

О том, каково было французам в русском плену, подробно писал тот же военный врач Ф. Мерсье, пленённый в Вильно. В пути через места, пострадавшие от нашествия, отношение к пленным конвоя и крестьян было весьма суровым. Всё изменилось, стоило войти на территории, не затронутые войной: *«С момента нашего прибытия в пределы Саратовской губернии мы почти на каждом шагу встречали со стороны населения её выражения симпатии и расположения, ещё даже более трогательные, чем в Великороссии. И притом не только в деревнях, где нас радушно принимали крестьяне, но даже и в тех городах, где нам приходилось временно останавливаться, нас навещали русские вельможи и великосветские дамы; последние проявляли по отношению к нам особенное сочувствие, с необъяснимым для нас искусством успевали они осведомляться обо всех наших нуждах, и вслед за тем по адресу одного из нас получались необходимое бельё, тёплая одежда, обувь, вино, посланные чьей-то неведомой заботливой рукой. Как оказалось потом, все такие справки они получали от стариков-солдат нашего эскорта; эти бравые ветераны охотно отвечали на подобные расспросы и оказывали помощь нашим любезным благотворительницам»*.

Но благотворительность населения была дополнена царской милостью: *«... адъютант объявил нам, что по приказу Его Величества Александра I мы получим сейчас же жалованье, полагающееся каждому по чину, которое нам будут уплачивать и впредь первого числа каждого месяца из государственного казначейства. Он прибавил при этом, что на отпускаемые нам средства мы уже сами должны позаботиться о столе для себя, а также и обо всем необходимом по устройству в отведённом нам помещении, которое предоставлялось в наше пользование бесплатно, но что, впрочем, если бы кто из нас пожелал устроиться на квартире в городе, это свободно разрешается, разумеется, на собственный счёт. Затем он закончил свою речь следующими словами, доставившими нам приятное удовлетворение: «Наконец, я должен сказать вам, господа, что отныне, согласно намерениям Его Величества, вы являетесь пленными лишь по имени; при вас более не будет ни караула, ни стражи; вы можете свободно ходить не только в городе, но и в окрестностях на несколько миль, возвращаясь только ночевать обязательно к себе на квартиру. Вы можете также, спустя некоторое время, предпринимать и более далёкие путешествия, но каждый раз с разрешения губернатора и при том исключительно в пределах его губернии. Его Величество убеждён, что вы не злоупотребите свободой, вам предоставленной; впрочем, не забывайте, что нарушение вами этих условий может повлечь за собой ссылку в Сибирь»*. В этом прослеживается наследие глубокой древности. Как известно, скифы и восточные славяне, хотя и обращали пленных в рабов, рабство это было патриархальным. То есть рабы жили в тех же условиях, что и хозяева. Варвары! Азиаты...

Военные историки долго будут изучать кампанию 1812 года. А дедушка Крылов, не мудрствуя лукаво, представил своё видение в басне «Ворона и курица»: *«Когда Смоленский князь, противу дерзости искусством воружась, вандалам новым сеть поставил и на погибель им Москву оставил...»* В этом вся суть: против дерзости — искусством! Древним, проверенным тысячелетиями военным искусством скифов — хозяев бескрайных степей Евразии.

ЕВГЕНИЙ СЕМИЧЕВ

ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю...
Александр ПУШКИН

* * *

Защитники Отечества — поэты.
Хранители сердечного тепла.
Архангелы кладут, как эполеты,
На плечи им небесные крыла.

И воинство небесное готово
Вести извечный бесконечный бой.
И Веру, и Отечество, и Слово
Во мгле кромешной заслонить собой.

Всем воинам, в бою неравном павшим,
Стоять в небесном воинском строю.
А всем, стихов при жизни не читавшим,
Быть предстоит поэтами в раю.

Господь на золотые эполеты
Кладёт им негасимый горний свет...
Защитники Отечества — поэты!
Других у Бога не было и нет!

* * *

И жеребцы строптивые гнедые
Вздымались перед строем на дыбы.
И генералы были молодые —
Воители фортуны и судьбы.

И золотом блистали эполеты,
И кудри развивались на ветру.

И молодые дерзкие поэты
Им гимны воспевали на пиру.

И канули навек в пылу и дыме
Во мглу те золотые времена.
И генералы стали сплошь седыми,
И не звенят зазывно стремена.

И потускнели крылья-эполеты,
В пыли музейной обретя приют...
И одряхлели дерзкие поэты,
И боевые гимны не поют.

Но верю я — грядут года иные,
И на седой отеческий редут
Прибудут генералы молодые
И молодых поэтов приведут.

ПОД САЛТАНОВКОЙ. 1812 Г.

Николай Раевский-старший
На французов в бой идёт.
Генерал — герой бесстрашный
Сыновей на смерть ведёт.

Потому, что эти дети,
Шалуны и драчуны,
Путь к победе на рассвете
Указать для всех должны.

Взявши за руки обоих,
Роковой связал судьбой
И ведёт по полю боя
Полк пехотный за собой.

Он зовёт: «Солдаты-братцы,
За детьми идите вслед.
Одному из них семнадцать,
А другому десять лет.

Эти юные герои,
Я ручаюсь головой,
Путь в бессмертие откроют
Вашей славе боевой...».

Шквал французской батареи
Всё сметает на пути.
Смерть над полем брани реет.
И к врагу не подойти.

Высоко в небесном храме,
Приклонившись к алтарю,
В ноги Господу, как знамя,
Стелют ангелы зарю.

И кричит Раевский-младший,
Окликая Божью рать:
«Дайте знамя! В рукопашной
Я умею умирать!»

И встаёт открытой грудью
На врага пехотный полк.
И бурлит под гул орудий
Заревой знамённый шёлк.

Генерал по полю брани
Сыновей на смерть ведёт.
Он картечью вражьей ранен,
Но из боя не уйдёт.

Потому, что эти дети,
Эти кровники войны
Путь к победе на рассвете
Указать и нам должны.

... Эти юные герои
Под Салтановкой в бою
Вознесли над ратным строем
Славу звонкую свою.

На Руси лихие были
Забияки-барчуки.
Но Отечество любили
И водили в бой полки.

ЗАРЕВО ЛЮБВИ

Любезные мои башкирцы, молодцы...
М.И. Кутузов, 1812

Онемели в рощах соловьи.
Томные оледенели лиры.
Над Парижем зарево любви
Запалили беркуты-башкиры.

Солнечные певчие лучи
Не мечтали о таком размахе.
На себя надели беркутчи
Белые башкирские рубахи.

Весь поход в подсумках у седла
Берегли одежду и мечтали,
Чтобы над чужбиной расцвела
Родина весенними цветами.

Никаким стихам не передать,
Как Париж влюблённостью лучился.
Ведь не зря науке побеждать
Беркутчи у беркута учился.

От альковной приторной тоски
Галльские обезумели дуры.
На Монмартре конные полки —
Северные снежные амуры.

Славные башкирские орлы!
В их глазах огонь любовный жарок.
По четыре огненных стрелы
В сердце у любой из парижанок.

По четыре пламенных стрелы
Достаёт башкирец из колчана,
Чтоб распался мрак бездонной мглы
И на сердце музыка звучала.

Две стрелы пускает он вдогон
На печаль и гибель иноземцев.
Обогнув шатровый небосклон,
Обе поражают вражье сердце.

Следом выпускает ещё две,
Добивая раненого галла,
Чтобы дрожь в кипящей тетиве
На ветру сквозном не остывала.

Как певуча лука тетива!
Это вам не струны слёзной лиры.
На любовь победную права
Предъявляют беркуты-башкиры.

В этом грешном мире лучше всех
Женщины возлюбленные знают,
За какой воинственный успех
Воинов в амуры посвящают.

И ведут лукавый давний спор
Древние башкирские аулы,
Почему же с тех победных пор
У французов каменные скулы?

Вроде, не с Уральских гор они
И совсем Башкирию не знают…
Почему же даже в наши дни
Так башкир они напоминают?

Жаны, Жаки, Жоржи и Луи…
Егеря, драгуны, кирасиры…
Смерть свою бесславную нашли
Под снегами жаркими России.

Конные башкирские стрелки
В битвах тыщи вёрст перепластали.
И распутным галлам вопреки
Мраморными ангелами стали.

Воина башкирского стрела,
Просвистев в имперском небе хмуром,
Францию от гибели спасла,
Став стрелой сердечною амура.

… Онемели в рощах соловьи.
Над Парижем замолчали лиры.
Запалили зарево любви
Любезары-беркуты-башкиры.

Любезар — любезный человек.
А поэт, в Отечество влюблённый,
Это слово пылкое, как снег,
Перевёл — любовью озарённый.

Далеко не каждому дано
Покорить любезностью французов.
Не на это ли в Бородино
Намекал башкирам граф Кутузов?..

ВЫСТУПЛЕНИЕ

народного писателя Республики Татарстан Т. А. Миннуллина на 28-м заседании Государственного Совета РТ 26 апреля 2012 года. Через неделю сердце Туфана Абдулловича перестало биться...

Уважаемые Рустам Нургалиевич, Фарит Хайруллович! Уважаемые коллеги, приглашённые!

Как говорят в народе, кому что, а козе — капуста. Я сегодня хочу сказать о культуре, о проблемах, связанных с ней. Я давно готовился к этому выступлению, а то, что оно прозвучит после доклада Ильдара Шафкатовича — чистая случайность.

И вправду, нам есть о чем поговорить, когда речь заходит о культуре. Этот вопрос требует отдельного разбирательства. Совсем недавно в программе «Семь дней» я увидел сюжет о встрече Рустама Нургалиевича с президентом Российской Федерации. Я был горд и порадовался за нас, когда Рустам Нургалиевич рассказал о том, сколько всего строится, как много происходит перемен. Я ждал, что президент России спросит: «Как у вас, Рустам Нургалиевич, вопросы культуры, строительство объектов культуры?» Этот вопрос не прозвучал. Видимо, культура в настоящее время не только в нашей республике, но и в целом по России не такая важная область. Хотя мы могли бы рассказать и о том, чем гордимся, и о том, в чём не дорабатываем.

Если бы этот вопрос был задан, Рустам Нургалиевич ответил бы, что открылся новый Атнинский государственный театр. Он сказал бы, что полным ходом идёт ремонт здания Союза писателей Татарстана. Сказал бы он и о недостатках. Мы вот уже около 15 лет размышляем, как бы начать строительство Национальной библиотеки, но ещё даже и не думали приступать к строительству, эта та проблема, которую мы должны решить в будущем, сказал бы он. Сказал бы он и о том, что в Набережных Челнах, где проживает 500 тысяч человек, нет здания для театра. Хотя, казалось бы, сегодня в Набережных Челнах должно быть как минимум четыре-пять театров. Если бы я был мэром этого города, мне было бы стыдно за сегодняшнее состояние здания театра. И вообще, как только бы речь заходила об этом, я бы краснел из-за тех условий, какие сегодня сложились там для работы.

Второе. Вопрос по театру Нижнекамска. Мы часто говорим «Нефтехим», гордимся, хвастаемся. А там сегодня нет театра, отвечающего современным требованиям, куда человек бы с удовольствием приходил и смотрел спектакли. Я сказал об этих трёх объектах так только, к слову. Если задуматься поглубже, есть о чём поговорить, о чём подумать. Мы сейчас начали смотреть на культуру, как на нечто примитивное. А ведь культура — это стиль жизни человека, его дух, его верования и убеждения. Если у нас не будет развита внутренняя культура, мы никогда не станем развитой страной и передовым народом.

Если мы сегодня так много говорим об отделе полиции «Дальний», то в первую очередь мы должны дойти до основ. В чём здесь тайна? Культурный уровень некоторых людей стал настолько низок, что мы уже перестали понимать многие вещи.

Сегодня я задал вопрос одному мировому судье. Говорю, какие законы важнее: писаные или неписаные? Даже он не смог правильно ответить, «писаные законы», говорит. А ведь человеком должны управлять неписаные законы, его внутренний мир, его дух. Если человек не может этого, если у него не хватает способностей для этого, тогда пишутся законы. Мы вынуждены бываем написать эти законы. Вот почему мы должны возвращаться мыслями к этому вопросу снова и снова.

Мы сегодня говорим: «Татарстан — спортивная республика», «Казань — спортивная столица». Отлично! И спорт нужен. Всё нужно. Но нас не красит развитие только в одном направлении. Допустим, вам когда-нибудь приходилось слышать о том, что зрители, после просмотра спектакля в театре, устроили массовую драку?! Нет. А после хоккейного матча дерутся. Это о чём говорит? Это говорит о том, что у этих дерущихся очень низок уровень культуры, что они смотрят на спорт с точки зрения неандертальцев. Они не рассматривают спорт как духовную потребность отдельно взятого человека. Поэтому мы должны уделять этому особое внимание.

Приведу ещё один пример примитивного взгляда на культуру. Посмотрел я передачу «Пусть говорят», в которой речь шла о развратности, об одной распутной, блудливой семье. Ничего не хочу сказать о самой передаче, но один из её участников, юрист, сказал: «Сабантуй устроили!» Какой же это Сабантуй?! Когда это наш Сабантуй был примером распутства?

Вот такие вещи вошли и в разговоры, и в терминологию. И руководители нашего государства часто стали позволять себе такого рода высказывания, как «уничтожим», «мочить будем». Это не те слова, которые должны быть в лексиконе руководителей государства. Мы со всеми людьми должны разговаривать, прежде всего, видя в человеке человека.

У нас проводится ещё одно мероприятие, касающееся культуры. Это наше историческое наследие. В последнее время, говоря о возрождении, мы превознесли в список исторического наследия Булгары и Свияжск. Ну, ладно, Булгары — это Булгары. И про Свияжск говорят, что это святое место. Однажды, когда выступал один депутат, я уже говорил — какое же это святое место? Кто это сказал, кто это придумал? Это пример, показывающий уровень нашей культуры. *Крепость, построенная для завоевания чужих земель, никогда не может быть святой! И для победителей, и тем более для побеждённых. Мы должны историю знать. К сожалению, сейчас многие уже перестали читать книги. Что там, я вот наблюдаю, на наших спектаклях не бывают и наши депутаты, редко бывают. Я думаю, Фарид Хайруллович, как-нибудь найдём возможность. Может быть, это будут парламентские слушания, где будем обсуждать наше духовное состояние.* В каком состоянии наш духовный мир? Есть у нас право называться людьми? Или мы так и продолжим жить, как отсталые дикие племена?

Спасибо за внимание!

ОТ РЕДАКЦИИ. В следующем номере «Аргамака» впервые на русском языке мы планируем опубликовать перевод документальной повести Туфана Миннуллина «Узгэру» («Метаморфозы. Сам о себе»).

События минувшего лета

САМАЯ ЖАРКАЯ НЕДЕЛЯ

В начале июля на Казань обрушилась нестерпимая жара. Правда, после дождичка в четверг стало заметно свежее. Именно в эти дни в столице Татарстана открылась Молодёжная модель Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО. Что же это за модель такая?

Открытие и первое пленарное заседание Молодёжной модели совпало с проведением в Санкт-Петербурге 36-й сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО, в рамках которой (но уже в Казани) собрали по два представителя — юноша и девушка 20–25 лет — от 21 страны-члена комитета. Молодые учёные, специализирующиеся на проблемах сохранения всемирного наследия, должны были смоделировать основные аспекты работы сессий Комитета Всемирного наследия — опробовать методики и процедуры, принятые в деятельности Центра всемирного наследия и консультативных органов Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, выступить с презентациями выдающихся культурных и природных объектов своих стран. Взрослые коллеги не скрывают, что хотели бы в будущем видеть в них своих последователей.

Заседание в Казанской Ратуше открыл 2 июля Государственный Советник РТ Минтимер Шаймиев, который приветствовал участников молодёжного форума от имени Президента РТ и рассказал им о реализации приоритетных проектов по возрождению древнего города Болгар и острова-града Свияжск. В настоящее время на их территориях ведутся масштабные археологические изыскания и восстановительные работы. Оба объекта номинированы для включения в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Минтимер Шаймиев не скрывал, что с самого начала именно это ставил целью своей постпрезидентской деятельности. «Сохранение культурного наследия — важнейшая общенациональная задача,— подчеркнул он.— В советское время были утрачены многие архитектурные и исторические памятники. Поэтому для России вопрос сохранения исторического и культурного наследия имеет колоссальное значение. Молодёжь обладает огромным потенциалом, и пришло время направить его для решения проблем сохранения исторического и культурного наследия. Уверен, что собравшиеся здесь сегодня — станут в будущем авангардом этого движения».

Ответственный секретарь Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО Григорий Орджоникидзе в своём выступлении напомнил, что молодёжный форум проходит в год, когда ЮНЕСКО отмечает 40-летие Конвенции об охране Всемирного наследия — одного из наиболее широко ратифицированных международных соглашений, участниками которого стали 188 государств. Молодёжная модель Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО является совместной инициативой России и ЮНЕСКО и проходит в Казани впервые, сообщает пресс-служба Президента РТ. «Надеюсь, ваш молодёжный форум станет хорошей практикой и войдёт в поведенческую жизнь ЮНЕСКО»,— отметил Григорий Орджоникидзе. В церемонии открытия Молодёжной модели приняли участие также помощник Президента РТ по социальным вопросам, исполнительный директор фонда «Возрождение» Татьяна Ларионова, помощник Президента РТ Олеся Балтусова, министр по делам детей и молодёжи, спорту и туризму РТ Рафис Бурганов и другие официальные лица.

Для участников Молодёжной модели велась онлайн-трансляция заседаний «взрослого» комитета — из залов Таврического дворца в Санкт-Петербурге. У молодёжи появилась возможность и личного общения с делегатами 36-й сессии Комитета, когда 3 июля состоялся телемост Казань — Санкт-Петербург. С приветственным словом к молодым активистам обратилась председатель Комитета Всемирного наследия, постоянный представитель России при ЮНЕСКО Элеонора Митрофанова, поздравив Казань с началом работы Молодёжной модели Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Из Казани делегатов приветствовал Государственный Советник РТ Минтимер Шаймиев. Он отметил, что в Казани внимательно следят за работой 36-й сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО в Санкт-Петербурге, за дискуссиями и обсуждениями сложных вопросов, связанных с состоянием сохранности объектов, уже включённых

в Список Всемирного наследия. «Не менее интересны и полезны для нас и те высокие научные стандарты и требования внесения в этот список новых объектов»,— сказал Минтимер Шарипович. Шаймиев напомнил, что Казанский Кремль является объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО с 2000 года. «Нам удаётся сохранить его и сегодня: Кремль становится привлекательным историческим объектом мирового уровня»,— подчеркнул Госсоветник Татарстана. И пригласил участников сессии по завершении работы в Санкт-Петербурге посетить Татарстан, побывать в Болгаре и Свияжске.

В ходе телемоста участники 36-й сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО ответили на вопросы коллег из Молодёжной модели в Казани. Так, участник телемоста — директор Центра всемирного наследия ЮНЕСКО Кишора Рао — отметил, что очень важно привлечение молодёжи к обсуждению вопросов ЮНЕСКО, поэтому в последнее время организуется немало подобных мероприятий и форумов.

В заключение телемоста Элеонора Митрофанова сообщила, что участники 36-й сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО принимают приглашение Минтимера Шариповича и в скором времени планируют приехать в Казань. Она также поблагодарила руководство республики за прекрасную организацию работы Молодёжной модели Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Затем молодым гостям представилась уникальная возможность принять участие в самом настоящем заседании Кабинета Министров Республики Татарстан «О совершенствовании систем управления в области государственной охраны, сохранения и популяризации объектов культурного наследия», которое провёл 5 июля в Доме правительства РТ Премьер-министр республики Ильдар Халиков. В заседании также принял участие Государственный Советник Татарстана Минтимер Шаймиев. На нём стало известно, что в республике разработана новая долгосрочная целевая комплексная программа сохранения культурного наследия «Мирас — Наследие» до 2016 года.

С основным докладом на заседании выступил министр культуры РТ Айрат Сибагатуллин. В частности, он уточнил, что сегодня в республике на государственной охране находится 1540 объектов культурного наследия, из них 150 — федерального значения, 1076 — республиканского значения, 314 — местного значения. При этом в федеральной собственности находятся 364 объекта, в республиканской — 200 объектов, в муниципальной — 770, в частной собственности — 206 объектов. Из общего количества объектов культурного наследия 513 находится в Казани. В период с 2003 по 2011 годы, по словам министра культуры, 24 объекта культурного наследия было утрачено, сообщает пресс-служба Президента РТ. С докладом о состоянии дел в области сохранения и восстановления памятников историко-культурного наследия в Казани выступила главный архитектор Казани Татьяна Прокофьева.

Затем премьер предоставил слово Государственному Советнику РТ, председателю Попечительского Совета некоммерческой организации «Республиканский Фонд возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан» Минтимеру Шаймиеву. По словам Ильдара Халикова, все реализуемые фондом «Возрождение» проекты — восстановление древнего города Болгара и острова-града Свияжска — осуществляются на федеральные, республиканские средства, на средства компаний-инвесторов и пожертвования благотворителей.

Государственный Советник РТ Минтимер Шаймиев, в свою очередь, заметил, что уже не первый раз выступает перед участниками Молодёжной модели Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО, все они — подготовленные и целеустремлённые ребята. По его словам, впервые в истории России состоялся содержательный диалог поколений на темы сохранности и восстановления объектов культурного наследия. «Многие объекты на сегодня утрачены, и это упущение старшего поколения, вклю-

чая всех нас,— сказал Минтимер Шарипович.— Возможно, для этого не было соответствующих условий, но несколько лет назад мы сказали себе: время пришло. Мы начали восстанавливать культурные и исторические памятники, думать о будущем, помнить и знать свою историю. 2012 год объявлен Годом истории России, а в Татарстане — ещё и Годом историко-культурного наследия РТ. Иногда мы объявляем, а вспоминаем об этом только в конце года. Поэтому давайте делать, давайте думать о том, каким будет у нас следующий год».

Госсоветник РТ подчеркнул, что проекты по восстановлению древнего города Болгара и острова-града Свияжска на сегодня не имеют аналогов в России. В ближайшее время Татарстан ожидает приезда экспертов, которые оценят качество проведённых работ по восстановлению, сохранности и консервации объектов. Важно, чтобы работы проводились грамотно, с соблюдением всех необходимых условий.

На следующий день, 6 июля, в Казанской ратуше прошла церемония открытия Евразийского форума городов с участием представителей Молодёжной модели Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО. Тема форума — «Наследие и инновации». В церемонии приняли участие Государственный Советник РТ Минтимер Шаймиев, генеральный секретарь Организации городов Всемирного наследия (ОГВН) Дени Рикар, заместитель директора Института Всемирного наследия ЮНЕСКО Рон Ван Орс, заместитель руководителя Федерального агентства по туризму Григорий Саришвили, мэр Казани Ильсур Метшин и другие официальные лица. Участниками встречи также стали мэры городов и руководители регионов России, Казахстана, Киргизии, Украины, Белоруссии, Молдовы, Таджикистана, Китая, Индонезии, Индии, Японии, Малайзии и других стран Евразии, представители ООН, ЮНЕСКО и других международных организаций. Форум открыл сопрезидент Всемирной организации «Объединённые города и местные власти», президент Евразийского отделения ОГВН, мэр Казани Ильсур Метшин, который отметил, что их встреча приобретает особое международное значение, так как проводится в год, когда ЮНЕСКО отмечает 40-летие Конвенции об охране Всемирного наследия. Градоначальник напомнил, что в эти дни в Казани проходит работа Молодёжной модели Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО, а в Санкт-Петербурге — 36-я сессия Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО.

Государственный Советник РТ Минтимер Шаймиев приветствовал организаторов и участников конференции от имени Президента Татарстана Рустама Минниханова и от себя лично. «Убеждён, что столь представительный форум послужит хорошей площадкой для эффективного обмена мнениями,— отметил Минтимер Шарипович.— Мы в Татарстане пришли к единому и твёрдому мнению: пришло время на государственном уровне заняться восстановлением историко-культурного наследия. В рамках реализации этих целей в республике проводится небывалая по своим масштабам работа по возрождению великого Болгара и острова-града Свияжск. Сегодня поставлена амбициозная задача — через возрождение в соответствии с мировыми стандартами превратить эти исторические памятники в культурные и музейные центры не только Татарстана, но и России. Конечная цель проекта — включение Свияжска и Болгара в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО».

Также с приветственными словами выступили заместитель директора Института Всемирного наследия ЮНЕСКО Рон Ван Орс, который отметил необходимость большего взаимодействия и сотрудничества городов, а также большего привлечения к проводимой работе молодых людей.

Генеральный директор ОГВН Дени Рикар признался, что уже пятый раз посещает Казань, где, по его словам, уделяется большое внимание сохранению своего наследия. «Казань заняла важное место в международном пространстве. Один из главных элемен-

тов защиты всемирного наследия — молодые люди,— отметил он.— Казань здесь также является примером, где реализуется большое количество молодёжных проектов».

В рамках форума состоялось также открытие Российско-Турецкой конференции по сотрудничеству в области туризма. С приветственными словами выступили заместитель руководителя Федерального агентства по туризму Григорий Саришвили и министр культуры и туризма Турецкой Республики Эртугрул Гюнай.

В субботу, 7 июля, в Казань действительно прибыли делегаты 36-й сессии комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО, и Госсоветник РТ Минтимер Шаймиев встречал их в международном аэропорту. Вместе с участниками Молодёжной модели и участниками Евразийского форума городов они в воскресенье посетили древний Болгар.

По словам постоянного представителя России в ЮНЕСКО Элеоноры Митрофановой, в ходе двухнедельной работы 36-й сессии Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО в Санкт-Петербурге в списки ЮНЕСКО было занесено 26 объектов: пять — природных, один — смешанный и 20 — культурных. И даже после этого впечатления от увиденного в древнем Болгаре она назвала «колоссальными», особо отметив высокий уровень привлекаемых для сотрудничества экспертов.

Заведующий кафедрой ЮНЕСКО по сохранению градостроительных и архитектурных памятников Мунир Бушенаки считается одним из наиболее авторитетных экспертов в своей сфере, он бывал в Болгаре в октябре прошлого года — и отметил, что проект существенно продвинулся. Он даже потрогал руками стены гончарных печей, недавно обнаруженных местными археологами, и выразил удовлетворение мерами защиты памятников и способами их консервации. Помимо комплекса Белой мечети, гости осмотрели Памятный знак в честь принятия ислама волжскими булгарами, Ханский дворец, Северный и Восточный мавзолеи, Чёрную и Белую палаты, Малый минарет.

В последний день, 9 июля, Государственный Советник РТ, Председатель Попечительского Совета Республиканского фонда «Возрождение» Минтимер Шаймиев ознакомил молодых участников модели ЮНЕСКО из разных стран мира с отреставрированными и восстановленными памятниками истории и культуры острова-града Свияжск.

Многие из них потом признались, что не ожидали увидеть, услышать и узнать столько нового и полезного всего за неделю пребывания в Казани. К тому же такую небывало жаркую неделю даже для наших северных широт.

Сергей ТИМОФЕЕВ

ЦВЕТЫ ДЕРЖАВИНСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

Всероссийский фестиваль, посвящённый 269-летию со дня рождения нашего выдающегося земляка, великого русского поэта и важного государственного деятеля Гавриила Романовича Державина, открылся по традиции 14 июля — в день его рождения в Казани, перед памятником поэту в Лядском саду. Накануне в Казанском университете прошла Международная научная конференция «Г. Р. Державин и диалектика культур», на которую приехали более 80 учёных из разных городов России и зарубежья. От имени организаторов фестиваля к участникам обратилась со словами приветствия первый заместитель руководителя исполнительного комитета Лаишевского муниципального района РТ Гульнара Шарипова.

Гостями конференции стали Елен и Надин Бестужевы — потомки известной казанской фамилии Панаевых, которые дружили с Державиным. Сестры хорошо говорят по-русски, хотя в Россию приехали впервые. Елен Бестужева — профессор Парижского университета, Надин Бестужева-Грегори — переводчик, вместе с вице-президентом

международного сообщества музыкальных критиков Виктором Игнатовым они представили на конференции мультимедийный проект-презентацию «Панаевы: от Казани до Парижа». Участники конференции также пришли к памятнику Г. Державину.

Собравшиеся старались сбиться в тень от деревьев, а на самом солнцепёке увертюру к празднику поэзии играла народная артистка РТ, виолончелистка Лариса Маслова. Церемонию открытия вёл народный артист РТ Михаил Меркушин, кстати, студент выпускного курса Литературного института имени А. М. Горького, ведущий радиопрограммы «Казанские старости» («Столетние новости») на «Эхе».

Гостями фестиваля стали заместитель главного редактора «Новой газеты», поэт Олег Хлебников, главный редактор журнала «Нева» Наталья Гранцева, поэт Андрей Коровин и другие. Собравшиеся возложили цветы к памятнику поэту. Среди выступавших особенно ярко высказал признание Державину секретарь Союза писателей России, лауреат государственных премий РФ и РТ, народный поэт Татарстана Ренат Харис.

После этого участники фестиваля отправились на автобусах в Лаишево, по традиции сделав остановки в Сокурах (там, по семейному преданию, родился Гаврила Державин) и Каипах, где у стен Богоявленского храма похоронены родители поэта. На центральной площади города Лаишево напротив бюста Державину в этом году выстроили большой навес с местами для зрителей, так что солнце не мешало гостям фестиваля. Перед началом их встречал народными песнями знаменитый фольклорный ансамбль «Каравон» из села Русское Никольское.

В этом году лауреатами Державинской премии стали казанский прозаик Айдар Сахибзадинов, живущий ныне в Подмосковье, и главный редактор журнала «Наш современник», известный поэт Станислав Куняев. Им вручили дипломы и цветы, предоставили слово. Впрочем, было видно, что Айдар Сахибзадинов несколько разволновался, да и не мастак он говорить речей... Его книга прозы «О товарищах весёлых, о полях посеребрённых» вышла в этом году в Красноярске при поддержке издательской компании журнала «FloriДА» (штат Майами, США), который выпускают наши бывшие соотечественники. Жаль, что такие прозаики, как Айдар Сахибзадинов или Майя Валеева (дочь известного писателя Диаса Валеева уже 12 лет живёт в США) вынуждены были покинуть Казань, где не имели элементарных условий к существованию, не могли найти работы...

На празднике поэзии выступили также лауреат Гран-при 2012 года на международном конкурсе в Берлине Вера Хамидуллина, председатель Союза писателей РТ Рафис Бурганов и главный редактор альманаха «Аргамак», председатель Татарстанского отделения Союза российских писателей Николай Алешков. Их челнинская поэтическая кода стала ярким завершением лаишевских торжеств.

На следующий день, в воскресенье, в Национальном музее РТ должна была состояться творческая встреча со Станиславом Куняевым, однако 80-летний поэт незадолго до выступления почувствовал недомогание (видимо, из-за жары), и встречу с читателями отменили. Впрочем, Станислав Юрьевич успел трижды выступить — на между-

народной научной конференции в Казанском университете, в Лядском саду у памятника Державину и в Лаишево, на поэтическом празднике, и трижды развивал одну и ту же мысль: «Державин жив! Пушкин в юности развивал французские традиции Парни и Вольтера, однако в тридцатые годы в его поэзии всё больше звучали державинские ноты («Клеветникам России», «Бородинская годовщина», «Отцы пустынники и жёны непорочны» и др.). Державинские интонации звучат и в стихах советских поэтов, даже у нобелевского лауреата Иосифа Бродского можно их слышать».

Станислав Куняев не скрывал гордости, что ему в год юбилея присудили Державинскую премию именно на земле Татарстана, ведь он немало переводил татарских поэтов. Особенно Рената Хариса, с которым много лет дружит и с удовольствием встретился в эти дни.

Закрывался фестиваль в доме Василия Аксёнова, где состоялись творческие встречи с Олегом Хлебниковым и Натальей Гранцевой, Андреем Коровиным и Александром Александровым. Дуэт «Коровин и Фагот», в частности, познакомил казанцев с творчеством тульского поэта Сергея Белозёрова (1948–2002), который после окончания МГУ работал в Казани корреспондентом «Комсомольской правды». И был сослан на станцию Зима Иркутской области — за журналистскую деятельность... В годы перестройки Сергей Алексеевич освещал события в Приднестровье, где его чуть не расстреляли как шпиона. А в Союз писателей России его так и не приняли. Печатался как поэт он в основном в тульских и иркутских газетах, отдельные публикации при жизни были в журналах «Нева», «Огонёк», в сборнике издательства «Молодая гвардия». В 1989 году в Туле вышла его первая и последняя книга «Словарь далей».

Знакомство, пусть мимолётное, с творчеством поэта, жившего в Казани совсем недолго и умершего десять лет назад, стало достойным итогом, высокой эмоциональной точкой Всероссийского Державинского фестиваля. Как и концерт выпускницы Высших литературных курсов при Литинституте Ольги Кузьмичёвой-Дробышевской, где её собственные стихи перемежались песнями на стихи русских поэтов. Публикуем одно из стихотворений Сергея Белозёрова, прозвучавшее на закрытии Державинского фестиваля:

ГАГАРИН

Он шёл по ковровой тропинке,
Улыбку скрывал — и не мог...
Но вздрогнули мы: на ботинке,
На левом, развязан шнурок.

И сразу весь мир задохнулся,
И сразу весь мир зашептал:
«О, только бы он не споткнулся!
О, только бы он не упал!»

Быть может, его оградила
От малой минутной беды
Того заклинания сила:
«Родной наш, не упади!»

И если бы после мы знали
Минуту последнюю ту,–
Да мы бы дыханьем держали
Его самолёт на лету!

Александр ВОРОНИН

ПРАЗДНИК МИРА И ЛЮБВИ

Привет вам задушевный, братья,
Со всех Славянщины концов,
Привет наш всем вам, без изъятья!
Для всех семейный пир готов!
Недаром вас звала Россия
На праздник мира и любви;
Но знайте, гости дорогие,
Вы здесь не гости, вы — свои!

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Именно с таким настроением прошли в Набережных Челнах Дни славянской письменности и культуры в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Праздник этот возведён указом президента РФ в ранг государственных. Организаторами его выступили исполнительный комитет городского Совета народных депутатов, городской Попечительский совет по развитию православной культуры, общественная организация «Челнинское землячество», Татарстанское отделение Союза российских писателей, местная общественная организация «Русское общество». Для «Русского общества» это первая акция подобного рода. А срежиссировал и написал сценарий всего праздника художественный руководитель фонда памяти Владимира Высоцкого, композитор, член российского авторского общества Александр Иванович Василенко. Праздник объединил всех людей, искренне любящих русский язык и уважающих традиции славян. Жаль только, что Исполком города Набережные Челны не позаботился о наполняемости залов и оповещении населения. Но, благодаря камерности мероприятий, возникла тёплая атмосфера, будто все присутствующие на празднике — близкие друзья.

Начался праздник в Органном зале, под пение Елабужского и Нижнекамского православных хоров. Духовная музыка проникала в душу каждого человека и разливалась теплом. Казалось, зрители и певчие соединились в своём желании приблизить-

ся к чистоте и красоте родникового русского языка. Кульминацией праздника стала совместная программа поэта Николая Петровича Алешкова и ансамбля народных инструментов «Наигрыш» под руководством Николая Прокопьевича Фёдорова. Казалось бы, лучшее соединение стихов и музыки — песня. Но Николай Алешков и ансамбль «Наигрыш» сумели создать новое сочетание музыки и слов: поэт читал стихи о Родине, красоте, силе русского духа, а ансамбль, внимая ему, продолжал его мысли исполнением народной музыки, вокальными партиями. Стихи и музыка сплетались в единое целое, исполнители помогли зрителям почувствовать, как сильна русская культура, как важно помнить о своём происхождении. Не зря на ум приходят строки великого Пушкина: «Там русский дух... там Русью пахнет!» Чистое русское слово и музыка, звучащая в унисон с сердцами зрителей, оставили в душе добрый след. Эту же программу поэт и музыканты исполнили в Елабужском педагогическом университете. Благодарные слушатели с восторгом приняли гостей, вызывали их на бис.

Через несколько дней праздник продолжился литературно-музыкальным вечером во Дворце культуры «Энергетик». Открыла мероприятие заслуженный работник культуры Татарстана Гульзада Мухаметовна Рзаева. Весь вечер со сцены звучали стихи челнинских поэтов Николая Алешкова, Натальи Первовой, Веры Хамидуллиной. Было предоставлено слово и молодым поэтам Ирине Мигачёвой, Ксении Лариной, Алексею Назарову. Песни на стихи челнинских поэтов и на свои собственные исполнили музыканты Александр Тарасов, Сергей Бычков, Алексей Кознов, Елена Емалтынова. Вечер прошёл в тёплой дружеской атмосфере и завершился песней Александра Тарасова «Мы построили город».

Ярким событием праздника явился концерт в парке Победы. Тут Александру Ивановичу Василенко помогали творческие коллективы Дома дружбы народов «Родник». Казачий хор и Русский хор ветеранов Дворца культуры КАМАЗа пели народные песни, юные дарования из детских танцевальных коллективов исполнили народные танцы. На ура зрители приняли солистку театра танца «Булгары» Гульнару Шамсутдинову и гостя из Елабуги, барда, исполняющего фольклорные песни, Антона Неймышева. Концерт никого не оставил равнодушным, и благодарные зрители разошлись, оставив в памяти приятные воспоминания.

Нельзя оставить без внимания мероприятия, посвящённые развитию детского и юношеского литературного творчества. В рамках праздника прошли два конкурса: «Дебютант», который проводился уже в шестой раз Татарстанским отделением Союза российских писателей при поддержке администрации Центрального района, и «Проба пера», организатором которого выступила Городская литературная гостиная, действующая при Центральной городской библиотеке. Победителям были вручены грамоты и подарки, проведены мастер-классы.

6 июня, в день рождения Александра Сергеевича Пушкина в малом зале ДК КАМАЗа прошла первая региональная научно-практическая конференция в честь Дня русского языка. В зале собрались люди, которым не безразлична судьба русского языка в нашей республике, стране и за рубежом: профессора, доценты, учителя русского языка, челнинские поэты и писатели. Гостем конференции стал председатель Казанской городской организации Татарстанского отделения Союза российских писателей, член бюро Правления Союза театральных деятелей Татарстана, журналист Александр Воронин. Он поделился с присутствующими своими размышлениями о Пушкине и прочитал одно из его стихотворений. Докладчики конференции рассмотрели множество вопросов. Коснулись тем функционирования русского языка за рубежом, формирования основ русского языка и сохранения его самобытности, рассмотрели вклад в формирование русского языка святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, рассказали о системе образования до революции на территории Мензелинского уезда Уфимской

губернии (ныне это территория города Набережные Челны, входящего в Татарстан), говорили о Пушкине и причинах его гибели, о его неоценимом вкладе в создание русского литературного языка. Челнинские поэты, известные и совсем молодые, читали свои стихи и рассуждали о многогранности и уникальности русского языка.

Дни славянской письменности и культуры в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия — не рядовое событие, это возможность прикоснуться к тем истокам нашего бытия, о которых мы подчас забываем. Надеюсь, эта славная традиция с годами наберёт силу и объединит всех истинно любящих и почитающих славянскую культуру и обычаи.

Ксения ЛАРИНА

СОЗВУЧЬЕ ДУШ

В первый раз поэтесса Вера Хамидуллина предстала перед елабужской публикой в марте 2009 года. Упоминание об этом имеется в её новой книге, в предисловии, написанном генеральным директором Елабужского государственного музея-заповедника Г. Р. Руденко. В нём, в частности, говорится:

«На проходившем в Библиотеке Серебряного века творческом вечере елабужане впервые встретились с Верой Хамидуллиной и были, мягко говоря, удивлены. Суть удивления очевидна: жила-была в Набережных Челнах директор туристической компании, в недавнем прошлом спортсменка, подающая большие надежды, стихи не писала и вдруг — прорвало. Один за другим выходят поэтические сборники, одна за другой следуют победы в российских и международных поэтических конкурсах, проводимых во всемирной паутине. В 2010 году в Казани выходят 3 (!) поэтических сборника Веры Хамидуллиной: стихи для детей «Воспоминания моей бабушки», художественные переводы «Женское начало с мужским присутствием...», лирический сборник «Корабль времени, или Воспоминания...» Для обложек каждой из этих книг свои картины подарил художник с мировым именем Никас Сафронов. Его картины украшают лучшие музеи мира, представлены в сотнях частных галерей...

Русский поэт Серебряного века, видный деятель русского авангардного искусства, реформатор поэтического языка и один из основоположников русского футуризма Велимир Хлебников в 1912 году провозгласил: «Мы хотим, чтобы слово смело пошло за живописью». В 2010 году слово Веры Хамидуллиной пошло за живописью Никаса Сафронова... Какие результаты даст этот неординарный и неожиданный художественно-поэтический дуэт, покажет лишь время...»

Последняя фраза красноречиво свидетельствует о том, что никто не мог даже предположить, какой успех ожидает книгу, едва вышедшую из печати. Вера Хамидуллина отправила её на Третий Берлинский Международный литературный конкурс «Лучшая книга года 2012». И фактически сразу была оповещена, что художественно-поэтический альбом «В поисках Шамбалы» получил гран-при конкурса.

На очередную встречу с елабужанами, проходившую в той же Библиотеке Серебряного века, Вера Хамидуллина приехала с наградами из Берлина — кубком и именной наградной доской, выполненной из морёного дуба по рисунку известного русского художника И. Билибина. Привезла она и подаренные ей альбомы Никаса Сафронова, в одном из которых написано:

«Вере Хамидуллиной — поэту от Бога, человеку тонкому, лирическому, душевному, восторженному, влюблённому в жизнь и красоту природы.

Здоровья Вам, благополучия и ангела-хранителя во всех начинаниях.

Всегда с уважением Никас Сафронов. Москва, 10.06.2010 г.»

С рассказа о том, как состоялось их знакомство, и начала Вера Хамидуллина своё выступление в Библиотеке Серебряного века. В 2010 году, к своему 50-летнему юби-

лею она решила выпустить очередной поэтический сборник. Но её планы изменились, когда она побывала в Казани на выставке картин Никаса Сафронова и была потрясена, обнаружив несколько сюжетов, словно сошедших на его полотна из её детских снов.

Увидев эти картины, столь созвучные сокровенным эпизодам её собственной жизни, Вера Хамидуллина уже не смогла успокоиться и отправила художнику послание с просьбой разрешить использовать на обложках её книг изображения его картин. Естественно, объяснила, почему у неё возникло такое желание, дала сноску на свои стихи в интернете. Ответ пришёл не сразу.

После того, как книги вышли, их передала в Москве Никасу Сафронову дочь Веры Хамидуллиной. Когда они сидели в студии художника за чаем, он неожиданно сказал: «А пусть мама напишет стихи на мои картины». Поэтесса из Челнов восприняла это как очередной подарок судьбы, хотя и понимала, что предложение было не столько заманчивым, сколько ответственным, потому что его сделал человек с мировой известностью.

Она стала просматривать и отбирать на сайте Никаса картины, была удивлена их количеством и вновь поражена совпадением тем, сюжетов и образов, характерных для его произведений и её стихов. Для некоторых полотен стихи не пришлось даже сочинять, они уже были готовы. К пятидесяти картинам Вера Хамидуллина написала новые стихи. До этого она долго, как карточную колоду тасовала отобранные изображения, охватывая их целиком и всматриваясь в отдельные детали. А потом разложила и, словно подхваченная каким-то творческим порывом, стала писать. Последним сочинила стихотворение к картине «Свобода полёта, выстраданная неволей», где на фоне осеннего пейзажа изображена стоящая на берегу небольшой реки металлическая клетка и летящее над нею платье.

Вера Хамидуллина посвятила его М. И. Цветаевой, потому что оно — о ней. И написано было 31 августа, когда исполнилось ровно 70 лет со дня трагической гибели поэта:

Прутья душат в своих объятьях.
В клетке трудно привстать с колен.
И хотела бы полетать я,
Но моё состояние — плен.
Козырять бесполезно статью,
Пудрить нос и другим мозги,
Верить в то, что все люди братья...
Чаще — нелюди и враги!
Я стихи вышивала гладью —
Златошвейка судьбы-туфты —
И в полёт выпускала платье,
Опускаясь до наготы.
Правду голую на распятье
Легче лёгкого заманить...
Или в клетку... Мне раньше знать бы,
Чем припрут по счетам платить!
Только сможет ли помешать мне
Зарешеченное житьё,
За подол ухватившись платья,
Над болотом взлететь, над татью
В соловьиное забытьё!

67 стихотворений к такому же числу картин отправила поэтесса художнику. Никас Сафронов очень тщательно со всем ознакомился и даже предложил в пару к некоторым стихам другие свои полотна. Для согласования всех деталей Вера Хамидуллина

трижды приезжала в Москву в студию к живописцу, где в первую поездку и состоялось, наконец, личное знакомство двух авторов необычного проекта. Полное взаимопонимание лишний раз убедило, что они действительно настроены на одну творческую волну.

На обложку художественно-поэтического альбома была помещена написанная в этом году картина Никаса Сафронова «Из истории человечества, или Стремление к совершенству». Что же касается общего заголовка издания — «В поисках Шамбалы», то оно хоть и является названием одной из представленных в книге картин, но подразумевает более широкую трактовку — в поисках гармонии, совершенства.

Об этом же сказано в аннотации книги:

«Литература и искусство в одно мгновение могут перенести нас в мир гармонии. Именно они способны пробудить в человеке человечность, заставить переосмыслить своё предназначение, роль, которую должен исполнить каждый явившийся на хрупкой и прекрасной планете Земля.

Язык кисти и язык пера, художественная и поэтическая образность, женский и мужской взгляд... А вместе — художественно-поэтический альбом «В поисках Шамбалы», на страницах которого представлен некий диалог Никаса Сафронова и Веры Хамидуллиной.

Философично и трагично, иронично и искренне рассказывают авторы о том мире, который обживаем мы — их современники».

По словам поэтессы, эти стихотворения — не перепев картин, а, скорее всего, её взгляд на те же самые ситуации, события, образы, которые увидел художник.

Кстати, примечательно, что картины очень рано вошли в жизнь Веры Хамидуллиной. У неё до сих пор хранится старинный альбом с репродукциями и художественными открытками, которые собирала её мама. Некоторые из них были выпущены в 40-х годах прошлого века. А на одной из таких открыток дед даже прислал весточку с фронта. Поэтому Вера с детства знала наизусть имена всех художников и названия их работ, помещённых в мамином альбоме.

Не все присутствовавшие на презентации в Библиотеке Серебряного века были прежде знакомы с Верой Хамидуллиной, поэтому с интересом слушали отзывы о ней челнинских собратьев по перу — Николая Алешкова и Аллы Ореховой.

— Вера очень целеустремлённый и последовательный человек,— сказала Алла Вячеславовна,— видимо, её спортивная закалка даёт о себе знать буквально во всём. А сфера её поэтических и жизненных интересов просто безмерна. Мне кажется, ей не присуще чувство страха и потолка. Фантазия у неё бурная, такая, какая может быть только у ребёнка, не задавленного стереотипами, не замутнённого шаблонами и клише.

Свои штрихи к портрету В. Хамидуллиной внёс казанский поэт и литературный критик Рамиль Сарчин. Делая сравнение двух авторов книги года, он сказал, что для творчества и того, и другого характерна мозаичность, глубина и большая информационная насыщенность. Добавив, что ни в Татарстане, ни даже в России он с ходу не сможет назвать среди современных авторов человека с таким широким поэтическим дыханием, как Вера Хамидуллина, Рамиль Сарчин рассказал, как получил однажды от неё толстую папку стихотворений, написанных в таких поэтических жанрах, о которых даже ему, кандидату наук и литературоведу, не доводилось слышать.

Эти стихотворения, пояснила автор, войдут в новую книгу «Уровень сложности», над которой она работает уже три года.

И ещё один небезынтересный факт из её поэтической биографии. Как-то Союз писателей Татарстана готовил антологию татарской поэзии. Дело шло к концу, сроки поджимали, как вдруг выяснилось, что «за бортом» остались 13 хороших поэтов. Как тут быть? Решили обратиться к Вере Хамидуллиной, попросив её сделать в принципе невозможное. И она справилась!

Как? Почему? Откуда взялась в ней столь непостижимая поэтическая сила, пробившая своё русло после сорока лет?

А произошло это в 2001 году, когда врачи подписали Вере Хамидуллиной смертный приговор. У неё не возникло тогда ни малейшего страха. Мысленно перебрав всю свою жизнь, она во всеуслышание заявила: «Я такая молодец, я всё сделала и могу спокойно уйти».

Но Бог рассудил иначе. Он даровал Вере Хамидуллиной вторую жизнь, наполнив её творчеством и ощущением того, что теперь она должна жить не столько для себя, сколько для других:

Я вымещаю на людях глухую радость.
Искоренить добро моё не надейтесь!
Это не доля, дань — это просто данность —
голову запрокинув, залиться песней.
Вам подарить ожерелье речной работы?
Только для Вас сплеталось оно с любовью:
бусинки слов, нанизанные на ноты, —
этот изыск оценит и примет любой ли?!
А кружевное небо воздушной шалью
Вы от меня не желаете ли на плечи?
Только для Вас небесных кружев не жаль мне —
с ними легко живётся и дышится легче!
Перстень со дна достану с таким сапфиром,
свет от которого станет звездой путеводной!
Только для Вас у лучшего ювелира
был он заказан в волшебном миру подводном!
К Вашим ногам буду воду носить горстями,
к солнцу её направлю аркадой радуг...

Можно подарками хвастать перед гостями...
Можно дарить другим, вымещая радость...

Людмила ПАХОМОВА

ХРАНИТЕЛЬ НАСЛЕДИЯ

Необычное событие произошло 21 июля в Государственном музее-заповеднике А. С. Пушкина «Михайловское». Здесь, на живописной поляне, где ежегодно проводится Пушкинский праздник поэзии, состоялось вручение Всероссийской премии «Хранители наследия». К этой церемонии было приурочено открытие выставки «Музеи-заповедники: символ возвращения домой» и проведение заседания комиссии Общественной палаты РФ по культуре и сохранению историко-культурного наследия на тему «О сохранении и развитии музеев-заповедников России».

Вручение награды Г.Р. Руденко. Фото Л. Шлосберга

Впервые награждение премией, учрежденной Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) за личный вклад в сохранение историко-культурного наследия России, прошло в 2009 году. Нынче в числе девяти лауреатов к награде в номинации «Созидание» была представлена генеральный директор Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника Гульзада Ракиповна Руденко. Это оказалось для неё тем более неожиданным, что сама она даже не знала о существовании подобной премии. Как выяснилось, её кандидатуру выдвинули Оргкомитет премии и Попечительский совет ВООПИиК во главе с П.А.Пожигайло. Последний является также председателем комиссии Общественной палаты РФ по культуре и сохранению историко-культурного наследия. Именно он вручал в родовом гнезде поэта награду Г.Р. Руденко, сказав при этом: «Не зря премия в номинации «Созидание» уедет в Татарстан. Этот человек её заслужил».

Действительно, за 10 лет работы Гульзады Ракиповны на посту генерального директора Елабужского музея-заповедника здесь сделано на удивление много. Открыты Художественный салон, Туристический центр, Литературный музей М.И. Цветаевой, Дом памяти М.И. Цветаевой, Музей «Портомойня», Библиотека Серебряного века, арт-кафе, Музей уездной медицины им. В.М. Бехтерева, Музей истории города, Музей-театр «Трактир», Выставочный зал, Музей-мастерская декоративно-прикладного искусства. Г.Р. Руденко стала инициатором многих культурных начинаний, в том числе возрождения в Елабуге Спасской ярмарки, на которую в августовские дни приезжают многочисленные мастера народных художественных промыслов и декоративно-прикладного искусства не только из России, но и других стран.

Генеральный директор ЕГМЗ обладает способностью не только порождать идеи, но и претворять их в жизнь. Чего стоит только так называемый «Бал потомков», на который в начале августа 2012 года в Елабуге собрались представители родов художника И.И. Шишкина, кавалерист-девицы Н.А. Дуровой, ученого В.М. Бехтерева, купеческих династий Стахеевых, Ушковых и других именитых фамилий. При этом Г.Р. Руденко ведет огромную общественную работу. Она является депутатом Елабужского городского Совета, членом Общественной палаты РТ, президиума Союза музеев России, правления Ассоциации малых туристских городов России, Международного комитета музеев (ИКОМ) и Международного комитета охраны памятников (ИКОМОС).

Выступая на торжественной церемонии в Михайловском, Г.Р. Руденко сказала, что к почётной награде «Хранители наследия» причастен весь коллектив Елабужского государственного музея-заповедника. Не случайно в минувшем июне на Международном фестивале «Интермузей» он стал обладателем гран-при и был удостоен звания «Лучший российский музей 2012 года».

Новая награда станет ещё одной яркой страницей в летописи Года историко-культурного наследия Республики Татарстан. Примечательно и то, что вручение премии совпало в православном календаре с днём празднования явления иконы Пресвятой Богородицы во граде Казани.

Людмила ПАХОМОВА

«ПЕСНЯ, ПЕСНЯ! В ПРОСТОРЫ ЛЕТИ!»

Ежегодно Фатьяновский праздник поэзии и песни собирает в городе Вязники сотни гостей со всей России. На нынешнем, тридцать девятом, посчастливилось побывать и мне. И не только, как планировалось, принять участие в «Вязниковском поэтическом вечере» — встрече поэтов России, которая состоялась в Музее песни XX века, но и выступить в «Алёшиных праздниках» на площадках города, и спеть на Фатьяновской площадке в гала-концерте со звёздными Робертино Лоретти, Леонидом Серебренниковым, Геннадием Каменным... Дорогого стоит признание, когда и Робертино Лоретти, и Леонид Серебренников в адрес моих песен и голоса сказали: «Bellissimo!»

Робертино Лоретти и Ольга Кузмичёва-Дробышевская

Первый фестиваль состоялся 18 августа 1974 года, в Доме культуры. Начинали традицию Сергей Никитин, Татьяна Малышева и Галина Фатьянова, супруга поэта, рано ушедшего из жизни, но оставившего огромное песенно-поэтическое наследие. Тогда, в первый фатьяновский вечер, в память о поэте-солдате, поэте-фронтовике, на площади были разбиты армейские палатки, горели костры, и люди, собравшиеся со всей округи, пели любимые песни. И тогда стало ясно: мелодичные строки «Алёши Фатьяныча» живут в каждой русской душе. И праздник стал шириться, набирать популярность и добрую славу. На следующий же год гостями фестиваля стали Василий Соловьёв-Седой, Иван Дзержинский, Яков Шведов, Николай Доризо, Михаил Матусовский, Виктор Боков, Константин Ваншенкин, Римма Казакова... Потянулись люди из соседних городов. Со временем на возведённой широкой эстраде стали петь любимцы публики Кобзон, Пьеха, Толкунова, Лещенко. Благодарным слушателям не хватало места на скамейках, рассчитанных на пятитысячную аудиторию, и смелые мальчишки «восседали» на ветках деревьев, окружающих «Солнечную поляночку».

Не меньший, а больший аншлаг на Фатьяновской площадке был и нынче. Людское море заполонило площадь перед зданием ГЦКиО «Спутник», где состоялся фольклорный праздник «Вязниковский разгуляй». На территории парка раскинулись палатки ярмарки-выставки «Вязниковская слобода», были организованы игры-аттракционы для детворы. Третий день фестиваля открыл Крестный ход в честь Чудотворной Вязниковской Казанской иконы Божьей Матери...

Сегодня традицию праздника продолжает внучка поэта — Анна Фатьянова. «Фатьяновский праздник,— сказала Анна,— это моя жизнь. Впервые я побывала на нём, когда мне было три года. Пожалуй, с того дня летоисчисление веду по Фатьяновским фестивалям. Новый год начинается тогда, когда заканчивается один праздник и стартует подготовка к следующему...»

Современной доброй традицией стало проведение фестиваля совместно с днём города. Тридцать девятый праздник совпал с двести тридцать четвёртым днём рождения города Вязники. И, конечно же, горожане постарались сделать праздник незабываемым как для жителей, так и для гостей, в числе которых были представители редакции журнала «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), прозаик, поэт из г. Тернополь

Леся Романчук (Украина), громогласные представители «мифического» мужского хора МИМФИ (Москва), поэт Владимир Дагуров (Москва), поэт, прозаик Наталья Потёмина (Санкт-Петербург), поэт Наталья Чистякова (Москва), журналист, педагог Михаил Костаков (Муром), композитор Владимир Патрушев (Москва), певец Владимир Брилёв (Москва), артисты Кубанского ансамбля казачьей песни «Криница» и др. Нас встречали, всюду сопровождали и провожали милые, чуткие вязниковские работники культуры. Они подарили нам «Песни над Клязьмой-рекой», фотовыставку «Наш край вишнёвый — Вязники», вместе мы возложили цветы на Аллее Боевой Славы, посетили святые Владимирские места, побывали в п. Мстёра, посетили скит Богоявленского мужского монастыря, желающие окунулись в святой источник с. Акиньшино...

И всюду звучали как известные, так и новые композиции на стихи Алексея Ивановича, ведь его творчество — неисчерпаемая кладезь, светлое слово России, чистое слово Любви.

Убегай от любви даже за море.
Затеряйся в далёком пути,
Только будет с тобой то же самое —
От любви никуда не уйти

Ольга КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ
Фото Владимира ЕГОРОВА (Вязники).

ДИАНА КАН

МЕЖ ВОСТОРГОМ И СТОНОМ

* * *

Измельчали мы, измельчали…
Мы не те, что были вначале.
Где косая сажень в плечах?
Где Перунов огонь в очах?

Где предания отчего края?
Расклевала картавая стая…
Где любовь, что веками нам снилась?
Триаршинной косой удавилась.

Алой лентою кровь утекла…
Вот такие, мой друже, дела.

* * *

Неприкаянно, неприкаянно
Я свивала пути в кольцо…
И когда набрела на Каина,
Не узнала его в лицо.

Я сказала: «Богатым будете
Вы, проливший родную кровь…»
Он ответил: «Вы строго судите
Эту родственную любовь…»

Это что ж за любовь, идущая
Из библейских тёмных глубин —
Дочь, родную мать предающая,
На отца восстающий сын?

Мы к согласью прийти не чаяли —
Каждый правду свою искал.
Но лишь речь заходила об Авеле,
Собеседник глухо смолкал.

И в возникшей неловкой паузе
Мы тайком вздыхали с тоской:
«Почему же кинжал и маузер
Нам роднее, чем брат родной?..»

Погорюем так и — расстанемся.
Впредь не встретимся — жизнь коротка.
А пока... А пока... Апокалипсис
На Руси моей длится века.

* * *

Пора отрешиться от чепухи —
Чем я, собственно, хуже?
Бросила пить, курить и писать стихи.
Пора подумать о муже.

Был ввысь устремлён белопенный наив
Ветвей, расцветающих в мае.
Настала пора — и осенний налив
Строптивые ветви склоняет.

Часами над милою Волгой-рекой
Сижу — само благонравие.
Неужто надо — за упокой,
Чтобы закончить за здравие?

Пора влюбляться негорячо,
Подонков судить нестрого.
Пора перестать подставлять плечо
Тому, кто подставил ногу.

Пора... Золотая пришла пора.
Рябины пылают гроздья.
А там, где была я ещё вчера,
Не ждут меня нынче в гости.

* * *

Куда от прошедшего деться?
Залить покаянным вином?
Романс «Разорватое сердце»
Надрывно звучит за окном.

Лишь юность способна так гордо,
Презрев прегрешенья свои,
На два примитивных аккорда
Пропеть о высокой любви.

А голос всё выше и выше...
О, как же походит на нас

Котов расшугавший на крыше
Наивный жестокий романс!

Ты морщишься. Ты не в восторге.
Но вспомни, забывчивый мой,
О том, как наивно жестоки
Мы были с тобою весной!

А ты, как котяра домашний,
Вольготно и сытно живёшь,
Забыв о любовном бесстрашье,
Жестокий романс не поёшь.

БЕЛГОРОДСКИЙ КИСЕЛЬ

...Разве можете перестоять нас?..
Ибо имеем мы пищу от земли...
«Повесть временных лет» о белгородском киселе

Горделивой походочкой-лодочкой,
Затаив за ресницами грусть,
Мне навстречу плывут белгородочки,
В чьих бровях раскрыляется Русь.

Православная русская вотчина —
На губах и на сердце ожог.
Белгородчина — речка молочная
Да кисельный крутой бережок.

Здесь разбойные тропы нахожены...
Не зазорно здесь — так твою мать! —
Заявляться незванно-непрошенно
За семь вёрст киселя похлебать.

Шли сюда печенеги и половцы,
Чтоб вкусить белгородский кисель...
Белгородские добрые молодцы
Провожали незваных отсель.

Провожали незваных-незнаемых,
Что без спросу пришли на постой.
Провожали в закатное зарево
И булатным мечом, и сытой.

Поляница-душа Белгородчина!
Супостату показывай нрав.
Крепость русской державы упрочивай,
Богатырской заставою встав.

* * *

Осерчавшая вьюга бранится
В тесноте родовых курмышей…
Не впервой ей в казачьих станицах
Выпроваживать пришлых взашей.

Я не пришлая, бабушка-вьюга!
Почему ж мне нисколько не рад
Свои ставни захлопнувший глухо
Оренбургский угрюмый форштадт?

Ну так что ж?.. И на этом спасибо,
Родовой звероватый курмыш.
Я такая ж, как ты, неулыба,
Да и ты-то хорош, пока спишь.

Непроглядью родной, непробудью
Ты меня не жесточь, не морочь.
Без того посторонние люди
Истерзали мне душеньку вклочь.

Ты пойми, я смертельно устала
На разлучной чужой стороне
От радушных улыбок-оскалов,
Что не тонут в банкетном вине.

… Месяц-серп кровянится на небе,
И сугробы встают на пути…
На Пикетную улочку мне бы
По фуршетным бульварам дойти!

* * *

На землю снизошед с небесной выси,
Влачу века сквозь призрачный туман.
Мечу пред кем попало скатный бисер
И подливаю воду в океан.

А океан не только многодумный,
Космично выводящий свой напев…
Во гневе он порой бывает буйный
И на меня свой обращает гнев.

Я б в небеса вернулась, может статься,
Как люди возвращаются домой.
Увы, удавками электростанций
Стреножен бег неукротимый мой.

Но я другой судьбы себе не чаю.
Хоть путь земной неласков и тяжёл,

Но кровь моя небесно-голубая
Горит огнями городов и сёл.

Она горит, пронзая мрак упрямо,
Познав и высоту, и глубину.
А я храню затопленные храмы,
Баюкаю персидскую княжну.

А я горжусь горою Девьей статной
В преданиях, как будто наяву.
И голью, словно жемчуг, перекатной,
Что жигулёвской вольницей зову.

* * *

Неуёмное сердечко уйми —
Не удержишь ветра в грешной горсти.
И колико сокола ни корми,
А с руки его — хоть плачь! — отпусти.

Воронья-то, воронья над тобой!..
Помогала ты им стать на крыло.
Но лишь крылья ощутив за спиной,
На тебя же и закаркали зло.

Что им неба золотой окоём,
Денно-нощное раденье твоё?..
По полёту соколов узнаём.
По помёту узнаём вороньё.

Сколько ворона с руки ни корми,
Всё равно в его глазницах мертво.
Ясна сокола на небо вздыми —
Свет Отечества в очах у него.

* * *

Пускай меня зовут последней стервой,
В пример мне ставят бабушку Ягу,
Но всё равно я буду только первой,
Ведь быть второй я просто не могу.

Вот так — и только так! — надменно мнилось
Мне в молодом запальчивом бреду.
Но если вправду предсказанье сбылось,
За свой успех отвечу я в аду.

Простите, нерождённые сыночки!
И вы простите, гневные мужья,
Что за предощущенье главной строчки
И жизнь, и душу заложила я.

За то, что мне всегда казалось мало
Любви земной и радостей земных...
Но строчка-дочка тайно вызревала
Под певчим сердцем, воплощаясь в стих.

Она ревниво всю меня хотела —
Чтоб ею лишь дышала и жила...
Вот с губ вспорхнула, в небо улетела.
Ну а меня с собой не позвала.

* * *

Вокруг твердят: ты — сущий Лель!
Второго не отыщем!
А ты — разбойник-соловей
С ножом за голенищем.

Я этот пламенный металл,
Что золотом заточен,
Вчера, когда ты крепко спал,
Увидела воочью.

Клинок, какому нет цены
В раздрай и в лихолетье.
В нём сонмы звёзд отражены
И гулкие столетья.

Зенитом собственным пьяна,
Светло и окаянно
В нём отражается луна —
Надменная Диана.

В нём отсвет болдинских дубрав,
Ночных терцин мерцанье,
Разбег торкватовых октав,
За Родину ристанье.

И что свирель?.. В родном краю
Смолкают даже пули,
Когда он запоёт в бою
Иудам аллилуйю.

* * *

Непогода за окном ярится...
Ночь долга, и Натали строга.
Запах флорентийского ириса
Осенил российские снега.

Мрачный Дант, Петрарка огнеликий
И любой, кто был хоть раз влюблён,
Знает незапамятные лики
Неприступных теремных Мадонн.

Вновь Пегас взлетает вдохновенно
В небо, где тесовое крыльцо,
Где сияет на руке нетленной
Звонкое заветное кольцо.

Свет небесный и непостижимый…
Сквозь шальной круговорот веков
На него летим… Но снова мимо!
Просиял вдали и был таков.

Там, где не видать во тьме дороги,
Вспыхнул лепесток черновика…
На полях выводит профиль строгий
Пушкинская смуглая рука.

* * *

О Русь моя! Уже который год
Окутана предательским туманом —
Прицельный взгляд из-под бровей вразлёт —
Ты ждёшь засадный полк на поле бранном.

Пурпуром царственным горит твоя заря,
Всё предвещая — беды и победы.
От Каина до Сталина-царя
Безбытностью была твоя безбедность.

Не меч, не щит, не сабля, не топор,
Не ось тележная пугают свору бесью —
Её страшит твой скорбно синий взор,
Молитвенно пристывший к поднебесью.

Казалось бы, мелькнул и снова нет
(В свинцовых тучах безвозвратно скрылся),
Но страшен бесам неотмирный свет,
Что на тебя хотя б мельком пролился.

О Русь, ты заслужила этот миг,
Оплаченный веками слёз и горя!..
С тобою Михаил Архистратиг,
Илья Пророк, Георгий Змееборец…

Омыта светом, станешь вновь собой.
И луч, как меч, разгонит бесов ада…

И не проигран с тьмою смертный бой,
Пока с тобой небесный полк засадный.

* * *

То полбеды — мигранты на базарах
Нам нашу же картошку продают.
А то беда, когда в Кремле хазары
Законы людоедские куют.

То полбеды — угрюмые шахиды.
Ведь с их угроз наш дух велик возрос.
А то беда — елейные хасиды,
Россию распродавшие вразнос.

Но паче бед, отчаяний всех паче —
Мы сами, современники мои,
С чьего согласья — и никак иначе! —
Россию топят в собственной крови.

* * *

Песню и плач переплавили и перепутали
(Знамо, на Волге на то отродясь мастаки!)
Девка, идущая замуж,
Метель в неприкаянной удали,
Певчие в храме,
Бредущие вдаль бурлаки.

Вкруг аналой обходя даже об руку с милыми,
Плачем заране — опять в русском небе ни зги...
Русская воля закатными писана вилами
По жигулёвской стремнине в районе Самарской Луки.

У атамана Барбоши спроси, сколь сладка она, волюшка?
Лишь усмехнётся печально в ответ гулевой атаман.
Свистнет в три пальца, буй-ветром закатится в полюшко
И — поминай, яко звали...
Ан явится снова незван!

Заревом вспыхнет опять гость желанный-непрошенный...
Что бы податься за Камень за волюшкой горькой! Так нет!
Кровью исходит закат над Поляной Барбошиной,
Заревом-кровью исходит над нею рассвет.

... Волга родная, какого ни попадя аспида
Встарь прибивало волною к высоким твоим берегам.
Вверх до Валдая да вниз до могучего Каспия
Песни об этом поются — аж слёзы текут по щекам.

* * *

По соседству с могучим бурьяном,
Пред грозой отливающим в синь,
У подножья крестов покаянных
Чуть горчит луговая полынь.

Это я, непутёвая дочка,
Принесла тебе, мама, букет…
Ох и тёмная выдалась ночка,
Когда я появилась на свет!

Хоть и майским победным салютом
Осенил эту ночку Господь,
Но страдать безрассудностью лютой
Он обрёк мою душу и плоть.

Так живу — меж восторгом и стоном
Воплощая стихию в стихи,
В гонорар конвертируя гонор,
За любовь принимая грехи.

И моя сиротливая строчка
Волочится за мною вослед…
Это я, непутёвая дочка,
Принесла тебе, мама, букет!

* * *

Когда на небе полная луна,
Когда на Волге ты совсем один,
Кувшинкою персидская княжна
Всплывает из отверженных глубин.

Пускай ты не назвал её женой.
Слов запоздалых — нет! — не говори.
Пусть, осиянна синею луной,
Она цветёт до утренней зари.

Пленённая персидская княжна,
Тебя навечно взявшая в полон,
Пускай она качается, нежна,
Кувшинкою на дрёмной глади волн.

Ей безразличны и людская молвь,
И свойственный преданьям приукрас,
Что злее зла была твоя любовь,
И холоден огонь кинжальных глаз.

Под крики «Нас на бабу променял!»
Она, струя потоки стылых слёз,

Лишь вопросила с грустью: «Кинешь мя?..»,
В казачьем оре потонул вопрос.

Не говори, как ты её любил,
Ватажеству шальному предан в дым...
Ведь ты не виноват, что выбор был
Меж нею и всем миром остальным.

* * *

Казалась вся из инея и льда...
Но вот однажды, как это ни грустно,
Она ушла сквозь пальцы, как вода —
Вода реки, прокладывая русло.

Она ушла, звенящей синевой
Сигналя о начале новой жизни.
Ты тоже называл её женой.
Ты тоже говорил ей об отчизне.

Ты тоже ей твердил: «Не прекословь!..».
И был непредсказуем-неминуем...
Воздушным замком ставшая любовь
Закончилась воздушным поцелуем.

Она ушла... Какой простор вокруг!
Какие шири и какие выси!..
... Она везде всегда уходит вдруг —
Попытка пагубна её уход осмыслить.

ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВА

НА ВЕЧНОЙ ДОРОГЕ

МАМИНА РОДИНА

Это июнь расплескался красками —
Кашкой, кипреем, травой-муравой,
Это леса бесконечные вятские
В летние прятки играют со мной…
Что ж так щемит, и болит, и ёкает?
Тысячу раз я видела всё!
Эти погосты, берёзы с ёлками,
Эту заброшенность старых сёл.
Но отчего-то роднее — вятское.
Скромная пашня, река и лес…
Всё вспоминается детской сказкою.
Мамина родина где-то здесь.
Не оттого ли — коль еду мимо я —
В генах, в крови, глубоко во мне —
Нежность больная, неистребимая
К этой убогой, родной земле.

ОТКРЫТО. СТУЧИТЕ

«Открыто. Стучите» — вот надпись на книжном киоске.
Но мимо спешат современники в блеске и лоске.
Важнее всего — что насыпано в личном корыте.
К чему им Платонов и Чехов? Открыто. Стучите.

«Открыто. Стучите» — на совести, вере и Храме.
Но — пьяны и сыты, и музыка глушится в храпе.
Какие убожества ныне сияют в зените!
Они и читать не умеют… «От-кры-то. Сту-чи-те».

Открыто. Стучите. Лишь руку поднять, постучаться.
Жующим животным не стать. Человеком остаться,
Пока не повесил Господь на картине распада
Табличку: «Закрыто навеки. Стучаться не надо».

ПО ДОРОГЕ В ДАМАСК

По дороге в Дамаск он уверенным был и карающим.
Но увидел Того, Кто нас всех обессмертил и спас.
И не вынес зрачок этот огненный свет опаляющий.
Савл ослеп
по дороге в Дамаск.
Он ослеп и прозрел. Ужаснулся своим злодеяниям
И не ждал от врагов и друзей ни пощады, ни ласк.
Но вся жизнь озарилась небесным Христовым сиянием,
Осветившим его на дороге, ведущей в Дамаск.
По дороге в прекрасный Дамаск все мы странствуем, Господи!
И апостола Павла слова вспоминаем не раз…
Просвети, вразуми, поддержи над родными погостами,
Не оставь нас на вечной дороге, ведущей в Дамаск.

* * *

Ребёнок крепко спит под сенью Храма,
А рядом мама не смыкает глаз…
Знакомство с Богом не бывает рано,
Всегда как раз.
Тому, кто не застал времён безбожных
И не вкусил губительных идей,
Доступна вера, благодать возможна
С младых ногтей.
Их встретит мир — огромный и опасный,
Век новый, меркантильный,
Время смут.
Но верю, что минуют их соблазны,
Пока Он тут.
Они с рожденья Господом хранимы…
В тени садов церковных и оград
Живые ангелочки, херувимы,
Младенцы спят.

ДЕМБЕЛЬСКИЙ ПОЕЗД

Дембельский поезд весел. Гудит как улей.
Мальчикам девятнадцать. Едут домой.
И вместо крестика на шее висит пуля.
А на груди — значки! А берет — с каймой!
В общем, у мальчиков простые детские лица.
Но пассажирам, увы, не придётся спать…
Хочется мальчикам себя показать, напиться,
Хочется свою «всамделишность» доказать!
Едут по деревням, по своим посёлкам,
Жизнь впереди неизвестна пока, страшна.
Может, останется светлым одним осколком
Эта поездка, и за окном — страна…

Скоро погрязнут в тяжёлом и вязком быте,
В пьяном угаре жестоких бездумных драк.
Вы не ругайте сегодня их, потерпите.
Наши защитники едут… как-никак…

УРАЛ

Проснуться пораньше, чтоб увидать Урал…
Но за окном никакого Урала нет.
Белый крутящийся морок, туман, буран,
Пармы дыхание, первозданный свет.
Поезд идёт в буране, словно в воде,
И от неё не укрыться в любом плаще.
Но интересно, однако, вынырнет где?
И неизвестно, вынырнет ли вообще?
Есть вероятность навеки остаться здесь.
Кончатся рельсы, и всё — кричи не кричи…
Это вогулка манит, уводит в лес,
Машет подолом, прячет в рукав ключи.
… Вот и буран улёгся, и поезд встал,
Словно зажал нас в доброй большой горсти
Батюшка-самодержец, седой Урал.
Ну а теперь в Азию нас пусти!

ИЗ ЗОЛОТОГО КУВШИНА

Из золотого кувшина,
Из круглого его горлышка
Льётся, плавится золото,
На Иртыше — полоса.
И кажется, что возможно
По ней добежать до солнышка,
Но — горячо, и боязно,
И слишком слепит глаза.

От золотого кувшина
Оранжевый свет над нами.
Иртыш золотыми нитками
В проймы моста продет.
И у детей играющих
Нимбы над головами.
А у бегущих взрослых
Их почему-то нет…

Позавчера тебя не было.
Вчера ты был глупый, маленький.
А нынче — уставший, сгорбленный,
Под грузом седин, морщин…

Остановись, прислушайся!
Время смакуй по капельке!
Пока ещё длится вечер.
Пока ещё цел кувшин.

ПАМЯТИ БЕЛЛЫ АХМАДУЛЛИНОЙ

1

Есть час ночной — примерно до пяти.
О, времени насыщенней не знаю!
Тихонько встать, до шкафа добрести…
Я Беллу Ахмадулину читаю.
На цыпочках, не разбудивши чад,
Передвигаясь по ночному дому,
Любую книгу выбрать наугад,
Прильнуть к стихотворению любому.
Перенестись в Тарусу. За Окой
Бродить по их следам — Марины, Беллы…
О, это чудо — словом и строкой
Преображать, удерживать от бездны!
Таруса спит, и сон важней, чем жизнь,
В нём живы все, и всё навек сохранно —
Цветаевское детство, Беллы высь…
И куст рябины — навсегда, как рана.

2

… Не здесь, у монастырских стен, не здесь —
В соседстве Черномырдина с супругой,
Не здесь — но в грустной седине небес,
В стихии ветра, вольной и упругой.
Не здесь, в земле холодной ноября,
Под холмиком, усыпанном цветами…
Не здесь, не здесь! — кричу в душе, скорбя,—
Но с нами! С нами — дивными стихами,
Дыханьем лёгким, вечною виной,
Прощеньем всем — виновным и невинным.
Не здесь, не здесь — в реальности иной,
Непостижимым горлом соловьиным…

НА ОСТРОВЕ

Ларисе Новосельцевой

Не сравнивай с нашими бедами
Вот эту большую беду:
Собака по острову бегает,
Сюда пробежала по льду.
И что там случилось, не ведаю,
Да ночью весь лёд унесло.

Собака по острову бегает…
Эй, кто-нибудь, дайте весло!
Но лодка дырява на пристани.
Никто не рыдает пока…
А, может быть, выдержит, выстоит,
Дождётся она рыбака?
… Я тоже осталась на острове,
Растаял спасительный лёд.
Толкается льдинами острыми,
Чужое столетье плывёт.
Но я не кричу и не бегаю,
Я с книгой сижу у огня,
Века — золотой и серебряный —
На острове греют меня.
Прохожий? Потомок? Ну кто ещё —
Пошлёт понимания весть,
Оценит со мною сокровища,
Которые спрятаны здесь.

* * *

На хороших людей всегда голод.
Я люблю людей и боюсь стаю.
Но в любой стае есть белый голубь,
Я увижу его,
Приласкаю.
Ах ты, голубь белый, мой белоснежный,
Ты живёшь в раю — во дворе Храма.
Ты такой гордый, ты такой нежный.
Ты пришёл поздно и ушёл рано.
Оттого ль сердце щемит при встрече.
Надсудьбинно крыла шелестят, надвратно…
Ты теперь голубь. Ты теперь вечен.
Ты научишь меня летать, ладно?

* * *

На разрыве, на пределе,
В суматохе, в суете,
Пробежали, пролетели…
А сегодня мы не те.
Не стальные наши жилы.
Нужен кто? — Найдётся сам!
На излёте, на доживе —
Как Платонов написал.
Но ещё трепещет, бьётся
Слева птенчик небольшой,
Тот, что музыкой зовётся
И надеждой, и душой…

РАИФА

Чудо сказки, воплощенье мифа,
Лилия на Божьих волосах…
Триста лет покоится Раифа
Под Казанью, в девственных лесах.
Триста лет! Теперь уже и боле…
Скрыт от лишних глаз духовный труд.
К ней идут и с радостью, и с болью,
С тихою надеждою идут.
В монастырь всегда открыты двери…
Как не плакать здесь колоколам!
Вспомним тех, кто был убит за веру:
Сергий,
Иов,
Иосиф,
Варлаам…
От дороги отдохнув неблизкой,
Хорошо испить святой воды.
Лики Божьей матери Грузинской
Прижимают путники к груди.
И всегда в пруду молчат лягушки
(Удивлён тому учёный люд!) —
Чтоб покой молитвы не нарушить,
Дать подумать, в сердце заглянуть,
Отыскать в нём и любовь, и жалость,
Ощутить прозренье и полёт…
В озере и небе отражаясь,
Сквозь века Раифа вдаль плывёт
Кораблём, который не сдаётся!
Всех спасёт, кто хочет быть спасён
Верой православной, светом, солнцем,
Мудрой красотой седых икон.

ИЗ ЦИКЛА «ЦВЕТАЕВОЙ»

1

… Единственный, кому поэт на земле может служить —
это другому, большему поэту.
М. Цветаева

Разрешите, Марина Ивановна, Вам служить.
Разрешите нести в сердца Ваши строки, вехи.
Разрешите голову за поэзию положить,
Если это возможно ещё в нашем веке…

Разрешите в Тарусе испить из Вашего родника.
Разрешите в Елабуге молча встать на колени.

Как огнём, обжигает судьба-строка,
Независимо от моды, стран, поколений.

Кто-то — власти, тельцу золотому... Но служат — все.
Мы — поэзии рыцари, слуги добра и света!
В трепетанье огня, в горячих сердцах родстве
Воскресает и снова длится душа поэта.

На осенней рябине капля дождя дрожит,
Как столетье назад, летят паутинок нити...
Разрешите, Марина Ивановна, Вам служить,
Лебединым белым крылом в небесах махните.

2. 16 ОКТЯБРЯ

16 октября 2011 года, 70 лет спустя со дня гибели С. Эфрона, в Коммунарке была установлена памятная доска мужу М. Цветаевой...

Из газет

Каждый листок озябший — это душа...
Чувствуя встречу с первым летящим снегом,
Листья трепещут, падают вниз, шурша,
Листья прощаются с гибельным этим веком.

Сколько их в Коммунарке, невинных душ!
Цифру припомнишь — сразу темно и жарко.
Рвы, перелески, аллеи... Лесная глушь.
Страшная тишина твоя, Коммунарка.

Если прислушаться, можно услышать стон.
То ли пласты проседают могильной глины,
То ль у таблички скромной — «Сергей Эфрон» —
Плачет, не успокоясь, душа Марины.

3. ДВЕ РЯБИНКИ

... И в какую б ты ни попал беду,
Всё же мир — прекрасен!
Две рябинки растут у меня в саду —
Марина, Ася.
Та, что старше — строже, сильней, стройней —
И цветёт высоко.
Только нет ростков у её корней.
Одинока.
И у младшей, Асеньки, пышен цвет,
Ветки — словно руки.
Стебельки теснятся, им счёту нет,
Словно дети, внуки.
Так грустна, воздушна, прохладна так
Кисея их теней,

Будто вздох последний, прощальный взмах —
На пределе.
Перелётные птицы уже кричат,
От рябинок — эхо.
И горчат их ягоды, так горчат —
До скончанья века.

4. ОТ ТАРУСЫ ДО ЕЛАБУГИ

От Тарусы до Елабуги
Горькая дорога дальняя.
От Тарусы до Елабуги —
Коктебель, Серёжа, Макс...
И весёлая мелодия,
И мелодия печальная.
От Тарусы до Елабуги
Встретится любовь не раз.

От Тарусы до Елабуги —
И Берлин, и Прага дивная,
И парижские метания,
И разруха, и война...
И мелодия народная,
И мелодия старинная
О судьбине злой скитальческой,
Коль оставлена страна.

От Тарусы до Елабуги —
Как от жизни до бессмертия,
И летит её мелодия,
Избавляя от тоски,
По-над пропастью забвения,
Разбивая лёд неверия,
От Тарусы до Елабуги,
От Парижа до Москвы.

От Тарусы до Елабуги
Бездорожье и колдобины...
Над полянами цветущими
Облака плывут, легки.
Босиком идёт Цветаева
По тропинкам нищей родины.
Не цветы под ноги клонятся,
А стихи, стихи, стихи...

5.

В эту крепость из одиночества, боли, речи,
В эту путаницу судьбы, колею дорог
Бог послал мне близкого человечка —
Чтобы выслушал, понял, повёл, помог...

Может, жизнью своей небесной — извечной, длинной,
Не оборванной елабужским тем гвоздём,—
Собирает нас, сводит душа Марины
В свой незримый дом.
О, вы, други мои! Светлые ваши лица
Далеко-далеко... Но вижу вас наяву.
И я выдержу. Буду за вас молиться.
Пока живу.

НАГРАДА

За то, что безропотно сносишь заботы дневные,
Судьба награждает: не му́зыкой даже, музы́кой.
Как будто проходят сквозь душу дожди проливные,
И тяжесть земная становится лёгкой и зыбкой.
Как будто струна натянулась — почти до предела,
Готовая к вечеру от напряженья порваться,
А ночью ослабла она, задрожала, запела,
Заполнив музы́кой волшебной скупое пространство.
Не будем роптать — эта плата мелка и ничтожна,
Пусть дань собирает дневная прожорливость быта.
В преддверие ночи устало вхожу, осторожно.
И что там свершится — от взора людского сокрыто.

ЛИЛИЯ ГАЗИЗОВА

СНЕГОПАДЕНЬЕ В МАРТЕ

* * *

Не разговаривай руками!
Я не знаю, куда мне смотреть:
В глаза твои
Вечно нездешние
Или на длинные руки твои,
Что невиданный танец танцуют.
А я зачарованно слежу
За их броуновским движением...

Тебе никогда не стать дирижёром.
Даже законам музыки руки твои
Не подчиняются.
Но когда ты дремлешь,
Лишь кончики пальцев твоих
Подрагивают
В ритм
Убыстряющей
Своё движенье
Вселенной...

* * *

Я буду с тобой,
Пока не нужна тебе.
Стану нужной — уйду.
Так много дорог на земле,
И по всем я пройти хочу:
Каменистым, песчаным, суглинистым...
И погладить всех встречных собак.
И взглянуть в глаза всем мужчинам...
Не ревнуй!
Никому из них не удержать меня.
И тебе не удержать меня.
Но я буду с тобой, пока не нужна тебе.
Стану нужной — уйду.

ПОПЫТКА КИНОСЦЕНАРИЯ

В моём фильме идёт дождь.
Вода стекает по жёлобу крыши
потемневшего от бессонницы
старого дома
в большую деревянную бочку.
Там плавают головастики.

Молчаливый старик
(о нём все забыли)
и грустная девочка
(она станет через много лет балериной)
сидят на крыльце.

Она приходит к нему,
потому что с ней не играют другие дети.
Они мало разговаривают,
пьют чай с жёлтым мармеладом
и смотрят на озеро.
Девочка про себя называет его океаном.
Всё в мире пока несоразмерно ей.

Изредка дорогу перед крыльцом
перебегает серая кошка
(её никогда не задавит машина,
она умрёт тихо во сне).

В фильме ничего не происходит.
Старик курит папиросы
и старается ни о чём не вспоминать.
А девочка сидит рядом
и шёпотом разговаривает с куклой.

В моём фильме преобладает синий цвет.
Платье девочки,
старый вязаный свитер старика,
чашки и перила крыльца,
даже струи дождя —
всё синего цвета.

Когда после дождя
появляется солнце,
но уже опускаются сумерки,
старик отводит её домой.

Они идут по дороге
навстречу закату.
Две тени —

большая и маленькая —
отстают от них,
не решаясь приблизиться.

Возвратившись домой,
старик снова садится в кресло,
рот его принимает форму горизонтальной скобки.
Он не плачет.
Просто старается не вспоминать.

А в конце никогда не снятого фильма
просто дорога и титры. ...

Я НЕ МУЗА

Не посвящай мне стихов!
Не пиши обо мне.
Не хочу жалкой доли —
Стать музой поэта...

Не нарушай моих авторских прав
На несовершенства мои...

Не кради треугольную родинку
Над правой ключицей моей,
Чтобы в подлинность чувств
Читатель поверил...

Пусть никогда не сверкнёт
В стихах твоих мой браслет,
Пусть даже тобою подаренный...

Не рифмуй моё имя с идиллией!
Моя жизнь далека от неё...

Отчайся создать образ мой!
Не сотворить меня дважды...
Я тебе говорю это
Здесь и сегодня...
Другой меня нет!
И не будет...

* * *

Я часто думаю о том,
Какие мысли в голове
У толстого ребёнка.
Я думаю о том,
Что толстого ребёнка
Обижают чаще, чем худого.
Ещё я думаю о том,

Что в каждом из нас
Плачет толстый ребёнок.

* * *

Люби меня бархатной,
Ситцевой, джинсовой...
Люби меня спящей,
Бессонной, усталой...
Притихшей, болтливой,
Разумной и ветреной.
Люби меня пасмурной,
Нежной, угрюмой.
Голодной и сытой...
Громко и тихо...

Только в вечной любви не клянись!..

* * *

Я буду называть тебя
Наглым и самоуверенным,
Говорить, что от тебя пахнет луком.
Ты будешь смущаться,
А я — любоваться твоим смущением...
Мы будем есть груши и помидоры,
Искать то сахар, то соль,
Поднимать вечно падающие со стола предметы.
Замершие в ожидании ночи
Цветы в вазе будут прислушиваться
И недоумевать:
Когда эти двое займутся земледелием...

НАСТРОЕНИЕ

Стать стрелкой на часах
Казанского Кремля
Клавишей Delete
Мирового компьютера
Подаренным тобой портсигаром
Западающей клавишей си бемоль
Утренним бесцветным мраком
Всеми собаками мира
Очками Exte на родной переносице
Безвольным сердечным клапаном —
Чем угодно
Лишь бы не Лилией Газизовой

ЛЮДИ ФЕВРАЛЯ

Люди февраля
Нежны, ранимы
И подвержены меланхолии.

Они покупают ирисы и сушат их
Между страницами
Толстого журнала.
Их легко узнать в любой кофейне:
Они одеты в синее и лиловое
И выбирают столики в углу.
Они в душе слоны и белки.
Иногда веселье в их февральских душах
Соседствует с усталостью.
Они покупают билеты
В один конец...
Их первая остановка — апрель...

* * *

Куришь неловко,
И дым сигаретный
В глаза попадает тебе.

Смешно щуришься...

Что же, придётся мне
Дым отгонять от тебя...
Как и прочие неприятности.

* * *

В контексте мартовского снегопада
Недостоверными становятся
Слова и города...

В контексте мартовского снегопада
Неверно дребезжание трамваев,
Сворачивающих с Пушкина
В Норштейновский туман...

И как не ощутить родства
С холодным воздухом,
Который путами становится
И не даёт дышать...

В эфире стынет
Протяжно-сложная
Песнь муэдзина...

Порой невыносимо,
Но светло
Снегопаденье в марте...

К 70-ЛЕТИЮ КОНСТАНТИНА ВАСИЛЬЕВА

КАМИЛЬ ХАЙРУЛЛИН

ПРЕБЫВАНИЕ В ВЕЧНОСТИ

22 августа исполнилось 70 лет со дня рождения Константина Васильева (1942–1976), выдающегося русского художника, жизнь и творчество которого неразрывно связаны с Казанью и Татарстаном. Всю сознательную часть своей короткой жизни Васильев прожил в посёлке Васильево, находящемся в 25-ти километрах от Казани. Здесь художник создавал свои замечательные картины, отсюда он начал путь к бессмертию. Судьба удивительно сумела распорядиться так, чтобы фамилия художника и название места его постоянного обитания совпали. Стал знаменитым художником Васильев из Васильева, увы, только после своей смерти. Он перепробовал в своём творчестве разные стили и направления в изобразительном искусстве, прежде чем выработал свой художественный метод, о котором речь пойдёт дальше.

О Васильеве уже написано немало работ искусствоведческого, эстетического, мемуарного и другого характера. В Казани успешно работает галерея его картин. Казалось бы, творчество художника достаточно хорошо изучено, проанализировано и понято. Но это только на первый взгляд. Мне представляется, что многие творения Васильева весьма сложны, многозначны и даже загадочны, и до более или менее целостного и фундаментального осмысления наследия этого художника-символиста ещё очень далеко.

Первоначально я хотел посвятить статью только картине Васильева «Человек с филином», считая её квинтэссенцией всего творчества художника. Но потом понял, что прежде чем раскрывать возникшую у меня трактовку этой необыкновенной картины, необходимо всё-таки дать характеристику творчества Васильева в целом.

Васильев был человеком, до максимума заточенным на творчество, смысл своей жизни он видел именно в творчестве. Осознавая мощь своего таланта, он постоянно пребывал в поиске, стремясь воплотить его в той или иной художественной форме, будь то абстрактный или сюрреалистический сюжет, пейзаж, портрет, картина на военную или былинно-сказочную тему. По свидетельству друзей, были у Васильева временные кризисы и застои, когда он не брал в руки кисть и не подходил к холсту. Но и тогда Васильев творил. Он принимался лепить из пластилина или гипса скульптуры, составлять из обрезков железа абстрактные фигуры и сочинять так называемую конкретную музыку, которая складывалась при помощи магнитофонной записи из бытовых и природных звуков (скрежет пилы, скрип двери, шум ветра, дождя и т.д.). Затем художник вновь возвращался к живописи, вдохновлённый новой темой или идеей. Часто гуляя по лесу и бывая на Волге, Васильев ощущал неразрывную связь с природой, которая, несомненно, поддерживала его творческое горение. С другой стороны, это горение поддерживала в нём музыка. С ней он практически не расставался. Надев наушники

Автопортрет. 1976 г.

Северный орёл

Авдотья Рязаночка

У колодца

Илья Муромец поссорился с князем Владимиром

Ожидание

Парад 41-го

Прощание славянки

Зигмунд и Зиглинда

Валькирия

Тоска по Родине

Лейтенант Пронин

Осень

и слушая музыку, Васильев рисовал свои замечательные картины, причём это часто делалось по ночам. Не случайно он создал целую галерею графических портретов выдающихся композиторов. Свою роль в духовном развитии художника, конечно, играла и поэзия, и проза как отечественная, так и зарубежная. Особенно Константин любил читать Достоевского. Им был сотворён проникновенный портрет писателя. Из поэтов любил Лермонтова. Одно время увлекался поэзией Пастернака.

Интересовался Васильев и светомузыкой. Он умел связывать своё аудио- и видеовоображение. Художник пытался неоднократно выразить определённую мелодию в красках, линиях, фигурах на полотне. Кстати сказать, прослушивание военных маршей дало ему толчок к созданию таких замечательных картин, как «Прощание славянки» и «Тоска по Родине».

Васильев часто задумывался над быстротечностью и кратковременностью человеческой жизни. Что исчезает навсегда и что остаётся в вечности? Какова роль художника в преемственной связи поколений? Каково значение его творчества для будущего? Конечно, Константин хорошо понимал, что художник — это двигатель духовной культуры, и после его смерти потомкам останутся его картины. Но первоначально он думал, что главное в искусстве — быть новатором и выражать собственные переживания, мысли, чувства, настроения. Иначе говоря, оригинальность и предельная субъективность — это и есть знак качества художественного творения. Такая установка полностью соответствовала тому периоду творчества Васильева, когда он увлекался авангардным искусством: абстрактным экспрессионизмом и сюрреализмом. Но затем у Константина зародилось сомнение в правильности подобного понимания: не ведёт ли такой подход к тому, что искусство будет выражать лишь зыбкую и меняющуюся поверхность жизни и бытия вообще, но не будет отражать их устойчивые глубинные уровни? Да, ведёт. Положительно ответив на этот вопрос, Васильев забросил авангардное искусство и даже в какой-то мере потерял интерес к современности. Его не вдохновляла социалистическая действительность. Он видел бесхозяйственность, царящую вокруг, и ту бедность, в которой жил народ. Сам Васильев существовал на мизерную зарплату художника-оформителя, позволяющую еле-еле сводить концы с концами. На заказ картины рисовал редко, тем более, заказы поступали нечасто. Константину претил конформизм. Он хотел быть самим собой и рисовать то, что ему по душе. Много картин Васильев просто подарил знакомым. Константин считал, что лучше отдать картину бесплатно, но в хорошие руки.

Конечно, Васильев желал признания и славы, вступления в Союз художников. Но среди художников у него было много недоброжелателей и просто открытых врагов. К тому же творчество Васильева не укладывалось в рамки господствующего тогда социалистического реализма, хотя у художника было немало превосходных пейзажей и портретов, выполненных в реалистическом духе. В итоге Васильев не был принят в Союз художников ни Татарстана, ни России. Как говорится, лилипуты либо не замечали Гулливера, либо стремились его связать и уколоть. Несмотря на все обиды, лишения, трудности, нехватку средств, Васильев продолжал упорно творить. Здесь надо подчеркнуть ту огромную поддержку и помощь, которые оказывали художнику его ближайшие друзья: Г. Пронин, А. Кузнецов, О. Шорников, Ю. Михалкин. Нередко друзья подбрасывали Васильеву какие-то новые темы и идеи, сообщали о новых веяниях в мировой культуре, приносили интересные книги. Сложилась традиция: всем собираться для обсуждения интересных тем, связанных с искусством, литературой, культурой в целом.

Каковы истоки искусства, в частности, русского? Этот и другие подобного рода вопросы стали волновать Васильева. Он постепенно пришёл к выводу, что в творче-

стве надо делать акцент не на временном и быстро проходящем, а на сохраняющемся, устойчивом и обеспечивающем преемственность в развитии природы и человеческой истории. Васильев стал стремиться к тому, чтобы в его картинах как-то присутствовал знак или аспект неуничтожимости и вечности. В художнике произошёл мировоззренческий переворот: от современности к древности, от преходящего к вечному, от обыденного к священному, от физического к метафизическому. И этот поворот у Константина Васильева носил мифопоэтический характер. Художник почувствовал колоссальный подъём, когда погрузился в мир русских былин, сказаний, поверий и сказок, в мир народного фольклора. Васильев с огромным воодушевлением стал слушать старинные русские песни в исполнении народных хоров. Сохранилась запись, сделанная самим художником: «... нужно вернуться к истокам родного языка и родной поэзии, освобождая былую силу и былой возвышенный дух, который дремлет в памятниках национальной древности...» Понятия «русский», «русский дух» обрели для Васильева особый смысл. Он ощутил свою русскость, и осознал то, что его художественный талант в своих корнях тоже есть выражение национального духа. Васильев решил, что он обязан раскрывать характер последнего, причём в его первоначальных формах. А первоначальной, самой древней формой человеческого сознания выступает миф. Поэтому всё васильевское творчество, обращённое к древней Руси, закономерно стало мифопоэтическим. Былинной тематике художник посвятил наибольшее число своих полотен.

Могу предположить, что Васильев с помощью прослушивания старинных русских народных песен, произведений русских композиторов и неоднократного прочтения сказочно-мифологической литературы активизировал содержащуюся в подсознании родовую память своих предков, т.е. то, что К. Г. Юнг назвал архетипами коллективного бессознательного. Если придерживаться теории Юнга, то получается, что художник в своих картинах выражает не только своё «я» и собственное отношение к миру, но и надличностное, родовое, национальное и, наконец, общечеловеческое. Вот это родовое, древнерусское — образно и символически ярко проявляется в былинно-исторических сказочных полотнах Васильева. Архетипы матери-родины, богатыря-героя, красавицы-любви, старца-мудреца, зла-чудовища, чужака, оборотня, священной жертвы присутствуют в васильевских картинах. Они торжественно величавы, патриотичны и героичны, гармонично прекрасны и нередко возвышенно трагичны.

Васильева интересовали мифы и других народов и стран. Он изучал мифологию Древней Греции и Рима, скандинавский и немецкий эпосы, индийскую эпическую поэзию и стремился найти их общие корни. Константин пришёл в выводу о тесной связи древнерусской культуры со скандинавской и о том, что корни этноса славяно-руссов находятся где-то на Севере. Поэтому появление на его полотнах образов викингов и северных божеств не случайно.

Большую роль в творчестве Васильева сыграло его увлечение романтической музыкой Р. Вагнера и философией Ф. Ницше. Под впечатлением от тетралогии Вагнера «Кольцо Нибелунга» художник создал целую серию картин, посвящённую героям и событиям, происходящим в этом музыкальном произведении. Пафос великой битвы, мужество и героизм подвига, трагедия поражения и гибели — всё это ярко показано на этих картинах.

Что привлекло Васильева в философии Ницше? Предположу, что многое. Это и протест немецкого философа против пошлости, ханжества, лицемерия и мещанства, и его культ сильной воли, и аристократизм, независимость, свобода творца-героя, стоящего над толпой, и рассуждения Ницше о сущности музыки и огромной роли мифа в происхождении культуры, о развитии последней благодаря борьбе противо-

положных аполлоновского и дионисийского начал и, наконец, идея сверхчеловека. В своё время Ницше писал: «Но ведь без мифа всякая культура лишается здоровой и творческой природной силы: лишь заполненный мифами горизонт придаёт единство и законченность целому культурному движению. Только миф спасёт все силы фантазии... от беспорядочного блуждания. Картины мифа должны быть вездесущими, но незаметными демоническими стражами, чьё око зорко следит за ростом юной души и чьи знамения учат зрелого мужа истолковывать свою жизнь и свои борения...» Думается, что эти слова из знаменитой работы немецкого философа «Рождение трагедии из духа музыки» оказали воздействие на Васильева при его повороте к мифопоэтическому искусству. Можно сказать так: у самого художника рождались его чудесные картины из духа русской народной музыки, музыки Вагнера и других композиторов, из духа русских былин и легенд, преданий других народов.

Встаёт вопрос о религиозности Васильева. Кто он: язычник, христианин, атеист? На этот вопрос нет однозначного ответа. Художник жил в советские времена торжества атеизма и борьбы с религией. Но атеистом он не был и идею Бога принимал. В кружке Васильева существовали богоискательские настроения, которые, однако, не приводили участников к общему знаменателю. Как отмечает Г. Пронин: «Наверное, никто из нас не был против Бога, но где наш Бог? Каждый понимал это по-своему».

Интерес Васильева был больше обращён к языческой, дохристианской Руси. Поэтому на его картинах гораздо больше языческих мотивов и сюжетов, чем христианских. Лики языческих божеств художник изображал, а христианского — нет. По-видимому, сыграло свою роль и «ницшеанство» Васильева: художник был хорошо знаком с язвительной критикой христианства немецким философом. Есть у него и антихристианская картина, на которой изображён Илья Муромец, который сшибает с церквей их маковки и кресты. Это, однако, не означает, что художник не воспринимал христианство. Ведь у него есть и отличная картина с христианской часовней, стоящей в ночном поле. Возможно, погрузиться в богатство христианской культуры Васильеву мешала такая парадоксальная фраза любимого им Ницше: «Христианин, он же художник — *такого не бывает*». Но всё-таки главной причиной слабого внимания Васильева к христианству, на мой взгляд, явилось отсутствие у художника целостного понимания фундаментальной роли православия в качестве культурного и цивилизационного фактора становления русской нации. Что же касается характера религиозности нашего героя, то я бы определил его словами, заимствованными у Н. А. Бердяева: верующий вольнодумец.

Своим искусством Васильев по существу утверждал необходимость сохранения памяти о далёких предках и важность преемственности в смене поколений. Такой направленностью творчества он напоминал христианского космиста Николая Фёдорова, русского философа, провозгласившего культ предков, автора утопического проекта воскрешения всех умерших поколений. Это отмечается А. Юсфиным: «В нём (т.е. в Васильеве — К.Х.), скорее, звучало нечто фёдоровское. Не зная работ этого известного русского философа, он своей редкой по силе интуицией как-то прозревал подобный же взгляд на мир, на всё сущее». Мне почему-то кажется, что, если бы Васильев был больше знаком со святоотческой литературой и трудами христианских философов, его отношение к православию было бы другим. И христианская тематика шире и глубже была бы представлена в его творчестве. Правда, христианство имплицитно нередко присутствует у Васильева. Дело в том, что многие его картины, посвящённые старине, носят иконографический характер, т.е. лица героев этих картин напоминают лики христианских икон (картины «Авдотья Рязаночка», «У колодца», «Ожиданье» и др.).

В поисках более адекватного образного выражения соотношения временного и вечного, обыденного и священного, малого и великого Васильев постепенно разработал свой художественный метод, который по определению Г. Пронина является уникальным синтезом возвышенного реализма, многозначного символизма и сурового романтизма. Как известно, сам себя художник называл северным символистом. Не вдаваясь в детали художественного метода Васильева, рассмотрим несколько его картин с точки зрения их мифопоэтичности и присутствия в них аспекта вечности.

Возьмём хорошо известную историю, связанную с созданием картины «Северный орёл». Один из друзей Васильева рассказал ему о своей встрече с орлом, сидящем на краю обрыва над Волгой и грозно глянувшим на человека, от чего тот даже отступил, восхищённый гордой и красивой птицей. Художник сказал, что нарисует этого орла. Через некоторое время он позвал друзей для просмотра новой картины. Каково же было их удивление, когда вместо орла они увидели на ней человека с суровым взглядом и орлиным носом, с воротником шубы, похожим на орлиное оперение, и с топором на плече. Этот грозный и, по-видимому, сознающий себя хозяином положения человек был изображён на фоне сказочного зимнего леса. Зрители почувствовали символический характер картины и её обращённость к былинной древности.

Почему же Васильев изобразил вместо орла былинного человека? Да потому что он поступил в соответствии с древним мифологическим приёмом, превращающим птиц и животных в людей. Тем самым художник осуществил переход от обычной реальности к сакральной реальности мифа. Здесь следует сказать, что мифологическая традиция делит пространство и время на профанное и сакральное. Профанное пространство и время — это пребывание здесь и сейчас, это текущее время и привычное пространство, а сакральное — это пребывание в вечности, это священное пространство и время богов и первопредков, когда происходило сотворение мира и человека, когда формировался тот или иной род, то или иное племя, когда герои совершали подвиги, побеждали врагов и жертвовали собой, когда закладывались нормы и правила жизни рода и племени и определялись те базовые ценности, к которым нужно стремиться потомкам. Исходя из этого, становится понятным, что картина «Северный орёл» имеет мифопоэтический смысл, и её герой, символизирующий хозяина леса, которым может быть и человек, и птица, и животное, пребывает в сакральном пространстве и времени, принадлежа уже вечности.

Возьмём другую васильевскую картину — «Лесная готика». Здесь изображён сосновый лес, и нет никаких мифических героев. Но картина тоже носит мифопоэтический, т.е. возвышенно сакральный характер, и в ней символически присутствует аспект вечности. Во-первых, это — просветы неба, пробивающиеся через зелёную чащу, освещающие землю и сосны, и как бы одухотворяющие суровый строй леса. Во-вторых, высоченные вековые сосны, кроны и вершины которых далеко располагаются за пределами картины, тоже принадлежат больше вечности, а не реальности. Они стоят, словно стражи молодой, быстро растущей жизни в лице маленькой сосенки в центре картины. «Лесная готика», символически выражая устремлённость всего живого к верху, свету и небу, несёт на себе печать какой-то суровой возвышенности. Название вполне соответствует картине, поскольку изображённый на ней лес действительно ассоциируется с готическим храмом. Последний архитектурно гораздо сильнее выражает устремление духа вверх, чем другие культовые сооружения.

В качестве примера совмещения разных планов бытия можно рассмотреть и картину Васильева «Парад 41-го», посвящённую реальному историческому событию. В ноябре 1941 года на Красной площади произошёл парад советских войск в честь

годовщины Октябрьской революции, когда эти войска прямо с парада шли на фронт для того, чтобы остановить немецко-фашистские дивизии, рвущиеся к Москве. Момент этого парада отражён на картине. Где же здесь интересующий нас аспект вечности? Он присутствует в памятнике Минину и Пожарскому, увеличенном в своём размере и доминирующем на полотне. Скульптурные изваяния героев прошлой истории, уже ушедшей в вечность, как бы благословляют со своего постамента проходящих мимо колонны солдат на защиту Родины. Большинство этих солдат погибнет и тоже уйдёт в вечность, но их жертвенный подвиг навсегда сохранится в народной памяти. Взаимоотношение разных планов — вечности, истории и современности — символически убедительно и в оригинальном ракурсе показано на картине.

Следует отметить, что Васильева привлекала военно-патриотическая тема. Война — это время великих страстей и испытания человеческих характеров. С одной стороны — это проявление отваги, мужества, подвига, высокого героизма и священного самопожертвования, а с другой стороны — это проявления трусости, предательства, подлости и других низменных черт человеческой натуры. На тот или иной бой, сражение, парад, на того или иного военачальника Васильев смотрит как бы из вечности, увековечивая в своих картинах самое главное и существенное, что имеет отношение к войне и защите Родины...

Я обращусь и к рассмотрению самой интересной и любимой мною картины Васильева «Человек с филином». Первоначально моя трактовка картины была такова: на ней изображён древнеславянский волхв-прорицатель, живший когда-то на дальнем Севере. Изображён он в момент свершения какого-то магического обряда, направленного на предсказание будущего. Как стало известно, Васильев хотел назвать свою картину «Грядущий...», но по каким-то причинам название не утвердилось, а осталось «Человек с филином», предложенное друзьями художника уже после его смерти. Название, впрочем, мало говорит о сути васильевского шедевра.

Затем возникла ещё одна близкая к первой трактовка картины: здесь изображён некий дух — хранитель Севера и северной жизни, стремящийся эту жизнь взращивать и беречь при помощи творческого огня.

У меня возникли вопросы. Почему герой картины такого огромного роста, будто соединяющий землю и небо? И при чём тут имя Васильева, присутствующее на полотне в виде надписи на горящем свитке? Я понял, что картина несёт в себе более глубокий смысл, чем тот, который был у меня первоначально. Возникла следующая мысль. Васильев замыслил свою картину как ответ на вопрос: чему или кому служит его творчество? Исходя из этого, я сформировал более символическую и сложную интерпретацию «Человека с филином». Прежде чем её представлять, опишем подробнее детали картины, хорошо известной многим.

Итак, на ней изображён старец-великан, седовласый и бородатый, в огромной серебристой шубе, высоко и могуче восставший над необъятными просторами северных лесов. Перед ним внизу горит небольшой костёр. В правой руке старец держит горящую свечу, освещающую его лицо. Взгляд старца суров, зорок и на чём-то сосредоточен. Встаёт вопрос: о чём он думает? В левой руке этого северного сверхчеловека, одетой в рукавицу и вознесённой вверх над головой, зажат кнут. Кого же он хочет отхлестать этим кнутом? Тоже вопрос. На рукавице сидит огромная птица, широко распахнувшая свои крылья. Это — филин, большой желтовато-коричневый глаз которого довольно грозно смотрит с картины на зрителя.

Несомненно, каждая деталь картины символична и имеет своё значение. «Человек с филином» — это образец того северного символизма, о котором говорил сам Васильев. Я думаю, что картина в целом показывает мощный суровый дух северных, в том

числе русского, народов, их жизнестойкость, волю, мудрость и величие. Жизнь этого духа и олицетворяет старец-великан.

Картина иконографична. Она торжественно величава и в то же время интимно сокровенна, поскольку в ней присутствует некое священное тайнодействие, связанное с огнём.

Картина вертикально направлена снизу вверх, от земли к небу, от сиюминутного к вечному. Вертикаль смысла картины снизу задаётся горящим свитком с псевдонимом художника «Константин Великоросс» и датой, ставшей годом его смерти — 1976-й. Пламя от горящего свитка тянется вверх и символизирует творческое горение художника, служащее общему благу северного народа, росту его духа и дающее начало новой жизни. Новую жизнь выражает парящий над пламенем, пеплом и дымом росток дуба, считающийся знаком вечности. Росток тоже тянется вверх, и над ним располагается свеча, зажатая в руке старца. Очевидно, что между пламенем свечи и горящим внизу свитком существует связь. Её можно трактовать так: творческое горение своими живительными потоками (через зелёный росток) подпитывает светоч силы, добра и правды народа, который никогда не гаснет благодаря подключению всё новых источников человеческого созидания на земле. Ответ на вопрос о главной цели художника Константина Васильева становится понятным. Это творчество духовно служит интересам русского и других народов Севера и всему человечеству.

Но продолжим анализировать картину. Освещённое лицо старца, завораживающее своей духовной сосредоточенностью, весьма озабочено и глубоко задумчиво. Причину такого озабоченного лица великана можно объяснить так: грядущее всегда таит в себе опасность, оно может нести людям неожиданные лишения и трудности, и надо быть готовым ко всему. Тем более в условиях сурового Севера нельзя расслабляться, лениться и терять чувства ответственности и бдительности.

Далее, для чего нужна плеть в поднятой руке великана? Плеть, являющаяся символом силы воли, как раз нужна не столько для устрашения и отпугивания внешних врагов, сколько для борьбы с собственными недостатками: ленью, равнодушием и слабоволием. Велика и роль филина, сидящего сверху на той же руке. Эта птица считается символом мудрости и беспристрастного видения мира. Ей доступны тайны, даже те, которые сокрыты мглою ночи. Мне представляется, что филин является не только олицетворением мудрости, но и символом живой связи с космосом. На картине он распахнул свои огромные крылья, подставив их находящемуся над ним звёздному небу. Птица будто принимает космическую энергию и передаёт её старцу. Последний прочно укоренён в земле и то же время связан с космосом.

Таким образом, бытие северного духа-сверхчеловека энергетически носит геокосмический характер. Снизу его подпитывает энергия земного творчества, а сверху — энергия звёзд. Неугасимость и яркость светоча в его руках зависит от неистощимости и мощи источников энергии. Рассматриваемую картину Васильева можно трактовать и как символ единства человеческого рода, земной природы и космоса. Север своей суровостью, чистотой и отсутствием всяких излишеств оказывается более открытым и близким к звёздам и космическому пространству, чем остальные части света. Кстати сказать, Васильев любил рисовать ночное звёздное небо, особенно просматриваемое через ветви деревьев. У него есть несколько великолепных картин на эту тему.

Северный дух в облике великана-сверхчеловека — это, конечно, мифопоэтический образ, пребывающий в сакральном пространстве и времени, где откладывается и сохраняется в вечности всё главное и существенное в жизни народов. О таком характере пространства и времени свидетельствует, во-первых, то, что на картине одновременно присутствуют день и ночь (впрочем, за полярным кругом возможно

некоторое совмещение светлого и тёмного звёздного неба). Во-вторых, на картине линия горизонта с тёмной полоской неба в правой части картины не совпадает с подобной линией в её левой части. В-третьих, в сакральном пространстве не только нарушаются привычная смена событий и обычные пропорции и размеры, но и происходят чудеса. И такое чудо происходит на картине. Это — зарождение и рост земного растения из пламени.

Несколько слов надо сказать и о роскошной шубе великана, будто бы единородной по фактуре с заснеженными лесами, раскинувшимися внизу. Она утепляет хозяина и делает его существование более комфортным. В то же время шуба очерчивает и, вероятно, как-то защищает пространство, в котором совершается центральное таинство на картине, связанное с цепочкой «пламя творчества — росток дуба — светоч». Священнодействие, напряжённая поза старца-великана, его сосредоточенное лицо и шагнувшая вперёд левая нога — всё это говорит о важном моменте в жизни героя, когда ему, возможно, уже открылась истина, и он решил начать двигаться к выбранной цели.

Такова моя интерпретация картины Васильева «Человек с филином», которую я бы назвал «Великий дух Севера» или «Северный сверхчеловек».

И последнее. Говорят, что творческие люди часто предчувствуют свою скорую смерть. Если это имеет отношение к Васильеву, то его указанную картину можно рассматривать как творческое завещание художника. Во-первых, потому что она оказалась последней завершённой картиной Васильева среди множества его незавершённых картин. И, во-вторых, изображённый на картине сгорающий в пламени свиток с именем Васильева и датой, может означать не только его творчество, но и конец земной жизни художника. Не исключено, что Васильев уже предчувствовал свою близкую гибель, когда рисовал «Человека с филином».

К великому сожалению, Васильев ушёл из жизни совсем молодым (в 34 года) и, конечно, далеко не полностью реализовал свой творческий потенциал. Но даже и то, что он успел создать, составляет неоценимое наследие. Я уверен, что интерес к творчеству русского художника Константина Васильева никогда не исчезнет, и новые поколения людей будут приходить к его насыщенным символами картинам, получать эстетическое наслаждение и вдохновение, заряжаться той духовностью, которая исходит от его творений.

P. S. С разрешения сестры художника Валентины Алексеевны Васильевой, фотографии предоставлены директором Картинной галереи К. Васильева Геннадием Васильевичем Прониным. Автор статьи и редакция литературного альманаха «Аргамак. Татарстан» благодарят его за предоставленные материалы.

АЛЕКСЕЙ КАРЕЛИН

Скорбь

Повесть

Горизонт заалел. Продрал глотку петух. Дед Емельян застонал, перевернулся лицом к стенке.

Снится ему Варя. Да не та, что в могилу легла: полная, морщинистая, седовласая. Та, с которой под венец пошёл. Гладит она его жидкие клоки волос, улыбается. Как дела, как живётся без неё, спрашивает. От тела жар идёт, старые кости согревает. И так хорошо, будто у матери на коленях! Оттого и растянуты губы у старика во сне.

«Совсем невмоготу, Варюш,— шепчет Емельян.— Один, совсем один я. Сестра умерла, сын с внуками в Америку уехал — ни слуху, ни духу. Уж три года поди. Здоровье совсем не то. К тебе хочу. Скорей бы уже».

«Глупенький»,— смеётся Варя и вдруг отдаляется.

«Варька! Куда?» — кричит Емельян.

А девушка, будто фото старое, померкла и огнём охватилась. Дед Емельян зовёт её, руки тянет, плачет, но жена молчит, лишь глаза жалко смотрят.

— Соглашайся, Емельянушка, соглашайся,— эхом точно отдало.

Громко заурчал мотор, залязгали гусеницы. Врезался в Варьку немецкий танк, рассеял на тучу пепла. Грохот. Выплюнула пушка ядро да прямо в дом Емельяна. Покосилась крыша, внутрь осыпалась. И сделать ничего нельзя: ни гранаты, ни пулемёта.

Будто из-под земли, выскочили немцы. Сверкнули в воздухе бутылки. Одна за другой разбились о дом, зажгли огнём адовым.

Емельян упал в канаву, пальцы закусил, чтоб не зарыдать. Плечи подрагивают, слёзы ручьём льют.

Косые лучи солнца осветили пол, кровать. Пропел петух несколько раз.

Дед Емельян резко распахнул глаза. Сон... А сердце ещё отбивает чечётку.

Встал, накинул рубаху байковую, клетчатую. Перекрестился трижды с шёпотом: «Куда ночь, туда и сон». Руки сами потянулись к газете. Затрещала бумага, зашуршала под песком махорки. Дед Емельян скрутил цигарку, вдел ноги в тапки со стоптанными задниками и, шаркая, пошёл на крыльцо. Штаны да носки он-то уже давно на ночь не снимал.

Плитка на крыльце ещё не согрелась, даже чуть влажная — на ступеньке не посидишь.

Дед Емельян вышел на улицу, опустился на истрескавшуюся потёртую скамью под забором и закурил.

Солнце ещё не набрало силу, в теньке прохладно, но цигарка согревала изнутри. Рядом шелестел старый тополь, ствол — не обхватишь. Где-то в кроне забарабанил дятел.

Издалека донеслась ругань. Неужели Сенька с утра надрался? Дед Емельян прислушался, но не тот уже слух, притупился. Одно ясно, не жену Сенька поносит. Приехал кто?

Дед Емельян бросил окурок на утоптанную землю перед скамьёй, тяжело поднялся и побрёл во двор.

Мухтар ещё спал: цепь закруглялась от штыря в будку. А вот куры уже кудахтали.

Дед Емельян взял в сарае серп, корзину саморучной плётки. Пол-огорода — трава. Это раньше, когда с бабкой жили, всё усажено было картофелем, табаком, помидорами, огурцами... А много ли надо одному? Да и сил уж нет лопатой орудовать. С маленьким кусочком потихоньку ещё справишься. Вот и растёт теперь пятачок картошки, маленькая тепличка огурцов и табак — единственное, чего не уменьшилось. Без него дед Емельян жизни не представлял. Понимал, что губит себя, кашлял по-страшному, но бросить не мог. Сызмальства пристрастился.

Наполнив корзину молодой травой да одуванчиками, дед Емельян побросал их в курятник. Раньше рубил мелко, но куры и так неплохо едят. Зачем лишняя морока?

Из будки вылез заспанный Мухтар — чёрно-серая дворняжка, похожая на щенка овчарки. Увидел хозяина, тявкнул неохотно.

Дед Емельян пробурчал:

— Сам не жрал, потерпишь.

Специально для собаки дед Емельян не готовил. Ели одно и то же. Самые лакомые кусочки, конечно, доставались Емельяну. Когда-то была и свинья. Но на пенсию всех не прокормишь, да и в мышцах слабость — поди заколи, когда сам еле на ногах стоишь.

Дед Емельян нажарил картошки, открыл банку солёных огурцов — вот и завтрак. Не забыл поделиться картошкой и с псом.

Оглядел себя в зеркале — щетины нет, а жаль. Когда жена была — радовался: бабам-то не нравится, когда бородища. А сейчас скрыла бы она морщины, годы немалые, но не лезет, зараза.

Забрехал пёс. Кого черти принесли?

Во дворе ждал высокий, коротко стриженный мужчина. В солнцезащитных очках, одет с иголочки: чёрные костюм и галстук, белоснежная рубашка. В руке — чемоданчик, точно такие в фильмах обычно набиты пачками денег.

— Вы ко мне? — спросил дед Емельян неуверенно.

— Емельян Никифорович?

— Да, я.

— Тогда к вам. Пройдёмте в дом, надо поговорить.

Пускать чужака в хату не хотелось — больно по-бандитски выглядит — но не хамить же. Прошли на кухню, маленькую, где ютились и печка, и газовая плита.

— Чай, кофе? — вежливо предложил дед Емельян, хотя кофе сроду не имел.

— Нет, спасибо.

— Вы присаживайтесь-то.

Незнакомец заметил, что стул только один.

— Может, в зал? Неудобно, если вы будете стоять.

Дед Емельян скрылся за занавесками спальни, вернулся с табуретом, уселся.

— Ну?

Незнакомец опустился на стул, поморщился. Видать, не привык на таких сидеть: деревянных, жёстких.

— Я, собственно, по какому вопросу. Ваша деревня близка к городу. Можно сказать, пригород.

Дед Емельян хмыкнул.

— Да, да. Вы, наверное, давно не выезжали из деревни? Наш город разрастается, обновляется. Вот и до вас дошёл.

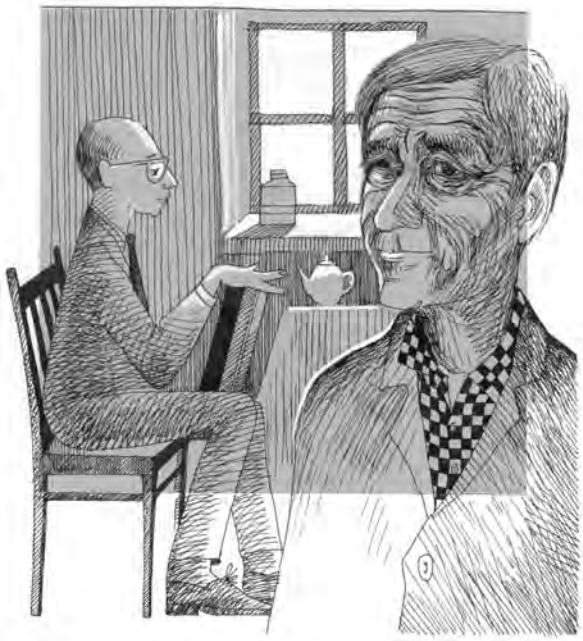
— То-то, я гляжу, трамвай по улицам начал ездить,— усмехнулся дед Емельян.

— Я серьёзно, Емельян Никифорович. Город разрастается, нужны новые земли. Собственно, из-за этого я здесь. Земля, на которой расположена ваша деревня, выкуплена. Принадлежит частной компании, которую я и представляю.

Дед Емельян посмурнел.

— Мы собираемся строить тут высотки,— продолжал незнакомец.— Супермаркеты, заправки. Понимаете?

— Сними очки, сынок,— вдруг сказал дед Емельян.— А, так и думал: глаза-то наглые, бесстыжие. Чего пришёл-то? Вышибалой будешь? Это не тебя сегодня Сенька поливал?



— Спокойствие, Емельян Никифорович, спокойно. Не надо волноваться, делать поспешных выводов. Никто вас не выгоняет на улицу.

— Тебя как звать-то, ворон?

Незнакомец пришёл в замешательство.

— Антон Денисович. А почему ворон?

— Худой вестник, и чёрен так же. Антон, значит... Так скажи мне, Антоша, это кто ж вас надоумил землю выкупать, нас не спросив? Тут целая деревня живёт, а вы этот, как его... полис собрались возводить.

— Деревня не такая уж большая. Много домов пустует, живут в основном пожилые люди. У де-

ревни нет будущего. Сносить её надо. Вас переселим в город. Понимаете? Взамен вот этой халупы вы получите квартиру в городе.

— Халупы, значит?

Глаза деда Емельяна ожесточились, лицо побагровело.

— Я в этой халупе почти всю жизнь провёл. Сам строил, когда женился. Чихал я на твою квартиру! Тут вся моя жизнь. Тут! И другие тебе то же скажут.

Антон поскучнел, взгляд опустил, забарабанил пальцами по столу, бросил задумчиво:

— Да сказали уж... некоторые.

— Вот-вот, а я ещё добавлю. Иди-ка ты со своей стройкой к едрене фене. Мы тут всю жизнь прожили, а ты снимать нас с места вздумал. Умный больно! Земли мало? Вон кругом сколько. Строй где хошь, а на обжитую не суйся. Тут прадед мой жил, и дед, и отец. Деревня войну повидала и простояла, а ты, сопля зелёная, сносить её вздумал?

— Попрошу без оскорблений. Я понимаю ваши чувства...

— Да ни ежа ты не понимаешь! Тут всё родное: земля, трава, речка, тополь, соседи, друзья... Хозяйство тут у каждого, огороды. Или ты нам и дачу подаришь? Земля с пелёнок нас кормит. Тут пращуры, в конец, захоронены. Куда нам, старым, переезжать?

— Но ведь всё равно придётся,— пожал плечами Антон Денисович.

— Придётся? Попробуй — отними. Моя земля, я за неё плачу. И мой дом.

— Ну, сколько вы платите? Гроши. Мы предложили миллионы. Всё улажено — земля вам не принадлежит. Дом? Дом предлагаем обменять на квартиру.

— Я ничё подписывать не буду. И говорить на эту тему не хочу.

— Зря вы так, зря.

— Не тебе о том судить. Вот вам!

Дед Емельян показал кукиш.

— Так и передай начальству. С маслом, ваш бродие, с маком — как пожелаете. Могу ещё дырку от бублика привесить.

— В квартире-то лучше жить. Всё ж цивилизация. И с печкой не надо маяться, и под рукой всё: больница, магазины, рынок. Спокойнее, от воров защищённее. Да и опять-таки посты полиции повсюду. А с транспортом и вовсе сказка.

Дед Емельян посмотрел на чужака, как цепной пёс. Вот-вот зарычит.

— Сынок, ты, что ль, глухой? Я ему про Фому, он мне про Ерёму. Какой транспорт, какие магазины? Здесь мой дом родной, здесь! Иди от греха подальше, иди, пока не зашиб.

Антон Денисович резко встал, заиграл желваками.

— Я ещё приду. Вы подумайте. Как лучше-то. Мы-то всё равно своего добьёмся.

— Да кто ж вам даст? Немцев прогнали, и вас — в шею.

— Ой, дурак ты, Емеля. Как в сказке: Емеля-дурак.

— Пшёл вон! Вон, говорю,— закричал дед Емельян и яростно указал на дверь.— Пошёл, пёс!

Крик сорвался в кашель. Задыхаясь, дед Емельян согнулся. Антон Денисович потоптался и вышел молча.

Дед Емельян отдышался, прошёл в зал, выглянул в окно. Не уехал, змий. Стоит под окнами чёрный джип. К Тоне, наверное, пошёл.

Дед Емельян скрутил цигарку, вышел на крыльцо. Сел, закурил, подумал: «Надо табурет сколотить махонький, по ступеням люд топчется, а я задом всё вытираю». Выкурив самокрутку, дед Емельян вышел на улицу.

Из дома напротив выскочил Антон Денисович. Хмурый, резким шагом дошёл до джипа, бросил сердитое: «Я завтра вернусь, дед. Подумай хорошенько». Джип взревел и покатил, покачиваясь, по ухабистой грунтовке.

Следом появилась Тоня — дородная баба в самом соку. Вся семья на ней держится. Муж заработанные деньги пропивает, сын таскает пенсию у бабушки или из дома что продаёт, чтобы магарыч добыть, дочь ещё мала.

— И к тебе ирод заходил? — спросила Тоня, махнув на джип.

Как после битвы: раскраснелась, глаза сверкают, руки в боки. Она могла похлеще Сеньки обматерить, её крутой нрав всей деревне известен. Антон тот, верно, не знал, куда деваться. Не зря, как ошпаренный, выскочил.

Дед Емельян скрипуче засмеялся.

— Что смеёшься? Приходил, спрашиваю?

— Погостил немного и ушёл несолоно хлебавши. Сеньке, вон, проспаться не дал.

— Смеётся! Что смешного? — пыталась сохранить строгость Тоня, между тем уголки губ непрошено поднимались.— Проспаться не дал, говоришь? Так ему и надо: и одному, и другому. Мой вчера опять пьяный притащился, с Сенькой этим что-то обмывали.

— Было б топливо, а повод заправиться всегда найдётся,— лукаво ответил дед Емельян.

— Ишь ты, как глаза заблестели. Тоже не ангел был, сразу видно.

— Был, Тонечка, был. Теперь — ни капли. Как Варьки не стало, не хочу. Сколько слёз я ей принёс из-за этой водки... Не хочу. На Новый год даже не пью — боюсь сорваться.

— Эх вы, мужики, поздно за ум берётесь... Вот сразу бы так.

Тоня вздохнула и сменила тему:

— Ну, что этот Антон Денисович тебе наговорил?

— Что, что. Что и всем, наверное. Квартиру обещал, блага цили... цилили... тьфу!

Тоня кивала, а потом и сама начала рассказывать:

— Спрашиваю, а что за квартира-то? Мнётся: «Новая, в городе». Чувствую, подвох. Где, сколько комнат, спрашиваю. Глаза опустил, виляет: «Ну, смотря кому... Одиночкам — однокомнатная, у вас семья — больше надобно». Больше — это сколько: две, три?— спрашиваю. Сколько квадратов? У нас-то дом вон какой, ещё и пристройку сделали. Мямлил что-то. В общем, поняла, что лучше не будет. И поселят где-нибудь на окраине.

— Его все сегодня гонят. Ничего у них не выйдет. Вряд ли дураков найдут.

— Знаешь, а мне боязно, не усну сегодня. Землю-то, говорит, выкупил.

— Всех силком не выселят, а по-доброму не заставят. Правда на нашей стороне, и Бог, значит. Не бойся, Тонь. Деревне сколько годков осталось, потерпят. И им, и нам так лучше. Молодёжь уезжает отседова, старики мрут. Время терпит, обождут.

— Ох, Емельян Никифорович, дай Бог так, дай Бог.

Дед Емельян сидел на крылечке и курил, когда пришёл Антон Денисович. Мухтар натянул цепь, безудержно залаял.

— Здравствуйте, Емельян Никифорович,— сказал гость и одарил пса пренебрежительным взглядом.

Дед Емельян не ответил, глаза сощурил, выпустил дымную струю.

— Может, пса уймёте? Голова разболится...

— А тебя никто не держит,— сказал дед Емельян, пожимая плечами.

— Пройдёмте в дом?

— Я сегодня негостеприимный чего-то.

— Ну, вы хотя б подумали? Утро вечера мудренее. Вы — человек умный, не могли не заметить выгоду,— с улыбкой продолжил Антон Денисович.

— Как человек умный, я догадался, что вы хотите избу на шалаш обменять.

С лица Антона Денисовича сошла улыбка.

— Никто вас обманывать и не думал. Вот сегодня три семьи согласились переселиться. Сейчас...

Антон Денисович поднял ногу, положил на колено дипломат, расстегнул и прочёл:

— Симайко, Голубцовы, Покрышкины. Вот.

Дипломат со щелчком захлопнулся, нога опустилась.

— Все молодые...— заметил дед Емельян.— Нашли глупцов. Только знайте: среди старожилов дураков нет.

— Емельян Никифорович, о вас же забочусь. Соглашайтесь. По-хорошему. Потом пойдёт другой разговор.

— Что, с пушками приедешь? — презрительно усмехнулся дед Емельян.

— Ничего хорошего не обещаю. Вами займутся просто другие люди, которые не любят сюсюкаться.

Клокастые брови деда Емельяна соединились.

— Суда не боишься?

Антон Денисович невинно улыбнулся и ответил:

— Чего ж мне его бояться? Земля принадлежит нашей компании. Мы вольны распоряжаться ею по-своему.

— Божьего суда, Антоша, Божьего.

Антон Денисович на миг застыл и вдруг рассмеялся.

— До таких лет дожили, а до сих пор в сказки верите. Ну-ну, посмотрим, как ваш Бог распорядится деревней.

Дед Емельян бросил окурок в коробочку, приспособленную специально для этого, гаркнул на пса:

— Мухтар, молчать! В будку!

Пёс непонимающе посмотрел на хозяина.

— Иди в будку!

Мухтар склонил голову и поплёлся в конуру.

— А теперь послушай меня, сынок: мы костьми ляжем, а на землю свою не пустим.

— Значит, быть войне,— бросил Антон равнодушно.— В последний раз предлагаю капитуляцию.

— Ты не страшнее немца, сынок, не напугаешь.

Антон Денисович и дед Емельян долго смотрели друг другу в глаза.

— Я обошёл ещё не все дома — время есть. Подумайте, Емельян Никифорович, хорошенько подумайте. И овцы целы, и волки сыты. Соглашайтесь. В самом деле, так будет лучше, подумайте.

Антон Денисович вышел на улицу, а дед Емельян сидел, словно мёртвый. Бледный, глаза расширены, не шевелится.

«Соглашайся, Емелюшка, соглашайся»,— словно эхом отдало, а перед глазами ясно встала молодая Варя. Вчера дед Емельян словам непонятным значения не придал, мало ли какая нелепица во сне привидится. Теперь задумался. Не приходила ли и в самом деле Варька с того света? Предупредить, оградить от опасности.

Лязгнул затвор калитки, вошла Тоня, всплеснула руками и крикнула:

— Емельян Никифорович, он опять приходил! Угрожать пытался! Надо людей созывать.

В клубе давно не было столь шумно. И стар, и мал собрались в тускло освещённой зале, обсуждали как злобу дня, так и личные дела, сплетни.

Тоня вышла на сцену и попыталась настроить микрофон. В клубе стихло.

— Итак, спасибо всем, кто пришёл сюда,— начала Тоня с улыбкой.— Возможно, не все ещё знают, но нашей деревне грозит снос.

В дальнем углу клуба несколько человек ахнули, поднялся шёпот.

— Ну-ка цыц! Да, вы не ослышались. У многих уже побывал адвокат дьявола — Антон Денисович, так он себя называет. Уговаривает нас переселиться черт знает куда, покинуть родные места, хозяйство, бизнес.

Последнее относилось к Тоне. Она вела торговлю на дому: продукты, напитки, всякая мелочёвка.

— Многих ожидает конура, семейным, возможно, получше. К администрации области взывать бесполезно. Она нас продала с потрохами. Я знаю, некоторые поддались посулам змия, и прошу их пересмотреть решение. Взгляните сначала на обещанную квартиру, в конце концов. Чтобы вам не всучили вместо алмаза стекляшку.

— Нам показывал,— пискнул женский голос из центра толпы.— Ничё, красиво, уютно.

— И где находится? — спросил густой мужичий бас.

— Не знаю. На этом, ноутбуке показывал.

— Да так я вам и хоромы президента покажу,— рассмеялся парень у дверей.

— Лучше съездить, Настюш,— согласилась с ним Тоня.— Мало ли что он показывал. А теперь слушайте меня внимательно. Завтра прибудет техника. Одну улицу у нас отвоевали, там только Касаткин не согласился.

— Полевая, что ль? Там пять домов жилых. Есению да Ефимовну запугали — одни ведь, без мужиков, а молодые — без ума,— прогнусавил мужик с рыжими бакенбардами.

— Это кто без ума? Мы выгоду видим и соглашаемся. Вам-то что?

— А ты б не испугался, когда такой хмырь напирает, да с угрозами, мёдом перемазанными? — пожаловалась Есения.

— Тихо! — крикнула Тоня.— Завтра враг ступит на нашу землю. Мы не должны допустить этого.

— Это как?

— Поперёк дороги ляжем? Аль как на свадьбе — в цепочку?

— А шо, у меня ружо есть,— заявил поджарый дед с белой бородой веером.— Пальну разок, они и разбегутся.

— Не надо ни в кого стрелять, Павел Порфирьевич,— пресекла ненужные разговоры Тоня.— Но дорогу перегородить надо.

— Я ж говорил: костьми ляжем.

— У кого есть машины? Кто не боится рискнуть?

— В смысле? — спросил рыжий, с баками.

— Поставим на въезде поперёк дороги. Им не проехать.

— А если проедут? По головам.

— Не проедут. За это уже можно в суд подавать.

— Нет, я под таким не подпишусь..

Взгляд Тони забегал по толпе.

— А я поставлю, ежели со мной хоть две наберутся! — крикнул Лагерев, небритый мужчина с фанатично горящими глазами, и выпятил подбородок.

— Ну, раз Егорыч осмелился...

Из толпы поднялась рука.

— Вот, уже двое,— радостно подсчитал Лагерев.— Кто третьим будет? Бог любит троицу.

— А что, я эгоизмом не страдаю. Ради общего дела...

Ещё одна рука.

— Это кто тут эгоист? Мы, что ли?

— Да не в жизнь!

— Эки песни развели.

Одна за другой поднялись пять рук.

— Ну, пожалуй, хватит,— сказала Тоня.— Только после храбрость не растеряйте.

— Тонь, мужик сказал — мужик сделал,— заверил Лагерев.

— Да за тебя я спокойна,— отмахнулась Тоня.— Итак, кто готов бороться с произволом всеми способами?

— Да что мы можем? — раздался хриплый старческий голос.— Только срок продлеваем.

— Нет, братцы, так не пойдёт. Так мы можем ни с чем остаться,— поддержали с задов толпы.— Ни дома, ни квартиры.

— Надо получше всё разведать. Авось, не хитрят.

Тоня нахмурилась.

— У кого ещё поджилки трясутся?

Толпа забурлила, заругалась, заспорила. Тоня пыталась управлять разговорами, но тщетно. Старые выселяться ни в какую не соглашались. Молодые делились на тех, кто «за», и тех, кто хотел во всём разобраться. В конце концов, решили пока технику не пускать. Разузнать побольше. Вдруг золотые горы — не сказка?

Варя снова снилась. На сей раз не проронила ни слова, лишь плакала. Беззвучно, как икона, отчего на душе холодело. Дед Емельян сидел на лавочке, курил и думал. Сон ли дурной привиделся, или жена сказать что хочет. Неужели он должен покинуть родной дом? Знает же Варя, каково ему, не может не знать. Но просит, всё равно молит. А что он деревне скажет, ей не объяснишь про сон, про дурное чувство — не поверят, осмеют, оклеймят предателем.

Над головой прошумел крыльями аист, уселся в гнездо, что через два дома на столбе желтело. Закричали птенцы. Супружеская пара нежно потёрлась клювами.

У деда Емельяна защемило сердце. Так захотелось сына, внуков повидать! Услышать детский смех, обнять возмужавшего Кирилла, с невестой познакомиться. Опостылело одиночество. Жизнь не жизнь, когда рядом нет родного человека.

— Едут, едут! — звонко прокричал малец на велосипеде, затормозил и бросился во двор к Тоне.

Дед Емельян притоптал окурок и упёр взгляд в калитку напротив. Наконец, появилась Тоня с мальчишкой.

— Что делать-то собираешься? — спросил дед Емельян.

— А что делать? Всё уже сделано. Не проехать им в деревню. Пойду посмотрю, чтоб не учудили чего.

— Боишься, по машинам попрут?

— Кто их, дураков, знает?

— Ну, иди, иди, потом расскажешь.

Хотелось присоединиться к Тоне, да дальние прогулки давно стали слишком тяжелы. Дед Емельян ждал поначалу возвращения соседки. Понял, что придёт нескоро, и занялся повседневными делами. Сготовил себе завтрак, зверьё накормил, полил

огурцы. Сел на крыльцо передохнуть, заодно и дым пустить, вспомнил, что обещался себе сбить низкий табурет. Пока молотком махал, умаялся. Тяжело дыша, полюбовался на предмет своего труда, поставил на нижнюю ступеньку крыльца и тут же решил опробовать. Свернул цигарку, уселся.

— Вот, другое дело,— сказал с мягкой улыбкой.

Когда тлеющий огонёк подобрался к пальцам, послышался голос Тони. Дед Емельян бросил окурок и вышел со двора. Тоня буквально сияла. Неужели получилось?

Дед Емельян окликнул соседку, и та с радостью выложила, как было. И про бешенство Антона Денисовича, его угрозы, и про враждебно настроенных мужиков, скучковавшихся за Тониной спиной. Как Антон Денисович на словах не сдался, а сам велел стройбригаде возвращаться в город. Под улюлюканье детишек на велосипедах техника покинула деревню.

Деда Емельяна маленькая победа не обрадовала. Антон Денисович вернётся. Такие люди сразу не отступаются, унижения не прощают. Чувствовал дед Емельян, что победа эта приведёт к краху, лишь усугубит ситуацию. Не зря во сне Варя плакала.

Дед Емельян встал как обычно, рано поутру. Вышел с цигаркой на крыльцо: кровь разогнать, разум пробудить. На улице ругались. Тоня и ещё кто-то.

Дед Емельян вышел за калитку. Соседку осаждали Фёдор — волосатый здоровый мужик, прозванный Волком,— и Кузьма — бойкий пропойца с большой залысиной, как всегда в грязных спортивных штанах и помятой майке, машет неимоверно худыми, белыми руками.

— Эй, эй, черти, вы мне соседку не обижайте.

Фёдор обернулся, приветливо махнул.

— А, Никифорович, здорово!

— Что стряслось, что за шум без драки?

— Да стерва эта...— начал было Кузьма, но тут же схлопотал от Тони тяжёлую оплеуху.

— Я те дам «стерва»! Я те дам «виноватая»!

— Уймись, баба!

— Молчи, пьянь!

— Цыц! — гулко крикнул Фёдор.— Никифорович, тут, значит, такое дело: спалили наши машины, один металлолом стоит.

Дед Емельян плюнул в сердцах и выругался.

— Знал, знал, что так просто не оставят. Ну а Тоня тут при чём?

— Как при чём? — хамовато возмутился Кузьма.— А кто машины ставить надоумил?

— Я тебя силком тащила? На буксире машину тянула? — налетала Тоня.— Я предложила — ты согласился. Какие проблемы? Знал, на что шёл.

— Если б знал, не поставил бы!

— А говорили, говорили ведь: вдруг раскатают!

— Так не раскатали же!

— А было бы лучше?

Дед Емельян поднял руки, пытаясь остановить словоизлияния:

— Тихо, тихо вы. Что сцепились? Не ту глотку рвать стремитесь.

— И что нам делать? Кто платить будет? — не успокаивался Кузьма.— Где я деньги возьму на новую?

— Да она еле дышала у тебя! — воскликнула Тоня.

Дед Емельян всплеснул руками.

— Вот ядрён батон. Да уймитесь вы! Кто поджёг, с того и спрос.

Спорящие замолчали, посмотрели на деда.

— Кругом-то ни машины ихней,— сказал Фёдор о строительной бригаде.— Не могли они...

— Ночью приехать, пока мы спали?

Федор осёкся, пожал плечами.

— Ну, блин, я этого шестёрку в навозе закопаю! — пригрозил Кузьма и затряс кулаками.— Я этого, с иголочки...

— Дождись его вначале,— пробурчал Фёдор.

— Да я его... я его из-под земли достану.

Фёдор усмехнулся:

— Ну да, в грязи копаться ты любишь.

— На что это ты намекаешь?

— На порося, что, нахрюкавшись с друзьями, в луже спит,— засмеялась Тоня.

Ни Антон Денисович, ни строительная бригада в этот день не показались. На следующий, после полудня привезли вагончики, разместили на окраине деревни. Навезли досок, принялись возводить забор — огораживать строительный участок.

Несколько деревенских во главе с Тоней навестили Антона Денисовича. Того яростные выпады в его сторону нисколько не смутили. Он не проявил ни капли внимания, лишь бросил небрежно:

— Прежде чем хаять чужих, присмотритесь к своим. Не всем мы противны, не все слепы.

А ведь и в самом деле — неужели кто-то из своих мог поджечь машины? Из сторонников переселения. Та же самая Есения. Загорелась в город переехать, а тут помехи устраивают, за себя трясутся и другим планы рушат. Градус доверия резко понизился. Каждый присматривался к знакомым с подозрением. Ожидался серьёзный разговор.

Состоялся он, конечно же, в заброшенном клубе. Вот только ни к чему не привёл. Порычали, полаяли друг на друга, рассорились, Есению до слез довели, а предателя не нашли.

После собрания дед Емельян долго сидел с Тоней у своего забора на скамье.

— А может, ворон специально так сказал,— поделился он догадкой.— Чтоб стравить нас, единого духа лишить.

— Да единства и не было,— заметила Тоня сокрушённо.

Солнце садилось, шелест в кроне тополя умирал. Захотелось рассказать о сне, о Варе, но стоит ли?

Дед Емельян посмотрел на Тоню. Поверит?

— Ну, ладно, Емельян Никифорович, пойду я, темнеет уже.

Тоня встала. Дед Емельян погрустнел и с обидой сказал:

— Иди, иди, конечно.

Тоня заметила тоску на стариковском лице, подбодрила:

— Не переживай, Емельян, и на нашей улице будет праздник.

Тоня торопливо перешла дорогу и скрылась за калиткой, прошуршал засов.

Дед Емельян поднялся с тяжёлым охом, вошёл во двор, кивнул Мухтару.

— Хорошо тебе, морда. Не ведаешь, чего творится, спишь спокойно.

Пёс почувствовал настроение хозяина, проскулил в ответ. Дед Емельян понял по-своему.

— Сейчас, сейчас вынесу. Забыл я про тебя сегодня. Голодный, бедняга.

Вывалив в миску подсохшую жареную картошку, дед Емельян сел в зале, включил телевизор. Сносно показывали только два канала: «Россия» и украинский. Выбор не-

богат, поэтому пришлось смотреть новости. Дед Емельян знал, что ничего хорошего не услышит, но чем ещё заняться? Вот стукнет девять — можно спать идти.

Телевизор вырубился, как и свет на кухне.

— Этого ещё не хватало,— вздохнул дед Емельян, скрутил цигарку и вышел на крыльцо.

Тьма сгущалась. С речки, что за огородами, доносилось кваканье лягушек, с улицы — пение цикад, тихо звенела цепь Мухтара, когда тот переходил с места на место.

Вдруг донеслись мат, возмущённые крики.

— Да, гады, они! Не то что отключили, вовсе снимают. — Сенька вроде.

— Как вовсе?

— Так, провода снимают. Машина эта, электромонтёров стоит. Отрезали нас от мира.

— Вот суки...

— Ничего, они сегодня попляшут. Ты с нами?

— А то.

Дед Емельян вспомнил полные боли глаза Вари, кровавые ручейки на её щеках.

Всё, война началась.

Дед Емельян встал с петухами. Спалось плохо. Не давало покоя зловещее Сенькино обещание. Что дурак учудит? Подорвёт ещё кого, доиграется, за решётку угодит. Да и Варя из головы не выходила. Бросить дом или бороться? В одиночку решить или посовещаться с кем?

С мутной головой дед Емельян вышел на крыльцо, бросил зевающему из будки Мухтару сердито:

— Хватит спать.

Зажёг самокрутку, хотел сесть на табурет, но услышал вой крана, перекликающиеся мужские голоса. Дед Емельян торопливо вышел со двора, замер, цигарка вывалилась изо рта.

Над краном кружилась пара аистов. Их гнездо валялось на земле, придавленное вывороченным столбом. Рядом скручивали электрические провода двое в рабочих комбинезонах. Взволнованных птиц, казалось, никто не замечал, не слышал испуганного пищания из-под столба.

Дед Емельян затрясся, широкими шагами подошёл к рабочим и обвалил на них трехэтажный мат. Ругался, стыдил, добивался ответа: неужели не видели гнёзда? Мужики отмахивались, как от надоедливой мухи, и продолжали работать.

От беспомощности выступили слёзы. Дед Емельян присел у столба. Один птенец мёртв, у второго сломано крыло. Дед Емельян бережно поднял аистёнка и унёс во двор.

Птенец дрожал и не переставая звал родителей. Те примостились на крышу дома Емельяна и внимательно наблюдали за человеком.

Дед Емельян пока не знал, что делать с аистёнком, но и бросить не мог. Отдать Ваньке? Месяц назад, когда птенец выпал из гнёзда, мальчик подобрал его, кажется, выходил.

Дед Емельян привязал сломанное крыло к тельцу и пошёл к Соломоновым. Аисты сорвались следом.

Во дворе Соломоновых полная женщина с чёрными кудряшками на голове мешала кормёжку поросёнку. Так увлеклась, что не услышала, как вошёл дед Емельян.

— Здорово, Максимовна!

Хозяйка подпрыгнула с испугу, обернулась.

— Никифорович! Ты шо пугаешь? А шо это у руках у тебя?

Смахнула прядь с глаз, подошла к деду.

— А это партийное задание твоему сыну. Опыт есть, поди и этот полетит.

— Тогда у нас кота не было.

— Когда успела завести?

— Да прибился чей-то...

— Ну, Ванька у тебя ответственный. Сохранит же, думаю.

— Ой, ты мой несчастненький, кто ж тебя так? — нежно спросила Максимовна, принимая птенца на руки.— А, пищит!.. Головушку одурил. Неужто черти эти? — женщина кивнула на улицу, где завывал кран.

— Звери, а не люди,— пробурчал дед Емельян.— Нет бы снять осторожно, нет, валят опору не глядя.

— Ты-то как, собираешься на квартиру соглашаться?

— Думаю, проиграли мы,— сказал дед Емельян обречённо.— Борись не борись, а в покое нас не оставят.

— Значит, будешь соглашаться?

— Варя мне снилась, плакала она, предупреждала, мол, соглашайся. Ей оттудова,— дед Емельян ткнул пальцем в небо,— виднее. Говорят, на небе будущее открыто.

— Да ты не оправдывайся. Это дело личное, каждый сам себе хозяин. Я вот тоже задумалась, работу присматриваю новую, в городе. Там-то без земли денег надо больше,— вздохнула Максимовна.

Дед Емельян кивнул.

— Сейчас с работой туго, а старикам тем более.

— Ну, ты меня в старухи не записывай.

— Да я о себе...

— Ты только никому. Я тебе сказала про работу, и всё. А то и так чувствую себя обманщицей.

— Да не переживай. Сейчас, когда дело так круто пошло, все, небось, думают об убогой квартирке.

— Может, отстоим? — спросила Максимовна и взглянула на старика с надеждой.

— Как бы у разбитого корыта не остаться. Я не хочу перемен, всей душой против. Кто знает, как оно повернётся.

— Ну, ладно, приму я горемыку,— сказала Максимовна, поглаживая птенца.— Ты только, слышь, никому о нашем разговоре.

— Замок на уста, а ключ в реку,— ответил дед Емельян с улыбкой.

Вышел на улицу, а сердце кошки терзают. Улыбка вмиг превратилась в болезненную гримасу.

— Емельян Никифорович? — раздался знакомый голос.

Рядом остановился чёрный джип, за рулём сидел Антон Денисович.

— Чего тебе, ворон?

— У вас раненые есть?

— Не понял.

— Ночью одного вашего подстрелили.

Словно ледяной молнией ударило: холодный ток прошёлся от макушки до пят. Дед Емельян побледнел, еле выдавил:

— Как?

— Трое мужчин подожгли забор, один рабочий вовремя выскочил из вагончика и пальнул в темноту. Говорит, слышал крик. Трупа не нашли, значит, ранен. Так никто тут кровью не истекает?

— А вы хотите помочь или наказать?

Антон Денисович опустил взгляд, улыбнулся.

— Конечно, помочь.

— Нет у нас таких! — жёстко заявил дед Емельян и зашагал к дому.

Джип тронулся следом.

— Емельян Никифорович, и не слышали ничего?

— Встал недавно,— бросил, не оглядываясь, дед Емельян.

— Ну а что насчёт квартиры, подумали?

Ноги вросли в землю, голова опустела. Что сказать? Единственное, что хотелось, так это плюнуть в наглую рожу. Но Варя... Дед Емельян силился переступить через себя — не получалось. Плечи поникли, навалилась жуткая слабость, и дед Емельян молча пошёл дальше.

Антон Денисович не окликнул. Понял, надломилось что-то в старике, продержится недолго.

Строительный участок, как положено, обнесли забором. Линии электропередач сняли, газ перекрыли. Правда, был он только у третьей части деревни. Число опустевших домов росло. Съехал и Кузьма. Это его ранил в ногу рабочий. Антон Денисович обещал не обращаться в милицию, если семья Кузьмы переедет. В деревне остались, в основном, старики. Тоня по-прежнему возглавляла бунтовщиков. Сенька также не поддавался угрозам. Дед Емельян никогда бы не подумал, что в пьянице проявится такая стойкость. Сам же терзался сомнениями. Всё его внимание было приковано к Николаю Ивановичу, мужчине одинокому, жившему на отшибе деревни. На сходки деревенские он не ходил. Всегда был сам по себе. Николая не зря величали хитрым лисом, вот и теперь выделился, преподнёс Антону Денисовичу сюрприз: приватизировал землю. Уж как шестёрка невиданного бизнесмена вилась, изворачивалась! Всё впустую. Чувствовал Николай, закон на его стороне. Не дурак, три года назад из города приехал. Тихой, спокойной жизни захотелось. Как ликвидатор Чернобыльской аварии пенсию он получать стал рано. Вот и решил уехать от городской суеты.

Дед Емельян загадал: если Николай съедет, то и он подпишет бумаги.

На какое-то время Антон Денисович отступился. Забор железным занавесом отгородил Николая Ивановича от деревни, превратил в отшельника. Но ликвидатор не сдавался. На все уговоры отвечал, что продать землю не может. Тут скотинушка, чернозём, воздух свежий... Хитрил, на грубость не переходил. Дошло до того, что как-то утром он обнаружил в сарае мёртвую свинью. Сомнений нет, отравили. Ночью во двор прокрались и дали какой-то дряни. Свинья все сожрёт.

Антон Денисович посочувствовал и к делу перешёл. Скота нет, деревенская тишь вот-вот исчезнет. За что держаться?

— Продавайте землю, деньги дадим немалые, купите трёшку в центре города или сруб в какой деревне,— уговаривал он.

Понял Николай: житья не дадут. Хотел в суд подать на компанию, экспертизу провёл, отчего свинья сдохла. Деньги у Николая были, сам — мужик умный. Но не сладилось. Если и была химия, то быстро рассосалась, её следов в организме не обнаружили.

Когда дед Емельян услышал, что Николай Иванович продал участок и в Питер уехал, его словно парализовало. И день ясный показался пасмурным, и солнце греть перестало. Здоровье — совсем ни к чёрту, а тут ещё давление подскочило.

День ходил по хате, охал, кашлял утробно, дымил, как труба банная. Оклемался. Поутру пошёл к вагончикам строителей. Там обычно появлялся Антон Денисович, разговаривал с бригадиром, а потом разъезжал по улицам.

Все, кто ни встречался по пути, сразу понимали, куда, зачем идёт дед Емельян. Читали по лицу, искажённому болью и тоской. Никто не посмел и слова сказать: ни осудить, ни подбодрить, ни попытаться образумить. Выражение лица деда Емельяна тут же отражалось и на их лицах. Бороться с произволом чиновников оказалось тяжелее, чем с немцами.

Прихожая длиной в пять шагов, вширь — двоим взрослым не разойтись; маленькая кухня буквой «Г», потому как по соседству — туалет с узкой ванной; спальная комната — семь с половиной квадратов — в такой квартире предлагалось деду Емельяну дожить свой век. Плюс четвёртый этаж и отсутствие лифта, да тёмный узкий лестничный пролёт.

— Большего я от вас и не ожидал,— печально улыбнулся дед Емельян.

Мухтар гавкнул, будто в поддержку хозяина.

— Извините, что осталось,— сказал Антон Денисович, разводя руками. Солгал, конечно. Вряд ли другие получили жильё лучше.

С мебелью и вещами деду Емельяну помогли, оплатили и грузовик, и погрузочно-разгрузочные работы. Иначе дед Емельян переселяться не соглашался. Перевезти удалось не всё, так как пространство квартиры не позволяло. Бумаги оформили, как положено.

Первая ночь на новом месте всегда рябиновая. К сожалению, и деда Емельяна не постигло исключение. Сон не шёл, в голову лезли тяжёлые мысли, перед глазами всплывали корящие лица оставшихся в деревне, смеющиеся — Антона Денисовича и бригадира. Искривились вдруг, как в потревоженной воде, и уже не люди, а черти со свиными рылами хохочут, довольно похрюкивая. Несколько раз дед Емельян выпадал из мучительной дрёмы, подскакивал в холодном поту.

Днём в голове звенела сталь, в глазах скрежетал песок. Дед Емельян слонялся по квартире, как призрак, пытался свыкнуться с новым жильём, осматривался, переставлял вещи. Мухтар лежал под креслом, положив морду на лапы, и вращал глазами: наблюдал, как хозяин бродит туда-сюда. К полудню дед Емельян уже знал, где сколько шагов да метров...

Дни тянулись, как нуга. Дед Емельян познакомился с соседями. Зрелая пара с двумя дочками-школьницами справа, деловой мужчина-одиночка слева. Тесной дружбой, долгими разговорами и игрой в домино и не пахло. Во дворе частенько сидели на скамейке бабки: Лукерья и Авдотья. Ничто не ускользало от их внимания, сущие сплетницы, словно с газетной карикатуры сошли. Неподалёку от них за маленьким столом собиралась тройка любителей выпить: бывший зэк Толян, дворник Антон и пенсионер Абрамович. Последнего видали и трезвым и, кажется, на мат он был неохоч. «Может, поладим»,— подумал дед Емельян, обречённо вздохнув.

С каждым днём копила силу тоска. Тоска по дому, тоска по шуму в кроне тополя, тоска по Тоне, мальцам на велосипедах и даже Сеньке. Да по всему! По прошлой жизни. Бывало, сядет в кресло, в одну точку уставится, а перед глазами сменяют друг друга воспоминания. В такие минуты Мухтар подходил к хозяину, подсовывал лобастую голову под ладонь, бил лапой по ноге — пытался вернуть. Если не помогало, начинал скулить. Боялся, наверное, что хозяин отдаст Богу душу, оставит на произвол судьбы.

Пять дней дед Емельян маялся и решил: надо попрощаться с домом, увидеть хоть разок напоследок. Сел на последнюю маршрутку до деревни и к сумеркам был уже там. Сошёл с проезжей части к забору — ворота закрыты, рабочий день кончился. Неужели зря приехал?

Пошёл вдоль забора. Не может быть, чтобы деревенские свой ход не проделали. Точно, ближе к центральной улице в плотном ряде досок нашлась брешь. Дед Емельян протиснулся и поспешил к дому.

На небе проклюнулась первая звезда, проступил гнойный овал луны. По пути никто не встречался. Улицы казались мёртвыми, аж дрожь пробегала по телу. Тогда и пришла мысль: есть ли тут кто? Может, все съехали? Мало оставалось, когда уезжал дед Емельян, а ведь прошло чуть меньше недели.

Нет, так нет. Дед Емельян всё равно на разговоры не был настроен. Оно и к лучшему, если в деревне ни души. Хотелось попрощаться молча.

Впереди засветились белёные стены родной хаты, высокий дощатый забор в бурых лохмотьях краски. Лязгнул затвор, дед Емельян ступил на чёрную дорожку плитки. Сердце защемило, к глазам подступили слёзы. Всё, как оставил. Покосившийся сарайчик, пустая конура, зелёная лужайка, над ней тянется бельевая верёвка, в ближнем углу — остатки дров... Всё памятно, близко к сердцу.

Курятник пустой. Может, продали кур, может, рабочие съели. Жаль времени не дали, дед Емельян на рынке б деньги за них выручил. Лишняя копейка никогда не помешает.

Дед Емельян поднялся на крыльцо, зазвенели ключи. Внутри дома гуляло эхо. Всё равно хата казалась уютной, родной. Глаза сами рисовали недостающие детали. Дед Емельян бродил по комнатам, скрипя половицами, поглаживал стены, печь, дверные косяки, взирал на всё с любовью и печалью. Уходить не хотелось. Не заметил, как и сон подобрался, свалил на группку, в ворох газет и тряпок.

Что такое? Кому неймётся среди ночи? Фейверк пускают что ли? Чай, не Новый год. Или детишки с игрушечными пистолетами балуются?..

Дед Емельян поднялся, провёл ладонью по лицу, снимая паутину сна. Угораздило же задремать.

С улицы доносился оглушительный беспрестанный треск.

Дед Емельян прошёл в зал и точно попал в преисподнюю. Кругом играли багровые отблески, кричали, визжали мученики.

Дед Емельян тряхнул головой, сбросил наваждение. Кричат женщины, а в зале и на улице танцуют тени от огня. Выступил пот. Не от страха — от жара. Над головой трещало, будто склад петард подожгли.

Дед Емельян поспешил во двор, но не тут-то было. Распахнул дверь — ударило плотной струёй горячего воздуха — дед Емельян отпрянул. Горит, дом горит!

Мысли заметались, как ошпаренные. Дед Емельян пригнулся,

прикрыл лицо руками, задержал дыхание и ринулся вперёд. Раскалённый воздух охватил тугой пеленой.

Дед Емельян хотел открыть калитку, но отдёрнул руку. Металл кусался не хуже шавки. Дед Емельян натянул на ладонь рукав рубахи, ударил по затвору, пихнул калитку и бросился вперёд.

Жар чуть спал. Чуть. В голове стоял громогласный треск шифера. Огнём дышало со всех сторон. Горел не только дом Емельяна. И Тони, и Палыча, и Анисимовны. Огромные языки пламени тянулись с крыш в бледнеющую бездну неба.

Несчастные хозяева выбежали на улицу босые, в ночных сорочках и пижамах. Кто пал на колени и рыдал, кто носился с ведром воды, да к хатам не подступиться.

Воздуха не хватало, закололо сердце. Улицу заполонили призраки немцев, треск шифера превратился в гудение мотора и лязг гусениц. Кто-то схватил за плечо, затряс, закричал в ухо. Мир качнулся, помутнел и превратился в чернильную кляксу.

Очнулся дед Емельян в больничной палате. Над ним склонился мужчина лет сорока, в очках и белом халате.

— Вы доктор? — прохрипел дед Емельян. В глотке застрял ком, который никак не удавалось сглотнуть.

— Да. Лежите, не беспокойтесь. У вас случился инфаркт. Несколько домов в деревне сгорело. Вы переволновались.

— Их накажут?

— Кого? Насколько я знаю, произошёл несчастный случай. Один дом загорелся. С него перекинулось на соседние дома. Ну, жара, лето — дома сухие, понимаете. Да и крыши у вас такие, говорят, мхом пообрастали. От искры вспыхнут. Неудивительно, что дома захватило огнём даже на противоположной стороне улицы.

— Несчастный случай? Это они! Я уверен. Они!

— Кто? Кого вы имеете в виду?

— Это они, они! Во́рон и его приспешники... Под суд! Под суд фашистов! — дед Емельян забился в истерике, хотелось плакать.

— Тише, тише, успокойтесь. Вы говорите ерунду. Какой во́рон, какие фашисты? Мистика какая-то...— тараторил доктор, пожимая плечами.— Вы ещё не пришли в себя, такое бывает при сильном потрясении. Будем надеяться, что это пройдёт, иначе...

Дед Емельян стиснул зубы, схватил врача за халат и притянул к себе. Доктор встретил безумный взгляд и замолк.

— Доктор, я видел, как Ад восстал из-под земли.

Через пару дней деда Емельяна выписали. Он доехал до автовокзала, спустился в подземку, чтобы перейти на другую сторону улицы, но в сумрачном коридоре наткнулся на знакомое лицо.

— Сенька! Ты ли? Что ты делаешь? — и радость, и страх перемешались воедино.

Привалившись к стене, на избитом полу сидел грязный оборванец, перед ним — коробочка, на дне которой валялись несколько рублей. Сенька и раньше выглядел худо: непричёсанный, глаза мутные, колючая щетина, небрежно одетый. Теперь же и вовсе уподобился попрошайке. На руках и лице — следы копоти, одежда измазана ею же да грязью, местами прожжена. Худое тело покрывает фуфайка защитного цвета, из дыр на рукаве и плечах лезет вата. Взгляд пустой, губы искусаны, покрыты коркой, чуть шевелятся, а звука не слышно.

Дед Емельян потряс знакомого за плечо. Сенька вздрогнул, уставился на потревожившего. Смотрел долго, словно не узнавал, но что-то припоминал смутно.

— Сень, это я — Емельян Никифорович. Ну, помнишь? На одной улице жили, через три дома.

— Емелька,— поразился Сенька и чуть не бросился обниматься.

— Тпру! Измажешь. Ты что тут делаешь?

Руки Сеньки безвольно повисли, лицо осунулось.

— А где мне ещё быть? Дома нет, до дочки далеко пешком ишачить.

— Пойдём со мной, поехали. Напою, накормлю.

— А ты что...

— Да у меня квартира. Вовремя я переехал.

Глаза Сеньки дико блеснули, ладони сжались в кулаки, затряслись.

— Так ты с ними?! Сговорился, сдружился? Уйди, зашибу!

— Уймись ты, старый чёрт. Идём, за столом объяснимся.

— Не пойду!

— Не дури. Бетон холодный, кости застудишь. Много ты тут выпросил? — дед Емельян кивнул на коробку с монетами.— То-то же, пошли.

Сенька ссыпал рубли в карман и побрёл следом за Емельяном.

В маршрутке от погорельца все ворочали носы, брезгливо морщились. Сенька же смотрел в ноги, сдерживал себя, чтобы бранью не разразиться. Ехали где-то полчаса, вышли в небольшом микрорайоне. Стройка ещё не закончилась, рядом с обжитыми высотками стояли серые здания с чёрными пустыми глазницами, а то и вовсе огрызки многоэтажек. Рядом с ними возвышались краны, краснели ржавые вагончики. Помимо узкой центральной дороги кругом грязь и мусор...

В квартире их встретил запах мочи.

— Мухтар, ёлки-палки! — воскликнул дед Емельян.

Пёс взвизгнул и бросился навстречу. Дед Емельян обхватил его пасть, потряс.

— А, морда, делов натворил. Неучёная ты собака. А я и забыл совсем про тебя. Столько дней без присмотру! Обгадил, верно всё, псиная рожа.

За спиной тихо засмеялся Сенька. Правда, смех больше походил на кашель.

— А ты, Сень, раздевайся. Щас воду тебе налью, помоешься хорошенько. Конечно, не баня, но всё ж.

— А белой у тебя найдётся?

— Опять за своё! Ну, ты подумай! Только оправился чуток, уже о водяре думает. Иди освежись, о жратве потом скумекаем. Вещи в таз бросай, потом постираешь. Я тебе свои пока дам.

— Ох, ох, заквохтал. Как матушка, ей-богу!

— За тебя, дурака, беспокоюсь.

К вечеру Сенька успел привести себя в порядок, раскритиковать тесное обиталище деда Емельяна, ознакомиться со всеми каналами телевидения, набить брюхо и заключить:

— Жить можно.

— Нужно,— поправил дед Емельян.— Не в переходе же милостыню просить.

— Я в очереди стою. Как погорельцу квартира положена, но ты знаешь, как у нас, в России. Пока дойдёт, если вообще дойдёт.

— Вот и я говорю: со мной будешь жить.

Сенька выпучил глаза.

— Да у тебя и без меня места мало. Куда нам двоим?

— Ничего, уместимся. Сегодня можешь в кресле поспать или на полу постелю. Потом придумаем что-нибудь.

Сенька было воспротивился, но дед Емельян жёстко пресёк спор:

— И нечего ломаться! В пенсионный съездишь, адресок поправишь, куда деньги высылать. Да и мне легче будет. Одному хоть волком вой.

За ужином разговорились, вспомнили былое, молодость. Дед Емельян рассказал про сны с Варей, про постыдную сделку с Антоном Денисовичем и про то, как едва не сгорел заживо. Сенька — про то, что было в деревне после отъезда деда Емельяна. Дома всё-таки подожгли. Под несчастный случай замаскировали. Баба Лукерья в больницу с ожогами попала, Тоня уехала к сестре в Калугу, другие тоже по родственникам разъехались. После пожара все, кто ещё сомневался, согласились покинуть дома добровольно.

— Так, значит, в самом деле Варька тебе являлась?

Дед Емельян качнул головой. Сенька вздохнул.

— Эх, а моя, видать, меня не любит. Да и за что?.. Пьяница буйный.

— Да брось, глупости говоришь. Столько лет прожили. Я тоже не мёд был.

— Надеюсь, хоть после смерти встретит. Жизнь ругались, а на том свете одиноким быть не хочется.

Лицо Сеньки стало такое жалкое, скукожилось, сморщилось.

— Выпить точно нет? На душе так гадко.

Дед Емельян быстро смекнул:

— Хочешь Василису порадовать, брось это дело. Соверши поступок.

— Эк ты гад, в больное место...

Давно дед Емельян так не засиживался. На дворе наступила глубокая ночь, а в спальне всё ещё горел свет. Держало Емельяна и Сеньку вместе горе, сон не шёл. Выкурили всю пачку, аж туман стоял. Переживали заново ушедшие моменты, подлатывали раны на сердце и душе, поминали тех, кто ушёл из жизни и не видал произвола в деревне, тех, с кем жили и не ценили, тех, кого не хватало.

Первым уснул Сенька. Говорил, говорил что-то нечленораздельное и замолк. Дед Емельян кивнул, прошептал: «Пора, брат, пора». Выключил свет и лёг в постель.

Утром на глаза упал луч солнца. Окна выходили, как в старом доме, на восток. Потому сперва деду Емельяну и показалось, что он дома, в деревне. С радостным чувством потянулся, сел на кровати. Улыбка тут же потускнела. Кругом знакомые вещи, а квартира всё равно чужая.

Сенька ещё спал, развалился в кресле, голова наклонена к плечу. Пускай, устал человек. Сколько дней незнамо где спал, слонялся.

Дед Емельян оделся, позавтракал, сходил в магазин, а Сенька всё спал. Отчего-то на душе стало тревожно.

Дед Емельян подошёл к Сеньке, тронул легонько — холодный, как дверная ручка в подъезде. Потряс сильнее, окликнул. Болтается безвольно голова, обмякшее тело не шевелится, грудь не вздымается.

Дед Емельян оставил Сеньку в покое, отшатнулся, прислонился к стене. Помер. Во сне, по-тихому. Оставил одного. Снова...

К глазам подступили слёзы. И тут же накатила злоба. На себя, на мысли эгоистичные. Сеньке-то оно к лучшему — отмучился.

Дед Емельян провёл ладонью по глазам и вдруг заметил улыбку. Сенька безмятежно улыбался. Всё-таки встретила его Василиса...

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ

ДОЖДАТЬСЯ ВОСКРЕСЕНЬЯ

К ЧИТАТЕЛЮ

Душа верна неведомым пределам.
В кольце врагов займёмся русским делом...
Юрий КУЗНЕЦОВ

Трудно нынче русскому поэту. Он как никто чувствует надвигающуюся трагедию эпохи, страны, народа, отдельного человека. Его пророчества сбываются, но от него отвернулись и государство, и так называемое гражданское общество. Власть имущие отдают предпочтение футболистам и шоуменам. Поэты не нужны чиновникам и олигархам, поскольку заставляют читателей думать, будоражат болото теперь уже «демократического» застоя (вне зависимости от искусственно созданных протестов на Болотной площади). Идеология сценаристов оранжевых революций проста как дважды два: хлеба и зрелищ! Плюс пресловутые, придуманные за океаном «права человека». Права России на собственный исторический путь отвергаются, как мракобесие.

Вечно так продолжаться не может. Зреет социальный взрыв. Крови не хочется никому — поэту не хочется, в первую очередь.

Я устал от двадцатого века
От его окровавленных рек...

Так накануне своего ухода написал Владимир Соколов.

Так думает и русский поэт из Краснодарского края Николай Зиновьев — вчитайтесь в публикуемые здесь стихи и вы это сразу почувствуете.

Казалось бы, литературная биография Николая Зиновьева складывается на редкость удачно — публикации в столичных журналах, книги, статьи. В литературном процессе современности он справедливо поставлен рядом с Николаем Рубцовым и Юрием Кузнецовым. Можно ли назвать это признанием? Только отчасти при нынешних мизерных тиражах. Интернет не в счёт — он не зря назван паутиной. Парадоксальная ситуация: поэты пишут друг для друга. От народа они отлучены.

А как хотелось бы, чтобы стихи Николая Зиновьева изучались в школах. Вот такие, например:

Осталась от бабушки прялка
И светлая скорбь на душе.
О Господи, как же мне жалко,
Что нет её с нами уже.

Никто мне «Мыкола» не скажет,
Но в снах моих, полных тоски,
Я вижу: в раю она. Вяжет
Христу шерстяные носки...

Новизна, неожиданность мироощущения поэта состоит не в формалистических изысках, а в том, что до него в русской поэзии не было бабушки (даже Арина Родионовна — другая), светоносный образ которой символизирует святую Русь, принявшую Христа.

Отсюда следует, что Николай Зиновьев — глубоко православный поэт. Даже несмотря на то, что публикуемые нами стихи кому-то могут показаться беспросветными:

Все чувства накрыла апатия...

И льнёт к окошкам тёплым лето,
Небось, последнее уже...

Предчувствия поэта действительно невеселы. Но, осознавая, что «... Время Второго Пришествия // Уже на пороге стоит»,— он не поддаётся унынию:

Пусть не хочется, брат, умирать,
Но есть слово железное «надо»,
Чтоб пополнить небесную рать
Для сражения с силами ада.

Как тут не вспомнить перевод другого русского поэта строчек Мусы Джалиля из легендарной «Моабитской тетради»:

Я ко всему готов. Но мне ещё нужны
Бумага белая и чёрные чернила.

А Николай Зиновьев подытоживает свои размышления неожиданно светлой улыбкой:

Эти доводы ёмки и вески,
Но как ни был бы смел ты и крут,
Стоит всё же дождаться повестки.
Добровольцев туда не берут.

Да, примыкать к небесному воинству нам пока рановато. Мы ещё здесь повоюем «За сказку русского лица // И верный путь во мгле».

Николай АЛЕШКОВ

* * *

День ото дня мелеют реки,
И вместе с ними заодно
Мельчают люди-человеки,
Безверье тащит их на дно.

Кто эту жизнь переиначит,
Что так продажна и груба,
Где ничего уже не значит
Отдельно взятая судьба?

* * *

Мы все рабы своих грехов,
Рабы пороков всех веков.
Мир превозносит подлеца,
Блудницу, хама и лжеца,
Плевать хотел он на героя.
Так будет длиться до конца
Рабовладельческого строя.

СОБРАТУ ПО ПЕРУ

Хочешь знать, где я был?
В этом нету секрета.
Я в себя уходил
Не на миг — на всё лето.
Исхудавший как пёс,
Я вернулся обратно.
Что оттуда принёс
Записал аккуратно:
«О душе не пиши
Так темно и убого,
Знай, от русской души
Ключ хранится у Бога».

ЗАПИСКА

Приплетётся на ранней заре
В грязных туфлях и полный конфуза,
И записку прочтёт на столе:
«Между нами всё кончено. Муза».

И замрёт он, о шкаф опершись,
Но потом он очнётся, задышит.
«Между нами всё кончено, жизнь»,—
На оставшемся месте напишет.

* * *

Пусть не хочется, брат, умирать,
Но есть слово железное «надо»,
Чтоб пополнить небесную рать
Для сражения с силами ада.

Эти доводы ёмки и вески,
Но, как ни был бы смел ты и крут,
Стоит всё же дождаться повестки.
Добровольцев туда не берут.

ТИПИЧНЫЙ ПАРАДОКС

Был конкурсантом, дипломантом,
Лауреатом, слыл гигантом.
Его снимали крупным планом,
А он был просто графоманом.

Другой писал в малотиражке,
Ходил в потрёпанной фуражке
И часто был нетрезв при этом,
Но настоящим был поэтом.

Типичный случай? Даже очень.
Обоих знал я, между прочим.

БЕЗЫСХОДНОСТЬ

Вот плод ночей бессонных,
Твоих ночей, поэт:
Попасть в число спасённых
Реальных шансов нет.

Ты слишком был беспечен,
Себе же на беду.
Твоим страстям намечен
Предел, увы, в аду.

Как это ни печально,
Как ни ужасно, но
Всё в мире не случайно,
Ты это знал давно.

Тебе даже знамение
Давалось, тем не менее...

* * *

Мир на краю, а им не страшно.
Им эта тема не близка.
Что ад? Что рай? Другое важно:
Не проиграл бы ЦСКА.
Тоска.

РОССИЯ, 2012 ГОД

Все чувства накрыла апатия.
Вокруг лишь одни миражи.
И тонут за партией партия
Не в чьей-то, а в собственной лжи.
А сколько вокруг сумасшествия!

Но видит лишь только пиит,
Что время Второго Пришествия
Уже на пороге стоит.

СОМНЕНИЯ

Да разве радуют стихи,
Красóты образов и слога,
Когда мне не дают грехи
Достать молитвою до Бога?

Другие пишут о другом,
А я пишу всегда об этом.
Быть может, в случае таком
Нельзя назвать меня поэтом?

ЛЕТО ГОСПОДНЕ

Упразднено греха понятье.
Чего же ждать нам впереди,
Коль кроме возгласа: «Проклятье!»
Ничто не рвётся из груди
Седобородого поэта
С огромной раною в душе...
И льнёт к окошкам тёплым лето,
Небось, последнее уже.

* * *

Он для общества член не полезный,
Не партийную линию гнёт,
И является Феликс Железный,
И пускает поэта «в расход».

Разбивается лира при этом,
Навсегда выпадая из рук.
Прежде, чем становиться поэтом,
Может, всё же подумаешь, друг?

ЭКСПРОМТ

Жизнь висит на волоске,
И не оттого ли
Человек живёт в тоске
По иной юдоли?

Бьётся жилка на виске,
Помня о коварстве,
Что таится в волоске.
Человек живёт в тоске
О Небесном Царстве.

ЭЛЕГИЯ

А могло быть всё иначе,
Будь решительнее я.
Были мы вдвоём на даче,
Ты сказала: «Я твоя».

Ну, а я, пацан, мальчишка
Убежал… о, Боже мой!
А вернулся поздно слишком,—
Ты уехала домой.

Не зашёлся мир весь в плаче…
Постепенно отлегло…
Нынче знаю, что иначе
Быть тогда и не могло.

УЕЗЖАЮЩЕМУ ИЗ РОССИИ

Твердишь, что нету здесь везенья,
Что здесь живёт одна беда,
Что здесь тебе не та среда…
А ты б дождался Воскресенья!

РАШИТ БАШАР

ГНЕЗДО СОЛОВЬЯ

Новелла

Он всегда мечтал сесть на ритмично покачивающий поезд, уехать на нём далеко-далеко и выйти из вагона где-нибудь посередине незнакомой степи.

Можно подумать, что в чужой стороне вода — молоко, а хлеб — мёд.

Но однажды он сел и уехал.

А потом он вышел.

Точнее, его высадили. Поезду, стремившемуся к синеющим вдали горам, не нужен был мальчик, у которого в карманах свистел ветер.

Проводнику с багровым, словно свёкла, носом не были нужны ни этот мальчик, ни девочка с изжелта-бледным лицом, в светлом платье в мелкий голубой цветочек, помятом донельзя из-за постоянных ночёвок где придётся.

Взявшись за руки, они выпрыгнули из тамбура. Мальчик с лёгкой чёрной сумкой на плече и эта девочка в светлом платье с замызганными рукавами.

Поезд ушёл. Ушёл стремительно, словно желая быстрее добраться до виднеющихся вдали сизых гор.

Мальчик и девочка сели на нагретые солнцем и вагонными колёсами рельсы, вытянули ноги на проросшую среди щебня траву. Впереди виднелась глубокая канава, а за нею начинался дремучий лес.

— Здравствуй!

Мальчик чуть удивлённо посмотрел на сидевшую рядом девочку. Движением плеча скинув чёрную сумку, он положил её на покрытую сажей траву.

— Здравствуй!

Девочка с болячкой на верхней губе рукавом платья вытерла мокрый нос:

— Ты куда ехал?

— Не знаю.

— Я тоже не знаю.

Девочка встала. Потёрла расцарапанную коленку. Затем, прихрамывая, подошла к краю канавы. Внизу поблёскивала вода, собравшаяся после ночного дождя.

— И что нам теперь делать?

— Снять штаны и бегать...

Девочка повернулась к мальчику, беспечно гревшему спину под солнцем.

— Ты, девочка, поступай как знаешь, а я собираюсь пройти вон через тот лес.

— А мне что, одной тут оставаться?

— Я же сказал тебе, делай что хочешь. Не я же привёл тебя сюда.

— Я тоже не собираюсь тащиться за тобой.

— Ну раз так... Двигай вон по шпалам.

— Давай вместе. Я одна боюсь.

Мальчик снова посмотрел на неё. И внешним видом, и поведением она напоминала избалованную девчонку, которая не может оторваться от маминого подола.

— Не волнуйся, волки тебя есть не станут. Ты же тощая, зачем волку кожа да кости?

— У тебя есть хлеб? — Девочка потянулась к чёрной сумке.

— Не трогай!

Мальчик резво выхватил сумку и зачем-то добавил:

— Я ищу гнездо соловья.

— Какого соловья?

— Соловьиного соловья.

Сложив сухие губы в трубочку, мальчик посвистел.

— Соловей поёт не так.

Откинув назад свою стриженую ёжиком голову, мальчик громко рассмеялся:

— Но я же не сказал, что он поёт так... На, ешь!

Открыв сумку, мальчик вытащил ломоть белого хлеба. Затем на гальку легла бутылка с апельсиновым соком.

— Давай, не стесняйся...

Но девочка уже оторвала кусок и ела. Засуетившись, она поперхнулась, схватила бутылку и протянула её мальчику. Открыв бутылку, мальчик отдал её девочке и тоже начал есть хлеб. Впереди них сплошной стеной стоял дремучий лес.

Проглотив последнюю крошку, девочка отпила сока и снова с интересом взглянула на мальчика. Она заметила его ещё в вагоне. Но более всего её привлёк не он сам, ехавший с прижатым к окну носом, а чёрная сумка, висевшая рядом на крючке. В этой сумке, по её мнению, непременно должны были быть разные вкусные вещи. Не станут же носить такую сумку просто так, для форсу. Она уже видеть не могла семейную пару, с шумным смехом поедающую в соседнем купе куриные окорочка. В какой-то момент ей начало казаться, что это куриное мясо, поджаренное на масляной сковороде, застряло у неё в горле и она задыхается, не в силах проглотить его. Язык её прилип к нёбу... И в это мгновение мальчик потянулся к своей сумке и вытащил оттуда бутылку с водой. Не отрывая глаз от окна, он прижал горлышко к губам. Девочка невольно всем телом потянулась к бутылке, но вовремя сдержалась. Затем, прихрамывая, поплелась в начало вагона. Налила себе кипячёной воды из стоявшего в углу бочонка. Жажда поутихла, кажется, и застрявшая в горле куриная нога тоже отправилась дальше, в желудок.

Краснолицый проводник с носом цвета свёклы подошёл к бачку с полотенцем в руках. От этого полотенца, пестрящего масляными пятнами, пахло свежими щами.

Девочка снова судорожно сглотнула.

Проводник сунул полотенце куда-то за бачок и крикнул:

— 646-й разъезд. Сходить кто будет?

Поезд снизил скорость. Проводник подозвал мальчика с чёрной сумкой, поставил его рядом с девочкой.

— Значит, решили путешествовать безбилетниками, да? Таких, как вы, на вокзалах сейчас уйма. Всё равно что воробьёв на площади...

Вагоны, пропахшие курятиной, колбасой, водкой и пивом, были уже далеко. Оставив мальчика и девочку на окраине дремучего леса, они растаяли в стороне голубых гор...

Поезд проследовал из Страны Грусти в Страну Мечты.

— Как тебя зовут?

— А тебе зачем? Я человек... Просто человек! Обыкновенный пацан, который хочет летать, как птица.

— У птицы тоже бывает имя.

— Тогда называй меня Соловей.

Мальчик вдруг обрадовался своему открытию и улыбнулся девочке, которая тем временем начала собирать ежевику.

— Я — Соловей. А ты кто?

— Я?.. Ну, тогда я — Жар-птица...

— Вообще-то похожа... Ты своё платье, наверно, сто лет не стирала. Всё в пятнах.

— А ты попробуй поночуй, как я, на вокзалах...

— Ночуй дома. Кто тебе велел на вокзалах побираться?!

Девочка откинула голову назад. На её желтоватое лицо легла зелёная тень дерева.

— Эх, сейчас бы кусок хлеба и пару конфет... Съела бы всё это — и целый день сыта.

— Конфет у меня нет. Хлеб пока есть, но с ним надо поэкономнее. Его должно хватить, пока пройдём через лес.

Девочка, потянувшись, сорвала несколько орешков. Пожевала, затем, сморщившись, сплюнула зелёную кашицу.

— Ещё не созрели...

Они снова зашагали вперёд. Лес казался густым только от железной дороги. Они шли уже столько времени, но в чащу пока так и не зашли. Время от времени попадались поляны, усыпанные спелой земляникой, а ежевики было так много, что хоть горстями собирай.

Только почему-то не было слышно пения птиц.

— А далеко ещё до гнёзда соловья?

Мальчик оставил вопрос без ответа.

— Кажется, мы заблудились...— Опять подала голос девочка.

— Мы же только что вошли в лес.

— У меня уже все пятки стёрлись.

Девочка присела под берёзой, сняла тапочки, помассировала икры ног.

— Эх, надо было идти вдоль шпал...

Мальчик присел рядом.

— Я обязательно должен пройти через этот лес, Жар-птица.

— Такого упрямца, как ты, я вижу впервые.

Мальчик вжикнул молнией на своей сумке. Вытащил из неё оставшийся кусок хлеба, полбутылки апельсинового сока, положил всё это на траву возле муравейника.

— Муравейник есть, а муравьёв — нет.

— Может, и они ушли в Страну Мечты?

Они перекусили, потом убрали остатки еды в сумку. Мальчик растянулся на траве.

— Земля влажная, будешь потом носом хлюпать.

— Да мне привычно, я часто лежу на траве.

Девочка встала, отряхнула подол. Синие цветы, рассыпанные по беловатому ситцу, среди зелени казались ещё ярче. Мальчик теперь с интересом разглядывал это платье с синими цветами. Смотри, как это он не заметил раньше: оказывается, у этой девочки с желтоватым лицом и ободранными коленками, из-под синих цветов выпирают круглые тугие груди. Словно кто-то тайком бросил на них цветы, а потом отошёл в сторонку и застыл, восхищённый этой удивительной картиной.

— Тебе сколько лет, Жар-птица?

— У девушек о возрасте не спрашивают.
— И всё же?
— Скоро четырнадцать.
— Да, молода ещё.
— Так и ты, небось, не дед горбатый!
Мальчик вдруг громко расхохотался, так что, казалось, даже берёза вздрогнула.
— Я тебя старше, так что обращайся ко мне «абый».
Он встал с земли, наклонился вправо, влево, разминая поясницу.
— Так почему ты ночуешь на вокзалах?
Девочка на вопрос ответила вопросом:
— А ты сам?
— Я об этом путешествии давно мечтал. Душа была неспокойна, всё стремилась в дальние страны. Мне хотелось выйти где-нибудь на середине безлюдной степи и шагать куда-нибудь в неизвестность. Я хотел протоптать свою тропинку. Вот так я и попал в этот лес.
— Вернее — «попали», Соловей абый.
— Да, попали. Теперь мы с тобой протаптываем свои тропинки рядом.
Девочка несколько раз сунула носок тапки в муравейник.
Вдруг ей показалось, по её лодыжке побежали муравьи, и она, желая стряхнуть их, приподняла подол и похлопала себя по худым ногам.
— Я спросил, почему ты превратилась в вокзальную девочку?
— У меня в деревне папа и мама. Денег в доме нет, есть только картошка. Скоро и её всю продадут на базаре. Пьют они...
— А ты тоже пила?
— Интересно стало. Один раз я попробовала... Думала, глаза вылезут... Чуть не умерла — меня так рвало, что я уже решила: всё, мой желудок оторвётся...
Мальчик потёр мочку уха. Допытываться дальше он не стал, наклонился за сумкой, лежавшей в траве:
— Послушай, что я тебе расскажу. Была, говорят, на свете одна страна. Там росли гибкие ивы, которые полоскали свои косы в журчащих родниках, а в их ветвях играли солнечные лучи; там на бездонных озёрах дикие утки без страха стряхивали жемчужные капли со своих крыльев; там, рассекая гривами белоснежные чистые туманы, скакали молодые широкогрудые кобылицы с мощными копытами, из-под которых высекались молнии.
В лесу на каждом дереве, на каждом кусту колыхалось гнездо соловья. Соловьи будили людей по утрам и укладывали их спать, обволакивая их сердца нежной песней.
В стране царило благоденствие, а в деревушке, спрятавшейся в лесу, — спокойствие и неосквернённость...
Но... Однажды в эту страну откуда-то прилетел огромный ворон. Каждый год эта чёрная птица начала сносить по три-пять голубовато-зелёных яиц, покрытых бурыми пятнышками. В стране расплодились вороны. И чем больше становилось воронов, тем меньше оставалось соловьёв. Потому что вороны поедали соловьиных птенцов. Вскоре уже и взрослые соловьи всё чаще становились пищей для прожорливых воронов. Наконец, чудом оставшиеся в живых соловьи спрятали свои гнёзда в самых густых зарослях дремучих лесов.
Так из страны ушла благодать. А вместе с соловьями ушла и душа.
— Почему же люди не защитили соловьёв? Почему не сберегли их?
— Потому что люди тоже испугались нашествия воронов. Им стало не до соловьёв.
— А кто-нибудь нашёл эти соловьиные гнёзда?

— Мы их ищем.

Девочка спросонок почмокала губами, и, положив свою жёлтоволосую голову на угловатые колени мальчика, погрузилась в сладкий сон. Время от времени дыхание её словно останавливалось, в такие моменты мальчик ласково гладил девочку по волосам; он сидел, боясь перевести дыхание, и восхищённо любовался этими волосами, которые тихо шевелил ночной ветер.

Девочка снова чмокнула губами, затем глубоко и со стоном вздохнула — видимо, ей снилась та самая счастливая страна — страна, где вили гнёзда соловьи.

Мальчик крепче прижался спиной к берёзе. Тёплое дыхание девочки согревало его онемевшие колени; разморившись в ослепительно-холодном свете звёзд, сиявших у самых верхушек деревьев, он прикрыл ресницы...

Мальчик чувствовал, что они заблудились. К тому же и солнце скрылось. Над вершинами деревьев собрались тёмно-сизые, полные влаги груды облаков.

Когда они снова вышли к берёзе, возле которой отдыхали позавчера, и увидели пустой муравейник, мальчик окончательно понял, что их дела плохи. Ему не хотелось, чтобы спутница заметила его растерянность, но это хрупкое создание, стоявшее рядом с ним, уже бросало недоумённые взгляды то на берёзу, то на муравейник, сложенный из мелкого мусора, похожего на маленькие иголки.

Вдруг... Вдруг девочка обняла берёзу и зарыдала:

— Отведи меня на вокзал! Отведи, Со-ло-о-ве-ей!

Но этим дело не закончилось: внезапно девочка, обдирая лицо и руки о ветки, бросилась в кусты. Мальчик с трудом догнал её и обхватил руками.

— Отведи меня домо-ой! — рыдала девочка, орошая слезами рубашку на груди мальчика.

Начал накрапывать мелкий дождь. Прижавшись друг к другу, они встали под орешник.

— Хватит, хватит! Перестань. Что-нибудь придумаем!

— У нас ведь даже хлеба не осталось, не оста-ало-ось!..

На листву с тихим шорохом падали капли. Капли скатывались с листьев и стекали им на волосы и шею. Дождь усиливался. Словно желая избавиться от скользящих по спине капель, девочка время от времени ёрзала, то и дело приглаживая промокшие волосы. Мальчику не хотелось подавать виду перед этой рёвой, и он устремил свои зеленоватые глаза на ветки, обильно усыпанные орехами. Орехи почти созрели, они словно намертво впились в ярко-зелёные звёздочки соцветий и замерли. Только когда на них попадала особенно крупная капля, они чуть заметно колыхались.

— Муравьи так и не вернулись в свой дом.

— Да.

— Утром я тебя обманул. Что хлеб кончился... Немного осталось. На, ешь!

— А ты?

— Пока желудок не ворчит. Ты же помладше, Жар-птица, а маленькие едят часто.

— Спасибо!

Это было первое «спасибо», которое она произнесла за все эти дни. И почему это слово не приходило ей в голову раньше? «Какая же я чёрствая!» И девочка снова мягко повторила: «Спасибо!» и добавила: — «Соловей!» А прибавить «абый» забыла.

Мальчик с улыбкой прикоснулся к её мокрым волосам. Девочка, словно ища тепла, прижалась к мальчику, по рубашке которого бежали мокрые капли. Снова передёрнулась. Откусив кусочек хлеба, чуть отстранилась. Но мальчику не хотелось отпускать её. Обхватив за гибкую мягкую талию, он притянул её к себе.

— Смотри, лось!

Мальчик посмотрел в ту сторону, куда показывала девочка. И в самом деле — среди кустов, свесившихся до самой земли от тяжести капель, стоял лось со сломанным рогом.

Мальчику даже почудилось, будто лось спросил:

— Как дела?

Неожиданно для себя он ответил:

— Как у коня рога!

— У коня рогов не бывает!

— Но и у лося, как видишь, иногда не бывает рогов.

Лось даже ухом не повёл на их шумный смех, лишь поднял левую ногу и пошлёпал копытом по собравшейся возле куста луже. Затем, приминая телом низкорослый кустарник, скрылся в чаще.

Вскоре выглянуло солнце. На листьях, траве, венчиках цветов засверкали похожие на ртуть голубоватые капли.

Мальчик с девочкой вышли на уже знакомую поляну. Пепел кострища, промокший насквозь, плотно прилип к земле. Казалось, будто среди травы притаился зверь с синеватой шерстью.

Тем временем солнце уже начало жарить вовсю. Капли, превращаясь в пар, струями потянулись к верхушкам деревьев. Ожили кузнечики. Желая поскорее обсушить мокрые лапки и потяжелевшие от воды крылья, они выбрались из травы на освещённые солнцем места.

Мальчик с девочкой начали срывать сочные, ещё более покрупневшие после дождя ярко-красные ягоды.

— Ешь давай! Ешь больше! Тогда пить не захочется!

— У меня всё тело пропитано водой, какой тут пить!

— Воды нет, даже если язык прилипнет к нёбу. Как бы нам не пришлось ждать хоть одной капли с неба.

— И хлеб кончился...

— Ну и ладно! У меня в сумке есть кусок вяленого гуся. Вот и пригодился. Я специально не говорил о нём.

— Я смотрю, ты запасливый малый.

— Ага, я же пошёл на поиски гнёзда соловья. А когда ещё я его найду?..

— А тебя дома ругать будут?.. Когда вернёшься?..

— Папа с мамой у меня разбились, на «КамАЗе»... Уже давно. Я у дяди живу. Сказал ему, что вернусь через неделю.

— Всё равно ты без денег далеко бы не уехал...

— Деньги у меня были. Но я на вокзале заснул. И кто-то вроде тебя залез мне в карман.

— Я никогда не залезала в чужие карманы!

— Это хорошо. Но кто-то же залезает. У нас уже всю деревню обворовали. Ладно, давай немного пообсохнем.

Мальчик провёл рукой по платью девочки, прилипшему к телу. Синие цветочки на нём стали теперь тёмно-синими. И волосы девочки стали ярко-жёлтыми.

— Комаров стало ещё больше. Всю кровь выпьют.

— У меня уже нет крови.

Мальчик звонко шлёпнул себя по шее. Девочка, отломив ветку орешника, начала размахивать ею из стороны в сторону.

— Наверно, поблизости есть озеро. Может, нам пойти по лосиным следам?.. Вряд ли он станет бродить там, где нет воды.

— Дай немного вяленого гуся!

— Потерпи немного. Если придётся плутать, как бы нам не пришлось выкладывать зубы на полку.

— Спасибо, Соловей!

Девочка и сама не поняла, почему поблагодарила мальчика.

К озеру они вышли уже под вечер. Усталость накатилась такая, что и нитку не порвать... Скинув обувь с налипшими к подошве гнилыми листьями и разным мусором, они подошли к берегу, густо поросшему жимолостью. На её надломленных розоватых ветках повисли последние лучи солнца.

В озере что-то плеснулось. Звук донёсся издалека, откуда-то с того берега, лицо девочки немедленно стало серым, как пепел.

— Это тот самый лось прыгнул в воду?..

— Не знаю. Может, какая-нибудь сосна упала. Природа ведь тоже живая. В таком дремучем лесу ей никто не мешает, она живёт по своим законам.

Девочка отошла в сторонку. Но далеко уйти не успела и вдруг взвизгнула: «Ай!» Подбежав к нему вся задохнувшаяся от страха, она прижалась к его тёплому телу.

— Что такое, чёрт тебя схватил?!

— Змея! Лежит, свернувшись, словно колесо. Абсолютно чёрная.

— Ты поосторожнее. Гадюки очень злые. Если убьёт, у меня с собой лопаты нет, чтобы тебе тут могилу рыть...

Девочка снова задрожала. Почувствовав это, мальчик добавил другим тоном:

— Не бойся! С нами ничего не случится! Ведь мы должны ещё найти гнездо соловья!

Мальчик опустился на пень. Устремил взгляд на воду, где плавали ярко-зелёные жабы.

Затем вдруг, словно очнувшись и сделав неожиданное открытие, с удивлением осмотрел пень.

— Спилили недавно. Опилки совсем свежие...

— Где-то поблизости есть люди.

— Молодец! — сказал мальчик, с симпатией посмотрев на девочку, и начал собирать сухие ветки. Пора было позаботиться о костре.

Вскоре они соорудили и шалаш. Пол в шалаше выстлали просохшей и проветренной хвоей.

Вытащив из кармана перочинный нож, мальчик нарезал ломтиками вяленого гуся. Нежась от тепла костра, с громким треском брызгавшего во все стороны искрами, они перекусили солёным мясом.

— Ладно, если пить захочется, так вон озеро, полное воды. Процедим через платок и выпьём.

Костёр остался догорать. Они заползли в шалаш. После того, как устроились на хвойной подстилке, мальчик осторожно погладил девочку по волосам.

— Когда мы высаживались из поезда, твои волосы были словно мёдом намазанные. Дождь вымыл их... Они теперь такие мягкие...

Девочка не ответила. Продиравшаяся целый день сквозь кусты и к вечеру окончательно обессилевшая, она теперь доверчиво прильнула к мальчику и мерно задышала во сне.

Они открыли глаза, когда солнце окончательно нагрело шалаш. Словно не желая беспокоить не отдохнувшие за ночь тела, они продолжали лежать, вытянувшись на хвойной подстилке, и молчали.

— Где-то здесь должна быть деревня,— наконец произнёс мальчик.

— Там, около куста, где была змея, я видела сети.

— Что? Сети говоришь?

Сети. Кто-то ловил в озере рыбу.

Мальчик вскочил на ноги:

— Ур-ра!

Он даже не заметил, как вылез из шалаша.

День был тёплый. Над озером плясали мириады солнечных лучей. Время от времени всплёскивала рыба. «Раз так, то живём!» Мальчик направился к тому месту, где вчера так испугалась его спутница. Посмотрел под кустами. Но сети нигде не было видно...

Вернувшись к шалашу, он замер, застав необычное зрелище — девочка балансировала на пне. Она как-то забавно подняла левую ногу вверх, рукав платья сполз с её правого плеча, из-под него светилась белоснежная кожа, на ключице расположилось солнышко. Длинные пшеничные волосы растеклись по её тонкой фигурке. В эту минуту девочка напоминала какое-то сказочное существо... Чудесную Жар-птицу, может быть...

— Я не нашёл сеть.

— Пойдём, покажу.

Девочка спрыгнула с пня и превратилась в обыкновенного земного человека.

— Вот она! — Девочка подвела его к небольшому заливчику. Увидев сеть, разложенную на корнях жимолости, мальчик радостно зашептал:

— Смотри, на неё налипла рыбья чешуя. Значит, в озере есть рыба. Большая рыба!

— Ты же видел, вчера рыба прыгнула.

— Видеть-то видел. Но я говорю о больших рыбах. Разве пескарями наешься?..

— Так и пескарей ведь нет...

— Надо пройти с сетью!

— А если там глубоко...

— Небось, Водяная не утащит. Глубоко заходить не будем. Если мелкая рыба попадётся, и то хорошо.

Сняв рубашку, мальчик повесил её на куст жимолости. Немного поколебавшись, снял и брюки.

Взял рукоять сети в руки.

— Иди в воду!

— Платье намокнет...

— Сними, тогда не намокнет.

— Ну конечно, так вот тебе и сниму! Жди!

— Ждать некогда. Желудок просит рыбы.

Мальчик, до этого ни разу не жаловавшийся по поводу отсутствия еды, вдруг занервничал:

— Ну, что уставилась?! Ты что, никогда не видела купающихся парней? Сама же просишь есть. Вот тебе озеро, полное рыбы. Лови и ешь!

— Ну ладно тогда. Я сейчас. Ты отвернись, смотри вон на ту сосну, ладно?

Послышался шорох снимаемого платья. Сеть натянулась, затем послышался плеск воды.

Они пошли вдоль берега. Здесь вода не доходила даже до пояса. Ноги утопали в иле, девочка несколько раз спотыкалась о коряги и падала лицом в воду. Смахнув с лица водоросли, она снова суетливо хваталась за сеть. Мальчик изредка исподлобья взглядывал на неё. Вода становилась глубже... Два белоснежных яблока плыли над водой. На них налипли травинки и всякий мелкий мусор. Похоже, теперь девочка

уже не стеснялась его. Но, даже если бы стеснялась, она была не в силах спрятать от его взоров два своих яблочка — ведь обе её руки были заняты. Девочка лишь чуть наклонялась вперёд, инстинктивно пытаясь скрыть в набегающей волне и плавающих травинках две розовые вишенки...

Наконец, сеть вытащили. Зелёная жаба с тяжёлым плеском плюхнулась в воду. Девочка завизжала, бросила сеть в воду, и, скользя по илу, начала отчаянно карабкаться на берег. Выбравшись, она, не оглядываясь назад и даже забыв прихватить платье, бросилась к шалашу.

Когда мальчик с её цветастым платьем в руках подошёл к шалашу, она сидела в самом дальнем углу, прикрыв ладонями груди, и дрожала.

— Одевайся!

Наклонившись, мальчик кинул платье внутрь и снова ушёл к берегу.

Вскоре он услышал за спиной шорох и оглянулся. Девочка длинной палкой ворошила угли в костре. «Раззява! Есть она хочет, видите ли!»

Стараясь не выдать злобы, он сдержанно сказал:

— Зря ты лягушек боишься. Как бы нам не пришлось перейти на жареные лягушачьи лапки.— И он присел возле костра.

— Я есть хочу! И живот болит.

— Иди в воду. Не будет болеть.

— Бо-ю-усь!

То и дело поглядывая на мальчика, пытавшегося выжать трусы, она подумала некоторое время, и, наконец, с выражением испуга на лице согласилась:

— Ну ладно, если только лягушек там больше не будет...

Ходить им пришлось долго. Вдоволь намучившись в иле, они поймали, наконец, десяток карасей.

— Вот, а ты скулила, что страшно. Смогла же, когда постаралась. Голод не тётка.

Почистив рыбок, они нанизали их на длинный прут и пожарили над огнём.

Потом съели без соли.

Боль в желудке постепенно исчезла.

А тем временем уже ночь своей пушистой чёрной шалью обернула верхушки деревьев.

Вскоре с чёрной шали с шорохом начали падать капли...

— Вставайте, сонные тетери!

В отверстии шалаша показалось заросшее бородой лицо.

Мальчик и девочка вздрогнули. Внутри шалаша запахло папиросным дымом...

Чуть погодя послышался отдаляющийся стук палки по стволам деревьев,— похоже, мужчина уходил. Потом раздался его надсадный кашель. Видимо, поперхнулся дымом папиросы.

Мальчик проворной белкой выскочил из шалаша.

— Дяденька!

— Что тебе?

— Здесь поблизости есть деревня? Этот лес большой? У вас нет хлеба? Или воды?..

Услышав столько вопросов сразу, мужчина застыл на месте. Затем вернулся к костру.

— По-моему, вы тут уже поели жареной рыбы. Смотрю, кости валяются возле костра...

— Мы её с костями съели.

— А я-то думаю, что это там в золе виднеется?.. Хе-хе! Значит, просто недогоревшие прутики. Вы вообще-то кто?

— Мы ищем гнездо соловья.

— А я его уже потерял. Может, вам найти удастся...

Мальчик подошёл к мужчине, присевшему возле сетей. Вскоре из шалаша показалась девочка.

— Заблудились?

— Заблудились.

— Что ты сказал?

— За-блу-ди-лись!

— Ну да, да, я слышу. Не удивляйся, у меня иногда уши закладывает. Совсем ничего не слышу...

— А что случилось?

— Если вы заблудились, то, считай, теперь нашлись.— Мужчина снова не расслышал вопроса и продолжал говорить о своём.— В этом лесу я один.

Сжав губы, мужчина некоторое время смотрел на диких уток, плескавшихся возле самого берега рассветного озера. Затем засучил рукава своей чёрной рубахи и, немного помолчав, протянул мальчику рукоятку сети:

— Давай держи. Надо как следует развесить её на дереве. Вы откуда пришли?

— Я из Ташкичу.

— Откуда?

— Из Ташкичу. Знаете такую деревню?

— Ага! Вот снова слышу. Из какой деревни, ты сказал?..

— Ташкичу.

— Она там, за лесом. Вон там.— Мужчина махнул на север.— А это что за мягкий ёжик?

— Вы, дяденька, о чём?

— Я говорю, что за девушка?

— Это моя попутчица. Нас вместе высадили с поезда. Теперь и еда у нас закончилась.

— Ну, еду найти нетрудно. Вон какая ежевика зрелая на кусту. Рви не хочу...

— Мы уже наелись и ежевики, и других ягод. Так, что животы болят...

— Это же витамины. Я вот, например, всё время ем витамины. Давай, не отставайте! — И мужчина направился в чащу леса...

Девочка, которая шла рядом с мальчиком с неуверенным и насторожённым видом, вскоре не выдержала и шепнула ему:

— Он из тюрьмы сбежал...

— Но мы же не можем бесконечно блуждать! Знай себе шагай!..

Дойдя до ив, склонившихся до самой воды, мужчина остановился. Вытащил из кармана брюк блестящий острый нож.

— Я тут собирался нарезать прутьев для «морды». Потом хотел проверить сети. Вас увидел. Подумал: кому пришло в голову соорудить шалаш? Смотрю, это вы... Лежите себе и спокойно спите, словно птенчики соловья в гнёздышке...

Мужчина нагнулся к молодым побегам ивы.

— Думаю, нам одной «морды» не хватит,— сказал мужчина, складывая охапку прутьев под берёзой.— Давай, берите. Пошли!

Вскоре они вышли к маленькой избушке, стоявшей в самой глубине леса, и мужчина поспешил к крыльцу. Открыв дверь, он скрылся внутри. Вскоре появился снова, в руках он держал тарелку, наполненную кусками мяса.

— Идите, угощайтесь! Только смотрите, чтобы живот не заболел! — сказал он, садясь на ступеньку.

Стараясь выглядеть равнодушными, мальчик и девочка начали поглощать мясо. Есть хотелось нестерпимо, но всё же они старались умерить свой аппетит. Однако дело было сделано очень быстро: миска блестела. Как вылизанная!

— Ну что, понравилась зайчатина?

Мужчина потянулся к лежащей на ступеньке пачке папирос.

— Дядя, вы — лесник?

— Нет.

— Тогда охотник?

— Нет.

Девочка снова сжалась. Теперь она начала по-настоящему бояться этого бородатого мужчину.

Мужчина выдохнул папиросный дым в сторону.

— Я не лесник и не охотник. Сам не знаю, кто я. Но, если беру в руки землю, то превращаю её в золото.

Мужчина подошёл к лежащим в траве ивовым прутьям. Взял один, взмахнул, со свистом рассекая воздух, затем подобрал другой.

— Идите сюда, «морду» будем делать!

Мужчина снова поднялся по скрипучим ступеням и скрылся в доме. Вернулся с мотком верёвки, присел на корточки возле прутьев. Разложил верёвку на траве, затем сел прямо на землю, вольготно раскинув ноги.

— Зайчатиной я вас угостил. А имён ваших не спросил.

— Я — Соловей. Она — Жар-птица.

Зажав зубами концы верёвки, мужчина потёр лысину.

— Тогда я — беглец. Вскоре я собираюсь навсегда исчезнуть из этого мира.

— Как это?

— Как люди исчезают? Разве вы не знаете?.. Никогда не бывали на кладбище?

Мальчик передёрнулся. По его телу пробежала дрожь. Мысли о смерти никогда не приходили ему в голову — даже в эти последние дни, когда они безнадёжно заблудились и уже начинали голодать.

— Дяденька, ты о чём?

— Да так, к слову пришлось...

— Это твой дом?

— Это дом лесника. Только сам лесник пропал — словно в воду канул. Он был не из нашей деревни. Лесники сейчас никому не нужны, каждый, кому не лень, приходит в лес и рубит. Законы умерли...

Работа спорилась: девочка подавала прутья, мальчик поправлял верёвку, а мужчина плёл — да так, что глаз не успевал следить за его пальцами. Время от времени мужчина повторял:

— Теперь рыбы много надо будет...

— А ты почему один, дяденька?

— Зато вы — пара. Я за вас порадуюсь.

— А детей у вас нет?

— У меня тогда только-только сын родился, а меня послали на далёкую Украину. Я поздно женился. Почти уж стариком... сын у меня — бизнесмен. А жене такой я теперь не нужен.

— Вы что, развелись?

— Давайте лучше чайку попьём...

Всю ночь мужчина ворочался в постели. Временами он стонал. Затем погрузился в глубокий сон. Потом снова начал стонать и метаться.

А мальчик и девочка всю ночь не сомкнули глаз. Девочка снова и снова вспоминала слова мужчины: «Я — беглец!» И каждый раз, вспоминая, с головы до ног покрывалась потом. Мальчик тоже был погружён в свои мысли. Только на рассвете его усталое тело взяло своё, и он, несмотря на сонное бормотание мужчины, погрузился в забытье.

... Кинув мимолётный взгляд в сторону мальчика и девочки, мужчина подошёл к столу. Взяв с полки начатую бутылку водки, налил в стакан и сделал несколько глотков. Даже не поморщился. Поставив стакан на середину стола, мужчина прихватил папиросы, спички, и, осторожно открыв дверь, вышел на крыльцо. Он уже давно не чувствовал вкуса пищи. Ему было всё равно, что он ел и пил — овощи, мясо, молоко или сладкий чай. Потому и ел он исключительно для того, чтобы желудок не пустовал. Тело, потихоньку умирающее, всё-таки должно было чем-то питаться. Мужчина вытащил из кармана лупу. Почти прижав её к глазам, он сидел некоторое время, восхищённо рассматривая просыпающийся предрассветный лес.

Затем чуть слышно запел протяжную песню:

Я бродил однажды в лесу один,
У ручья я встретил девушку-зарю.

Вокруг неё летали птицы на рассвете,
С её кос густых капала роса.

Гибкий стан и нежное, как луна, лицо,
И слова, что молвила, сыпались, как жемчуг.

Девушка-красавица вся лучами светится,
Но на свадьбу душенька кликнет ли меня?

Тут склонилась милая над водицей светлою,
И мои печали все утекли с водой...

Вынув пёстрый носовой платок, мужчина долго протирал им свою повлажневшую лупу, потом спрятал её в карман брюк. Затем глубоко вздохнул: «Эх, красавица, мне теперь только осталось, что вздыхать»,— и закрыл глаза.

«Глаза совсем не видят... На расстоянии шага не могу различить, кто передо мной. Рот не чувствует вкуса пищи. О, Господи, скажи, как же мне дожить свою жизнь?..» Мужчина закурил. Отбросил коробок спичек на ступеньки. Обхватив лысину ладонями, он опустил лицо вниз и затих.

«Жизнь прекрасна. И жить прекрасно... Но силы неумолимо уходят, убегают от меня. Эх, получается, и жизнь у меня какая-то убегающая!»

Перед его глазами встал повреждённый взрывом реактор атомной станции. Вот он, надев противогаз, голыми руками собирает радиоотходы в специальный контейнер. Небо — ярко-синее, словно его окунули в огромную бочку с синей краской...

Задрожав, он открыл глаза... Со стороны станции к нему бегут облучённые ещё до своего рождения щенки с двумя головами, котята с шестью лапками...

— Тебе плохо, дяденька?

Мужчина словно очнулся. В утренней тишине голос мальчика прозвучал очень отчётливо. А ведь его уши уже почти совсем не слышат.

— Я тут с утра водки выпил...

— На голодный желудок пить нельзя.

— Так чувствуется её горечь. Конечно, вкуснее выпить чай с лимоном. Потом целый день на языке держится вкус сахара и лимона. Если ещё после этого съесть урюк... Что, Жар-птица всё ещё спит?

— Проснулась. Причёсывается. Там на полке нашлась расчёска. Сказала, что умоется и потом вскипятит чай.

— Ладно, ладно...

— Рыбу будем ловить, дяденька? Или пойдём зайца стрелять?

— Я вообще-то легко попадаю в левый глаз белки. И зайца с одного выстрела кладу. Но мне жалко их. Рука не поднимается. Не могу я в них стрелять. Иногда зайца в силки поймаю. Голодать-то не хочется.

Наконец, показалась девочка. Сегодня она выглядела ещё красивее. Гладко причёсанные пшеничные волосы мягкими волнами струились на утреннем ветру. Подняв руки кверху, девочка сладко потянулась. Сквозь тонкую ткань цветастого платья на её груди обозначились две притягательные выпуклости.

— Куда иголка, туда и нитка. Что, успела соскучиться по своему Соловушке?

Мужчина ласково посмотрел на девушку. Красоту он видел и чувствовал даже без лупы.

— Не смотрите так, дяденька Беглец. Я стесняюсь.

— Ладно-ладно, но я сегодня не Беглец. Я сегодня Живчик, Жар-птица, я — Живчик!

Примерно через полчаса они уже сидели на ступеньках и смотрели, как девушка чистит рыбу. Вдруг мужчина шепнул:

— Посмотри, посмотри! Какая крупная чешуя. У Жар-птицы и грудь, и коленки покрыты белой чешуёй. Она не Жар-птица. Она — Русалочка!

Мальчик посмотрел на девушку с восхищением. И в самом деле, не только на её платье и коленках, но и на вспотевшем носу блестели белые чешуйки.

Вскоре мужчина, мальчик и девушка, прихватив новые «морды», отправились к озеру.

Дойдя до старого дуба, росшего возле самой дороги, мужчина внезапно остановился:

— Жар-птица, посмотри-ка, какой красивый ландыш! Чудо, правда?

Он улыбнулся сам себе. Ведь он наизусть знал эту тропинку, по которой ходил каждый день: он знал, где какой цветок растёт, где лежит камень, где недавно пробежала какая-нибудь зверушка. Вот и вчера он довольно долго просидел здесь, любуясь через лупу цветком ландыша.

Девочка протянула руку к цветку.

— Не рви, пусть растёт!

Мужчина и мальчик крикнули одновременно. В кустах с хрустом сломалась ветка, видимо, лось, испугавшись, кинулся в чащу.

— Да, Соловей, и мы не лыком шиты. Мы ещё повоюем, повоюем!

Положив «морду» на траву возле воды, мужчина хлопнул мальчика по плечу:

— Точно говорю: не лыком шиты!

Ещё через два дня мужчина проводил к опушке леса горбоносого мальчика с чуть выступающим вперёд подбородком и худенькую девочку с пшеничными волосами. Он знал, что эта хрупкая миниатюрная девушка не пропадёт с широкоплечим сильным парнем.

Мужчина ткнул пальцем в горизонт, где колыхалось марево:

— Вон моя деревня!

Но сколько бы мальчик с девочкой ни всматривались, впереди не было видно ничего, кроме ржаного поля.

— Ну вон же, вон... Видите, на берёзе, что растёт на кладбище, сидит старый ворон?

— Дяденька, но там нет никакой деревни!

Мужчина загадочно улыбнулся.

— Да, это правда... Погубили деревню. Там сегодня хозяйничает ворон. Он теперь один сидит над деревней. Говорят, что ворон живёт несколько веков, правда ли это? Сколько ему ещё осталось жить?.. Но я всё равно верю, что однажды в домах снова начнут качать колыбели.

— Мы тоже в это верим, дяденька!

— Надо верить. Надо верить каждому слову Живчика. Он никогда не говорит пустое. Ищите гнездо соловья. Вы его найдёте, непременно найдёте!

... Мужчина остался стоять на опушке. А парень с девушкой погрузились в ржаное море. Они поплыли к заброшенным очагам на другом берегу этого моря.

Пройдут годы... В тех очагах снова вспыхнет огонь, в домах заколышутся и нежно запоют колыбели; малыши, желая поскорее встать на ножки, будут хвататься за края колыбелек и всеми силами стараться сделать свой первый шаг, и на их маленькие розовые ладошки однажды сядут соловьи...

Вдали послышался сигнал поезда.

Это очередной состав отправился в путь из Страны Грусти в Страну Мечты...

Перевод Гаухар ХАСАНОВОЙ

Первая публикация в журнале «Идель» — № 1, 2009 г.

УЛЬФАТ БАДРЕТДИНОВ

БУЙ

Рассказ девушки

Крепко приглянулся мне этот светловолосый парень ещё во вступительную нашу сессию. До того ли, вроде, одинокой мошке в смятенной стайке абитуриентской мошкары, но вот с тем и возьмите — приглянулся! «Ах, ах, очи орлиные, брови соболиные...» — призвала я на помощь иронию, девичью свою заступницу. Не сработало. Высок, конечно, и лицом, и статью вышел, но это бы ещё пережить можно, мало ли красавчиков на свете? Но вот имел он в себе, пригляда моя, какую-то несуетность, внутреннюю неколебимость, что ли — а это в гулком гаме университетского шабаша очень даже приметно и приманчиво. Слова лишнего не обронит, гурты наши девичьи обегает пятым коридором. А когда всё-таки, навскид обзнакомясь, припёрли мы его к стенке: кто таков да что почём, парень представился — звать его Буй. Точно молотком к наковальне припечатал. Коротко, но неясно.

— Да ладно! — осадили его.— Имени такого не бывает. Так и в паспорте у тебя прописано?

— Так и записано! Слову не верите, гляньте в бумажку,— протянул он паспорт. Глянули мы: и фамилия, под стать имени, такая же заковыристая — Ошмесов. Ключ, родник по-удмуртски.

— Да-а...— озадаченно протянула шустрая камбарячка Надюша.— Буй — река такая в нашем районе протекает, и это правда, но вот чтоб кого-то так назвали — ну, знаете, ничего не могу сказать...

— А ты на верном пути,— кивнул парень.

— Так ты, выходит, той реке прямой тёзка? — сунуло в разговор и меня. Он не ответил, лишь коротко, молнией сверкнула в ответ его белозубая улыбка. Зажмуриться от неё захотелось, но я только сощурилась и разозлилась.

— Весело тебе... А по-людски ответить — слабó? Ты уж снизойди до нас, яви такую милость — откуда имя твоё?

— По-людски, говоришь? — парень глянул мне в глаза, зрачки в зрачки, и голова моя пошла кругом. Зарделась я, чувствую, точно молодая свёколка, а глаза свои, точно магниты, от его серо-стальных отвести не могу. Надин звонкий голосок вывел меня из ступора:

— Ты Свету не гипнотизируй, тебя спросили — ты ответь!

А парень всё на мне свои чары пробует — Надюше отвечает, а глядит на меня.

— Не так всё просто... Видите ли, девушке, которой откроется тайна моего имени, суждено быть моей женой,— так вот и ответил, слово в слово, и уверенно, твёрдо. Надя, хоть и бойкой уродилась, только ахнула.

— Ай да сказанул, хоть стой, хоть падай! — едва нашлась она с ответом.— Это тебе в каком дурацком сне привиделось?

— Так мне сказала моя мама! — не ответил, отрезал парень.

— Ма-ама...— растерянно протянула камбарячка.— Ну а если вообще никому не повезёт узнать загадку твоего имени? Вечно в бобылях ходить станешь?

— О Если зарекаться мы с тобой здесь не будем,— почему-то понизил голос Буй.— Подождём, когда Если придёт и своё дело сделает.

* * *

Отыскала я после вступительной сессии свою фамилию в списке зачисленных в вуз, крылышки расправила, как утомлённая пчёлка на солнышке. Гляжу, возле списков на стене свежеиспечённые студентки обступили Буя, ахают да охают: нет его в списках. А он губу закусил, но держится молодцом.

— ЧТД,— усмехается Буй.

— Как это понять?

— Что и требовалось доказать. Одного ведь только балла не дотянул до проходного, вот что обидно. Ну, да ладно! Так что гуд бай, юнивёсити! Прощайте и вы, девчонки! — он вскинул спортивную сумку и зашагал на выход. Что тогда на меня накатило, не могу объяснить, я кинулась тут же вслед парню. Девчонки, чувствую, только что не дыры взглядами во мне сверлят, но только мне их взгляды, мало сказать, безразличны...

— Буй, постой! Да обожди ты, длинноногий... Видишь, шпильки ещё не освоила...— я осеклась, поняв, что сморозила глупость.— Ты что, уже и документы забрал?

— Выдали в приёмной комиссии, Света...

Я опять зарделась до корней волос — запомнил, значит, когда Надя меня перед ним обозначила.

— Домой, значит, возвращаешься? — стою перед ним, точно собачка приблудная, и какая тут меня держит нечистая сила, не представляю. Парень послушно сбавил шаг, приноравливаясь к моей дробной побежке. И взгляд у него... как детские врачи на своих пациентов глядят. Добрые глаза, пытливые и грустные.

— Обожди тут минуточку, Света,— попросил Буй, положив новые кроссовки «Адидас», недавно купленные в городе, у моих ног. И воротился, действительно, скоро. Красные пионы мне протягивает, мои самые любимые цветы.

— Прими, Светлана. Доброе у тебя сердце...

Стою обалделая, хлопаю ресницами, как последняя дура, по щекам заря алая разливается.

— Благодарю за подарок, Буй, искренне тронута. Но почему — мне?

— Веришь, не веришь, только обязательно впоследствии сведёт нас судьба, даже Если нам не помеха. Встретимся, ты запомни,— твёрдо так уверил, ни в словах, ни в глазах ни запинки.

И заторопился к автостанции, близко тут от университета. Стою я «соляным столбом», как жена библейского Лота. Точно всю мою невеликую силушку собрал парень в сумку и унёс с собой. Опомнилась, когда нетрезвый мужичок какой-то, шатнувшись, едва не сбил меня с ног, ещё и обматерил вдобавок. Не стала я с хулиганом связываться, поплелась к общежитию студенческого городка.

* * *

«Ну, девушка, врезалась ты по самые уши!» — кляну себя, не выходит из памяти приглянувшийся парень. Лицо его перед глазами. Голос явственно звучит во мне. Прямо сил никаких нет! Всё ли ладно с бедной моей головой?

Наработалась как-то летом, в каникулы, дома на огороде, прилегла пораньше, задремала было. Вдруг слышу — дверь в избе заскрипела. «Я ведь закрылась. Отец с мамой в соседнее село с ночёвкой гостить уехали. Кто смог открыть дверь?» — боюсь даже шевельнуться. Ситцевая занавеска, которая отделяла моё спальное гнёздышко от горницы, пошевелилась и явила мне молодое мужское лицо... Буй?! Откуда? Я от неожиданности юркнула под одеяло с головой, затаила дыхание, вслушиваюсь. Ни звука. Осмелела я, в щёлку из-под одеяла выглядываю одним глазом. Стоит он возле постели, и глаза у него по-прежнему ясные, и улыбка светлая. Но я опять спряталась под одеяло, точно перепуганный котёнок. А потом подумала — чего бояться, я у себя дома...

— Бу-уй...— только и нашлось слов приветить нежданного гостя.

— Я не Буй. Моё имя — Если.

— Е-эсли? — не поверила я ушам.

— Да, так меня зовут,— подтвердил гость.— А ты не бойся меня, Светлана, не паникуй. Тебе не будет от меня обиды. Я пришёл помочь тебе и Бую.

— Но я не просила помощи!.. И ведь вы схожи с Буем, как близнецы, как две капли воды. Или ты призрак?...— говорила будто не я, а мои стынущие непослушные губы роняли растерянные эти вопросы. А в памяти отчётливо пульсировало: «даже Если нам не помеха!» — живой человек всё-таки передо мной или потусторонняя тень?

— Я не призрак, живой я,— словно подслушав мои мысли, произнёс пришелец.— Точнее сказать, мне дано принимать любой облик духовно близкого мне человека. Не чужда мне и ты, Светлана, и оттого я немало о тебе знаю. Если — именно так отчего-то обозначил меня тот парень, которого ты знаешь,— незнакомец сделал шаг в сторону моей кровати.

— Не приближайся ко мне! — я не узнала собственного крика.

— Да не бойся меня, повторяю, у меня чистые помыслы,— отступил он.— Я явился, чтоб только сказать: тебя ждёт Буй!

— Ждёт? Меня? Да ведь я и дороги к нему не знаю...

— Сердце подскажет, а я помогу. Твоя дорога — у твоих ног.

Я невольно опустила глаза, а когда подняла их к собеседнику — никого. Двойник Буя исчез, не оставив даже туманной дымки. Я поднялась с постели, на цыпочках, затаив дыхание, подошла к двери: та накрепко затворена, в избе ни души. Мурашки побежали по коже, я зябко передёрнула плечами, опять прилегла. Мысли молоточками колотились в висках, я ущипнула себя за руку — больно. Что ж это было, явь или сон?

— Это не сон, Светлана,— далёким отзвуком донеслось до меня Бог весть откуда.

— Гос-поди! — простонала я, хотя богомольной сроду не была.— За что мне кара такая?

В голове даже промелькнуло когда-то прочитанное: «Не дай мне Бог сойти с ума!» И сойдёшь тут — было бы с чего сходить. А может, призрак этот самый торчит сейчас около меня невидимкой?

— Ты всё ещё здесь, Если? — на всякий случай окликнула я. Ни звука. Тишина — муха не пролетит, только будильник отсчитывает мои шаги по времени звонко и часто. Тишина, от которой тесно в груди, и уж сна-то теперь ни в одном глазу. Полумрак. Который же теперь час? Но подняться, глянуть на циферблат — страшновато.

Под лежачий камень вода не течёт. Я всё-таки поднялась, отворила окошко. Августовский рассвет разгорается, на улице пока ни души... Постой-ка, вон там, у проулка, неясный силуэт. Тот же самый незнакомец идёт в сторону нашего дома. Да, нет, не идёт — точно плывёт по воздуху, не касаясь земли! Лицом повернулся к моему окошку, глянул... Будто душу мне опалил этот взгляд.

— Что же нужно от меня этому Если? — меня от подоконника как ветром сдуло. И чего, спрашивается, шляется тут помощничек непрошеный? Кто приметит из соседей, хорошая же слава обо мне по деревне пойдёт!

Словом, я осерчала, одолела всю свою оторопь и, наскоро одевшись, вышла на крыльцо — в твёрдом намерении разобраться, наконец, что тут творится или хоть усовестить это призрачное шатало.

Если на том же месте стоит и меня мизинчиком к себе манит. А сам вперёд пошёл, не оглядываясь, словно уверенный, что я и не подумаю перечить. Подумать-то я об этом подумала, только вот ноги мои решили иначе, без спросу за ним двинулись, вдогонку. Вот мы уже и поскотину миновали, до опушки леса добрались — а до неё от деревни больше километра. Собралась я с силами, спрашиваю:

— Далеко ли мы с тобою собрались?

— Не переживай, Светлана, ведут тебя по этой дороге твои же стремления... Ну, потаённая твоя думка ведёт.

— Послушай, а какое твоё дело до думки моей?

— В твоей думке — Буй. А я — просто ваш счастливый случай. Впрочем, дальше тебе самой разбираться. Ты только крепко держись, оберегай свою думку, не порви ниточку. И не бойся ничего!

Начисто устранился для меня с этого мгновения обычный ход времени и событий. Сделалась я, похоже, столь же прозрачна, как и мой спутник — и легкокрылой птахой последовала за ним. Не помню, как переправились через Каму, как прошли тёмный лес. И усталость не чувствовалась. Вот мы оказались на просторной поляне.

— Тут родился Буй,— остановившись, сказал Если.

— Здесь? В лесу? — мои глаза округлились, наверное, от удивления. Озираюсь я, вслушиваюсь. Трава ковром под ногами, а внизу, под берегом-крутояром, говорливо так, серебряным голоском, родник гомонит. А ещё дальше — река. Быстрая такая, проворная.

— Эта река не Буем ли зовётся?

— Угадала...

— Попробую угадать дальше... Женщина на сносях лет двадцать назад пришла сюда по грибы-ягоды, и приспело ей тут родить младенчика. Тут и имя ему придумала — Буй. А фамилия тоже под стать, вот он, внизу — ошмес, родник. Опять угадала?

— Света, ты нашла ответ на свой вопрос!

Вспомнив слова, сказанные Буем во время вступительных экзаменов, я испугалась, притихла, прижала ладони к вспыхнувшим маковым цветом щекам... «Девушке, которой откроется тайна моего имени, суждено быть моей женой»,— эти слова Буя будто вновь слышала. И почему-то мне страшновато стало. Что же он сам, интересно, думает сейчас? Хоть раз вспомнил меня? И вообще, хоть краешком глаза заглянуть бы в своё будущее...

— При желании ты можешь увидеть и кое-что из своего будущего,— мысли мои Если способен на лету читать.

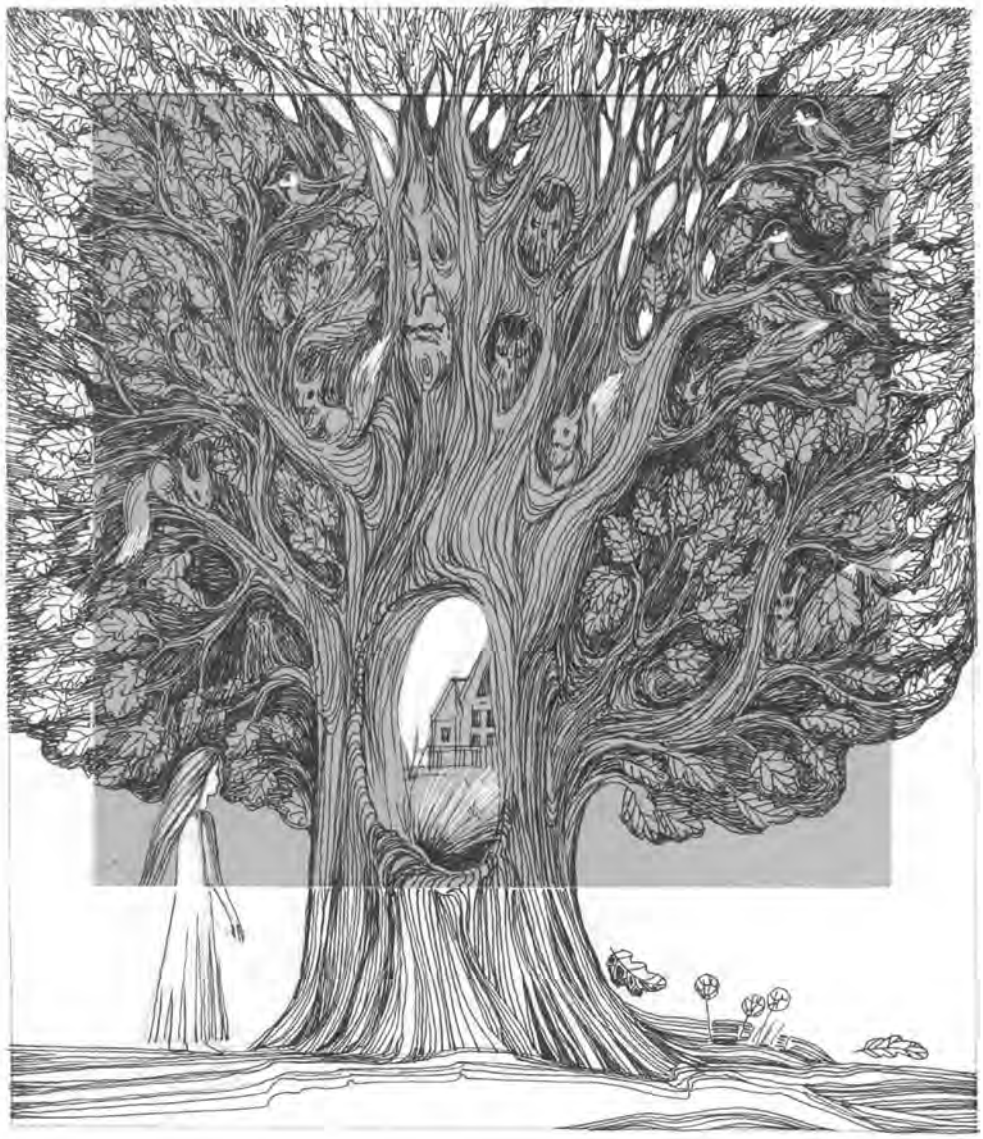
Ещё бы я отказалась! Топорщусь, правда, для виду.

— Ты меня, Если, скоро совсем с ума сведёшь!

— Ум твой при тебе останется. Мы с тобою на территории Сердца — побереги её. Так вот: неподалёку отсюда растёт древний дуб. Возраст его — полтысячелетия, а то и побольше. В дубе дупло. Если в то дупло заглянуть, дуб-великан твоё будущее и покажет.

Шагала за Если следом, и вскорости привёл он меня к обещанному дубу. К неохватному, кряжистому. Великанище!

Великое дерево принимает меня в свою чёрную глубину, но я даже не успеваю как следует испугаться — вырастает впереди пятно света. И вот уже ясный полдень укутывает меня светом, и стою я на поляне, той самой, куда увлёк меня Если. Только на этот раз она не пустынна. Она обитаема, обжита. Среди травы и цветов высится... терем не терем, но на диво складный, из свежего леса уютный дом. С большими окош-



ками, крыльцом с точёными балясинами перилец, высокой трубой, крытый новым тёсом. Возле дома мальчишка, с виду дошколёнок ещё, резвится, бегает вприпрыжку, заливается, хохочет. А вот сошла с крылечка девочка немного постарше, и ещё трое парнишек — эти уже скоро в парней вырастут. С ними — женщина. Дети, будто поросль молоденькая возле матери-берёзки, ластятся. Она взяла немаленькое своё семейство под крыло, обняла, сколько рук хватило. Вот мать с детьми с ожиданием глядят на лесную опушку. Встречают кого? Так и есть — из лесной гущины вышел, зашагал к своему гнездовью, к его обитателям явно отец семейства — бородатый крепкий мужчина. Он несёт, взвалив на плечи, какую-то крупную дичину, добытую на охоте. И лицом он — Буй! Да, это Буй, я не могу сомневаться, мне об этом говорит горячими частыми толчками моё сердце... Но эта женщина... эта женщина и её пятеро ребятишек, здоровых, весёлых и, по всему видать, счастливых. Неужели это я со своими детьми? Но тогда отчего мы живём с Буем в гущине лесной, вдали от людской суеты? Неужели это — моё будущее?!

Передо мною, точно по большому белому экрану, пошла частая рябь и — погасила картину...

МИХАИЛ ЗАЙЦЕВ

МЫ ЕЩЁ НЕ ВСЁ ПРОПЕЛИ...

* * *

Проснулся вдруг в полночной тьме —
Тоска сжимает сердце мне.
В тьме непроглядной слышу я,
Что плачет матушка моя.
Я знаю, мама умерла,
Но вот она, светлым-светла,
Стоит, опёршись на косяк:
«Ну, как вы тут живёте, как?!»

И — затуманилась во тьме,
И не пришлось ответить мне.

* * *

Здравствуй, речка!
В этот час
Отвести не в силах глаз
От волны твоей покатой,
Светлой радостью богатой.

Ты куда себя несёшь,
Ты о чём, река, поёшь?

Знаю, знаю, не серчай —
Деток ветреных встречай!

Что, отбились от руки,
Загулялись ручейки?!

И широк, и чуть поуже,
Все спешат к тебе на ужин.
Все спешат к исходу дня
Быть под боком у тебя!

* * *

Роза в дымчатой оправе
Дачным утром хороша.
В росах платьице поправит —
Не цветок — сама душа!

И, склонившись над водою
Родниковою в ведре,
Всё любуется собою
В спелой девичьей поре.

... Срежу. Сникнет. И обвянет.
Но ещё листвой шурша,
Вдруг в глаза мои заглянет —
Не цветок — сама душа!

* * *

Виталию Смирнову

Мы ещё не всё пропели
На подмостках и в тиши,
Нам ещё смирять метели
Добротой своей души.

Нету в том, конечно, проку,
Что не прятали мы глаз,—
Подставлять ещё нам щёку
Под удары много раз.

Нам — свои печали править,
Нам — в своей душе плутать...
Но ответно — не ударить,
Но ответно — не солгать.

* * *

Ветром промозглым пронизана роща,
Ветер срывает цветастую медь
Листьев осенних, и листья не ропщут,
Просто летят, как и должно лететь.
К милой земле прикоснутся легонько,
Лягут смиренно, уже не дыша,
Осознавая: всё кончилось, только
Всё ещё теплится в теле душа.

* * *

Скорый дождик проскочил
Прямиком по даче.
Даже ног не замочил —
След лишь обозначил.
Расписался, что здесь был,
Мол, уполномочен
Доложить: свершил полив
И полив закончен.

И за облаком исчез.
Видимо, по блату
В бухгалтерии небес
Получать зарплату.

* * *

Праздник света и полёта
В сутолоке дней.
... Не обидеть бы кого-то
Радостью своей.
Взмахом солнечной свободы
Сирых не задеть,
Под возвышенные своды
Всё лететь, лететь...
Сердцем сладко замирая,
Звёзды привечать,
Во врата любви и рая
Робко постучать.
И присевши на порожек,
Глянуть вниз —
в земном краю
Среди множества дорожек
Отыскать свою...

* * *

Благослови меня Господь
Гордыню в сердце побороть,
Ты дай своё благословенье
Прожить мне в праведном смиренье.

Ах, как вчера я злом на зло
Врагу давнишнему ответил,
Как говорится: понесло...
Ты это как бы не заметил.

Прости! То дьявол надо мной
В Твою отлучку наклонился
И прошептал мой путь земной
Мне на ухо и удалился.

Гордыня въелась в сердце мне,
Мой путь мерцал в тяжёлом мраке
В величье, славе! В вышине
Я принял дьявольские знаки!

Я без Тебя тогда не смог
В душе умерить искушенье.
Не покидай меня, Господь,
Ни на мгновенье!

* * *

Жёлтый, розовый, шуршащий,
Как любовь моя, парящий,
На тебя вприщур глядящий
Кружит, кружит листопад,
Между мною и тобою
С разноцветною судьбою
Стать стеной живою рад.
Мне, конечно же, обидно,
Что тебя почти не видно,
Замер я, стою, притих.
Как листвы летящей шорох,
Слышу твой лукавый шёпот
И дыханье губ твоих.

* * *

Туман!
Грибы как на опаре,
По одиночку и по паре,
В приветных просеках, лесах
Растут — ну прямо на глазах.
Растут на взгорках и в низине,
Бегут, бегут к моей корзине!
И каждый гриб, как изумруд,
Чист и душой, и телом…
(Грибы — срезают, а не рвут,
Замечу между делом.)
А этот гриб — старик, ну что ж:
Его не тронет острый нож!
А этот гриб — ещё малец,
А тот — заботливый отец,

И с ними — мама рядом,
Их ограждает взглядом.
Не бойтесь, стойте смело,
Семья — святое дело...

* * *

Я прошу не для себя,
Только — для детей:
Боже, мир земной любя,
С ними будь добрей.
Снисходительнее будь,
Взглядом обогрей,
Чтобы их торопкий путь
Был повеселей.

Чтоб хоть где-нибудь в конце,
В радости судьбе,
Вспоминали об отце,
Об Отце — Тебе.

БОРИС ГУЧКОВ

ВСЛЕД ЗА ВЕТРОМ

ФЕРАПОНТОВО. У БОРОДАЕВСКОГО ОЗЕРА

Русского Севера синие выси,
Как вы бездонны!
Синью пленён, здесь узрел Дионисий
Облик Мадонны.

Долго любуюсь на белую воду,
Бор и подлесок,
Что воплотились, Богу в угоду,
В таинство фресок.

Здесь забываю и то, и другое.
Негою тая,
Зрю Ферапонтово — место святое
У Бородая…

ГОГОЛЬ

Дом на Никитском. Ночь роковая.
Сыро и зябко На сердце — лёд.
Бережно свёртки, как два каравая,
Гоголь к решётке камина несёт.

«Мёртвые души» сгорают в камине.
Чёрное дело вершит кочерга…
Заупокойную на Украине
И на Руси тогда пела пурга.

Сутки мело и в Москве, и в столице,
И лишь назавтра прояснило высь.
Иссиня-чёрные, тройкою-птицей
Низко февральские тучи неслись.

* * *

Солнечный ветер за день,
Море колыша трав,
Угомонился, замер
В мирной тиши дубрав.

Он рыбакам в угоду
Неба прояснил высь,
Дуть перестав на воду,
Рыбе сказал: ловись!

Из камышовых окон
Жадно берёт карась,
А на стремнине — окунь,
Щука, судак и язь.

День, догорая, гаснет.
Меркнет речная гладь.
Следом за ветром в ясли
Катится солнце спать.

* * *

Всё клин — куда ни кинь,
Всё мутит воду бес.
Но непорочна синь
Октябрьских небес.

И не сотрёт, не съест
Вот эту неба синь
Ни дума и ни съезд,
Ни царь всея Руси.

* * *

Смотреть кино по телику — сплошное наказание!
Реклама всё бесстыднее, назойливей, наглей.
«О, Вы достойны этого!» Жена моя с вязанием.
Ей не до парфюмерии, не до колготок ей.

Носок для внука вяжется, клубок по полу катится.
Жаль, нету в доме кошечки и маленьких котят!
А на экране чудище с какой-то каракатицей
Картофельными чипсами восторженно хрумтят.

«Кровати из Хорватии! (Какая рифма славная!)
Пора старью пружинному на мусорку давно!..»
Рекламный хит кончается, и снова из Беслана я
Смотрю документальное, кровавое кино.

Смотрю, пресыщен мебелью и женскими прокладками
(Вы что там вытворяете? Я это не пойму),
Как убивали деточек с цветами и тетрадками,
А лет им было от роду, как внуку моему.

Я вижу вас в Останкино ухоженными, чистыми.
Вы недостойны этого! Бездушны вы и злы!
В эфир, куда ни попадя, похрустывая чипсами,
Когда ж вы перестанете дерьмо пихать, козлы?

* * *

В стране бездуховность, а это страшнее Чернобыля.
О, эти миазмы, едва ли не трупные запахи!
Теперь восхваляют лишь тех, кому премию Нобеля
С политзапашком и скандалом вручили на Западе.

О нет, я не против поэта Иосифа Бродского…
Но слушаю речь молодых — там одни междометия.
Из школьной программы убрали стихи Заболоцкого,
Таким вот Макаром поэту отметив столетие.

В учебниках «Тёркин» Твардовского был ещё давеча…
На части дробят монолитное, некогда цельное.
Важнее сегодня «ГУЛАГ» Александра Исаича,
Нужнее сегодня тюремное и запредельное.

Растут наши дети бескрылыми, серыми птицами.
Цветной монитор заменяет им сполохи радуги.
ЕГЭ, объегорив, на волю их пустит тупицами…
Но только не всех, и лишь это немножечко радует.

* * *

Наш ломают дом.
Вспять не ходят реки.
Был построен он
В позапрошлом веке.

Крепок дом ещё.
Крепок, твёрдо знаю,
И слезу со щёк
Я не утираю.

Наша власть — умы.
Не попросишь сдачи.
Всё как есть, увы,
И не как иначе.

Горя не унять.
Плакать не пристало.
Поколений пять
В доме вырастало.

Слёзы не лице...
Я шепчу: уроды...
Здесь построят Центр
Современной моды.

Дочка, не дрожи
На руках у мамы...
Вон и чертежи
На щитах рекламы.

* * *

В «Старике и море» Хэма
Не сюжет важней, а схема,
Схема сути бытия.
Жизнь — суровый судия!..

На крючок из прочной стали
Ты тунца поймаешь в море,
Но акул зубастых стаи
«Поделись!» — попросят вскоре.

Не поделишься — не сетуй.
Обрати молитву к Богу,
Лодку вытянув и сети
Бросив мокрые к порогу...

* * *

8 июля — день Петра и Февронии Муромских,
в иночестве наречённых Давидом и Ефросинией

Летним утром, придя во храмы,
Где в окладах резных иконы,
За Февронию и Петра мы,
Россияне, кладём поклоны.

Из коттеджа мы или барака,—
Все равны — и богач, и бедный! —
За любовь и за крепость брака
Смирно молимся, чтим обедни.

В эти дни июльские, синие,
Глядя с нежностью друг на друга,

Просим милости у Ефросинии
И Давида, её супруга…

* * *

Синий лён цветёт и таволга,
А в степи ковыль и донники.
Из обширного каталога
Не цвели ещё шиповники.

После дождика разведрилось.
Кружат пчёлы над пионами.
Степь июньская расщедрилась
Луговыми шампиньонами.

И опят, опят до ужаса.
Всё кругами она, кольцами.
В поднебесье птахи кружатся,
Заливаясь колокольцами.

Всюду зелень, а не рыжина.
Обожаю время дивное,
Когда степь ещё не выжжена,
Вся в цветении, родимая…

* * *

Ты по лугу плывёшь, как фея,
Как бегущая по волнам.
Клевер вырос и тимофеевка
На великую радость нам.

По лощинам да по угодиям
Ветер травной волной летит.
Целый год мы да с полугодием
Будем с сеном, коль пофартит.

От жары и за ради Костеньки,
Молода, ещё не в летах,
Под косынку ты русы косыньки
Ловко скрыла, изящно так.

Может, он обратит внимание —
Вот, как есть, я вся на виду! —
У копны назначит свидание,
Как в духмяном былом году.

* * *

В предзимья холодный и пасмурный день,
Озябнув до дрожи,
Последними сбросили дуб и сирень
Сырые одёжи.

Седа патриарха лесов голова,
Мудра и печальна…
Мы кожу меняем. Мы те ж дерева,
Как это ни странно.

Я полем житейским, где множество мин,
Немало протопал.
Увы, я уже не цветущий жасмин,
Не стройный, как тополь.

Хотя и сноровка, и силушка есть,
Но, как забияка,
В открытую дверь я ломиться и лезть
Не стану, однако.

А тополя манит и манит кураж.
Изящен, как терем,
Он за год-другой на девятый этаж
Забраться намерен.

Не ведает тополь, что корни слабы,
Что хрупки колени,
Что скоро над ним посмеются дубы
И даже сирени.

* * *

Я хочу вот здесь и сейчас
Видеть рядом твой ясный взор.
Слева от Ковша Волопас
За рекою вышел в дозор.

Он пасёт овец и волов,
И ягнят, и беленьких коз…
Дорогая, я нездоров,
Я тобой увлечён всерьёз.

Как умею, тебя пасу,
С Волопасом схож за рекой.
Но плохой из меня пастух,
Понимаешь, очень плохой.

Потому что при всём при том
Не жестока моя рука.
Не стегнуть, не огреть кнутом,
Не исторгнуть мат с языка.

Дорогая, твои слова
Как в лицо пчелиный укус.
Может, всё-таки ты сама
Мне назначишь леченья курс?

Я хочу вот здесь и сейчас
Видеть рядом твой ясный взор...
Слева от Ковша Волопас
В звёздном небе держит дозор.

СЕРГЕЙ ГРАЧЁВ

Племянник

Глава первая

Офис, который арендовал Юрий Владимирович Баснев в районе метро «Шаболовская», представлял собой отремонтированный подвал с закрытыми деревом коммуникациями, запущенным донельзя туалетом, тюремными окошечками под потолком, квадратными потолочными плитками с цветочным рисунком, скудным освещением, низкими балками при входе. И дверями, не раз взломанными ворами. С одним телефоном и сырой, тёмной комнатой под склад. Помимо «тёмной», в распоряжении Баснева были четыре кабинета. За весь этот кошмар приходилось платить восемьсот долларов в месяц, что страшно раздражало бухгалтера Светлану. Правда, в подвале было тепло, даже жарко, несмотря на грянувшие жуткие морозы, и на то, что солнце стало похоже на матовый бело-молочный опал... Да-да, всё началось с этих самых морозов.

Подчинёнными у Юрия Владимировича были девушки, которые позаканчивали школы в разных концах государства и съехались в Москву, считая, что именно здесь весь мир можно ссыпать в свой собственный карман, словно горсть стразов. Но пока они лишь трудились в поте лица — «в поле», то есть на улицах, в толпе возле метро, предлагая китайскую бижуте-

рию прохожим, москвичам и приезжим, реализуя товар за двойную цену. Китайцы поставляли Басневу немало оригинальных изделий, и девчата-коробейницы ловко втюхивали симпатичные браслетики и кулоны московским обывателям, особенно под новогодние праздники.

Когда молодёжь возвращалась с «поля», всё в офисе приходило в движение. Согревшись, востроглазые девчата отчитывались Светлане, пили кофе и словно пьянели, включали музыку, шумно обсуждали свои приключения в ночных клубах, спорили о процентах с продаж. Они раздражали привыкшую к порядку Светлану тем, что расшвыривали свои куртки и шубки где попало, а Юрия Владимировича забавляли их голые животики и сползающие с груди топики, в которых девчата еженощно колбасились на дискотеках. Но, несмотря на такой пляжный, казантиповский вид, на дневной мир девчонки глядели напряжённо-агрессивно, насторожённо, приближённо-криминально; в их глазах сквозило злое веселье, замешанное на лжи. Впрочем, в разговорах с Юрием Владимировичем они старались быть очень вежливыми и доброжелательными.

Несмотря на юную энергию и наглость девчонок, объём продаж постепенно падал: люди всё чаще предпочитали покупать изделия из настоящего золота и серебра в магазинах. И вот наступил день, когда Светлана сказала, строго глядя на шефа серыми глазами:

— Выручка идёт только на аренду и оплату труда девочек. На нас с вами, Юрий Владимирович, денег нет.

Баснев сразу вспомнил своего покойного старшего брата Александра, предпринимателя оборотистого, удачливого, хваткого. Умный был Саша Баснев, экономист, МГУ окончил. Но погиб в автомобильной аварии несколько лет назад. Жена его, Кристина, и сейчас считает, что катастрофу подстроили конкуренты да завистники. Эх, были времена криминальные, были и политико-экономические, а нынче...

После трагедии Юрий Владимирович Баснев отказался от соучредительства в фирме брата и подписал отказную бумагу — так требовала Кристина, которая сразу объявила себя бизнес-леди. Кто бы мог подумать, что в Кристине столько мужских генов: днём она командовала на фирме, а вечером — пьянствовала с партнёрами в лучших ресторанах! Помнится, когда он подписал бумаги и получил расчёт, то на прощанье сказал Кристине, что никакой она не бизнесмен, а только встала в позу business woman. Кристина взъярилась и с презрительной усмешкой заметила: «Ты никогда не умел отличить кучу навоза от ванильного мороженого. И не только в общении с бабами». Юрий Владимирович поспешно покинул офис брата, испытывая не только определённое облегчение на душе, но и радость: он всегда чувствовал себя там пешкой, подёнщиком, погрязшем в рутине, как свинья в трясине.

Когда Юрий Владимирович окончил краткосрочные курсы по внешнеторговым операциям при МИДе и открыл собственное дело, он даже предположить не мог, что вскоре появится постоянное чувство беспокойства и даже собственной несостоятельности. Склонный к самоанализу, он обвинял себя в неумении изворачиваться в спорных ситуациях, и, конечно, в недальновидности. «Делай и узнаешь, что получится»,— помнится, сказал брат Александр и... занялся пищевыми добавками из Германии и мясными продуктами питания. Конечно! Люди никогда не перестанут есть колбасу.

Последние недели Баснев усиленно соображал — как можно поправить бизнес, который не должен быть только цивилизованной спекуляцией? Должно быть ещё что-то. Денежный ручеёк не должен иссякнуть... Вот Александр наверняка бы что-нибудь придумал...

Размышляя, Юрий Владимирович наблюдал, как ходит по офису Светлана: стройная, полноногая блондинка, одетая в красную приталенную блузку и светлую юбку, несколько увеличивающие женские прелести, вздыхал и ничего не мог придумать. Иногда он ловил на себе взгляд Светланы и смущался. А та плутовато улыбалась, словно видела его насквозь. Нет, видимо, никогда у него не хватит смелости подойти к ней вплотную, приобнять за талию. «Не орёл я, что ли? — думал Юрий Владимирович.— Может, права Кристина, и у меня всегда будут проблемы... с ванильным мороженым?»

И едва он так подумал, позвонила Кристина. Баснев ненавидел такие моменты. К счастью, эта шизофреничка появлялась на горизонте очень редко. Но если судьба вынуждала её беседовать с деверем, то она обычно говорила с ним, как столбовая дворянка с бедным старым рыбаком из пушкинской сказки о Золотой рыбке. На этот раз невестка без всякой подготовки, со свойственной ей безапелляционностью и недоброй откровенностью объявила, что ложится в наркологическую клинику. Поэтому её сын, одиннадцатиклассник Серёжа Баснев, пока поживёт у него. Тем более, школа, в которую ходит Серёжа,— рядом с домом Юрия Владимировича. А своим родителям, живущим под Тулой, она, оказывается, уже позвонила и сказала, что едет с сыном отдыхать в Египет.

Баснев, конечно, согласился. Только подумал про Кристину: «Метит в волки, а хвост собачий».

Юрий Владимирович никогда не был женат и жил один в оставшейся от родителей двухкомнатной квартире в старом доме на углу Пушкинской и Петровского переулка. Несмотря на то, что Баснев настелил на пол ламинат и вставил в окна пластиковые стеклопакеты, квартирка, хоть и с высокими потолками, казалась крохотной, тесной, какой-то пыльной и обветшавшей. Конечно, после смерти мамы Басневу надо было выбросить весь хлам, поцарапанную, полусломанную мебель, да всё руки не доходили, или просто жалел это старьё. Даже обшарпанную этажерку, на полочках которой лежали вышитые мамой салфетки с бахромой, макраме — он не трогал.

Теперь, когда здесь появился взрослый племянник, Баснев принялся спешным делом за генеральную уборку и пересмотр вещей. Он вдруг понял, насколько устал от одиночества. Убираясь на кухне, он вспомнил чьи-то слова: «Одиночество — это когда ты всегда знаешь, кто насвинячил на кухне».

Старые стулья с этажеркой были безжалостно выброшены, а их место заняли два новых кресла. Серёжа — такой же белобрысый и синеглазый, как его отец — с удовольствием помогал дяде в уборке квартиры.

Уже на следующий день Серёжа принёс записку от своего классного руководителя Маргариты Борисовны, которая решила пригласить старшего Баснева на юбилей школы.

— Они знают, что ты там тоже учился,— пояснил Серёжа.

«Вообще-то на юбилеи зовут не записками, а пригласительными билетами»,— подумал Юрий Владимирович с неудовольствием: послание не отозвалось в его душе энтузиазмом. Но отказываться от встречи ему показалось некорректным и недальновидным.

Встреча проходила в первую субботу февраля, в хорошо натопленном школьном спортзале. Когда-то в нём были громадные окна, и школьники на уроке физкультуры буквально плавали в солнечных лучах. Затем, в 90-е годы, половину окон заложили кирпичами: надоело менять битые стекла.

После торжественных речей и почётных грамот дети из школьного драмколлектива показывали сценку про трёх поросят. Вернее, это было целое ревю, солянка из

театральных номеров. Две симпатичные девчушки-поросяточки и длинный инфантильный юноша-поросёнок — одетые в раздутые розоватые костюмы, имитирующие сало,— трясли ручками и дрыгали ножками, строили забавные рожицы сидящему в первом ряду Басневу и пытались у него выяснить, куда это они ненароком попали: на новогоднюю ёлку или на мясокомбинат? Причём, одна девочка очень талантливо изображала смешливую беспечную поросятинку, другая — хитрую и не очень добрую поросю, а худой мальчик — существо нетрадиционной ориентации.

Юрий Владимирович поначалу добросовестно пытался понять, о чём идёт речь, в чём, собственно, сюжет и смысл пьесы, но вскоре ему захотелось провалиться сквозь обшарпанный, знакомый с детства пол спортзала. А когда вокруг поросят внезапно забегал грузный мужик в бриджах, с пропеллером на спине, изображая Карлсона, который живёт на крыше, Баснева бросило в жар. Он едва ли не трясущимися руками вытащил сотовый телефон, сделал вид, что ему позвонили, и бросился прочь из зала. «После этого шоу нужно отлёживаться в реабилитационном центре»,— подумалось ему.

В фойе к нему подошла невысокая молодая брюнетка в синем вечернем платье с блёстками и уставилась на Баснева в упор. Её увеличенные толстыми линзами очков глаза заметно косили.

— Здравствуйте, я — классный руководитель Серёжи Баснева,— голос у неё был тихий, но слова она выговаривала с менторским нажимом.— А вы — его дядя, не так ли?

— Проблемы, Маргарита... э-э?

— Борисовна. Скорее, пожелания. Понимаю, вам хотелось побыть с друзьями, но я вас надолго не задержу. Пойдёмте в класс домоводства. Кстати, вы не поздоровались.

— Здравствуйте.

Баснев готов был идти куда угодно, лишь бы там не было поросят и Карлсона. Они прошли по первому этажу в противоположный конец коридора. «Ей нет тридцати»,— подумал Юрий Владимирович, поглядывая на спутницу. Учительница была неплохо сложена, но во всех её движениях сквозила та игривая суетливость, которая отличает женщин в красивых обновах после бокала шампанского. А может, просто малахольность? Вот бухгалтер Светлана, например, всегда умеет держать себя с достоинством.

Маргарита Борисовна быстро открыла ключом дверь. Прошла и села за стол учителя — так стремительно, словно боялась, что Баснев её опередит. Юрию Владимировичу ничего не оставалось, как усесться напротив неё, на один из ученических стульев.

— Видите ли...— классная дама, сама немного похожая на школьницу, вырядившуюся для выпускного бала, выдержала паузу, будто подбирая подходящие слова, или не решаясь сказать. Её глаза подозрительно-томно рассматривали Баснева. «Показывает, что в ней есть некая загадка»,— решил Баснев и подумал, что если закрыть класс на ключ изнутри, то можно было бы попробовать разгадать загадку сразу, на месте.

— Меня зовут Юрий Владимирович.

— Ваш племянник, Юрий Владимирович,— особенный мальчик. И что бы о нём ни говорили, никого не слушайте. И никогда не обращайтесь к врачам. Иначе, как говорят мои ученики: полная жесть!

— То есть?

— Врачи обязательно признают Серёжу аутистом и напишут такой диагноз, что потом хоть в петлю лезь.

— Постойте,— Баснев хотел было возмутиться, но тут же взял себя в руки.— Серёжа вполне здоров. Не припомню, чтобы он хоть чем-то болел.

— Разумеется, не болел, и вы должны знать...— она вдруг по-детски обиженно заморгала.— Разве он не у вас сейчас живёт?

— Только что переехал,— Баснев удивился осведомлённости школьной учительницы. Не иначе, Кристина её предупредила.— И что?

— Конечно... вы меня не знаете и не можете мне доверять, но, понимаете... В стране семьсот тысяч беспризорников. И по восемь тысяч детей в год иностранцы увозят за рубеж. Просто покупают. Миллионы детей — наркоманы. Мелкооптовая наркоторговля фактически узаконена. Сегодня не сажают даже за десять чеков... то есть порций в кармане. А ваш мальчик — особенный, понимаете. Возможно даже — гений.

— Продолжайте. Что же вы остановились, Маргарита... Борисовна?

— Он на уроках говорит странные вещи. Вчера на уроке истории заявил, что сейчас — период нового великого переселения. И несёт он на нас песок, а нас самих дальше в Европу гонит. Песок — это люди, представляете? Люди. По словам Серёжи, намывает их в Москву с севера, юга и востока. А тех, кто здесь родился, сносит на запад.

— Разве это не правда?

— Правда. Но в устах старика, не мальчика. Когда его ровесники болтают о дне святого Валентина и рисуют друг другу «валентинки», Серёжа вспоминает, что в этот праздник в Ясенево рухнула под тяжестью снега крыша аквапарка. И знаете, что говорит? Что здание, построенное в православной России турками, с таким названием — «Трансвааль-парк», должно было рухнуть ещё в момент строительства.

— Ну и что?

— Как что! — учительница явно была раздосадована непонятливостью собеседника.— Я хочу поговорить с вами о генофонде.— Вот тут Юрий Владимирович по-настоящему удивился: ему показалась, что в голосе классной дамы прозвенела плохо скрытая угроза.— Мальчику необходимо развиваться в правильном направлении. В обычной школе он — белая ворона. И, как всякая белая ворона, сильно страдает. И может пойти по неправильному пути.

— Ерунда какая-то... Поздно менять школу — одиннадцатый класс. И потом: насколько я знаю, учится он средне.

— Ему необходимо найти правильного учителя. Махатму, как говорят в Индии. Таких детей, как Серёжа, мало, их единицы. Хватит ли у вас средств, чтобы его защитить?

— От кого?

— Серёжа, если хотите знать,— дитя тысячелетия. Некоторые дети черпают информацию прямо из космоса. И могут стать настоящими воинами света! Или тьмы, если дело пустить на самотёк.

— Вы преподаёте эзотерику?

— Нет, математику. Ваш Серёжа...— фиалковый.

— Простите, какой?

— Фиалковый,— Маргарита Борисовна улыбнулась — загадочно и, как показалось Басневу, несколько экзальтированно.

— Ну, что ж. Если только это, то...

— Да, конечно, идите. До свидания, Юрий Владимирович.

— Всего доброго.

Баснев бросил напоследок рассеянный взгляд на её невысокую грудь и поспешил покинуть класс домоводства. Оказалось, что пока они беседовали, директор застукал выпускников за распитием водки и бесцеремонно всех выгнал вон — на мороз.

Конечно, никто из бывших одноклассников Баснева не захотел тащить к себе домой ораву людей, с которыми не виделся много лет. Пришлось идти в ресторан. Когда оказалось, что у некоторых денег в кармане — кот наплакал, принялись друг у друга занимать, при всеобщем понимании, что долги не будут возвращены никогда.

Для ветеранов школьного фронта в полупустом ещё ресторане сдвинули столы. Только через час-другой соседние столики начали заполняться клиентами. До плясок ещё дело не дошло, лишь какая-то девушка в брючках медленно демонстрировала эротические «па», то приседала, резко раздвигая колени, то гладила себя по бёдрам, с улыбкой показывая мужчинам, как нужно всовывать купюры в её брючки. Ногти на руках девушки были двухцветные: половина ногтей покрыта жёлтым лаком, другие — белым. У девушки было смуглое личико, на котором ярко сверкала белозубая улыбка.

— Клёвый эффект, как в «Матрице»,— крикнул ей юноша от одного из столиков.— Мартышка, пойдём покурим. И похомячим вместе.

— Отвали,— томно отвечала танцовщица, крутя «вразвалочку» ягодицами.

«К несчастью для добродетели, у порока почти всегда нежная кожа и белые зубы»,— вспомнил Юрий Владимирович слова Теофиля Готье.— «Только вот где она, добродетель-то? Ох, бяда, бяда, в огороде лебяда...»

Молодёжь вначале поглядывала в сторону «ветеранского» стола насмешливо, потом — со снисхождением, а спустя два часа все перемешались на танцполе: заматеревшие в перестроечную эпоху одноклассники водили нестройные хороводы вокруг юных виртуозов современного танца.

«Ветераны» напились и заревели безбашенно-возбуждённым хором песню про крейсер «Аврора». Один лысый краснорожий «мальчик», бывший футболист, а теперь начальник охранного агентства, обнял Баснева, навалился на него и с широкой ухмылкой спросил:

— Отгадай-ка, Басня, дорогой, что такое говорящая голова?

— Пушкинский персонаж,— поморщился Юрий Владимирович, стараясь отпихнуть от себя человека, в облике которого ничего не осталось от маленького шустренького футболиста-троечника.

— Да нет, это Колобок! — постучал себя по лысине профессиональный охранник. Баснев со всей силой постарался вежливо посмеяться, но в этот момент ему вспомнились дети-поросяточки, и из его уст неожиданно вылетело совершенно идиотское «гы-гы-ы!». «Колобка» это озадачило, но ему уже кричали:

— Эй, Лысый, пить будешь? Гуляй, рванина, по всем половицам!

Тост следовал за тостом, а затем грянула детская нравоучительная песенка:

«Кто в друзьях не ошибётся,
Никогда не ушибётся!»

И Юрий Владимирович пел вместе с ними, чувствуя, что сходит с ума окончательно:

«Ну, а если упадёт,
Снова встанет и пойдёт».

«Упадёшь — не встанешь, закон джунглей»,— всплыла в сознании мысль.— «Ох, бяда, бяда...»

И он ушёл из ресторана. Зимняя Москва завьюжила Баснева, и ему показалось, что он чужой в родном городе. Юность ушла, давно рассеялась в прошлом, вместе с песнями и грёзами, но иногда Басневу мерещилось, что ещё вчера он в старых джинсах и связанном мамой свитере задавал жару в ресторане «Валдай», на Арбате:

«Я московский озорной гуляка.
По всему Тверскому околотку
В переулках каждая собака

Знает мою лёгкую походку...»

И плясал, размахивая над головой свитером. Но... «О весенних рассветах тот парнишка мечтал...» Эх, найти бы машину времени, да хоть на часок-другой махнуть в беспечное вчера, к друзьям-товарищам... Впрочем, вскоре после встречи с бывшими одноклассниками подобные мечты больше не посещали Баснева.

Его теперь занимало совсем другое. Много раз Юрий Владимирович возвращался мысленно к разговору с классной дамой. И, наконец, решил, что нужно проконсультироваться у психолога. Времена такие, что пора думать о профессиональной ориентации племянника. Конечно, Кристине это нужно было сделать гораздо раньше...

Но вначале необходимо поговорить с мальчиком, понять его, узнать о нём побольше. И старший Баснев вечером после ужина, когда Серёжа уже поспешил засесть за компьютер, спросил его:

— Ты веришь в судьбу?

— А что такое судьба? — спокойно произнёс Серёжа, включая компьютер.— То, что она определяется волею Бога, это понятно. Но она и нашей волей определяется. А как я могу свою волю применить? Для того, чтобы правильно прожить жизнь, я должен построить цели своей жизни. А как я могу построить цели своей жизни, если я не знаю целей Бога, создавшего меня?

— Что? — вырвалось у Юрия Владимировича.

— ... Значит, я могу правильно построить свои цели только в контексте целей Бога. А какие цели ставил Бог, когда он создавал меня? Как вы думаете?

— Вот уж чего не знаю, того не знаю,— Баснев поразился обстоятельности, с которой старшеклассник подошёл к проблеме.

— Это очень легко и понятно, дядя Юра. Он клонирует сам себя в элементах.

— Клонирует?! Это как понять?

— Ну, дядя Юра! Я думал, взрослые люди должны такие вещи знать, понимать. Вот смотрите: Бог строит всё из элементов, из малого большое составляет,— Серёжа вошёл в Интернет, и на экране монитора появилось изображение земного шара.— Например, океан. Атлантический, Тихий — всё это вода. По утрам на лугу блестит

в травах маленькая росинка — тоже вода. А если мы соберём росинок астрономическое количество, что получится? Океан. Что ж тут непонятного! Он собирает самого себя. Поэтому к Нему такое серьёзное отношение.

— К Богу?

— Да.

— Из твоего океана вытекает множество интересных вещей,— заметил старший Баснев, поражённый простоте и ясности услышанного.— Например, суд Божий. Ты его не боишься?

— Суд Божий обычно понимают совсем неправильно. Бог — не юрист. И вопрос так не стоит: виновен — невиновен, наказать — не наказать. Вопрос стоит чисто по-хозяйственному: пригоден — непригоден. Распятый на кресте разбойник говорит Христу: «Мы понимаем, за что распяты, а вот ты, безвинный, почему прибит к кресту?» На что Христос отвечает: «Истинно говорю тебе: ныне же будешь со мною». Ведь Христос не стал разбирать содеянное разбойником, потому что его интересовал момент истины. Момент истины смерти, то есть тот момент, с которого ничего уже не изменишь. А в момент смерти разбойник был вот таковым — каким был. Вот и всё. И сразу становится понятно соотношение добра и зла.

— Мне кажется, что ты, Серёжа, слишком вольно, по-свойски трактуешь Библию. Прямо успокоение для грешника! Мне бы очень хотелось тебе...

— Не верите? Прекрасно! — вдруг воскликнул Серёжа.— Я очень рад.

— Почему это? — удивился Юрий Владимирович, совершенно не видя причин для радости.

— Хотя бы потому, что мой любимый святой — Фома, тот, которого прозвали неверующим.

— Вот как! Честно говоря, первый раз вижу человека, который почитает Фому как главного святого,— он не стал говорить, что впервые видит мальчишку, который может вообще что-то говорить на подобные темы.

— Роль Фомы многие совершенно не понимают,— заговорил Серёжа, параллельно переписываясь с кем-то по электронной почте.— Как не понимают и роли других людей, окружавших Христа. Посмотрите: тому же Петру Христос говорил: «Отойди от меня, сатана». А Фоме он сказал: «Ну что же ты, Фома! Блажен, кто верует, а не тот, кто знает». Штука вся в самом Петре и других апостолах. Вот Христос завтра уйдёт на крёстный путь, оставив их с задачей построить церковь. А что есть вера? Вера это свобода. Свобода — это, несомненно, и счастье, и всё, что угодно. Но вера предусматривает свободу верить или не верить. Чем отличаются знания от веры? Знания не приносят такого количества счастья, как вера. Вот вам пример из истории. Что толку в том, что заставили Галилео Галилея отказаться от слов, что Земля вертится? Но ведь он не верил, что она вертится: он знал! А как можно отказаться от знания? Такой свободы нет.

А вот теперь вернёмся к истории с Фомой. За несколько дней до того, как Христос сказал: «Ну что же ты, Фома...» Он тогда предупреждал, что в будущие времена вы услышите: тут Христос, там Христос. То есть появятся лже-иисусы. Вообще говоря, Бог даёт инструкцию быть бдительным. А что же сделал по существу Фома? Он и поступил, как бдительный человек. Когда ему сказали, что там находится воскресший Учитель, Фома реагирует согласно инструкции самого же Христа, говоря: «Пока не вложу персты в Его раны...» Проверил, и не стало у него возможности не верить. Но самое интересное то, что было возложено на Фому. Ведь он был в этот момент не один с Христом. Стояли рядом и остальные апостолы, и через свидетельство Фомы они получили тоже знания. А знания — очень жёсткая конструкция, от них не отопрёшься.

— И почему, по-твоему, Христос так говорил? — спросил Баснев, чувствуя, что едва не впадает в транс от услышанного.

— Потому что церковь правильно отмечает именно богочеловеческую суть Христа. Очень часто Иисус ведёт себя то как Бог, то как человек. Мало кто задумывался над моментом искушения Христа. Взял сатана, вознёс его на храм и говорит: «Прыгни, и пусть твой Бог тебя спасёт». Что, сатана разве не знал, что Христос ходил по воде, яко посуху? Не знал, что законы физики вообще на него не распространяются? Знал лукавый, но всё-таки говорил это. На что Христос сатане отвечает: «Не искушай Бога своего понапрасну». Тогда сатана возносит его на гору и показывает все богатства мира, царства и требует, чтобы Христос поклонился или хотя бы кивнул — и всё это будет принадлежать Христу. Но... кто создал весь этот мир, и все богатства — кто хозяин его? Как ни верти, а сатана — пусть и падший, но архангел, то есть вовсе не дурак и прекрасно понимает, с кем говорит.

— Путаница какая-то выходит,— произнёс Юрий Владимирович, едва успевая вникать в речи юноши.

— Да нет тут никакой путаницы, дядя Юра! — Серёжа повернулся к собеседнику и с укоризной взглянул на него.— Когда сатана искушает, он обращается к человеческой природе Христа. К той его части, которая завтра почувствует боль от вбитых гвоздей... Приблизительно та же самая история с Фомой. Как это похоже на человека! «Ну что же ты, не видишь? Это же я. Не веришь мне?» — говорит Христос, ещё недавно призывавший апостолов к бдительности. Фома всего-навсего точно исполняет Его инструкции. Но уж если говорить о божественном промысле, то, посмотрите, история повторилась второй раз. Когда после распятия Христа семьдесят апостолов, по всему миру проповедуя язычникам, строят Церковь. Подходит конец жизненного пути Богоматери. Как известно, мобильных телефонов тогда не было. Радио и самолётов тоже ещё не придумали. Но ответьте мне на простой вопрос: «Каким образом собрались шестьдесят девять апостолов на похороны Богоматери — вовремя?!»

— Каким? — как эхо, повторил старший Баснев.

— Похороны состоялись, гроб закрыли. И только тут появляется опоздавший Фома. Интересно, как он сумел опоздать?!... Все — различными способами — пришли вовремя, а он один умудрился опоздать. Фома начинает стенать, что не успел проститься, начинает просить, чтобы гроб открыли. И гроб, который только что закрыли, открывают, чтобы Фома простился с Богоматерью. И все видят, что гроб пуст. Разве не понятно, что на Фому возложена определённая и очень важная миссия?

После этого разговора Баснев постоянно думал о своей новой миссии, о том, как помочь племяннику, в какой институт его нужно готовить, кому показать его. В семинарию, что ли, отдать? Периодически Юрий Владимирович просматривал сайты различных учебных заведений. Однажды ему попался на глаза форум с диалогами про целительниц. Все упоминали какую-то Алину Багировну, якобы умеющую предсказывать будущее. Судя по этим, в основном, женским сплетням, Алина Багировна неплохо угадывала прошлое, говорила о различных болезнях, даже учила, как нужно вести себя в сложных житейских ситуациях. Сеанс стоил пятьсот рублей.

Несмотря на то, что странное отчество провидицы вызвало в Басневе внутренний протест и смутные подозрения, он принял участие в этом форуме, узнал телефон и адрес загадочной женщины. Она жила в Южном Бутово. Юрий Владимирович позвонил ей, попал на секретаря, объяснил, что хочет приехать с мальчиком. Ему подробно рассказали, как добраться до офиса Алины Багировны; точнее, до её квартиры.

Серёжа согласился на участие в этом сомнительном мероприятии, только поставил условие, что они покинут провидицу по первому его требованию. Такая рассудительность и разумная осторожность понравились Басневу.

Глава вторая

Субботний день был настолько холодным, что машину завести не удалось. В Южное Бутово они приехали на метро. В поезде подземки одна девушка сказала подружке: «У меня серьги к ушам примерзают!» На выходе с перрона стоял милиционер и проверял у кого-то документы.

— Товарищ мужчина,— вдруг обратилась к Юрию Владимировичу пьяненькая женщина с красно-сизым лицом.— Один сигарет, пожалуйста, и вы свободен! — Она коверкала слова, но явно была русской.

— Ты свободен сама! Иди отсюда! — закричал вдруг фальцетом милиционер.— Иди, иди туда... Пьяная.

— Фу, как грубо. Ну, пьяная, зато весёлая. Когда я была адвокатом,— хрипло говорила женщина, удаляясь нетвёрдой походкой и вздрагивая от икоты,— всех знала. И меня... обманули меня, подставили ваши благородия! Земля уходит из-под ног. Так и хочется взять её в руки,— и она сделала широкий ломаный жест рукой — словно обняла кривую тумбу для афиш.

Вздрагивая от жуткого холода, Юрий Владимирович развязал тесёмки на темечке своей шапки и подвязал под подбородком, закрыв уши. Сергей был в вязаной шапочке и всю дорогу растирал свои бледные щёки.

— Даже ад замёрз, наверное,— усмехнулся, словно кашлянул, Сергей.— Остаётся застыть этиловому спирту. Жесть!

— Сейчас бы валенки надеть,— пробовал поддержать разговор старший Баснев и едва не задохнулся от морозного воздуха, закрыл рот и нос перчаткой. Ему казалось, что веки смерзаются. «Того и гляди, атомарное движение остановится!»

Голова Юрия Владимировича была занята всепоглощающей мечтой о тёплом подъезде, тем не менее, он отметил современную архитектуру района, новые высотные дома с ухоженными двориками. Правда, создавалось впечатление, что мир скован в белый панцирь великого оледенения.

Редкие прохожие передвигались рысцой по заснеженным тротуарам — от магазина к магазину. Попытки Юрия Владимировича уточнить дорогу ни к чему не привели: люди рычали что-то невнятное и бежали дальше.

«Слишком холодно, чтобы говорить. Даже чтобы думать.»

— Может, зря я это затеял?

— Назад дороги нет,— отрезал Сергей, переходя на бег.— Мы не гавайцы, сопли подотрём и...— по мороженому!

Юрий Владимирович тоже побежал. И вдруг вспомнил о своих подчинённых — коробейницах, продающих товар на улицах. «Господи! — мелькнула мысль.— Как же девчонки работают «в поле»?! Кто сейчас купит брошки и браслеты?! Нужно всех распустить по домам». Но даже если бы ему удалось достать из кармана сотовый телефон, то набрать номер он бы не смог.

Казалось, что они насквозь пробежали всё Бутово, и уже вон поле, и дальний лес, а вон дуб — застывший белым скелетом...

Наконец отыскалась нужная высотка, и в её тёплом подъезде Басневы смогли перевести дух.

— Про мороженое ты переборщил,— сказал Юрий Владимирович.

— И в тридцать один мы пломбир едим! — воскликнул мальчик и, весело поглядывая на дядю ясными синими глазами, снял перчатки и принялся растирать щёки.

Лифт привёз их на четырнадцатый этаж. Дверь открыла женщина с волосами — как одуванчик, показавшимися старшему Басневу поначалу седыми. Лишь присмотревшись повнимательней, понял: она молодая, даже юная, просто цвет волос светло-русый, ближе к пепельному. Судя по всему, в офисе-квартире было не очень тепло, потому что на девушке-одуванчике была небольшая шляпа-цилиндр. Эта странная карнавальная секретарша быстро спросила у Баснева фамилию, сверилась по компьютеру, посоветовала не раздеваться, так как в квартире холодно, снять только обувь и надеть тапки, которых было много под вешалкой. Затем она переключила своё внимание на посетительницу — девушку, укутанную в длиннополую норковую шубу. Посетительница тараторила без устали:

— ... Представляешь, я надела чёрные колготки, чёрную юбку, оранжевые кроссовки с яркими оранжевыми шнурками — сигнальными, из космоса видно! Пока от подъезда до стоянки шла, познакомились...

«Из тех, что визжат на сейлах»,— мысленно охарактеризовал секретаря Баснев.

— Они поначалу такие добрые,— говорила посетительница секретарю, косясь на новых клиентов.— Я вот своему говорю: «Повёз бы меня на машине». А он: «Бери да езжай сама». «Я — женщина!» — говорю ему. Представляешь, что он мне отвечает: «Как дело до глупостей, так вы все женщины, а как до дела, так сразу выделываетесь!»

Секретарша с пониманием кивала.

— Кому оплачивать? — спросил с нетерпением старший Баснев.

«Одуванчик в цилиндре» взяла у него пятисотенную, прошла в одну из комнат. Через минуту вернулась и пригласила Басневых пройти для беседы к Алине Багировне.

— Может, даму вперёд пропустить? — неожиданно галантно предложил Серёжа.

— Я уже,— бесстрастно отвечала дама в шубе.

Юрий Владимирович ждал чего-нибудь экстравагантного от хозяйки офиса: наряда «летучая мышь» или засушенного крокодила под потолком,— но здесь было то, чего человек, который родился в советское время, пережил перестройку и поработал предпринимателем в новую эру, знавший про похождения шарлатанов и мошенников множество историй, никак не ожидал увидеть в заповедном мире колдунов.

В обстановке выпячивалась флотская тема: картины с морскими пейзажами, большой штурвал висел на одной стене, на другой — барометр, на книжном шкафу красовалась модель элегантного четырёхмачтового парусника. В красном углу — православная икона, недалеко от неё — фотография, на которой, судя по всему, сама Алина Багировна беседовала со священником; Баснев готов был поклясться, что видел его когда-то по телевизору. В другом углу бросалась в глаза подарочная шашка с повязанным на эфесе шёлковым пионерским галстуком. Электрокамин, на котором — тульский самовар. Ещё одна фотография: Алина Багировна разрезает ленточку в фойе какого-то здания общественного назначения.

Здесь были собраны не просто сувениры, а знаки периодов чьей-то большой жизни, целых этапов. Какое отношение имели все эти вещи, кроме фотографий, к провидице? Может быть, муж был моряком, а бабушка стояла у истоков зарождения пионерской организации?

Под потолком — люстра с вентилятором о пяти лопастях, на большом дорогом письменном столе, за которым сидела Алина Багировна, стояли пузатая, с рифлёным абажуром лампа, небольшой складень и отдельно — иконка, а рядом с телефоном — маленький бронзовый бюст Петра I. Красивый дизайн штор на окне — словно

замысловатый кремовый пеплос древней афинянки, нежно-жёлтая тюль. В общем, полная эклектика.

— Здравствуйте,— мягким контральто произнесла черноглазая женщина в голубоватой косынке и бежевой кофте. У женщины был мягкий кавказский акцент. Провидица сидела в большом кожаном кресле и раскладывала перед собой обыкновенные игральные карты. У неё был крупный нос.— Вы вдвоём? — Жестом пригласила клиентов сесть на стулья напротив.— Назовите ваши имена и даты рождения,— внимательно слушая ответ, она слегка прищуривала свои продолговатые глаза.

«Из Черкесии, наверное»,— подумал Юрий Владимирович.

— Что вы хотите узнать?

Старший Баснев замешкался, но, встретив насмешливый взгляд мальчика, начал говорить:

— Молодёжь сейчас другая... Вроде, прагматики, а на деле либо тупицы, либо ленивые хитрецы. В этом смысле, действительно: шаг — рубль, или точнее — бакс, доллар.— «Боже, что я мелю!» — мысленно ужаснулся Юрий Владимирович, но язык продолжал своё дело: — Менеджеры, например, о бизнесе больше трепятся, а толку не добьёшься. Ни с чем пирожки. Но вот Серёжа...

— С начинкой,— кивнула Алина Багировна.— Кстати, с бизнесом у вас всегда будут проблемы. Если, конечно, мы с вами вместе не проанализируем ситуацию.

Юрий Владимирович заметил, что Алина Багировна почти не заглядывала в карты, которыми она постоянно манипулировала на столе, но почти беспрестанно наблюдала за лицами посетителей.

— Меня сейчас больше интересует судьба Серёжи.

Улыбаясь, Алина Багировна слегка покачала головой:

— Это не ваш сын.

Старший Баснев попытался вспомнить, говорил ли он «цилиндру», что придёт с племянником, но так и не вспомнил.

— Это мой племянник. У меня нет детей.

— Будут. А за Серёжу не беспокойтесь. У него всё будет хорошо... Не сразу, правда.

— Мне бы хотелось узнать, в какой области человеческих знаний Серёжа мог бы с наибольшим успехом приложить свои таланты. С пользой для себя и... всех.

Алина Багировна переложила карты, мельком взглянула на них и принялась рассматривать Сергея. Баснев тоже поглядел на него. Юноша сидел в горделивой позе и, как показалось Юрию Владимировичу, пронзительно и слегка надменно смотрел на женщину. Не мигая.

— Ты не знаешь, Серёжа, кем бы хотел стать,— по-доброму участливо произнесла Алина Багировна. Спокойное выражение её лица вдруг сменило некое беспокойство. И вдруг она жёстко заявила: — Ты можешь многого добиться в жизни.

— Вот-вот...— подхватил Юрий Владимирович.

— Попрошу вас не перебивать!

В этот момент Сергею, видимо, надоело играть в гляделки с хозяйкой кабинета, и он принялся озираться по сторонам. Потом сказал:

— Небыль — как вода, быль — как смола.

Уловив в его голосе явное пренебрежение к происходящему, Баснев испугался: как бы малец, расхрабрившись, не наговорил чего-нибудь оскорбительного.

После этой Серёжиной фразы повисло долгое молчание. Алина Багировна перебирала картами несколько быстрее, чем прежде, вновь смотрела на Сергея, потом на Юрия Владимировича. Смуглое её лицо словно посветлело.

— Серёжа, вы не должны бежать от опеки вашего дяди. Он вам желает добра. Вы — умный молодой человек. И если будете слушаться старших и начнёте учиться...

— Ум за горами, а смерть за плечами.

— Не ум,— поправила Алина Багировна.— Думы за горами.

— Чему учиться-то, тётенька? Как лечить сумасшедших или как взрывать поезда в метро? Или...— он строго взглянул на собеседницу:— Как обирать людей?

Старший Баснев сидел ни жив ни мёртв, слушал. Хозяйка выглядела несколько озадаченной, она словно обнаружила парадокс, неожиданную странность. Юрий Владимирович ждал этого момента, мгновения, когда провидица наконец поймёт, кто перед ней. Некоторые странности или намёки на странности в мальчике он уже замечал, и, теперь дождавшись, помалкивал и даже наслаждался замешательством женщины, которая, по слухам, разбиралась в будущем человека, а того гляди, и всего человечества.

— Мир несовершенен, верно,— она плотно сомкнула губы, собрала карты в колоду и отложила в сторону.

— Значит, нужно совершенствоваться в несовершенстве? — уточнил мальчик.

— Игра слов,— Алина Багировна улыбнулась и встала из-за стола. Невысокая, плотная, она прошлась по комнате к окну, вгляделась в снежные дали и, не поворачивая головы, почти прошептала: — Без тучи на небе дождь не пойдёт, без горя на сердце глаз не заплачет.

— Вы сами не верите в то, что говорите,— заявил Серёжа.

— Вот как? — Она резко повернулась.— А во что же я, по-вашему, верю?

Юноша сухо-внятно объявил:

— В то, что на дураках можно воду возить. И зимой им снег продавать.

Старший Баснев готов был провалиться сквозь землю от стыда. То, чего он опасался, произошло: племянник хамил.

Алина Багировна спросила так тихо, что Юрий Владимирович скорее догадался, чем услышал её вопрос.

— А ещё во что?

— В то, что ваш мужчина когда-нибудь придёт.

После этих Серёжиных слов лицо провидицы застыло смуглой маской, только глаза неотрывно следили за парнем, который встал со стула и направился к двери. Баснев пробормотал извинения и поспешил вслед за ним. В прихожей он спешно скинул тапки, надел ботинки и чуть ли не побежал. Он слышал, как, выходя из квартиры, Сергей крикнул секретарше:

— Чао, Шапокляк! — и хлопнул дверью...

Над случившимся Баснев размышлял весь вечер. Поначалу, разозлённый выходкой племянника, Юрий Владимирович подумал: «Никакой он не фиалковый. Он обыкновенный подросток». Но неясная идея всё же витала вокруг этого мальчика, и Юрий Владимирович, пытаясь её уловить, схватить за холку, проигрывал мысленно весь разговор с Багировной. Наконец он понял, что нужно сделать для начала. Пригласить Серёжу к себе в офис на Шаболовку, показать, как работает бизнес, попросить помочь привести в порядок перечень товара... В общем, что-то в этом роде; пусть парень почувствует, что он взрослый, что он нужен, и от него ждут великих свершений. А то скоро в бизнесе ступить будет некуда, не натолкнувшись на «багировну». Куда нашим худеньким гениям деваться! Поздно будет пить «Боржоми»...

Серёжа уснул прямо за компьютером. Баснев переносил спящего подростка на диван, когда вдруг, не открывая глаз, племянник произнёс тихо и отчётливо — как не говорят спящие люди:

— Не думай о лучшей доле.

— Что? — спросил Баснев.— Почему это?

— И не пей...

По телу Юрия Владимировича, помнится, прошёл озноб. Разве он говорил вслух: «Поздно пить „Боржоми“»? Или это племянник про свою мать, Кристину? Юрий Владимирович осторожно положил мальчика на диван, прикрыл пледом.

— Азия, Африка, Европа,— уже не совсем внятно пробормотал племяш.

— Что?

— Азия — Европа... Великое переселение.

Опешивший Баснев долго сидел на краешке дивана, прислушиваясь к мерному посапыванию Сергея. Потом попытался ещё что-то спросить у него шёпотом. Но мальчик спал.

Всю ночь Юрий Владимирович не мог сомкнуть глаз, мучительно пытаясь сообразить, что за оракула дельфийского привела к нему судьба? Или Бог? И что теперь делать? Сергей непостижимым образом, может, сам того не подозревая, проник в его мысли. И теперь, несомненно, в жизни Баснева всё должно измениться. Юноша таил в себе удивительные для Юрия Владимировича горизонты.

«Слушай в оба, зри — в три! — скомандовал себе старший Баснев.— Ищи решение!»

Можно было, конечно, предположить, что Сергей слишком погрузился в виртуальные миры Интернета, чего-то там начитался, насмотрелся и теперь бредит в полудрёме, с кем не бывает! Но это слишком просто.

«Может, и я был когда-то таким? — думал Баснев.— И умел пророчествовать, и читать чужие мысли?»

Нет, Юрий Владимирович мог поклясться: за ним самим подобного не помнилось, не замечалось. А вот за братом Александром... Верно говорят: «Яблоня родит яблоко». Серёжа не был дитём талонной системы распределения продуктов: папа всегда неплохо зарабатывал, и калорий для мозговой деятельности мальчику всегда хватало. И он был сыном своего талантливого отца.

Рано утром домой Басневу позвонила Алина Багировна и предложила работать на неё: и Юрию Владимировичу, и его племяннику Серёже.

— Давайте поговорим спокойно: никто никого не принуждает,— говорила Багировна по телефону.— Вы сами прекрасно понимаете: таким детям нужна особая забота. И защита. Кому, как не нам, думать о спасении вашего генофонда.

— И это говорите мне вы?!

— Не будет русского духа — не будет государства. Значит, пропадёт и мой народ.

— У меня свой бизнес и он не пересекается с вашим,— сказал, как отрезал, Юрий Владимирович и положил трубку.

— Багировна звонила,— послышался из маленькой комнаты апатичный голос проснувшегося Серёжи.— Ненастный день сменится ясным, но плохой человек не станет хорошим. Дядя Юра, будьте к ней холодны, как рыба к апельсину.

Почему-то эта последняя фраза успокоила старшего Баснева. Он повторил её несколько раз вслух, усмехнулся и начал собираться в магазин за продуктами. Ему хотелось купить племяннику каких-нибудь деликатесов.

Мир вокруг стремительно менялся. Но менялся не совсем так, как хотелось бы Юрию Владимировичу Басневу. Ему даже иногда казалось, что город старается спрятать за красивыми помпезными фасадами новых зданий свою душевную коррозию. Телевизор, который развенчивал мифы и разрушал идеалы, Юрий Владимирович смотрел редко. Он давно знал, что люди голосуют бумажниками, и политические

взгляды меняются в зависимости от уровня доходов. Особенно остро он это ощущал, когда выходил за продуктами или прогуливался по Пушкинской улице, по Петровке, выходил к Кузнецкому мосту.

Старинные кварталы, средоточие театров, гостиниц и ресторанов, воздействовали на Баснева благотворно. Здесь вкусно пахло: и выпечкой, и валютой, заставляя Юрия Владимировича искать золотую жилу — размышлять о новом способе зарабатывания денег.

Эпохи наслоились здесь, в центре Москвы, история переплелась плотным клубком, который, если на минуту остановиться и оглядеться, можно ощутить почти физически. Вот дом, построенный во время империалистической войны, а потом один поэт организовал здесь институт труда ВЦСПС. Рядом была биржа труда, которую в 1930 году закрыли в связи с полной и окончательной ликвидацией безработицы.

«Если открыть здесь элитное кадровое агентство,— думал Юрий Владимирович,— то фирме понадобятся и соседние дома».

Но купить или арендовать здание в заповедной зоне — такое по карману только очень крупной фирме. У Баснева таких денег не было.

Толпы служащих, туристов и театралов, бизнесмены и проститутки, машины с мигалками... ЦУМ, Петровский пассаж. Юрий Владимирович ещё помнил, что в советское время «Пассаж» и ещё десять магазинов объединились в одну торговую фирму под патронажем Центрального универмага: магазин женской одежды на Кузнецком, «Товары для женщин» на Петровке, «Подарки» в Столешниковом. Девушки всегда любили затащить Баснева в этот дамский рай. Некоторых он туда водил, но ни одна из них не стала его женой.

Однажды, когда Юрий Владимирович прогуливался по архитектурному ансамблю Петровских линий, его усиленные размышления о возможных видах деятельности фирмы вдруг куда-то улетучились. Разумеется, не потому, что на одном из зданий висела мемориальная доска с напоминанием о пламенных речах Ленина. Угол Рахманиновского переулка и Петровки, где красовался дом с полукруглым портиком и ионическими колоннами, невольно настроил Баснева на романтический лад.

«А хорошо бы погулять здесь со Светланой,— подумал он.— Она добрая девушка, не жеманная».

Тридцатисемилетнему Басневу очень хотелось жениться на Светлане, которая была почти на десять лет моложе его. Но он никак не мог решиться сказать ей о своих чувствах. Останавливало его, прежде всего, ощущение собственной бедности. Квартира и машина у него были, и даже собственная фирма действовала, но, в том-то и дело, что Светлана была его, Баснева, бухгалтером и прекрасно знала об уровне доходов собственного шефа.

Магазинов на пути Баснева было достаточно, и он не успевал замёрзнуть на улице. Пакеты быстро потяжелели, наполненные всякой снедью — от салями до мандаринов и красной икры. Покупая довольно подорожавшие за последнее время продукты, он не скупился, предвкушая, как они вдвоём с племянником устроят настоящее пиршество. Когда Баснев жил один, он никогда так не шиковал. В одиночестве пировать — какой резон!

В это воскресенье Юрию Владимировичу удалось избавиться от панически унылых мыслей и настроиться на возвышенное созерцание Высоко-Петровского монастыря. Он любовался нарышкинским барокко, разнообразным по форме и узорам, и вдруг отчётливо понял, как можно изменить размеренную скучную жизнь мелкого предпринимателя, перепродающего китайскую бижутерию.

В его голове созрел новый бизнес-план под кодовым названием «Прогнозы ангела».

Глава третья

Когда вечером в офис вошёл белобрысый юноша с необыкновенно яркими голубыми глазами, Светлана сразу поняла: это он, тот самый Серёжа, младший Баснев. Он даже был похож на Юрия Владимировича: такое же слегка вытянутое лицо с острым подбородком, слегка волнистые волосы, только у Юрия Владимировича были карие глаза. Юноша сразу, словно был здесь не первый раз, прошёл в кабинет своего дяди. Светлана поспешила следом, предложила ему кресло. Он снял с плеча рюкзачок, уселся и долго разглядывал рыбок в стоящем напротив аквариуме. Выражение лица его при этом было спокойным, почти апатичным, а взгляд медленно переходил от рубинового меченосца к большой мраморной гурами.

Юноша о чём-то безусловно размышлял, но как-то вяло, почти безразлично. Потом заявил:

— Вам нужно поменять рыб.

— Поменять?!.. На что?

— Эти не приживутся. Будут драться и плавники откинут. Купите золотых рыбок. У них хвосты — загляденье,— он вдруг потерял всякий интерес к аквариуму и поглядел прямо в глаза Светлане. Ей стало не по себе: на неё словно смотрел не мальчик, а взрослый мужчина, уже повидавший на своём веку всякого, и дурного, и хорошего, смотрел внимательно и словно насмешливо.

Спросила:

— Это тебе рыбы сказали?

— Их язык я не знаю. Одна моя знакомая девочка — вот та понимает. О ней даже в Интернете статья есть.

Светлана поглядела на аквариум. Там между водорослями и подводным замком металась гурами. А меченосец её притеснял, следил за ней и периодически наскакивал, пытаясь ткнуть плоскую мраморную рыбку своим мечевидным хвостом.

— Ладно, с рыбками как-нибудь разберёмся,— сказала Светлана.— Мне сказали, что у тебя дар целителя.

— Кого? — мальчик, казалось, удивился.

— Ну, знахаря, провидца там... травника, не знаю. В общем, ты можешь определить болезнь?

— Я не врач и не чародей, но... кто-то должен открыть секрет вечной жизни,— он вдруг заёрзал в кресле, оживился.— Удивительно, что люди до сих пор болеют. Я никогда не болел. Дядя Юра считает, что мне нужно учиться на врача. А мне очень компьютер нравится, хорошее изобретение. Только устаревает быстро. Здесь есть Интернет? Вы мне дадите компьютер? — Серёжа говорил отрывисто, словно требуя и утверждая.

— Конечно. Всё дадим. Пойдём, покажу твой кабинет. Он небольшой, там раньше кладовка была, без окон. Но мы повесили жалюзи, и теперь кажется, что окно есть.

Мальчик молча последовал за Светланой. В комнатке, оклеенной обоями под дерево и потому напоминающей шкатулку из карельской берёзы, стояли кресло-кровать, старый письменный стол и два стула. Над столом действительно висели жалюзи, и казалось, что достаточно поднять их — в комнатку вольётся солнечный свет. Одну стену занимали стеллажи, на которых кое-где лежали запылённые папки и скоросшиватели, пылесос. На столе — компьютер с запылённым монитором.

— Н-да... А скоро придёт дядя Юра?

— Юрий Владимирович пошёл за sim-картой для твоего мобильника.

В глазах мальчика Светлана увидела некую странность; нет, не взрослость, что-то ещё... Да-да, она вдруг поняла, что её так насторожило. Ей показалось, что радужки глаз у мальчишки имеют форму звёздочек. Это её напугало.

— Серёжа...— Светлана села на стул и хотела спросить его что-нибудь про себя, проверить то, о чём говорил Юрий Владимирович.— Серёжа, вот скажи мне, пожалуйста...

— У вас книги есть? — перебил он её.

— Здесь только журналы и телефонные справочники.

— Мне что-нибудь по моделированию будущего.

— Могу дома поискать... По моделированию чего? Это архитектура?

— Скорее, математика.

— Нет... Таких точно нет.

Серёжа включил компьютер и уставился в экран монитора. Потом поиграл пальцами на клавиатуре. Взял карандаш и начал что-то рисовать в блокноте.

— Вы не беспокойтесь, у вас всё будет хорошо,— он говорил так, словно был доктором, который, осмотрев пациентку, не нашёл никаких заболеваний и выписывал витамины.

Светлана затаила дыхание. Ведь она его, кажется, ни о чём не спрашивала.

— Ты говоришь о нашем бизнесе?

— Я говорю о вас,— мальчик нахмурился.— А для успеха фирмы нужно открыть кабинет... золотой иглы. Китайцы давно колят уши иглой. И у человека пропадает аппетит. Лечить толстяков от обжорства — хороший бизнес.

— Студия иглорефлексотерапии,— поняла Светлана.— Какие вы, Басневы, умные.

Серёжа продолжал что-то рисовать в блокноте.

— Значит, ты можешь прогнозировать бизнес?

Серёжа вдруг рассмеялся — не зло, но Светлане стало обидно. Он смеялся над ней, как взрослый смеётся над маленькой девочкой, измазавшей носик кремом от торта.

— Да что его прогнозировать!

Светлана не заметила, как, несмотря на раздражение, ей становилось всё интересней. Самонадеянный белобрысый мальчуган с тощими ручками или просто морочит

ей голову, развлекаясь многозначительными недомолвками, или на самом деле знает что-то такое, о чём она понятия не имеет. Он словно хотел сказать, подражая Шерлоку Холмсу: «Это элементарно, Ватсон»,— и объяснить головоломку. Но мальчик не спешил ничего объяснять, а, может быть, и не собирался этого делать. Поэтому и смеялся — уж не над глупым ли выражением её лица?!

— Вы собираетесь путешествовать,— произнёс он, перестав посмеиваться.

— Да.

— Вот и путешествуйте,— с этими словами Серёжа вырвал из блокнота листок и протянул его Светлане. Женщина взяла бумагу и увидела рисунок: озеро на фоне гор, на берегу — замок, пальмы и какие-то непонятные конструкции, на которых сидят человечки, и ещё множество дуг — и на небе, и на горах — может быть, дождь или солнечные лучи, только сильно изогнутые.— У вас солнечное будущее, а вы всё: «бизнес», «прогнозы». — Последние слова он произнёс, словно дразнил одноклассницу в школе. И тут же мальчик сдвинул белёсые брови над тонким прямым носом и углубился в Интернет, недвусмысленно давая понять, что разговор окончен.

Светлана встала ошарашенная, и, сжимая от злости листок с рисунком в кулаке, направилась к себе. Оставшееся время до прихода старшего Баснева она была сама не своя, и время от времени доставала из стола помятую бумажку и рассматривала рисунок Серёжи. Половина из нарисованного было непонятно ей. Что, например, означают эти странные конструкции из колёсиков, квадратиков и лестниц, на которых сидят человечки? И почему дождь такой кривой и идёт в разные стороны? Или это солнечные лучи, только очень изогнутые?..

Вскоре она совсем измучила себя размышлениями, даже телефонные звонки клиентов не помогли ей отвлечься. Поэтому она страшно обрадовалась, увидев в окно знакомую сутуловатую фигуру Юрия Владимировича.

Она сразу пришла в его кабинет и приступила к допросу с пристрастием:

— Он то смеётся, мечется живчиком, то впадает в транс и глядит, как в афишу коза! Вы гляньте, что он нарисовал. Это моё будущее? Что это такое?

Юрий Владимирович взял листок, сел в кресло и, медленно покручиваясь в нём, принялся изучать рисунок. Потом перестал вращаться, вернул листок и улыбнулся:

— Он всегда рисует ближайшее будущее.

— И что за... пляшущие человечки под кривыми лучами?

— Не волнуйся. Они же пляшут, а не валяются, как дохлые пиявки. А лучи... Возможно, это нити жизни. Уверяю тебя, в цвете это будет выглядеть гораздо веселей. Даже празднично. Нужно дать ему цветные карандаши.

— Как в детском саду. Ты хочешь сказать, что за эти каракули люди будут давать ему деньги?

— Не ему, а тебе. Бери по таксе, например, сто долларов.

— За пляшущих человечков?! — Светлана возмутилась, и ей даже показалось, что она сейчас сорвётся на крик и при помощи охранника, ненормативной лексики и новенькой швабры-ленивки погонит вон из офиса и шефа, и его вундеркинда.

— А ты не горячись. Подумай хорошенько. Может быть, завтра ты и сама не откажешься положить в кассу деньги и пойти с ним побеседовать. И ещё не факт, что Серёжа даст тебе аудиенцию.

Светлана от такой наглости не нашлась сразу, что сказать. Чтобы успокоиться, она по привычке принялась смотреть в аквариум, посреди которого сиял рубином меченосец. А плоской мраморной гурами нигде не было видно. Её это нисколько не успокоило, а наоборот, повергло в мрачное предчувствие. Она встала из-за стола,

подошла к аквариуму и заглянула в него сверху. Так и есть! Рыбка лежала на боку в поверхностных водорослях. Без признаков жизни.

— Ужас! Она, действительно, откинула плавники.

— Кто? Щука твоя усатая, что ли? Что ж, бывает. Наверное, старая была или... съела чего-нибудь.

Светлана посмотрела на шефа: не смеётся ли? Потом села в кресло. Мысли её путались, она никак не могла сосредоточиться.

— Что он ещё сказал тебе? — спросил шеф.

— Солнечное будущее.

— И ты ещё сомневаешься. А про меня ничего не сказал? Я с тобой полечу в отпуск? Только не ври: мальчик лжи не терпит.

— Во что ты меня ввязываешь, Баснев? — тихо сказала Светлана, а самой почему-то представилось, как они вдвоём с Юрием Владимировичем летят в Египет.

— В будущее, Светик. В настоящее светлое будущее, о котором мечтали все утописты мира: Томас Мор, Томазо Кампанелла...— Он оглядел её фигуру многозначительным, мужским взглядом.

— Это очень странный проект,— она немного растерялась, но одновременно поняла, что такое заигрывание ей нравится.— Вообще-то я не планировала лететь в Египет. Собираюсь кредит на машину взять.

— Машина не нужна той, которую всегда будет возить любимый мужчина. Например, я.

— Ты сам так решил или кто-то из утопистов подсказал? — она почувствовала, что краснеет.

— Это мне сердце говорит,— он ещё только делал к ней шаг, а она уже знала, что будет дальше. Она даже с кресла встала и тоже шагнула к нему. Попав в объятия Юрия Владимировича, Светлана и не собиралась сопротивляться. Она прильнула к нему, поначалу прислонилась щекой к его плечу и тут же подняла лицо, чтобы встретить губами его губы...

— Юра, только имей в виду: я не люблю служебных романчиков,— прошептала она через минуту.

— Аналогично,— произнёс Баснев.— Романчики не люблю. Я тебя люблю.

И они вновь поцеловались. Причём, этот, второй поцелуй, был уже настолько взаимно-властным и страстно откровенным, что ещё минута, и оба наверняка потеряли бы контроль над собой. Но тут за дверью загалдели вернувшиеся «с поля» коробейницы, и Светлана поспешно отстранилась от шефа. Стала оглаживать юбку на бёдрах.

— Беседовать...— намеренно громко, так, чтобы услышали подчинённые за дверью, сказал Баснев,— беседовать Серёжа будет только с вип-клиентами. Желательно, чтобы люди были с чистым сердцем. Иначе жди неприятностей... от мятежных ангелов.

— От кого? — немного озадаченно спросила Светлана.

— Ну, бесов так зовут.

Это, конечно, могло испугать молодую женщину, но никаких безумных огоньков в глазах Юрия Владимировича Светлана не увидела. Лишь немного смущения и тревоги. Баснев взял её за локоток и шепнул на ушко:

— Я имею в виду людей с нечистой совестью.

— А где ты с чистой-то найдёшь! Ладно, мне пора выручку идти принимать.

— Подожди минутку, послушай. Проект «Прогнозы ангела» выглядит таким образом. Обладающий сверхспособностями юноша за определённую плату будет пред-

сказывать вип-клиентам пути развития их бизнеса... Ну, вроде гороскопа на предстоящую сделку. Возможно, он согласится диагностировать болезни, но больше психологического, что ли, плана. Будет рекомендовать вид отдыха, релаксации, те или иные процедуры аппаратной или «ручной» косметологии, поездки по святым местам и т.д... Возможно, мальчику скоро понадобится личная охрана.

— Главное, Юра, не зарываться,— сказала Светлана и, выходя из кабинета, напомнила.— Рыбку не забудь похоронить.

Она не сразу согласилась рекламировать новую услугу фирмы. Рассказывать знакомым и подругам, что у них в офисе появился белокурый, похожий на ангела мальчик, который без всяких гороскопов может угадать будущее,— на это нужна смелость. Но, поразмыслив, она всё-таки решилась.

Глава четвёртая

Первым клиентом стала соседка Светланы, грустная хозяйка цветочного магазинчика, в который покупатели заглядывали очень редко. Выяснив, что её магазин находится внутри нового красивого торгового комплекса, в котором ещё не все помещения нашли своих арендаторов, Серёжа посоветовал ей немедленно переехать в одну из скромных палаток, которую бы окружали жилые высотные дома, но чтобы рядом обязательно находились троллейбусная остановка, метро и парковка. Он так и нарисовал на листочке цветными карандашами.

После первой клиентки, которая принесла старшему Басневу стодолларовый доход, наступила пауза в несколько дней. Юрий Владимирович терпеливо ждал. Серёжа после занятий в школе приходил в офис, погружался в Интернет, болтал с кем-то по «аське» и слушал музыку, надев наушники. Дядя сильно сомневался, что племянник когда-нибудь делает уроки и готовится к выпускным экзаменам.

По рекомендации первого клиента через неделю в офис Баснева пришла измученная арендной платой владелица крохотного бара. А за ней к Серёже один за другим потянулись посетители. Вначале это были женщины, а затем начали похаживать и предприниматели-мужчины. Если бизнесвуменши задавали самые разнообразные вопросы, большинство из которых к их фирмам не имело никакого отношения, то представители мужского пола обычно пытались определить благоприятные дни для заключения коммерческих сделок. Просили составить гороскоп, но Серёжа говорил, что «звезданутым гаданием» он не занимается. Некоторые выходили от Серёжи сильно озадаченные и пытались тут же выяснить у Юрия Владимировича или у Светланы: что накалякано мальчишкой на листе бумаги? Чтобы быть во всеоружии, старший Баснев приказал Светлане — загодя, при приёме денег, спрашивать у клиента, каким видом бизнеса тот занимается.

Через месяц цветочница пришла повторно. Она поблагодарила старшего Баснева, а Светлане вместе с деньгами вручила букет алых роз.

Женщина вышла от Серёжи радостно возбуждённая, раскрасневшаяся. Подошла к Светлане и показала ей листок, на котором была нарисована свадебная машина, разукрашенная букетами и какими-то кубами разных размеров.

— Вы не могли бы мне помочь? — шёпотом попросила она.— Что означают эти квадратики?

— Бонбоньерки,— объяснила Светлана, уже научившаяся разруливать спорные ситуации, которые создавал Серёжа по нескольку раз на дню.— Перенимайте опыт итальянских цветочниц. Обеспечивайте свадебные мероприятия цветочным оформлением и коробочками для подарков.

— Спасибо,— женщина на мгновение задумалась.— Возможно, вы правы.

Вздохнула, как показалось Светлане, немного разочарованно, и, попрощавшись, ушла.

Периодически Серёжа жаловался Светлане и Юрию Владимировичу на назойливых женщин, которые пытались узнать у него правду о своих суженых-ряженых. Причём, когда к числу этих женщин присоединились в полном составе все лотошницы-коробейницы, торгующие «в поле» китайской бижутерией, Серёжа взбунтовался и три дня не появлялся в офисе. А когда поддался на уговоры дяди и пришёл, то увидел перед входом в подвал целый ряд иномарок, а перед своей комнаткой — очередь, как перед кабинетом знаменитого нотариуса.

Тем временем Юрий Владимирович собирался закрепить свою победу на любовном фронте: пару раз приносил букеты цветов и несколько раз пытался поцеловать Светлану. Но та вдруг стала холодна к ухажёру, делала вид, что ничего между ними не произошло. Эта игра не понравилась старшему Басневу, но он никак не мог решиться на серьёзный разговор со Светланой. Собственная нерешительность унижала его, и, наконец, он не выдержал. Выбрав момент, когда они оказались вновь в его кабинете вдвоём, он сказал:

— Света, для меня это не просто развлечение.

— Для мужчин любая работа — спасение человечества.

— Я о нас с тобой.

Светлана выглядела очень привлекательно в своей светлой замшевой косухе, напоминающей по форме перевёрнутую трапецию, и короткой юбке. Он хотел взять её за руку, но, стоя перед ним, женщина скрестила руки под грудью и поглядела мимо собеседника, в тусклое подвальное окошко.

— Мой... молодой человек был неудачник,— произнесла она, немного волнуясь.— Только не делай удивлённое лицо: мне всё-таки двадцать... с чем-то лет. И я теперь испытываю чувство отвращения к самопожертвованию.

— К чьему?

— К собственному, разумеется.

— Тебя не интересуют мужчины?

— Меня интересуют мужчины, рядом с которыми женщина твёрдо стоит на своих каблучках,— Светланины щёчки предательски зарделись.— Это нормально! Я больше не влюбляюсь в потенциальные возможности мужчины.

— Вполне современно,— закивал Юрий Владимирович, нахмурился, сел в крутящееся кресло и принялся нервно поправлять рукава пиджака. Сказал сухо: — Я не разочарован в своих возможностях и не собираюсь подсесть на героин. У меня чёткие жизненные цели: развивать фирму, искать новые пути обогащения, жениться, и чтобы жена родила мне детей. Такой подход тебя устраивает? Или мне вначале разбогатеть, а потом приходить?

— Я подумаю,— улыбнулась Светлана и ушла, оставив Баснева гадать, что означала эта её улыбка: снисхождение, насмешку или просто кокетство?

В тот день его ждало ещё одно — если и не потрясение, то необычное явление. В офис пришла Серёжина учительница, Маргарита Борисовна.

— Я к Юрию Владимировичу,— сказала она Светлане, томно водя глазами по сторонам.

— Сейчас я его позову,— Светлана заглянула в кабинет шефа и негромко поинтересовалась.— А с блатных мы плату берём?

— С каких ещё?.. — он вышел к ресепшн и смутился, встретившись глазами с невысокой брюнеткой, одетой в коричневую дублёнку.

— Рад вас видеть, Маргарита... э-э... Борисовна. Как?..— он хотел сказать: «Как вас сюда занесло?», но вовремя спохватился.— Как вы нас нашли?

— Хорошая слава тихо лежит, дурная — по дорожке бежит,— на Баснева в упор сквозь толстые линзы очков глядели большие карие глаза с лёгкой косинкой.— Как у вас жарко.— Она сняла дублёнку. В длинном шерстяном облегающем фигуру платье с воротником, как у водолазки, она выглядела эффектно.— Для учителей скидки у вас есть?

— Мы предлагаем особую услугу,— медленно ответила за шефа Светлана. Она явно видела, с каким нескрываемым мужским интересом осматривает Баснев фигуру посетительницы.— Скидок по этой услуге нет.

К удивлению Баснева, Маргарита Борисовна, не мешкая, оплатила в кассу сто долларов, спросила, куда идти и направилась к кабинету Серёжи. У платья оказался длинный треугольный вырез почти до поясницы. Когда она скрылась за дверью Серёжиного кабинета, Светлана с раздражением в голосе уточнила:

— Всё на месте? Ничего она дома не оставила?

— Что? — Баснев на мгновение смутился.— Это Серёжина классная руководительница.

— Классная? Надо же...

Маргарита Борисовна вскоре вернулась. Дамочку познабливало, как молодую осинку под лёгким ветром, дрожащую листвой. И чёрный витой локон над правой щекой призывно подрагивал, то есть вёл себя именно так, как и положено вести куаферному символу страсти.

— Он улавливает сущности тонкого мира,— сказала учительница, глядя на Баснева из-под очков распахнутыми глазищами.— И видит будущее.

— И ауры людей,— усмехнулась Светлана, но тут же взяла себя в руки и серьёзно добавила.— И ещё обладает даром целительства.

— Я всегда знала, что у мальчика телепатические способности,— кивнула Маргарита Борисовна.— Только с ним нужно очень осторожно, понимаете, Юрий Владимирович? Весьма и весьма осторожно. У фиалковых детей иммунитет в двадцать пять раз выше, чем у обыкновенных. Но психика у них хрустальная, поэтому генетикам его не показывайте. Понимаете?

— Понимаю,— Баснев поймал на себе насмешливый взгляд Светланы.

Тон, с которым говорила учительница, внезапно изменился.

— Запомните, что я сказала сейчас и что говорила раньше,— менторский нажим её сопрано совсем огорчил Баснева, и он испытал ощущение ученика, которого уличили в невыполнении домашнего задания. Поэтому поспешил помочь учительнице надеть дублёнку.

Когда она ушла, Светлана сказала:

— Всезнайка с катушек слетела.

В этот момент из своего кабинета вышел Серёжа. Он некоторое время всматривался в лица дяди и Светланы.

— Любопытно, племяш, чего ты нагадал своей учительнице?

— Да никакая она не учительница.

«Это верно,— мысленно согласился с ним старший Баснев.— Какая она учительница! Поза одна... Зато фигура у этой Маргариты Борисовны очень соблазнительная. Как бы мальчишку не совратила».

С того дня классная дама зачастила к ним. Она приводила своих родственников и подруг на консультацию, изредка и сама шла к Серёже. В это время Юрий Владимирович обычно открывал настежь дверь в свой кабинет и прислушивался — не

донесутся ли какие-нибудь нештатные звуки из Серёжиного кабинета. И, наконец, решил, что в следующий приход классной дамы он обязательно подложит племяннику диктофон. Надо всё-таки быть настороже.

А Светлана тем временем обратила внимание на то, что Маргарита Борисовна, выходя с просветлевшим лицом от Серёжи, обязательно спрашивала, где сейчас Юрий Владимирович, и шла к нему поздороваться. А если старшего Баснева не было на месте, то бросала печальный и одновременно романтически-страстный взгляд на дверь его кабинета.

Серёжа вёл приём три раза в неделю, включая субботу. Клиенты приходили по предварительной записи, и Светлана решила свести приходы Маргариты к минимуму. Старший Баснев вряд ли обратил бы на это внимание, потому что предприниматели звонили Юрию Владимировичу на мобильник и днём, и ночью, и денежный ручеёк тёк, не прерываясь.

Благодаря «фиалковому» виду услуг, Баснев повысил зарплату себе и Светлане. Девчонкам-коробейницам выдал небольшую премию, «для поддержания штанов».

— Мы обогащаемся за счёт юноши,— сказала однажды Светлана.— Он тебе ничего не говорит по этому поводу?

— Серёжу деньги не интересуют. Он — дипкурьер Бога. Пока олигархи строят себе олимпы, а капиталисты их золотят, мы помогаем малому бизнесу.

— Открой ему счёт и пополняй его. Для учёбы в институте понадобится.

Басневу этот совет не понравился. Он считал, что деньги нужно вкладывать в дело, и, прежде всего, купить недвижимость — помещение под новый офис. А в то, что Серёжа поступит на бюджетное отделение института, он был уверен. Баснева даже не смущали «тройки», ползущие одна за другой в аттестат племянника. «Фиалковые», как говорилось в Интернете, в обычной школе всегда учатся средне.

Он начал было всё это объяснять Светлане, но тут вышел из своей каморки Серёжа и произнёс:

— Дядя Юра, выдайте мне, пожалуйста, две тысячи долларов.

Просьба прозвучала из уст парня так буднично, словно речь шла об обычных ежедневных расходах на жвачку и шоколадный батончик Snickers. К такому повороту дел Юрий Владимирович не был готов. А Светлана едва удержалась, чтобы не рассмеяться.

— Я ведь заработал эти деньги? — уточнил племянник, помогая дяде выйти из временного онемения.

— Да, конечно,— Баснев не стал говорить, что парень принёс фирме в десять раз больше этой суммы.— Ты хочешь купить новый компьютер?

— Нет, моей знакомой девочке нужно сделать нейрохирургическую операцию. А у её родителей денег не хватает.

— Девочка из твоего класса?

— Нет, мы общаемся по Интеренету. Её зовут Маша, она из Екатеринбурга.

— Получается, что ты Машу никогда воочию не видел?

— Видел на фотографиях. Она необыкновенная, умеет говорить с рыбами и удерживать на теле металлические предметы. У Маши сильные боли, и врачи сказали, что если не удалить кисту, она может умереть.

Баснев задумался. Не дать денег племяннику он не мог, потому что почти все средства, которые сейчас хранятся в банковском сейфе, заработаны Серёжей.

— А медики не слишком много запросили? — спросила Светлана.

— Оборудование дорогое. Используется тонкий зонд с видеонаблюдением. Операция проводится без объёмного вторжения в мозг.

«А если это очередное разводилово? — подумал Баснев.— Сейчас обирают наивных обывателей с помощью тысячи схем...»

Серёжа молча ждал ответа. Лицо парня было спокойно, он явно не собирался качать права и совершенно был уверен в правильности своего решения.

— Когда тебе нужны деньги?

— Сегодня... Или завтра. Здесь Машин домашний адрес и номер счёта.— Серёжа протянул Басневу листок.

Внимательно просмотрев реквизиты, Юрий Владимирович не нашёл в них ничего необычного. Даже были указаны телефоны родителей девочки.

— Можно перечислить деньги прямо в больницу, где её будут оперировать. Они вышлют счёт, а мы его оплатим,— сказал старший Баснев.

Серёжа скептически скривил уголок рта:

— Ладно, я попрошу Машу прислать счёт от больницы. На наш факс? — он вопросительно взглянул на Светлану. Женщина кивнула.— И две тысячи рублей мне на личные нужды,— добавил Серёжа.

Когда Серёжа ушёл к себе, Баснев сказал Светлане:

— Какой-то виртуальной подруге — две тысячи гринов! Такие расходы нужно включать в бизнес-план.

— Не мелочись, Юра. Мальчик по доброте душевной...

В этих словах Басневу послышалось женское лукавство.

— Скажи ещё, что я жаднее Скруджа.

— Ну, допустим... этого я не говорила.

— Всё равно нужно узнать, прописаны ли девочка и её родители по указанному адресу.

— Не нужно ничего узнавать, Юра. А про девочку эту Серёжа мне и раньше говорил.

«Тебе говорил, а мне — ни слова! — подумал Баснев.— А деньги на дороге не валяются». Он попытался объяснить это Светлане:

— Он зарабатывает деньги вместе с нами. И, кстати, заодно учится работать. Он пока ещё никто— стажёр, ученик, ион!

— Кто?

— Микрочастица, хоть и с зарядом. А кто за всё платит? За офис, электричество и Интернет, за охрану? Это мои деньги... Без проверки я его счёт не оплачу.

Серые глаза Светланы стали жёсткими, словно в них отразился латунный блеск далёкой Луны:

— В общем, вы думайте, Юрий Владимирович. А мне работать надо.

Глава пятая

Маргарита Борисовна быстро обнаружила, что её записывают на приём к Серёже, по меньшей мере, неохотно, а чаще Светлана говорила ей сухо по телефону, что очередь на приём расписана уже на неделю вперёд. Такое положение дел никак не устраивало учительницу, и она решила обязательно поговорить с Юрием Владимировичем по душам, чего бы это ни стоило. Нагрянула в офис без записи и увидела, что Светлана почему-то глядит на неё с участием и спокойной горечью, как, должно быть, смотрят, когда вспоминают незадачливое прошлое. «Не сложилось,— словно говорили её грустные глаза Маргарите.— Обычное дело. Оглянись: видишь, у скольких женщин не сложилась семейная жизнь?»

«Так ты меня жалеешь! — разозлилась Маргарита Борисовна.— А когда я ухожу, возможно, смеёшься надо мной! Ну, так посмотрим, кто над кем посмеётся».

И она решительно направилась в кабинет Баснева.

Она, конечно, даже не могла представить себе, что Юрий Владимирович при её появлении поймал себя на желании спрятаться за плоским монитором компьютера, или сделать вид, что ему позвонили из налоговой инспекции и уехать. Ей ещё никто не говорил, что учительские интонации — менторский нажим её сопрано, и привычка смотреть на собеседника в упор через толстые линзы очков — раздражают мужчин.

— Здравствуйте, Юрий...— произнесла она тихо, с придыханием, впервые не назвав отчества Баснева.

— Привет,— почему-то так, по-свойски, решил он приветствовать женщину. И пожалел об этом, потому что увидел, какой радостью вспыхнуло её лицо.

— Несмотря на то, что вы, Юрий, Серёжин родственник, я очень благодарна вам...

— Извините, не понял.

— ... Я так благодарна!..— Смуглые щёки Маргариты Борисовны потемнели, что, скорее всего, означало не только волнение, но и неожиданно охватившее её смущение.— Вы... очень чуткий человек. И с вами Серёжа сможет найти своё место в жизни. Его мама...

— Кристина? Вы с ней хорошо знакомы?

— Достаточно, чтобы понять: она не сможет правильно повлиять на сына. С ней очень трудно говорить. Как со всякой женщиной, которая дальше бутика ничего не видит.

Маргарита Борисовна обошла письменный стол, приблизилась к Басневу, и, повернувшись к ней в кресле, Юрий Владимирович дотронулся своей коленкой её колена.

Когда они познакомились в школе, эта невысокая молодая брюнетка, нарядившаяся в синее вечернее платье с блёстками, сумела произвести впечатление на Баснева. Но (вот парадокс!) теперь, в гораздо более скромной одежде — длинном шерстяном облегающем фигуру платье с воротником, как у водолазки — она выглядела более привлекательно. Вот только эти тёмные и томные, с косинкой глаза. «Ей нужны хорошие контактные линзы»,— подумалось Басневу.

— С того момента, Юрий, как мы с вами познакомились, я...— Маргарита Борисовна перешла на шёпот,— всё время думала, что мы с вами... Вы понимаете?

На её щеках появился румянец, да и сам Баснев почувствовал, что краснеет. И не только это. Эффект чувственного притяжения, который обычно мужчина переживает, когда рядом находится женщина, подходящая по некоему природному наитию именно ему, был настолько силён, что Баснев привстал с кресла и потянулся к ней...

Нет, они не успели поцеловаться. В распахнувшуюся дверь вошла Светлана, которая сразу оценила представшую перед её глазами немую сцену: шеф и учительница за мгновение до объятий, испуганно смотрящих на неё.

Светлана, страшно бледная, явно пыталась что-то вымолвить, но только открывала рот, словно задыхалась.

— Выпишите мне абонемент,— вдруг приказным тоном произнесла Маргарита Борисовна, с видом победительницы взглянув на Светлану.— Как классный руководитель Серёжи, я имею полное право приходить без записи.

Слова учительницы привели Светлану в чувство, и она с саркастической улыбкой пообещала:

— Я выпишу абонемент. Вам обоим! В отдельные апартаменты. Будете довольны... и счастливы.

Последняя фраза прозвучала приблизительно как «плодитесь и размножайтесь».

Светлана вышла и хлопнула дверью.

Баснев бросился следом. Он сразу увидел и блестевшие слёзы в глазах Светланы, и то, что она искала своё пальто на вешалке, как потерянная, и понял, что Светлана может сейчас просто уйти и уже никогда не вернуться.

— Ты всё не так поняла,— он говорил вполголоса, лихорадочно пытаясь объясниться.— Серёжа что-то напророчил ей немыслимое, а я тут вовсе ни с какого бока.

— Идите вы... вдоль проспекта! К своей прекрасной даме!

— Света, не создавай мифа,— увидев, что учительница вышла в зал, он сказал громко.— Сделаем Маргарите Борисовне абонемент,— и очень тихим шёпотом добавил.— Но вначале я установлю диктофон и послушаю, о чём с ней говорит Серёжа. Нужно выяснить, кто кого наставляет на истинный путь.

Но Светлане невозможно было так просто заговорить зубки.

— Вы, Юрий Владимирович, не просто жадина,— Светлана прищурилась и вдруг успокоилась, повесила обратно на вешалку своё пальто и прошла за свою стойку.— До сих пор не перевели деньги на лечение девочки. Сквалыга!

Последнее определение оскорбило Баснева до глубины души. Ну, ладно там жмот, жадина, жила, но — сквалыга! Это показалось Юрию Владимировичу очень обидным словом. Как будто он не заботится о Светлане, Серёже, коробейницах — обо всех! Никто, кроме него, не понимает, что деньги хороши в пазушке, а не у бабушки.

— Хорошо, давайте, я подпишу платёжку. Можете всё перевести, мне ничего не надо.

Разозлённый, он прошёл в кабинет к Серёже и, сделав вид, что ищет что-то на старой книжной полке, оставил там включённый диктофон. И приказал Серёже принять Маргариту Борисовну без очереди.

Вечером, когда клиенты разъехались, Светлана автоматически набирала на клавиатуре какой-то текст и, не заметив подошедшего Серёжу, погружённая в свои невесёлые мысли, прошептала со злостью:

— Я видела, как он на неё смотрит.

— Не так, как вы думаете,— произнёс юноша, и Светлана даже вздрогнула, решив вначале, что он уже научился читать её мысли. Потом взяла себя в руки и сказала твёрдо:

— Нет, именно так мужчины смотрят на стройную женщину.

— Он смотрит на неё по-другому.

— Как это по-другому, Серёжа? Ну как?

Серёжа вздохнул устало — так, словно ему наскучило объяснять неразумным взрослым людям элементарные вещи, и повёл свой очередной заговор:

— Рядом с домом дяди Юры растёт тонкое деревце. Этому деревцу не хватает ни воздуха, ни земли, ни света. И когда дядя Юра стоит на балконе, он глядит на это бедное деревце с угрюмой жалостью. Словно перед ним — девушка, больная анорексией. Вот так он глядит и на Маргариту. А любит он вас.

Светлана поначалу не нашлась, что ответить. Потом, чувствуя, что краснеет, промолвила:

— Ты ещё слишком молод, чтобы рассуждать о подобных вещах. И вообще, нехорошо, Серёжа, так говорить об учительнице, которая к твоему дяде Юре питает... очень хорошо относится.

— Она ложно поняла его сострадание,— юноша пожал плечами, и уголок его рта скривился, выказывая недоумение или разочарование.— И вообще, она не умеет переходить дорогу.

— Что?.. Это почему?

— Потому что смотрит на светофор, а не на машины. А светофоры, как известно, ещё никого никогда не сбивали.

— Меня не интересует, насколько она приспособлена к жизни. Всё равно... Хороший он мне подарочек ко дню рождения подготовил.

— А когда у вас день рождения? — поинтересовался Серёжа.

Баснев в это время, запершись в своём кабинете, прослушивал диктофонную запись. Серёжа начал разговор с Маргаритой Борисовной с вопроса, которого учительница явно не ожидала:

— Почему вы не ходите в церковь?

Маргарита Борисовна ответила не сразу:

— Потому что меня больше интересуют наука и знания.

— Но не все приходят к Богу через догму,— заметил юноша.

— Ты хочешь сказать, что сможешь аргументированно доказать мне Его существование?

— Вам, как математику, я могу доказать математически.

— Вот как! Я вся внимание,— в интонации голоса женщины прозвучали и изумление, и скептицизм одновременно.

— Математика — наука точная, совершенная. Тут никуда не денешься. Люди умеют решать уравнение с одним неизвестным, систему уравнений с двумя неизвестными. С тремя, ну, может быть, с четырьмя максимум. Но никто не может решить уравнение с тысячью неизвестными. Никто, кроме Него.

Повисла пауза. Затем Маргарита Борисовна уточнила:

— Это все аргументы?

Серёжа, словно ожидая этого вопроса, ответил сразу:

— Жизнь — как функция — на Земле подвержена десяткам тысяч аргументов. А аргументарные зоны — те, в которых жизнь становится возможной,— очень маленькие. Если тысячи аргументов пересеклись в одной точке, то возникает жизнь и возникает человек. Но если любой из аргументов чуть сдвинется в сторону — и жизни нет на Земле! Маргарита Борисовна, скажите мне, пожалуйста: что за сила удерживает все эти аргументы именно в этой зоне — в этом пересечении?

— Теория вероятностей,— не совсем уверенно ответила учительница.

— Значит, по теории вероятностей в тысячах аргументах введены ещё и исключения?

— Какие исключения?

— Те самые исключения, при которых если не решается аргумент в пользу жизни на Земле, то там вводится исключение? Простой пример: жизнь — это вода. Но вот посмотрите, все вещества имеют четыре агрегатных состояния: плазма, газ, жидкость и твёрдое состояние. Но что получается? По мере охлаждения любое вещество, кроме воды, теряет свои линейные размеры, то есть удельный вес при этом всегда повышается. А у воды — обратное: она замёрзла и стала легче, расширилась. Для чего это создано? Разумеется, для того, что, если лёд не будет плавать, водные бассейны, в которых жизнь, промёрзнут до дна. Вот и весь ответ. Это совершенно очевидно доказывает существование Бога.

— Серёжа, я не учитель физики, и не могу точно...

— Планету Земля,— не очень вежливо перебил Маргариту Борисовну юноша,— разместили так, чтобы на ней существовала жизнь. Землю нельзя было поместить ни в каком другом месте пространства по отношению к другим компонентам Солнечной системы. Иначе Земля либо перегреется, либо замёрзнет. Земля ещё может поворачиваться, крутиться, вентилируя атмосферу и уравновешивая температуру. Есть ещё и факторы давления, гравитации. И случайно таких многомерных совпадений просто не бывает. Всё, как видите, продумано заранее.

— У тебя католический подход.

— Но вы же математик. Вот мы и шли от искомого к решению.

— Не вижу я во всех этих умозаключениях математического решения! — повысила голос учительница.

— В Евангелии нет ни одного случайного предложения.— Молодой человек был невозмутим.— Вот, например: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Посмотрите: «Вначале...» — то есть указание на время. То есть время в этом «вначале» равно нулю. Затем: «... было Слово». А что такое слово — как символ? Мы думаем словами, проекты строим словами, информация идёт словами. То есть у фразы из Евангелия есть синонимы: информация и проект. Читаем синоним: «Вначале был проект». Совершенно очевидно, что прежде, чем мироздание построили, был проект. На автора проекта есть ссылка: «Слово было у Бога», то есть у личностного начала той самой информации. Информация была строго личностна, понимаете? И были волевые начала, которые смогли эту информацю или проект запустить. А окончание фразы: «И Слово было Бог» — вы и сами переведёте...

В этот момент в кабинет Юрия Владимировича постучали, и диктофон пришлось выключить.

— Дядя Юра, мне домой без вас ехать? Тётя Света уже ушла.

— Нет-нет, едем вместе! — Баснев спрятал диктофон в стол и начал поспешно одеваться.

Пока они ехали в машине к центру, лавируя по улочкам и застревая в пробках, Юрий Владимирович вспоминал события уходящего дня, заново переживал случившееся и, отчасти пытаясь найти себе оправдание, проигрывал все разговоры, представлял, как можно было бы говорить убедительнее со Светланой. И ещё ему приходила мысль о бегстве от всех этих несуразностей — в отпуск, на Селигер или к Чёрному морю, возможно, даже в Западную Европу.

«Но бегство сродни измене,— подумал он.— Март на носу, у Светы день рождения. Нужно придумать необыкновенный подарок. Такой, чтобы она поняла... что я не сквалыга! — Вспомнив это обидное слово, Юрий Владимирович вновь очень огорчился.— А если я сбегу в отпуск, спрячусь от всех где-нибудь в Альпах, то не будет ли это поступком, который когда-то совершил Иуда? И не закончится ли это осиновым суком?»

— Серёжа, как ты относишься к Иуде?

— О! — Серёжа взглянул на Юрия Владимировича почти с восторгом.— Вы тоже поняли, что люди сильно упрощают, когда говорят об Иудином грехе? Это здорово! А как вы себе представляете Царствие Божие?

Не ожидая такого вопроса, Юрий Владимирович ответил не сразу:

— Солнечные долины... в которых все мы — как роса поутру.

— Это царство, которое каждый представляет по-своему. Помните, как Пётр с Андреем спрашивали Господа о своём месте в Царствии Небесном: «Как будут поделены наши места?» На что Христос опять говорит: «Отойди от меня, сатана!» То есть Он говорил резкие слова даже тем, кого ни в чём не укорял, и кто должен был строить Его Церковь.

— Его окружали люди. А люди, как известно...

— Но Иисус никогда и не говорил, что он строит для праведников. Он строил для грешников, потому что больные требуют лечения.

— Иуда, выходит, тоже попал в Царствие Небесное?

— Дядя Юра, не спешите ломать порядки,— в Серёжином голосе послышалось раздражение.— Все окружавшие Христа были евреями. А еврейское общество того

времени расслаивалось. Были так называемые праведные — фарисеи, которые возвели букву выше духа. Были и саддукеи, которые возвели власть над миром и людьми выше духа. Ещё вспомним ессеев, не принимавших в свою секту человека только за то, что у того был кривой мизинец. То есть, борцы за физическую чистоту расы — верх шовинизма, нацизма. Все они выросли из учения Моисея и представляли продукт различного отношения к способу применения его в жизни. И была ещё секта зелотов — ревнителей — тех, кто воплощал идею будущего царства Израиль. В еврейской истории группировка зелотов объединяла всех фанатичных противников Рима. Нынешние террористы на них похожи. Думаю, что Иуда Искариот, скорее всего, был зелотом.

«На тебе! — стукнуло в мозгу старшего Баснева.— Откуда он всё это узнал? Из Интернета?..»

— То есть он совершил предательство не из-за тридцати сребреников, а из-за террористических наклонностей?

— Зачем так утрировать, дядя Юра? Лучше скажите мне: где вы видели, чтобы иеговист удавился? — Серёжа вдруг понизил голос, словно собирался сообщить нечто потаённое, не предназначенное для широких масс.— Знаете, кем он был?

— Кем?

— Казначеем апостольской общины.

«И он распоряжался значительными суммами,— понял Юрий Владимирович.— А среди почитателей Иисуса были богатые женщины, исцелённые Им от злых духов и неизлечимых болезней. Выходит, что тридцать сребреников — это чисто символическая цена!»

Серёжа сказал с насмешкой:

— А говорят, что он предал Христа из-за денег. Деньги — это эпизод и повод.

— Повод к чему? — уточнил Юрий Владимирович.

— Скорее всего, Иуда размышлял, как зелот,— Серёжа замолчал.

За окнами машины плыли горящие иллюминацией фасады старых зданий, радостно освещённые витрины бутиков, ряды припаркованных у банков машин, окна ресторанов и кафе с разнеженными после зимнего холода клиентами...

— Я учился в техническом институте,— напомнил о себе старший Баснев.— И, конечно, совершенно не могу себе представить, как размышлял зелот.

— Он размышлял приблизительно так,— словно спохватившись, заговорил Серёжа.— «Иисус говорит, что оставит нас, уйдёт на крест... Но, с другой стороны, очевидно: Он и больных излечивает, и даже мёртвых поднимает из гроба. И говорит, что если моя вера в Него будет хотя бы с горчичное зерно, то я тоже горы смогу переставлять. Для Израиля власть-то какая! Это же господство над всем миром — полное, стопроцентное!.. Иисусу говорят, чтобы Он не ходил, не проповедовал, а Он их отгоняет от себя. Интересно, как Он заговорит, когда застучат молотки на Его кресте? Когда гвозди начнут входить в Его тело? Под пытками все колятся. Если Он — царь, то спасёт себя сам». Вот как рассуждал зелот Иуда... И вдруг Иисус умирает на кресте, разрушив все планы Иуды. Искариот понял, что потерял уникальный шанс создать великое царство Израилево. Все его надежды рухнули. Поэтому Иуда удавился.

Старшему Басневу показалось, что парень чему-то улыбается. Не шутит ли он с ним? Не пытается ли его пожалеть, успокоить?..

Наконец Серёжа, словно равнодушно, бесстрастно пояснил:

— Предателем он, конечно, был, но я говорю сейчас о мотивации его поведения.

— Мотивация довольно сложная,— произнёс Юрий Владимирович, подумав о собственной безграмотности... И об удивительной изворотливости ума человеческого.

Глава шестая

В начале марта Маргарита Борисовна пришла в очередной раз в офис Баснева, и Юрий Владимирович заметил, что она заметно похудела. Он видел через приоткрытую дверь своего кабинета, как учительница заплатила за визит, сняла дублёнку и прошла на беседу к Серёже.

Он поспешно закрыл дверь, надеясь, что больше сегодня не увидит учительницу. Но сразу после визита к Серёже Маргарита Борисовна почти ворвалась в кабинет Баснева, возбуждённая и чем-то расстроенная. Говорят, что жёлтый цвет призывает к оптимизму. Она была в шафрановом платье, на котором сияла золотая брошь в виде лотоса, и всё это явление буквально вскипало жёлтой косынкой на шее.

Глядя на неё, Юрий Владимирович едва не расхохотался, вспомнив пословицу: «Не всё то пиво, что жёлтое и пенится».

Учительница положила на стол Баснева лист бумаги, на котором был нарисован православный храм.

— Он советует мне стать богобоязненной прихожанкой!

— Разве это плохо? — спросил Юрий Владимирович.— Это идёт вразрез с прежними его откровениями?

Маргарита Борисовна внимательно поглядела ему в глаза: не смеётся ли? Потом прикрыла за собой дверь и тихо, но внятно продекламировала:

«Не ты, твой дух сигналы подаёт.

"Я здесь, я здесь" — несётся в беспредельность.»

Она умоляюще взглянула на Юрия Владимировича, и тот с испугом подумал: «Свихнулась баба!»

— Но ведь и ты сигналы принимаешь,

Но только неосознанно пока,— продолжила классная дама с вызовом.

«Совсем бяда!» — подумал Баснев, видя, что обращённый на него взор Маргариты Борисовны затуманился чувственной, почти плотской страстью. Он поспешил открыть дверь кабинета, чтобы Светлана всё слышала и не обвиняла его потом во всех смертных грехах. Он лихорадочно искал в памяти что-нибудь похожее на фразеологические медитации, но на память почему-то приходила лишь пьеса Лопе де Вега и песенка слуги из фильма «Собака на сене»: «Полюбил мясник блондинку: „Ах,— сказал,— отменная грудинка...“ » И, наконец, с жёстким нажимом Баснев произнёс, жестом останавливая приближающуюся к нему женщину:

— Насильно сердце не раскроешь!

Маргарита Борисовна наткнулась на эти слова, как на невербальный, но непробиваемый барьер.

— Вы должны меня понять, Юрий... Владимирович.

— Конечно, Маргарита... Борисовна, но...

В этот момент в приёмной послышался шум, резкий женский голос, и в кабинет ещё более стремительно, чем учительница, ворвалась Кристина.

— Ты что тут устроил, Баснев?! — вдова брата Юрия Владимировича, увидев учительницу, на мгновение запнулась, но тут же продолжила натиск.— Я тебе для чего сына доверила? Чтобы ты его, как мартышку, за деньги показывал?

— Извините,— залепетала Маргарита Борисовна, бочком продвигаясь к двери. По вспыхнувшим ужасом глазам классной дамы, Баснев понял, что это именно она навела на него нервно-взрывную волну Кристины.— Что вы такое говорите! Идущие путём сердца не спрашивают себя: хорошо или плохо они делают. Я же вам объясняла: они с чистой совестью идут и делают. Их ведёт доброта к людям.

— Ты, Марго, совсем рехнулась! — воскликнула в сердцах Кристина.— Твоё место в Гималаях! Нечего тут наводить слепых на брёвна!

— Что?! — на оскорбление учительница не смогла ответить, она лишь так сильно поджала губки, что они стали тонкими и, как показалось Басневу, почти белыми.— Я вам всё рассказала, пыталась объяснить...

— Это я тебе объясняю! Москва больше не благоухает Рерихом. Мы живём в реальном мире. Впрочем,— Кристина вдруг с насмешливым прищуром перевела взгляд с неё на Баснева,— может, я вторглась в вашу интимную сферу?.. В этом случае, Баснев, я совершенно не против, чтобы ты с Марго отправился своей дорогой в... сверкающую беспредельность. Хотя у тебя всегда были проблемы с ванильным мороженым. В любом случае — оставьте в покое моего сына! Я его забираю.

Глава седьмая

Мартовский вечер был растрёпан холодным моросящим дождём. Светлана пришла к театру «Современник». Одинокий охранник, плотный, сыто-белолицый,— осетрина в сметане! — внимательно разглядывал её.

Мимо прошла старушка — собирательница бутылок. Она шла медленно, не боясь дождя, зорко посматривая по сторонам. На старчески сморщенном лице бросался в глаза выпуклый сократовский лоб, над которым каким-то чудом держалась маленькая, почти детская беретка розового цвета. Старушка остановилась у ступенек театра и принялась всматриваться в урну — с таким выражением на лице, словно искала ответ на глубокий философский вопрос.

— Опять вы, сто лет в обед! — воскликнул охранник, театрально вскинув глаза к небу.— Неужели нечем больше заняться?

— Ещё разобьют, а я их соберу, помою, сдам. Их в производство направят — польза всем! — и старушка не спеша направилась дальше, с явным намерением перейти дорогу и продолжить поиск в сквере.

— Вот человек,— сказал охранник, словно ища сочувствия у Светланы.— Она раньше в Туле жила, до перестройки инженером работала. Потом бутылки начала собирать. Дочка забрала её в Москву, под присмотр, одевает её, кормит. А старушка — сто лет в обед — всё за своё. Сейчас сядет вон там, в скверике и, если нет никого, начнёт напевать: «Ямщик, не гони лошадей...» Потом посмотрит по сторонам и опять запищит: «Мне некого больше любить...» Грустно, правда?

Светлана кивнула. Озноб уже выбивал на её зубах чечётку.

— Билеты ещё продаются,— вдруг сказал охранник, кивнув в сторону кассы.

— У меня есть. Мне подарили на день рождения.

— А, ну, поздравляю. Только в театр пока не пускают: рано.

Светлана зашла в помещение кассы, чтобы избавиться и от разговорчивого охранника, и от противного мелкого холодного дождя. Двое высоких русых парней, студенты, не иначе, совещались у окошка кассы: покупать ли билеты по сорок долларов или пойти куда-нибудь ещё?

Она посмотрела на улицу, на сквер, по которому всё ещё бродила старушка в розовом берете, и вдруг увидела, что рядом с собирательницей бутылок идёт худенький юноша, похожий на Серёжу. Светлана вышла на улицу, чтобы выяснить, точно ли это младший Баснев, который и подарил ей билет в театр.

Они как-то очень органично вписывались в этот сырой, промозглый пейзаж: бабушка, убеждённая в верности избранного санитарного дела, и мальчик, для которого огромный мир был прост, прозрачен и ясен, как роса поутру.

Куда шли эти двое, о чём беседовали? Тревожное любопытство повлекло Светлану на бульвар, в мокрые сумерки. Она перешла дорогу и поспешила по скверу за странной парочкой. Но они уже перешли другую дорогу, за сквером. Светлана выждала, пока автомобили остановятся перед светофором, старушка с юношей свернули за угол. Ей никак не удавалось их догнать. И вдруг, когда она уже точно разглядела одежду юноши и узнала Серёжу, увидела, как он вместе со старушкой вошёл в двери православного храма.

Ворох непонятных мыслей и чувств привёл Светлану в замешательство. Стыд и, одновременно, пронзительная радость вызвали слёзы на глазах Светланы. Ей вдруг сделалось так хорошо на душе, словно мягкий тёплый ветер смыл с неё все городские шлаки.

Она вернулась к театру, прошла одной из первых в фойе, сдала плащ в гардероб, огляделась. Молодёжи очень мало, в основном женщины за тридцать и убелённые сединой мужчины. Спустилась в буфет, купила чашку кофе. Буфет напомнил ей далёкое прошлое. Кофе пили стоя, правда, было и несколько сидячих мест, но Светлана скромно пристроилась возле стенки. Вскоре она увидела тех русоволосых парней из кассы: они потоптались у буфетной стойки и, ничего не взяв, ушли.

В соседнее с ней кресло сел... Юрий Владимирович!

На сцене игралась «Птица юности», точнее сценическая версия по мотивам пьесы Теннеси Уильямса. Но юности Светлана в спектакле не почувствовала, о том весеннем времени актёры лишь говорили. Говорили и говорили. Прима изображала стареющую актрису с претенциозным именем Космонополис, фривольную, сексуально озабоченную, беспощадно терзающую своего пока ещё сравнительно молодого любовника. «Не себя ли играет?» — банальный вопрос. Нет, конечно, она играла хорошо, даже замечательно, но как ни всматривалась Светлана, так и не увидела символа юности — его в спектакле не было. Видимо, потому что юность давно предана, попрана, и попытка вернуть это предание глубокой старины приводит жиголо к гибели. С первых фраз тревожная обречённость витала надо всеми: обречённость женщин — на увядание, а жиголо — на умирание от крестьянского серпа. Иное дело — символ старости — эти три кургузые девицы, безобразные эринии с напиханными под юбки и в лифчики подушками... Светлану ещё удивило, что актёры почему-то не пели, не танцевали, а из реквизитов, несмотря на спонсорство «Росбанка» (так отмечено в программке), была одна большая кровать в центре сцены. Болтовня вокруг ложа! Хорошо ещё, додумались чудесные записи завести: то песню в исполнении Робертино Лоретти включат, то Элвиса Пресли — его истомлённую композицию «Surrender».

«Обыкновенная история — для женщин и актёров»,— думала Светлана, со скукой косясь на периодически всхлипывающую соседку и седого мужчину, который постоянно ёрзал в кресле.

Выйдя из театра, они медленно пошли к машине Баснева. Дождя не было. Множество театралов обгоняли их слева и справа, иногда слышались замечания, что, мол, перегородили весь тротуар.

— Как тебе эта... сценическая версия? — спросил Баснев, нарушив очень затянувшееся молчание, и Светлане показалось, что он произнёс это с доброй долей иронии, если не сарказма.

— Прима, как всегда, на высоте,— осторожно ответила Светлана.— А тебе спектакль понравился?

— Мораль сей басни такова,— изрёк скептически Баснев.— Если будешь добиваться цели через постель знаменитости, то тебя обязательно кастрируют.

— Юрий Владимирович! — ужаснулась Светлана.— Нельзя же так при даме. Хотя... доля истины в твоих словах есть. Наверное, это не мужской спектакль.

— Разумеется, подражать-то некому. Если только красивому обнажённому торсу дамского угодника...

Возле машины Баснева стоял Серёжа.

— Вот... Пришёл попрощаться. На фирму больше не приду. Ресурс отработан.

— То есть!.. Какой ресурс?

— Жить буду у мамы, пока в институт не поступлю,— он улыбнулся Светлане.— Я вам больше не нужен.

— Без тебя фирма зачахнет,— заметил Баснев.

— Мою работу сможет выполнять другой человек. Вы, тётя Света, по призванию психолог.

— Ты шутишь, Серёжа!

— Отнюдь. Я всего лишь рисовал картинки. А вот вы их расшифровывали, предварительно выяснив всё о бизнесе клиента. Из нашей схемы: инфо о бизнесе — мои рисунки — расшифровка второй пункт легко изымается. И получается чистой воды консультация психолога.

— Но у меня нет такой квалификации.

— Зато есть опыт и интуиция. А с квалификацией... Окончите курсы или получите второе образование. Это уже не главное. Так, дядя Юра?

Юрий Владимирович приобнял и Светлану, и племянника:

— Совершенно согласен с тобой. И всё-таки, Серёжа, у тебя редкие способности. Ты решил, кем хочешь стать?

— Священником. Я говорил с настоятелем церкви.

— И что он тебе сказал? — спросила Светлана, и столько в её голосе и лице было любопытства, что Серёжа чуть не рассмеялся, но затем, хоть и с улыбкой, с грустью в глазах произнёс:

— Он сказал, что человеческий мозг почти не изучен.

— А девочке твоей сделали операцию? — спросила Светлана.

— Сделали, у неё всё хорошо. Я же говорю: ресурс отработан.

В тот вечер Светлана впервые осталась ночевать у старшего Баснева. А на следующий день, когда они под ручку прогуливались по Петровским линиям, Юрий Владимирович шепнул на ушко Светлане:

— Выходи за меня замуж.

Женщина выдержала паузу, потом сделала вид, что рассержена:

— Как-то тихо и буднично звучит. Хотя бы объяснил, почему ты так решил.

— Во-первых, потому что я тебя люблю,— сказал он громко.

— А во-вторых?

— Во-вторых, я не намерен постоянно есть яичницу. Потому что яичница — это цыплята, зажаренные ещё до рождения!

— Да, это ужасно. Придётся тебя спасать.

И они поцеловались на виду у всех.

«И ещё потому, что именно ты должна родить мне ребёнка,— подумал он.— Родить мальчика, которому совсем не обязательно быть фиалковым. Он может выучиться на кого угодно: на банкира или автослесаря, священника или хирурга. А его пра-пра-правнук станет, например, историком, новым Геродотом, который однажды всё разложит правильно по полочкам. Древний Геродот родился в городе, тоже знаменитом... своим мавзолеем».

— Знаешь, о чём я подумал, когда бродил здесь в одиночестве? — произнёс Баснев.— Вот представь. Пройдёт ещё две тысячи лет, и, может быть, кто-нибудь заинтересуется этим городом на Москве-реке. И будут гадать, может даже, спорить: при каком правителе Россия достигла высшей точки своего могущества? Кто был её истинным Навуходоносором? Вавилония тоже считалась великой державой, а её столицу у реки Евфрат окружали гигантские стены и глубокий ров. Где это всё теперь? Говорят, история повторяется. Отчасти — может быть, только ничего уже не возвращается на круги своя. Поэтому давай жить-не тужить.

— Я не против.

— И для начала купим мороженое.

— Прекрасно...— она прищурилась,— для начала... Мне ванильное.

— Вот именно! — воскликнул он. И купил два ванильных мороженых.

В кармане у него уже лежали две туристических путёвки в Египет.

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВ

ОДИН МЕЖ НЕБОМ И ЗЕМЛЁЙ

2014 год — год Лермонтова

Была вначале песня, и словно с небес она летела, лелея душу.

Он знал, он слышал: это мама поёт то ли ему, то ли самой себе, напевает легко и свободно, сидя у кровати, склоняясь иногда над круглым его благодарным лбом, будто бы подавшимся навстречу звукам, и голова его от песни плывёт куда-то ввысь, в льняных своих волнистых локонах, и всё его существо сделалось от музыки неощутимым, невесомым, как пушинка в потоках летнего воздуха, неслышно несомая тёплой волной в лазурную синь, что пронизана дивным немерцающим светом.

И он плакал от сладостной истомы, ещё не зная, что такое слёзы, а душа, в парящей радости, росла в бескрайность и растворялась в её сияющей лазури.

Но вдруг материнские глаза темнели и становились похожи на вечернее небо в сверкающих звёздах, и напев уже лился как тёмно-синяя печаль, и он чувствовал, что тонет всё больше и больше в её глубине, и этому, казалось бы, не было конца; и новые, другие слёзы лились, крупные, тяжёлые, безнадёжные: грусть уносила вглубь, вливаясь в сердце иссиня-лиловой струёю и обволакивая его непроглядным туманом.

И как-то в этом беспросветном мороке исчезла навсегда, словно видение, самая родная в мире женщина, чувства которой напрямую переливались из её сердца в его, словно одна и та же кровь из одной жилки в другую, а души сообщались между собой безо всяких преград и понимали друг друга даже без звуков, без слов. Лишь голос её остался петь в памяти, потихоньку удаляясь, угасая, как ангел, что слетел на землю, озарил раз и навсегда душу своим сиянием и снова исчез в небесной выси, где голубое переходит в синее, синее в лиловое, а лиловое в чёрное, бархатное, мерцающее осколками пропавшего сверкающего чуда.

И настала тоскливая немота, которой не было исхода и предела, серая и пустая, как ночь перед рассветом. Слёзы прекратили литься, они этому тусклому бессветью были не нужны.

По ночам он просыпался неизвестно почему, открывал окно и садился на широкий деревянный подоконник. Звёзды молчали и тонко подмигивали ему, словно давая знать, что понимают без слов всё, что мальчик им тихо шептал. Где-то среди них жила душа его матери, она сейчас тоже глядела на него с высоты и, может быть, что-то ему говорила, да голоса за далью не было слышно. И как бы напряжённо он ни вслушивался в поднебесную тишину, ничего оттуда не доносилось. Глубокое, чёрное, манящее огнями безмолвие; бездна нескончаемой тьмы и немоты, проколотая далёкими искрами...

И вдруг однажды из этой глубины тихо потекла мелодия, неземной красоты пение. В нём не различалось слов, а только музыка, но казалось: в этой музыке таятся слова. И они созвучны друг другу, сосмысленны, сороднены, как волны реки, льющейся с неба. И эта река всё полнится, будто бесконечна она в своей прибывающей полноте,— да не море ли это, или весь небесный океан вливается в душу — так, что душа исполняется небес, и звучат уже в ней эти мерные волны таинственной, непостижимой силы и глубины, стихии...

Напевные волны неслись, прихотливо меняя цвет: то сияли солнцем напоённой лазурью, то сгущались до чёрной синевы; они то ласково плескались, играя ослепительной рябью, то угрюмо, с неистовой мощью бились о невидимые скалы, шипя пеной и рассыпаясь на мириады ледяных брызг, но тут же сливались неукротимо для нового броска.

И тогда сверкали огромные тёмные глаза мальчика: душа его сполна отдавалась стихии, жадно напитывалась и её лаской и негой, и её гневом и мощью. В те мгновения душа, как огромная птица, носилась между небом и землёй: или парила на воздусях в упоительно-нежных веях, или угловатой резкой молнией прорезала пространство, не щадя вокруг никого и ничего. Такой широтой и страстью она была наделена, что казалось — всё подвластно ей в этих парениях и метаниях между небесным и земным, между раем и адом...

Вот тогда и зазвучала музыка — словом.

В Лермонтове, как ни в ком другом из русских поэтов, небо сошлось с землёй.

Можно только догадываться о том, как это произошло, но итог съединения, соития, сплава невозможно не ощутить: обаяние, магнетизм Лермонтова столь велики, что не тают с годами, река времён словно бы в задумчивости обтекает этот могучий, дышащий тайною жизнью утёс. Теперь, по прошествии двух веков, очевидно, что Лермонтов — непреходящая, неизъяснимой притягательности и глубины тайна русской литературы, русской жизни и русской души.

Сверхчуткий Розанов проницательно заметил: «*Материя* Лермонтова была высшая, не наша, не земная. *Зачатие* его было какое-то другое, «не земное», и, пиша Тамару и Демона, он точно написал нам «грех своей матери». Вот в чём дело и суть».

Заметим, однако, в скобках: всюду этот несносный интуитивист, Василий Васильевич, лезет со своей ветхозаветной плотскостью.

Пиша о Лермонтове, что за нелепое *зачатие* приписывает он ему! До какого ещё «греха матери» дописывается?! Тамара, между прочим, погибает после поцелуя Демона. А уж за матушку свою, Марию Михайловну, поэт вполне мог бы *вызвать* философа, и, хотя вряд ли выстрелил бы в него, но уж подержать на мушке кухенрейтера — подержал бы, дабы отучить от граничащих с оскорблением символов.

Едва ли не лучшее, писанное Лермонтовым в прозе, это его заметка 1830 года:

«Когда я был трёх лет, то была песня, от которой я плакал: её не могу теперь вспомнить, но уверен, что если б услыхал её, она бы произвела прежнее действие. Её певала мне покойная мать».

Единственное его о матери воспоминание, записанное в пятнадцать лет.

А в семнадцать лет появилось стихотворение «Ангел», навеянное этим воспоминанием. Это один из высших шедевров его лирики. Кстати, стихотворение первоначально называлось «Песнь ангела». Земная материнская песня словно воспаряет в небеса — и пробуждает в прапамяти небесную песнь ангела.

По небу полуночи Ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Это, конечно, видение, чудесное видение, открывшееся душе. Святая ангельская песня, услышанная душой молодой, ещё слетающей по небу полуночи на землю, в мир печали и слёз — и песня матери, напетая младенцу, а быть может, слышанная им ещё до рождения, в звуках самого родного голоса: и та, и другая словно сливаются в глубине сознания, памяти и воображения в одно чудесное воспоминание — *звуков небес.* После такого пения, таких звуков душа может лишь томиться на земле, желанием чудным полна, и никакие земные песни уже не в силах заменить услышанного, и оттого они непроходимо скучны.

О ком это стихотворение — о матери? о себе?.. О человеке вообще?..

Разгадка принадлежит небесам, она, словно звук песни в душе, остаётся без слов.

Небесная жизнь отголоском слетает в жизнь земную. Существование на земле — лишь томление души по неземному блаженству. Скучные песни земли не заменят небесную песнь.

Не заменят... но именно земная песня матушки, что она певала дитяти, вызывает в провидческом предсознании младенца звуки небес, ангельское пение, услышанное некогда *душой младой*.

Небо смыкается с землёй в единое целое — вот что по-настоящему живёт в душе человека. Вот оно — содержание Лермонтова, сущность его *материи*. Не одна лишь человечность, что у других поэтов,— Богочеловечность.

Так, в первом же воспоминании Лермонтова о своей жизни и его поэтическом осмыслении небо сходится с землёй, и душа поэта оказывается на томительном перепутье, исхода из которого в земном существовании нет и не может быть.

Оптинский старец Варсонофий как-то в беседе с духовными чадами своими вспоминал:

«Когда я жил ещё в міру, то был однажды в одном аристократическом доме. Гостей было много. Разговоры шли скучнейшие: передавали новости, говорили о театре и т.п. Людей с низменной душой этот разговор удовлетворял, но многие скучали и позёвывали. Один из гостей обратился к дочери хозяина дома с просьбой сыграть что-нибудь. Другие гости так же поддержали его. Та согласилась, подошла к дивному концертному роялю и стала играть и петь:

По небу полуночи Ангел летел...

Пела девушка, и окружающая обстановка так подходила к этой песне. Всё это происходило на большой стеклянной террасе; была ночь, из окон был виден старинный дворянский сад, освещённый серебряным светом луны...

Я взглянул на лица слушателей и прочёл на них сосредоточенное внимание и даже умиление, а один из гостей, закрыв лицо руками, плакал как ребёнок, а я никогда не видел его плачущим.

Но отчего же так тронуло всех пение это? Думаю, что произошло это оттого, что пение оторвало людей от низменных житейских интересов и устремило мысль к Богу, Источнику всех благ.

Песнь эту написал Лермонтов, человек грешный, да и исполняла её не святая, но слова этого прекрасного стихотворения произвели сильное впечатление...»

Далее старец говорит о церковных песнопениях, что они тем более наполняют блаженством душу, погрязшую в житейском море, и напоминает слушателям своим, что в Священном Писании жизнь во Христе называется пением: *Крепость моя и пение моё Господь, и бысть ми во спасение...*

Одно исходит, само собой, из его рассказа: и здесь песнь земная — слилась с песнью небесной...

Лермонтов, видно, ценил это стихотворение, коль скоро его единственное из юношеских напечатал под своим именем в 1840 году. Однако в свой первый и последний прижизненный сборник «Ангела» не включил. И. Андронников предполагает, что не включил, вероятнее всего, из-за отрицательного отзыва В. Белинского. Не думаю. Что поэту мнение критика! Поэт лучше любого критика, да и лучше всех на Земле чует глубины своего стихотворения и знает его истинную цену.

«Я очень люблю отыскивать у наших светских поэтов православные христианские мотивы...— писал Константин Леонтьев в «Письмах с Афона».— У Кольцова, у Пушкина их много. Но у Лермонтова больше всех. «По небу полуночи Ангел летел» прекрасно, но христиански не совсем правильно. В нём есть нечто еретическое; это идея *о душе*, *приносимой извне на эту землю* «печали и слёз». Это теория Платона, а не христианское понятие о появлении души земного человека *впервые* именно *на этой земле*».

Да, догматически Леонтьев прав: ересь предсуществования душ осуждена на вселенском соборе ещё в VI веке. Но ведь полёт Ангела — это больше видение в душе юноши-поэта, вспоминающего мать, нежели отражение действительно происшедшего или происходящего. Душа матери кажется сыну исполненной небесной чистоты под впечатлением ангельского пения, которое остаётся на всю жизнь Божественным камертоном. Но и само это чудесное видение, по сути, является отражением запечатлённой в чистой душе младенца земной песни его матери. Впечатление настолько сильное — и видение настолько одушевлённое, живое, что юный поэт забывает о том, что это Бог вдохнул в человека душу. В памяти только звуки небес — они и порож-

дают образ Ангела, несущего в объятиях на землю душу младую. Собственно, Ангел, посланец Бога, тут для поэта неотделим от самого Вседержителя, сливается с Ним. Иначе, высшая *материя* Лермонтова здесь творит свои догматы, исходя из собственного тонкого чувствования той истины, что даровал ему Бог.

Совершенно точно определяет это удивительное качество поэта замечательный исследователь Пётр Перцов. В своих «Литературных афоризмах» он пишет:

«Лермонтов тем, главным образом, отличается от Пушкина, что у него человеческое начало автономно и стоит равноправно с Божественным. Он говорит с Богом, как равный с равным,— и так никто не умел говорить («Благодарность» и друг.). Именно это и тянет к нему: человек узнаёт через него свою божественность».

Собственно, Перцов здесь ясно толкует расплывчатые мистические образы Розанова о лермонтовской *материи*, «высшей, не нашей, не земной».

Ещё в высказываниях о Гоголе Перцов писал, что тот всю жизнь искал и ждал Лермонтова и, не видя его, стоявшего рядом, хватался за Языкова и, в своей жажде религиозной поэзии, не замечал лермонтовских «Молитв», удовлетворяясь языковским «Землетрясением». Вывод Перцова: «Насколько Гоголь ветхозаветен — настолько новозаветен Лермонтов. Это полярность Микель-Анджело и Рафаэля». В главе, посвящённой Лермонтову, он развивает свою мысль в следующих афоризмах:

«У Гоголя — ещё природный человек,— в вечном смятении перед Богом, как ветхозаветный иудей. Только у Лермонтова он — сын Божий, и не боится Отца, потому что «совершенная любовь исключает страх».

.....

Настоящая гармония Божественного и человеческого — момент совершенства — только у Лермонтова, а не у Пушкина, у которого она покупается ценою односторонности — преобладания Божественного. В мире Пушкина человеку душно.

.....

«Мятежный Лермонтов»... На самом деле именно у него и нет и не может быть бунта, потому что бунт только там, где рабство, а у Лермонтова отношение к Богу — отношение сына к Отцу, а не раба или слуги — к Господину (Пушкин, Гоголь). Даже в минуты непокорности и упрёков оно остаётся сыновним, новозаветным. Сын может возмущаться властью Отца, Его несправедливостью (на его взгляд), но это не бунт: тут нет чувства разнородности и несоизмеримости».

Сам Лермонтов свою *материю* — а попросту говоря, душу — тщательно прятал от людей.

Будучи всё время на глазах: дома ли у бабушки, в пансионе, в университете, в юнкерской школе, в «свете» или же среди однополчан на Кавказе, он непременно набрасывал на себя ту или иную маску — шалуна, гуляки, доброго малого, Маёшки... кого угодно, только бы ничем не обнаружить ту напряжённую потаённую внутреннюю жизнь, что горела в нём всё сильнее и сильнее. Там, внутри то зияли огнями бездны, то бушевало море, то лава огня пожигала всё на свете, а если вдруг устанавливалось затишье, то неслыханной, неземной благости и чистоты и красоты.

Что говорить!.. к двадцати шести годам написал четыре полновесных тома, достиг всех возможных высот в поэзии, в прозе и в драматургии — а кто его пишущим видел?! Будто бы между делом, меж ученьем и службой, разгулом и бешеным весельем — да всё прикрываясь от многочисленных друзей-товарищей смехом, шутками, барковщиной, а потом и от *света* — шалостями, салонными остротами, танцами, лишь бы не показать себя истинного, укрыть до времени ото всех своё святое.

Только глаза выдавали его...

«В детстве наружность его невольно обращала на себя внимание: приземистый, маленький ростом, с большой головой и бледным лицом, он обладал большими карими глазами, сила обаяния которых до сих пор остаётся для меня загадкой. Глаза эти, с умными, чёрными ресницами, делавшими их ещё глубже, производили чарующее впечатление на того, кто бывал симпатичен Лермонтову. Во время вспышек гнева они бывали ужасны. Я никогда не в состоянии был бы написать портрета Лермонтова при виде неправильностей в очертании его лица, а, по моему мнению, один только К. П. Брюллов совладал бы с такой задачей, так как он писал не портреты, а взгляды (по его выражению, вставить огонь глаз)»,— вспоминал художник Моисей Меликов, который был четырьмя годами младше Лермонтова и учился с ним в Благородном пансионе.

Но Брюллов портрета Лермонтова не писал, да и не известно ещё, совладал бы и он с этой задачей.

Кто-то из приятелей поэта заметил, что ни один из его портретов не передаёт подлинного облика, всюду он не похож на себя. И тут Лермонтов ускользнул от современников. Будто бы сокрылся в себе, не дал себя разглядеть. Как душу его не понимали — так даже и лица толком не увидели.

Ключевое слово к «Ангелу» Лермонтов дал в своём названии стихотворения — «Песнь ангела».

Тихая песня, что поёт ангел, несущий в объятиях душу младую, на самом деле *песнь*. Благоговейное, возвышенное славословие о Боге, о блаженстве рая. *Песнь* — святая песня, выше не бывает. Самый звук её — свят. И он остаётся жив во всё время, пока душа томится на земле.

Философ Владимир Соловьёв на закате своей жизни, в 1899 году, вдруг принявшийся с редкой беспощадностью обличать и судить Лермонтова, всё же не мог не отметить другую особенность поэта — «способность переступать в чувстве и созерцании через границы обычного порядка явлений и схватывать запредельную сторону жизни».

Однако, наверное, никому и никогда не разгадать эту тайну: откуда появились в поэте «второе зрение» и способность к пророчеству. Тут вновь вспоминаются на вид нелепые, но удивительно верные по сути слова Василия Розанова о *неземной материи* Лермонтова.

Способность услышать святые звуки небес и сохранить на всю жизнь — и есть главное свойство *материи* Лермонтова. По сути, это изначальное постижение истины во всей её полноте. Высшее свойство человека. Вот почему «*материя* Лермонтова», по Розанову, *не наша, не земная*. Младенец улавливает в звуках небес высшую гармонию мира. Он ещё не различает и не запоминает *слов* — он слышит и впитывает их музыку, *звук песни*, который раскрывает ему её суть.

Не этот ли Божественный звук порождает в воображении семнадцатилетнего юноши-поэта видение слетающего с небес ангела, который несёт в объятиях на землю душу младую?

Мы, конечно, не знаем, записывает ли поэт в «Ангеле» открывшееся ему «чистое» видение либо это плод его воображения. Ясно одно — в этом стихотворении вполне проявляется естество, природа его творческого дара, суть которого высокое гармоническое слияние запредельности со словом, музыкой, изображением. Слово напевно, пронизано музыкой; в отчётливых образах соседствуют земное и небесное; невидимое, неземное рисуется действительным событием. Сверхчуткая душа поэта не только слышит музыку сфер — звук небес, но и ощущает, как Творец дарует Земле новую человеческую душу в тёплом облаке высшей гармонии, ещё не осознаваемой, врождённой — вдунутой

Им Самим. Пусть это и передано Лермонтовым, по Леонтьеву, *еретически*,— но, может быть, это низлетание души на Землю в объятиях поющего ангела, эта растянутость во времени и необходимы Лермонтову, чтобы зримо и образно воплотить в слове небесное происхождение души, её изначальную Божественность.

Д. Мережковский в своей работе о Лермонтове «Поэт сверхчеловечества», сопоставляя короткую дневниковую запись «Когда я был трёх лет...» со стихотворением «Ангел», напрямую утверждает: «Песня матери — песня ангела» и больше того: «Вся поэзия Лермонтова — воспоминание об этой песне, услышанной в прошлой вечности». Иначе говоря, в до-жизни на Земле, в вечности, где пребывает Господь.

«Постоянно и упорно, безотвязно, почти до скуки, повторяются одни и те же образы в одних и тех же сочетаниях слов, как будто хочет он припомнить что-то и не может, и опять припоминает всё яснее и яснее, пока не вспомнит окончательно, неотразимо, «незабвенно». Ничего не творит, не сочиняет нового, будущего, а только повторяет, *вспоминает* прошлое, вечное. Другие художники, глядя на своё создание, чувствуют: это прекрасно, потому что этого ещё никогда не было.— Лермонтов чувствует: это прекрасно, потому что это всегда было.

Весь жизненный опыт ничтожен перед опытом вечности...»

Для Мережковского пророческий дар Лермонтова не существует как таковой — это просто знание:

«Знает всё, что будет во времени, потому что знает всё, что было в вечности...

Как другие вспоминают прошлое, так он предчувствует или, вернее, тоже *вспоминает будущее* — словно снимает с него покровы, один за другим,— и оно просвечивает сквозь них как пламя сквозь ткань. Кажется, во всемирной поэзии нечто единственное — это воспоминание будущего».

Этот интуитивный образ, как ни странно, кажется точным. Только Богу открыто всё — прошлое, будущее, потому что для Бога времени нет, Он вечен. Однако несомненно, что Лермонтов обладал Божественным качеством — чувством вечного, и потому будущее, как и прошлое, просвечивает его духовному зрению, как пламя сквозь покровы временной ткани.

П. Перцов объясняет это свойство поэта следующим образом:

«Для Лермонтова «земля», вообще земной отрывок всего человеческого существования — только что-то промежуточное. Мощь личного начала (величайшая в русской литературе) сообщала ему ощущение всей жизни личности: и до, и во время, и после «земли». «Веков бесплодных ряд унылый» — память прошлого,— и рядом: «давно пора мне мир увидеть новый» (удивительная уверенность в этом мире). Он знал всю ленту человеческой жизни,— и понятно, что тот её отрезок, который сейчас, здесь происходит с нами, мало интересовал его».

Откуда эта «автономность» и этот разговор с Богом как равного с равным? Проще всего объявить такое творческое поведение дерзостью и записать Лермонтова в богоборцы. А не сама ли судьба дала ему в единственные собеседники Бога и предуготовила говорить с Ним наравне?

Трёхлетним ребёнком он остался без матери, а потом по сути был отлучён от родного отца. Бабушка, конечно, всем была хороша и любила своего Мишеньку без памяти, но каково дитяти расти без родителей? Без отца с маменькой он сирота и обречён на одиночество. Одарённый необыкновенной чувствительностью и гениальными способностями ребёнок рос сиротою. В семнадцать лет осиротел полностью: вдали от сына,

в одиночестве умер его отец, Юрий Петрович, с которым бабушка, Елизавета Арсеньева, ему так и не позволила жить вместе. Тогда же Лермонтов прощается с отцом стихами:

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть...
.....
Но ты простишь мне! Я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный творцом?
.....
Мы оба стали жертвою страданья!..

(1831)

Это упрёк не только *свету*, но и воспитавшей поэта бабушке. Нерастраченная сыновняя любовь обернулась страданием; *огонь божественный, оправданный творцом*, горел в мучительном одиночестве.

Буквально следом Лермонтов пишет ещё более горькое и откровенное стихотворение, из которого потом он вычеркнул первую и третью строфы, оставив лишь вторую. Вот оно целиком:

Гляжу вперёд сквозь сумрак лет,
Сквозь луч надежд, которым нет
Определенья, и они
Мне обещают годы, дни,
Подобные минувшим дням,
Ни мук, ни радостей, а там
Конец — ожиданный конец:
Какая будущность, творец!

Пусть я кого-нибудь люблю:
Любовь не красит жизнь мою.
Она как чумное пятно
На сердце, жжёт, хотя темно;
Враждебной силою гоним,
Я тем живу, что смерть другим:
Живу — как неба властелин —
В прекрасном мире — но один.

Я сын страданья. Мой отец
Не знал покоя по конец.
В слезах угасла мать моя:
От них остался только я,
Ненужный член в пиру людском,
Младая ветвь на пне сухом;
В ней соку нет, хоть зелена,—
Дочь смерти — смерть ей суждена!

(1831)

Смутные надежды, «определенья которым нет», обещают лишь рутинную серую скуку до «ожиданного конца» — смерти, и сия будущность вызывает в юном поэте одну только разочарованную иронию, которую он направляет Творцу. Такая же смутная, случайная любовь кажется ему ни много ни мало *чумным пятном* на сердце, пожигающим в темноте.— Беспощадность к себе, редкая даже у Лермонтова. Владея всей духовной мощью («как неба властелин»), он только пуще ощущает своё одиночество на земле. И вот наконец ясное определенье себя:

Я сын страданья... —

и безжалостный себе приговор:

... смерть... суждена!

Судьба, погубившая мать с отцом, и его, «младую ветвь на пне сухом», обрекла на гибель.

Коли жить дальше этой «ветви младой», что ещё «зелена», так вот с этим жестоким пониманием своей судьбы,— да ещё во властном ощущении своих могучих духовных сил в отвергшем его «прекрасном мире».

Легче всего отнести это признание семнадцатилетнего поэта к модному, в духе Байрона, мрачному романтизму. Но где же здесь романтическая поза? О сиротстве — правда, об одиночестве — правда, о смутных ощущениях в душе — наверняка тоже правда. Стихотворение не надуманно, не вымышлено под впечатлением прочитанного — оно реалистично и напрочь лишено самолюбования или же упоения собственным горем. Недаром Лермонтов зачёркивает начальную и последнюю строфы, убирая слишком явную документальность: подробности собственной жизни снижают накал общего чувства, главной темы стихотворения.

Но какое ясное и твёрдое понимание своей участи на земле: *я сын страданья*!..

Если что-нибудь да значат символы прошлого,— а ведь не без этого! — то тем более любопытно прочесть о гербе рода Лермонтовых в общем Гербовнике дворянских родов Российской империи:

«В щите, имеющем золотое поле, находится чёрное стропило, с тремя на нём золотыми четвероугольниками, а под стропилом чёрный цветок. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою короною. Намёт на щите золотой, подложенный красным; внизу щита девиз: «Sors mea Iesus» (участь моя — Иисус)».

Золотое поле... чёрный цветок... золото, подложенное красным... и самое главное — направляющее жизнь слово: *участь моя — Иисус*.

Участь, судьба...

... Но обратимся к толкованиям геральдических символов.

Золотое поле... У русских открытое, чистое поле — опасное, гибельное пространство, место битвы: с врагом или с природой. Золотой же цвет означает верховенство, величие, уважение, великолепие, богатство.

Цветок — символ жизненной силы и радости жизни, и ещё — конца зимы и победы над смертью. Чёрный цвет — знак постоянства, скромности, смерти, траура, мира (покоя). Как цвет смерти, чёрный цвет — монашеский — был и символом отказа от мирской суеты, отдания себя на духовное служение.

Щит с золотым намётом, подложенный красным... Красный цвет — право, сила, мужество, любовь, храбрость.

Что говорить! Так или иначе, всё — годится Лермонтову. Но особенно — девиз...

В роду Лермонтовых мальчиков поочерёдно именовали то Петром, то Юрием. (Поэт и сам как-то набросал вкратце свою родословную от Юрия (Юшки) Лерманта.) Но властолюбивая Елизавета Алексеевна Арсеньева потребовала, чтобы внука назвали в честь деда Михаила, её погибшего мужа, и настояла на своём.

Павел Флоренский, толкуя имя Михаил, сопоставляет его, по народному обычаю, с медведем: важный признак и того, и другого — горячность:

«Характерна для него не просто его неповоротливость и тяжеловесность, а двойственность его природы, окружившей внутреннюю яростность тяжёлым мохнатым обличием. Так же и в Михаиле: было бы крайней ошибкой думать о вялости его темперамента, о внутренней медлительности и заторможенности душевных движений. Вопреки обычному толкованию, Михаил *вовсе не флегматик*, и стихия его отнюдь не вода, а огонь, благодетельно ли греющий или яростно жгущий, но сухое и горячее начало, а не влажное и холодное... Требуется длительное внешнее впечатление, чтобы отклик на него сумел прорваться сквозь мало послушные среды, управляемые Михаилом. Но если уж это раздражение длилось долго, то реакция на него прорывается как взрыв или вулканическое извержение, мощное, неукротимое и стремительно быстрое, вопреки расчётам окружающих».

Далее философ размышляет о *земных* именах, для земли созданных и в земле коренящихся. Они определяют земные стихии и ими определяются. При высоком духовном подъёме эти определения и отношения утончаются, освящаются, дают высшее цветение земли. С подобным именем можно быть и святым, пишет Флоренский, но эта святость всегда остаётся святостью человека и соизмеримой с человечностью. К земным именам, по мнению мыслителя, относятся, например, такие, как Николай и Александр. Однако вот самое главное:

«Но есть и *другие* имена. Они созданы не для земли, не в земле живут их корни. Это — силы, природе которых чуждо воплощаться в плотных и тяжёлых земных средах. Они могут попадать и на землю, как семена, приносимые лучами солнца из небесных пространств; и, попадая на неприспособленную для них почву, они прорастают и образуют себе тело из земных стихий, входя тем самым в разные земные отношения и связи. Но, подчиняя себе, силою своей жизненности, сотканное из земных стихий тело, эти имена всё-таки остаются чуждыми миру, в котором они произрастали, и никогда не овладевают им вполне. Хорошие или плохие, носители таких имён не прилаживаются вплотную к окружающим их условиям земного существования и не способны приладиться, хотя бы и имели на то корыстные расчёты или преступные намерения.

Одно из таких имён — Михаил. Имя Архистратига Небесных Сил, первое из тварных имён духовного мира, Михаил, самой этимологией своей, указывает на высшую меру духовности, на особливую близость к Вечному: оно значит «Кто как Бог», или «Тот, Кто как Бог». Оно означает, следовательно, наивысшую ступень богоподобия. Это — имя молниевой быстроты и непреодолимой мощи, имя энергии Божией в её осуществлении, в её посланничестве. Это — мгновенный и ничем не преодолимый огонь, кому — спасение, а кому — гибель. Оно «исполнено ангельской крепости». Оно подвижнее пламени, послушное высшему велению, и несокрушимее алмаза Небесных Сфер, которыми держится Вселенная».

Затем Флоренский с духовных высот спускается на землю:

«По своей природе, имя Михаил — противоположность земной косности, с её враждебным, и благодетельным торможением порывов и устремлений. И, попадая на землю, это имя живёт на ней как чуждое земле, к ней не приспособляющееся и не способное приспособиться. Михаил — одно из древнейших известных в истории имён. Но и за много тысяч лет своего пребывания на земле оно остаётся *откровением* на земле и не делается здесь *своим*, хотя и обросло житейскими связями и бытовыми наростами. Этому имени трудно осуществлять себя в земных средах, слишком для него плотных. Птице, если бы она и могла как-нибудь просуществовать на дне океана, не летать под водою на крыльях, приспособленных к гораздо более тонкой стихии — воздуху. Так же и небесное существо — Михаил, попадая на землю, становится медлительным и неуклюжим, хотя сам в себе несравненно подвижнее тех, кто его на земле окружает».

Отец Павел подчёркивает, что небесное — не значит непременно хорошее, как и земное — не значит плохое. Горячие импульсы Михаила мало доступны косному и неотзывчивому миру:

«Попав с неба на землю, Михаил, светлый или тёмный ангел, одинаково жалуется, что земля — не небо и не то не понимает, не то — не хочет понять, что он уже не на небе и что земле свойственна законная и в общем порядке мироздания благодетельная тяжесть, плотность и вязкость. Между тем, Михаил требует эфира, который бы мгновенно выполнял его добрые или злые волеизъявления».

Полный энергии, Михаил, по Флоренскому, разбивается в мелочах, словно не умея различать важное от неважного и смело провести главные линии. Его дело загромождается частностями, которые лишают основной замысел цельности и понятности или по крайней мере представляются таковыми. Поэтому дело Михаила обычно мало доступно и не находит полного признания и полной оценки. Отсюда — неудовлетворённость самого Михаила, а то — раздражение и гнев на несоответствие усилий и внешнего признания и успеха.

Павел Флоренский заключает:

«Михаил благодушно терпит это несоответствие, прощая его миру, ввиду общей своей уверенности, что люди не чутки, неблагодарны и корыстны. В других случаях он впадает в мизантропию, жалуется, гневается, но обычно не добиваясь успеха и признания в желаемой мере».

Мережковский, как и Розанов, считает *материю* Лермонтова высшей, не нашей, не земной. В мистическом толковании этой *материи* он, в отличие от философа, не ограничивается общими определениями, а представляет в подробностях свой взгляд и, как ему наверное казалось, с доказательствами, чему служат и легенды, и стихи Лермонтова, и воспоминания о нём.

«Произошла на небе война: Михаил и ангелы его воевали против Дракона; и Дракон и ангелы его воевали против них; но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий Дракон».

Существует древняя, вероятно, гностического происхождения, легенда, упоминаемая Данте в Божественной Комедии, об отношении земного мира к этой небесной войне. Ангелам, сделавшим окончательный выбор между двумя станами, не надо рождаться, потому что время не может изменить их вечного решения; но колеблющихся, нерешительных между светом и тьмою, благость Божья посылает в мир, чтобы могли они сделать во времени выбор, не сделанный в вечности. Эти ангелы — души людей рождающихся. Та же благость скрывает от них прошлую вечность, для того, чтобы раздвоение, колебание воли в вечности прошлой не предрешало того

уклона воли во времени, от которого зависит спасенье или погибель их в вечности будущей. Вот почему так естественно мы думаем о том, что будет с нами после смерти, и не умеем, не можем, не хотим думать о том, что было до рождения. Нам дано забыть, *откуда*,— для того чтобы яснее помнить, *куда*.

Таков общий закон мистического опыта. Исключения из него редки, редки те души, для которых поднялся угол страшной завесы, скрывающей тайну премирную. Одна из таких душ — Лермонтов».

Тайна премирная — это тайна высшего мира, горняя, небесная.

По Мережковскому, душе Лермонтова свойственно чувство незапамятной давности, древности; воспоминания земного прошлого сливаются у него с воспоминаниями прошлой вечности, таинственные сумерки детства — с ещё более таинственным всполохом иного бытия, того, что было до рождения. «На дне всех эмпирических мук его — ... метафизическая мука — неутолимая жажда забвенья». Ни что иное, как опыт вечности, определяет в такой душе её взгляд на мир. Земные песни ей кажутся *скучными*, жизнь — *пустой и глупой шуткой*, да и сам мир — *жалким*. Зная всё, что было в вечности, такая душа провидит и то, что с ней произойдёт во времени. Отсюда — и видения будущего, и пророчества. «Это «воспоминание будущего», воспоминание прошлой вечности кидает на всю его жизнь чудесный и страшный отблеск: так иногда последний луч заката из-под нависших туч освещает вдруг небо и землю неестественным заревом».

Словом, Лермонтов, как считает писатель, в прямом смысле — человек не от мира сего.

Любитель контрастов, Мережковский замечает: «В христианстве движение от «сего мира» к тому, *отсюда туда*; у Лермонтова обратное движение — *оттуда сюда*».

Магнетизм Лермонтова, его сумрачность, таинственность, «недобрую силу» взгляда (по воспоминаниям одних людей — хотя было немало совершенно противоположных впечатлений) — все эти бессознательные ощущения современников поэта Мережковский доводит до непременного для него логического конца:

«... в человеческом облике *не совсем человек*, существо иного порядка, иного измерения; точно метеор, заброшенный к нам из каких-то неведомых пространств...

Кажется, он сам, если не сознавал ясно, то более или менее смутно чувствовал в себе это ...«не совсем человеческое», чудесное или чудовищное, что надо скрывать от людей, потому что люди *этого* никогда не прощают.

Отсюда — бесконечная замкнутость, отчуждённость от людей, то, что кажется «гордыней» и «злобою». Он мстит миру за то, что сам «не совсем человек»...

Отсюда и то, что кажется «лживостью».— «Лермонтов всегда и со всеми лжёт».— Лжёт, чтобы не узнали о нём страшную истину».

Однако прервём на миг эти, на первый взгляд, логичные фантазии кабинетного писателя. Вот мнение человека, который был знаком с Лермонтовым и служил с ним на Кавказе, сражался вместе с ним — а на войне каждый виден насквозь,— Руфин Дорохов, храбрый воин и знаменитый бретёр (с него Лев Толстой написал в «Войне и мире» Долохова):

«Лермонтов [...] принадлежал к людям, которые не только не нравятся с первого раза, но даже на первое свидание поселяют против себя довольно сильное предубеждение. Было много причин, по которым и мне он не полюбился с первого разу. Сочинений его я не читал, потому что до стихов, да и вообще до книг, не охотник, его холодное обращение казалось мне надменностью, а связи его с начальствующими лицами и со всеми, что тёрлось около штабов, чуть не заставили меня считать его за столичную выскочку. Да и физиономия его мне не была по вкусу,— впоследствии сам Лермонтов иногда смеялся над нею и говорил, что судьба, будто на смех, послала ему

общую армейскую наружность. На каком-то увеселительном вечере мы чуть с ним не посчитались очень крупно,— мне показалось, что Лермонтов трезвее всех нас, ничего не пьёт и смотрит на меня насмешливо. То, что он был трезвее меня,— совершенная правда, но он вовсе не глядел на меня косо и пил, сколько следует, только, как впоследствии оказалось,— на его натуру, совсем не богатырскую, вино почти не производило никакого действия. Этим качеством Лермонтов много гордился, потому что и по годам, и по многому другому он был порядочным ребёнком».

И ещё одно его воспоминание о Лермонтове (из письма):

«Славный малый — честная, прямая душа — не сносить ему головы».

... Но Мережковский видит только своё, мистическое. Назвав статью (полемика с Вл. Соловьёвым) «Поэт сверхчеловечества», он и гнёт свою линию:

«Звери слышат человечий запах. Так люди слышат в Лермонтове запах *иной породы*. Одни, особенно женщины, по первобытному греху любопытства, влекутся к нему, видят в нём «демона», как тогда говорили, или, как теперь говорят, «сверхчеловека»; другие отходят от него с отвращением и ужасом: «ядовитая гадина», «антихрист»; или накидываются с яростью, как собаки загрызают волка, за то что от него несобачий запах.

Отсюда, наконец, и то, что кажется в нём «пошлостью». Обыкновенного тщеславия, желания быть не как все у Лермонтова не было, потому что в этом смысле ему и желать было нечего; скорее могло у него быть обратное тщеславие — желание *быть как все*».

И вот Мережковский подходит к самому главному в характере поэта:

«Что же, наконец, добрый или недобрый?

И то, и другое. Ни то, ни другое.

Самое тяжёлое, «роковое» в судьбе Лермонтова — не окончательное торжество зла над добром, как думает Вл. Соловьёв, а бесконечное раздвоение, колебание воли, *смешение* добра и зла, света и тьмы.

Он был похож на вечер ясный,
Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет.

Это и есть премирное состояние человеческих душ, тех нерешительных ангелов, которые в борьбе Бога с дьяволом не примкнули ни к той, ни к другой стороне. Для того чтобы преодолеть ложь раздвоения, надо смотреть не назад, в прошлую вечность, где борьба эта началась, а вперёд, в будущую, где она окончится с участием нашей собственной воли. Лермонтов слишком ясно видел прошлую и недостаточно ясно будущую вечность: вот почему так трудно, почти невозможно ему было преодолеть ложь раздвоения.

«Верно было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные»,— говорит Печорин. Но это — «необъятная сила» в пустоте, сила метеора, неудержимо летящего, чтобы разбиться о землю. Воля без действия, потому что без точки опоры. Всё может и ничего не хочет. Помнит, *откуда*, но забыл, *куда*.

«Зачем я жил? — спрашивает себя Печорин,— для какой *цели* я родился?» — Категория цели, свободы открывается в будущей вечности; категория причины, необходимости — в прошлой.

Вот почему у Лермонтова так поразительно сильно чувство вечной необходимости, чувство рока — «фатализм». Всё, что будет во времени, было в вечности; нет опасного, потому что нет случайного...

Отсюда — бесстрашие Лермонтова, игра его со смертью».

Смерть, как мы уже убедились,— всерьёз занимала Лермонтова с юности. Мережковский подводит итог своих размышлений об этом:

«Не совсем человек — это сказывается и в его отношении к смерти. Положительного религиозного смысла, может быть, и не имеет его бесстрашие, но оно всё-таки кладёт на личность его неизгладимую печать подлинности: хорош или дурён, он, во всяком случае, не казался, а был тем, чем был. Никто не смотрел в глаза смерти так прямо, потому что никто не чувствовал так ясно, что смерти нет.

Кто близ небес, тот не сражён земным.

Когда я сомневаюсь, есть ли что-нибудь кроме здешней жизни, мне стоит вспомнить Лермонтова, чтобы убедиться, что есть. Иначе в жизни и в творчестве его всё непонятно — почему, зачем, куда, откуда,— главное, куда?»

Итак, вкратце подытожим.

Вл. Соловьёв, в своём мистическом созерцании, настойчиво демонизирует Лермонтова.

Д. Мережковский, хотя и спорит с ним, вроде бы защищая поэта, но считает Лермонтова сверхчеловеком, что в общем-то одно и то же с «демоном».

В. В. Розанов, тот мистических определений сторонится, но, по сути, подтверждает то же самое: *не наш, не земной*.

Д. Андреев забредает в такие мистические глубины, где чёрт ногу сломит...

Кто прав? насколько всё это верно? — Бог знает.

Но что-то ведь каждый из них — открывает в Лермонтове!..

Как мне кажется, довольно даже того, что именно Лермонтов вызывает у них все эти чувства, мысли и прорицания.

Филолог Пётр Перцов не взлетал в эти весьма туманные запредельные сферы мистических созерцаний, откровений и интуиций,— он твёрдо стоял на земле. Не вдаваясь в сферы загадочного и необъяснимого, он передаёт своё непосредственное мыслечувство:

«Лермонтов — лучшее удостоверение человеческого бессмертия. Оно для него не философский постулат и даже не религиозное утверждение, а простое реальное переживание. Ощущение своего «я» и ощущение его неуничтожимости сливались для него в одно чувство. Он знал бессмертие раньше, чем наступила смерть».

... Но сама мистика, разве она не окружала, как мерцающее, светящееся каким-то непостижимым светом облако, самого Лермонтова? Разве она не «липла» к нему?.. Странные пророчества пронизывают его судьбу — и в первую очередь они касаются России.

Год рождения: 1814-й.— Ровно через сто лет началась первая мировая война, которая привела к падению монархии в России и к разрушительной революции.

Год смерти: 1841-й.— Снова ровно через сто лет началась самая страшная для русских война, которую назвали Великой Отечественной. А в 1991-м, в год 150-летия со дня смерти поэта, рухнул преемник Российской империи — Советский Союз.

Тут невольно задаёшься вопросом: что нас ожидает в 2014-м году и в году 2041-м? Не грядут ли новые исторические катастрофы и катаклизмы?

Поэт — сердце нации, её символ. Когда поэта убивают, попадают в самое сердце народа.

Гибель двух величайших русских поэтов, Пушкина и Лермонтова, случившаяся чуть ли не подряд, с разницей всего в четыре года,— разве она не была страшным знаком для всей страны...

Пушкина убил француз, иностранец. Иначе: русского, «наше всё»,— убил Запад.— Символ!.. Урок, чтобы всему народу остеречься, не погибнуть, не утерять свою самобытность.

Лермонтова убил — русский. Своего — «свой». И это символ, скорее — пострашнее прежнего. Разве это не прообраз гражданской бойни, самоуничтожения нации...

Когда такие поэты насильственно погибают, есть над чем задуматься, чтобы понять смысл происшедшего и помнить его всегда. Но кто же задумался, кто понял, разгадал эти вещие символы грядущих потрясений?.. Не потому ли до сих пор идёт и продолжается то, что, казалось, бы так очевидно прочитывалось в этих двух событиях? — Запад уничтожает Россию, уже и не скрывая своей цели,— и сама она, разделившись в себе, уничтожает себя.

К известному и до сих пор удивляющему всех стихотворению «Предсказание» (1830) Лермонтов сделал позднейшую приписку: «Это мечта». В те времена под «мечтой» понимали «видение», «фантазию». Фантазия — всё же, скорее, игра ума и воображения — здесь же нечто большее:

Настанет год, России чёрный год,
Когда царей корона упадёт;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жён
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мёртвых тел
Начнёт бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймёшь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нём,
Как плащ его с возвышенным челом.

Если вспомнить, что поэту неполных шестнадцать лет и что, как бы он ни был умён, образован и чуток, что бы ни прочёл о зверствах французской революции 1793 года и каких бы рассказов ни наслушался о пугачёвщине и холерных бунтах 1830 года, всё равно этого вряд ли хватило бы на создание такой жестокой картины будущего в России.— Тут и становится понятно: Лермонтову открылось — *виденье*.

Вл. Даль толкует *виденье* как привиденье, явление грёзы во сне и наяву, образы неплотские, зримые духом; мару, мороку. В Полном церковно-славянском словаре толкование шире: необыкновенное явление во сне или наяву; созерцание, умозрение; и наконец: «*виденьем* называется один из способов, посредством которых Бог сообщал пророкам Свою волю, иногда это слово обозначает все способы откровения».

Итак, это ещё — *откровение*.

Юноше-поэту открылось будущее отчизны — и он, внешне бесстрастно, не обнаруживая своих чувств, записывает своё пророческое виденье.

Лермонтову, возможно, были известны замыслы декабристов про убийство царя и его семьи — хотя свидетельств о том нет. Но в «Предсказании» ни намёка о декабристах: тут речь о восстании «черни», под которой можно понимать всю чернь — и в народе, и в дворянстве.

Чёрный год — чернь — мощный человек: «И будет всё ужасно, мрачно в нём, / Как плащ его с возвышенным челом»...

Тиран, свергший царскую корону, видится Лермонтову в образе, очень напоминающим Наполеона. (Ну, это, конечно, под впечатлениям от прочитанного и своих собственных дум.) — В России 1917 года, то есть спустя почти век, *виденье* Лермонтова предстало уже в действительности, с поразительной точностью, разве что «возвышенное чело» оказалось банальным плешивым черепом, а романтический плащ обернулся заштатным чиновничьим костюмчиком с жилеткой. Да и *чёрный год* растянулся на года, если не на десятилетия, и был ещё чернее, чем в предсказании юного пророка...

Виденье и *провидение*...

Такие близкие, по корню, слова, обозначающие тонкие, почти неуловимые материи... *Провидеть* — предвидеть, видеть и знать наперёд, по соображенью, по догадкам, или видеть в духе, в ясновидении, или силой высшею, всеведеньем; прозревать, проразумевать, проникать в сокрытое, тайное, будущее,— как толкует Вл. Даль.— Какое пространство духа открывает в *виденье* приставка «про»!..

В письме к Марии Лопухиной от 2 сентября 1832 года Лермонтов просто замечает: «Вот ещё стихи, которые сочинил я на берегу моря» — и, без заголовка, переписывает свой «Парус». Видел он тогда, на берегу Финского залива, или не видел чью-то одинокую лодку под парусом,— он провидит в этом образе всё своё существо, всю свою собственную судьбу... И адресат его отнюдь не случайный — и настроение духа, обычно весёлое, в этот раз другое — обострённое переживаниями и мыслями, взволнованное. Недаром несколькими строками позже он добавляет в постскриптуме:

«Мне бы очень хотелось задать вам небольшой вопрос, но не решаюсь написать. Коли догадываетесь — хорошо, я буду доволен; а нет — значит, если бы я и задал вопрос, вы бы не могли на него ответить.

Это такого рода вопрос, какой, быть может, вам и в голову не приходит».

Но Мария Александровна разгадала, о чём, вернее, о ком речь.— О её младшей сестре Вареньке без слов спрашивал Лермонтов, полагаясь на волю судьбы — и всё наперёд рассказав о себе в своём новом стихотворении «Парус». 12 октября 1832 года Мария Лопухина отвечала:

«Поверьте, я не потеряла способности угадывать Ваши мысли, но что мне Вам сказать? Она здорова, вид у неё довольно весёлый, вообще же её жизнь столь однообразна, что даже нечего о ней сказать,— сегодня похоже на вчера. Думаю, что вы не очень огорчитесь, узнав, что она ведёт такой образ жизни, потому что он охраняет её от всяких испытаний; но я бы желала для неё немного разнообразия... Ну что же? Угадала ли я Ваши мысли? То ли это удовольствие, которого Вы от меня ожидали?»

Удовольствие было, разумеется, но... только вот *парусу одинокому* недоставало — *струи светлей лазури* и *луча солнца золотого*: он *просил бури*...

Виденье как таковое, без всякого сомнения, всерьёз занимало и волновало Лермонтова. Обнаружив эту созерцательную способность в себе, он однажды словно бы отстраняется от этого явления в самом себе, выходит из-под его обаяния — и рисует его «двойной» портрет: *виденье в виденье*. (Это повторится в позднем его шедевре «Сон» — «В полдневный жар в долине Дагестана...», где ему привидится сон во сне.) А пока речь — о стихотворении «Чаша жизни»:

I

Мы пьём из чаши бытия
С закрытыми очами,
Златые омочив края
Своими же слезами;

II

Когда же перед смертью с глаз
Завязка упадает,
И всё, что обольщало нас,
С завязкой исчезает;

III

Тогда мы видим, что пуста
Была златая чаша,
Что в ней напиток был — мечта,
И что она — не наша!

(1831)

Человеческая жизнь — как одно непрерывное виденье — «мечта», и она «не наша».— Не наша — но чья же? Не иначе, это — провидение о нас. А провидение — это промысл Божий: согласно церковному толкованию, попечение, властительство, распоряжение; попросту — воля Божия.

Православное понимание *промысла* — действие премудрой и всеблагой воли Божией, которая благим целям, всякому добру вспомоществует, а возникающее чрез удаление от добра зло пресекает и обращает к добрым последствиям.— В контексте же, в самой интонации лермонтовского стихотворения нет и намёка на что-то хорошее, доброе, чего бы он ожидал в будущем: ощущение пустоты жизни и всех её обольщений, жёсткое, безрадостное понимание своей невластности над судьбой, но и, одновременно, принятие всего, что сулит воля Божия или рок.

По мнению писателя Александра Дружинина, «последний загадочный год в жизни Лермонтова, весь исполненный деятельности,— сокровище для внимательного ценителя, всегда имеющего наклонность заглядывать в «лабораторию гения», напряжённо следить за развитием каждой великой судьбы в мире искусства».

Всё это поняли многие — но потом, когда были изданы все стихи 1841 года...

Предчувствие ли смерти обостряло его дар?.. Могучие творческие силы рвались ли на свет Божий, торопясь проявиться?..

Записная книжка, подаренная Владимиром Одоевским поэту в дорогу, осталась незаполненной, но она почти сплошь исписана шедеврами.

Василий Розанов заметил:

«Как часто, внимательно расчленяя по годам им написанное, мы с болью видели, что, отняв только написанное за шесть месяцев рокового 1841 года, мы уже не имели бы Лермонтова в том объёме и значительности, как имеем его теперь. До того быстро, бурно, именно «вешним способом» шло, подымаясь и подымаясь, его творчество... Если бы ещё полгода, полтора года; если бы хоть небольшой ещё пук таких стихов... «Вечно печальная» дуэль!»

Ещё... да *таких*...

Будто бы мало поэт нам оставил, что успел в свои неполных двадцать семь лет...

Его называли промелькнувшим метеором...— какой там метеор — Вселенная! Непомерной глубины, таинственности, сверкающая ясными звёздами, которым светить и светить, не тускнея от времени.

Конечно, ранняя смерть гения похожа на недопетую песню, ей бы ещё внимать и внимать, без конца и без края. Но жизнь и смерть — неведомы своими законами.

Константин Леонтьев однажды жёстко сказал:

«Впрочем, ведь все умирают вовремя, хотя у одних эта *телеологическая* своевременность заметнее, чем у других. Можно бы целую книгу написать об этом: почему Пушкин и Лермонтов убиты были вовремя? Зачем Скобелеву нужно было так рано погибнуть? Почему Наполеон I прожил достаточно, а самый даровитый из его сверстников и соперников, более его *благородный, более его добросовестный и более умеренный,* Hoche (Гош) — умер так рано и случайно от какой-то горячки? Гош не пошёл бы в Москву и на острове св. Елены не умер бы!

А это было нужно!»

В другой раз Леонтьев, в письме к Афанасию Фету по случаю его юбилея, обронил другую неожиданную мысль:

«... Лермонтов был полезен покойному теперь Мартынову разве только тем (духовно), что Мартынову приходилось не раз молиться и служить панихиды по рабе Божием *Михаиле*. Люди без вкуса и до сих пор у нас находят, что ваша поэзия бесполезна, ибо из неё сапог не сошьёшь».

Однако что нам до духовного воспитания Мартынова и до телеологической, то бишь целесообразной, своевременности!.. Всё равно, всё уже зная и всё вроде бы понимая, будешь невольно сожалеть о гениальном поэте, убитом на взлёте его духа и таланта.

Розанов *теплее*: «вечно печальная дуэль»!..

Лермонтов «попрощался» с Петербургом и стихами: по предположению П. Висковатова, вскоре после того как дежурный генерал Клейнмихель вызвал его к себе и вручил предписание Бенкендорфа в сорок восемь часов покинуть столицу, поэт написал:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Если вспомнить, как он, оскорблённый, метался раненным львом в кабинете Краевского, версия биографа кажется весьма правдоподобной: тот же стих, «облитый горечью и злостью», что и в последних шестнадцати строках стихотворения на смерть Пушкина.

Однако вот загадка — опять загадка! — подлинника этого произведения не сохранилось: один его вариант печатался, десятилетия спустя, с примечанием: «Записано со слов поэта современником», другой — с припиской: «Вот ещё стихи Лермонтова, списанные с подлинника».

С «*преданным* народом» (в списках были варианты: «*покорный* им народ», «*послушный* им народ») литературоведы постепенно разобрались: В. В. Виноградов точно истолковал эпитет как «отданный во власть, предоставленный в распоряжение кого-нибудь» — строку, конечно, следует понимать как: «И ты, им отданный во власть народ», а не иначе. Но вот эпитет «немытая» по отношению к России — кажется отнюдь не лермонтовским определением. Не мог он написать «грязная, неопрятная» — о Родине, даже если и был крайне взбешён властными «господами» царского двора.

Тем не менее как раз-таки этот уничижительный эпитет не вызывает никаких сомнений у лермонтоведов, хотя он совершенно не в *его духе*.

Т. Г. Динесман, автор статьи об этом стихотворении в Лермонтовской энциклопедии, например, буквально упивается сомнительным определением: «Слова «немытая Россия» закрепились в сознании мн. поколений рус. людей как афористич. выражение бедственного состояния родины».

Позвольте, русские люди во многих поколениях хорошо знают о бедственном состоянии своей страны, но родина для них *мать*, а мать русские люди никогда не называли «грязной», и никакая афористичность этого не изменит.

Не подменил ли кто-нибудь из переписчиков с «подлинника» о д н о лермонтовское слово (стихотворение напечатано только в 1887 году), дабы устами любимого народом поэта сказать нечто нехорошее про его родину, которую сам Лермонтов по-настоящему любил? Недругов — во все времена (а в наше время их только прибавилось) — у Лермонтова водилось немало, а уж в 80-е годы Х1Х века ненавистников России среди «своих» больше, чем надо, развелось: достаточно вспомнить «Бесов» Достоевского. Разве не могли они, пользуясь случаем, запустить в бочку мёда свою ложку дёгтя, метя и в Россию, и в того, кто был ей так верен?

«Оскорбительно-дерзкое и вместе с тем проникнутое душевной болью определение родной страны («немытая Россия») представляло собой исключит. по поэтич. выразительности и чрезвычайно ёмкую историч. характеристику, вместившую всю отсталость, неразвитость, иначе говоря нецивилизованность современной поэту России»,— подводит «базис» под свою трактовку Динесман.

Вот только почему-то учёному человеку не приходит в голову, что за Лермонтовым *никогда* не замечалось оскорблений в адрес родины. Болеть душой за неё — болел, дерзить власти — дерзил, но страну свою ни разу — ни до, ни после — не оскорблял. К тому же филолог — не странно ли! — видит в слове, имеющем оттенок брезгливой гадливости, какую-то якобы «исключительную поэтическую выразительность». Что касается до «чрезвычайно ёмкой исторической характеристики», то это откровенная чушь: речь в стихотворении больше о «мундирах голубых», то бишь жандармах, охранке, нежели о «нецивилизованности».

В последний год жизни Лермонтов много думал о судьбе России. Свидетельство этому не только «замышленная» трилогия из трёх эпох, его стихи («Спор» и другие), но и отдельные, сохранённые мемуаристами его высказывания. Так, Юрию Самарину он сказал: «Хуже всего не то, что известное количество людей терпеливо страдает, а то, что огромное количество страдает, не сознавая того». Тут боль за страну, за народ, добрый и простодушный, вверенный лукавой власти, но уж никак не упрёк, что родина «отстала и неразвита». И самое главное: одна из последних записей в книжке, подаренной Одоевским, гласит:

«*У России нет прошедшего; она вся в настоящем и будущем*.

Сказывается сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем двадцать лет и спал крепко, но на двадцать первом году проснулся от тяжкого сна, и встал, и пошёл... и встретил

он тридцать семь королей и *семьдесят* богатырей, и побил их, и сел над ними царствовать.

Такова и Россия».

Тут вера в Россию, в её богатырство — и никаких стенаний про «отсталость, неразвитость, иначе говоря нецивилизованность».

Кстати, уж чего-чего, а «цивилизованность», такую, как, например, французскую, Лермонтов не переносил, с молодости смеялся над ней и в жизни, и в стихах. Для России же он желал — *самобытности*, понимая, чем грозит «уравниловка» западной цивилизации. Литератор Ф. Вигель недаром обозвал поэта *руссоманом,*— и это непреходящее качество Лермонтова было всем хорошо известно. Поэт любил родину *странной любовью*, но и в этом чувстве ничего сомнительного: так, с рождения, оно глубоко было в нём, что и рассудок не мог достать до корней...

В притче поэта о судьбе России, записанной среди последних стихотворений, наверное, и говорится о вере в этот высший идеал.

Николай Васильевич Гоголь в статье «В чём же наконец существо русской поэзии» высказывает обобщающее наблюдение на эту тему:

«По врождённой наклонности к национальному, по сильной любви к родине своей, по нерасположению своему к европеизму и глубокому религиозному чувству... Лермонтов был снабжён всеми данными для того, чтобы сделаться великим художником того литературного направления, теоретиками коего были Хомяков и Аксаковы, художником народническим, какого именно недоставало этой школе».

Пётр Перцов в своём заключительном афоризме о поэте сказал:

«Если по слову Лермонтова, «Россия вся в будущем», то сам он больше, чем кто-нибудь, ручается за это будущее».

... А что до эпитета «немытая», то почему, например, я, читатель, должен верить каким-то записывателям и переписчикам, а тем более каким-то толкователям? — Я верю Лермонтову!

«Лермонтов — загадка: никому не даётся. Зорька вечерняя, которую ничем не удержишь: просияла и погасла».

Эти чудесные слова — из дневника Сергея Дурылина.

Зорькой вечерней просияла и жизнь поэта — и никому на свете, даже ему самому, её было не удержать.

Закатная зорька далеко разбрасывает лучи, окрашивая своим светом небо, летящие облака. Так и гений: может, и сам о том не догадываясь, высвечивает своим отлетающим духом суть прожитого, перечувствованного.

Он ещё не уверен, что это — прощание, и только душа в неизмеримой глубине, догадывается об этом и находит для своего выражения единственные слова.

ВЯЧЕСЛАВ УЛИТИН

НИКОЛАЙ РУБЦОВ И ДЕТИ

А «проходят» ли сегодня в школе русского поэта Николая Рубцова? Читают ли его стихи детям, особенно в начальных классах? Владимирский поэт Вячеслав Улитин решил сосредоточить внимание читателей на той части наследия поэта, которую очень редко затрагивают и литературоведы, и публицисты.

Родился Николай Рубцов в Емецке, большом селе, что стоит у впадения реки Емцы в Северную Двину, в 1936 году. Погиб поэт в 1971 году во время крещенских морозов, как сам себе напророчил в стихах. Но, увы, не от бандитской пули или смертельной болезни, а от руки... женщины, пишущей стихи. Мне довелось прочитать её вирши, грамотные, но злые. Эта демоническая дама, гордясь знакомством с талантливым поэтом, оправдывает своё преступление...

Впрочем, для поэта смерти не существует. Помните у Ахматовой: «Смерти нет — это всем известно». Поэт продолжает жить в своих стихах, порой даже более интересной жизнью. Читая как-то стихи Рубцова внукам, я обнаружил их живой, неподдельный интерес к ним. Подумалось: а не пора ли издавать книги для семейного чтения, куда могли бы войти и детские стихи Николая Рубцова? Внимательные глаза, слух, яркая реакция внуков сделали меня как бы первооткрывателем удивительных строк, которые сам поэт не выделял в своей «взрослой» поэзии. С тех пор так и видится, представляется мне большая книга для детей. Праздничная, с разноцветными иллюстрациями-картинками, которые в тёплой атмосфере дома можно рассматривать; разглядывать, например, ворону с чёрным солнцем на груди... Озябшую, наволгшую от метели и мороза. Обиженного медведя, упрямую козу и такого трусливого зайца. А ведь когда-то заяц почитался в русском народе. Помню, когда я преподавал в начальной школе, спрашивал детей: «Почему уши у зайки длинные?» и слышал в ответ: «Он Богу внимает. Заяц — лесной ангел...»

— Спасибо за ответ,— говорил я и ставил любимую отметку в журнал: пятёрку с крылышками.

До сих пор жаль, что не успел я провести уроков на тему «Божия тварь в поэзии Николая Рубцова». Какие бы весёлые, праздничные получились уроки! Николай Рубцов — натура странническая, бродяжья. Много всего повидал он на свете и понял, что мир справедливый, как у доброго Фили в одноимённом стихотворении. Это мир Божий, а в нём не может быть несправедливости, ибо мир задуман Творцом совершенным, по плечу и человеку, и божьей твари. Хотя и есть в нём необходимый крест. Таково народное приятие бытия, которое присуще было и поэту Рубцову. Божию

тварь он жалеет всем сердцем. О том и стихи: «Жаль мне доброе поле,/ Жаль простую избушку,/ Жаль над омутом старую ель.../ Что ж так жалобно плачет/ На болоте кукушка?/ Что ж не спит по ночам коростель?»

Читая стихи Рубцова внукам, я выделил небольшой цикл — совсем старчески-мудрый. И сквозь призму детских стихов я совсем по-другому взглянул на поэзию Рубцова в целом. На его лирику, например,— контекст её изменился в сторону народной софийности, жертвенного приятия креста, даже для традиционного в нашем Отечестве старчества.

«А в Оптиной мне больше не бывать»,— трагически воскликнула Анна Ахматова. Но Оптина пустынь вошла в плоть её поэзии и русской культуры. Так и в стихах Николая Рубцова мне видится мудрая улыбка оптинского старца Амвросия: «В медведя выстрелил лесник./... За что его убить хотели?»

Живая вода русской литературы окропила Рубцова через пушкинскую «Сказку о медведихе» — стихотворение, так любимое Ф.М. Достоевским. Это эстафета спасительной поэзии, суть нашей русской ментальности.

А вот как поэт пишет про зайца: «Заяц в лес бежал по лугу,/ Я по лесу шёл домой, / Бедный заяц с перепугу/ Так и сел передо мной!/ Так и обмер, бестолковый,/ Но, конечно, в тот же миг/ Поскакал в лесок сосновый,/ Слыша мой весёлый крик./ И ещё, наверно, долго/ С вечной дрожью в тишине/ Думал где-нибудь под ёлкой/ О себе и обо мне./ Думал, горестно вздыхая,/ Что друзей-то у него/ После дедушки Мазая/ Не осталось никого».

Стихотворение читается весело — мы ясно видим, как скачет заяц, перепуганный, потрясённый. Но этот же думающий заяц пронзает нас мыслью: а не исчезла ли совсем милость в этом жестоком мире? А ведь и правда, деятельная милость дедушки Мазая, такая трогательная в поэме Некрасова, осталась ли сейчас? Где эти добрые белобородые, улыбчивые дедушки? Бескорыстные, православные, делающие добро по естеству своему, а не ради пиара или коммерческой выгоды.

Много сейчас пишется об истощении любви между людьми. А любовь-то как раз начинается с милости, и это огромный духовный труд, даже подвиг. Яркий пример — отношение к детям. Сплошь и рядом многодетные мамы слышат: «Нарожали тут...» Некоторые родители детей начали заводить как домашних животных, а те, кто их любит, чуть ли не дураки. И что уж тут говорить о насилии над детками, надругательствах! Причём зараза эта приходит к нам с просвещённого Запада, который и учит нас «свободе», а по нашей российской традиции — распущенности.

Но вернёмся к замечательному нашему поэту Николаю Рубцову, в стихах которого русская жизнь исполнена великого смирения, терпения, светлого стоицизма. Перечитайте его стихотворение «Русский огонёк», где женщина-крестьянка, одиноко сидящая в опустевшей после войны избе, задаёт страннику извечный наш вопрос: «Скажи, родимый, будет ли война?» — и он отвечает: «Наверное, не будет». Наверное, потому что знает, как полна тихая его родина смут, катаклизмов. Чуткая душа поэта позволяет ему заглянуть далеко вперёд, как и великим его предшественникам: Достоевскому, Ильину, Евг. Трубецкому. И вот она, война, уже идёт в наши дни. Может быть, самая страшная в истории России. Её зловещие стрелы направлены на самые глубины души человеческой.

И всё-таки в этом «наверное» есть надежда, светло-печальный её мотив. В детских стихах поэта нет советского бодрячества, они философски мудры и серьёзны, как рассказы Андрея Платонова — гениального русского писателя: «Ласточка носится с криком./ Выпал птенец из гнезда,/ Дети окрестные мигом/ Все прибежали сюда./ Взял я осколок металла,/ Вырыл могилку птенцу,/ Ласточка рядом летала/ Словно

не веря концу!/ Долго носилась, рыдая, / Под мезонином своим…/ Ласточка! Что ж ты, родная,/ Плохо смотрела за ним?»

Какая суровая укоризна матери слышится в этих строках! И такое большое горе! Дети, прочитав это стихотворение, запомнят его урок как некий завет: беречь своих детушек. Вот и прочитать бы такое стихотворение в школе, на уроках, посвящённых семье. Ведь семья — это малая церковь, и только она способна спасти общество, весь социум. Именно с точки зрения спасения, думаю, нужно смотреть сегодня на семью!

В стихах Рубцова постоянно звучит великая нежность к детям, нескрываемая ностальгия по семье (он ведь рос сиротой, в детском доме).

… Я не мог не посетить скромной могилы Николая Рубцова, когда мы с моим другом приехали в Вологду. Вместе с батюшкой из Спасо-Дмитриева-Прилуцкого монастыря отслужили панихиду. Горячо помолились об упокоении души поэта. Птицы летали над нами, и, казалось, не случайно собрались они на радостный пир поминовения. Потом была встреча с поэтом на пристани у реки Вологды. Стоял он в коротком пальто (такое и я носил в своей юности) с развевающимся клетчатым шарфом, свободный и недосягаемый для мирской суеты. На плече сидела ворона, которую он когда-то так искренне пожалел: «Вот ворона сидит на заборе./ Все амбары уже на запоре,/ Все обозы прошли, все подводы./ Наступила пора непогоды./ Суетится она на заборе,/ Горе ей. Настоящее горе!/ Ведь ни зёрнышка нет у вороны/ И от холода нет обороны…»

Посчитайте, сколько «о» в этом стихотворении! Настоящее голошение, вселенский плач. По вороне? По России?..

ИГОРЬ ДЕОРДИЕВ

И НЕ ПРЕРВЁТСЯ СВЯЗЬ ВРЕМЁН

(о творчестве поэта Николая Рачкова, постоянного автора нашего альманаха)

Главной задачей поэтов России на сегодня является возрождение духовности общества, уважающего свою Отчизну и её традиции, чувствующего гордость за великое прошлое. Очень печально, когда поэт говорит о важном на дилетантском уровне и лишь вызывает скептическую улыбку у сомневающегося во всём читателя, который думает, что если они такие, то мне с ними — не по пути... Поэтому так необходимы поэты-профессионалы, любящие Родину, знающие цену слову и вкладывающие душу в свои творения. Их стихи могут стать теми «знамёнами», с которыми народ пойдёт в своё светлое духовное будущее.

При встрече известный петербургский поэт Николай Рачков подарил мне свой недавно вышедший сборник стихов «Летящие в пламени». Придя домой, я открыл книгу и зачитался... Ушёл в мир прекрасных звуков, образов и чувств. Профессиональная поэзия всегда завораживает и восхищает своею чёткостью и музыкальностью, своим особым углом зрения на избитые представления о былом и современном, свежестью мироощущений и мудрой оценкой всего, что произошло, происходит и будет происходить...

Хочу поделиться своими рассуждениями и эмоциями по поводу прочитанного. Быть может, данная статья подтолкнёт многих к поиску и приобретению книг стихов русского поэта, которые займут на книжных полках равное место в ряду прославленных имён классиков. Если оценить тематическую направленность стихов, то можно сказать, что он одинаково успешно работает во многих жанрах: философия, природа, быт, гражданская поэзия, любовная лирика... Поэту мастерски удаётся раскрашивать сюжетную линию своих творений точными образами и разнообразными художественными средствами, причём делается у него всё к месту, без нарушения логики и динамики произведения, с глубокой духовностью и прекрасной мелодикой:

Люблю я месяца сиянье
Над снежной россыпью берёз.
И расстоянье, расстоянье —
Ослепшее от слёз и гроз.

Кому-то — синих гор верхушки...
А мне милее всё равно

В твоей полночной деревушке
Слезой сверкнувшее окно...

Я уверен, каждый думал о чём-то похожем, но так красиво может излагать лишь настоящий поэт! Кажется, на подобные темы написано так много, что сложно не повториться, не залезть в штампы, но у Рачкова всё выглядит свежо и небанально, а его печаль и ностальгия по родному дому, вроде, так похожа на чувства большинства живущих в России. Вот ещё несколько строк на эту тему:

Я родился в деревенском домике,
Домик был и неказист, и мал.
Как букашка в золотой соломинке,
Жил я в нём и горюшка не знал...

... Бедный домик с тёплою завалинкой —
Он, пожалуй, Родина и есть.

Жизнь была тяжёлая, и бедность одолевала, но душа пела, и сердце радостно билось, потому что верили в добро и справедливость. Поэту даже казалось, что он как букашка живёт в золотой соломинке, хотя мы понимаем, что это было далеко не так. Но душа-то пела...

И колокол в ближайшей деревушке будил внутри что-то странное, величественное и воодушевляющее:

Заговорила колокольня
На всё притихшее село.
И вот в груди уже не больно,
А только грустно и светло.

А колокол тяжёлым басом
Всё говорил — раздольно, в лад.
И огненным иконостасом
Стоял над озером закат.

Сколько в этой зарисовке знакомого для русского человека. Как блестяще автор создаёт картину того времени, когда Родина и отчий дом — не были пустым звуком, и дорога к Храму не зарастала крапивой и осокой. А какой потрясающий образ сотворил Рачков в строках: «... и огненным иконостасом стоял над озером закат!!!» Вот оно — единство природы и души, мысли и чувства.

Современная жизнь «наломала дров» не только вокруг нас, но и в нас самих... Многое, можно сказать, лучшее в людях и жизненных целях утрачено и, скорее всего, никогда уже не вернётся. Носители прошлого стареют и уходят из жизни, а новые поколения пытаются извернуться и приспособиться к нынешнему существованию... Но в современном мире кому нужен простой человек и его думы, сомнения, мечты:

А сколько светлой грусти
И радости в душе.
Вы Русь не обезрусьте
На новом рубеже.

За всё, что натворили,
Что натворим и впредь,
Нас кроме как рябине
И некому жалеть...

Поэт с грустью шутит, но всё это и есть реалии сегодняшнего дня. Судьба человека и судьба народа — похожи... А жалеть нас будет лишь рябина с горьким соком ягод, который вряд ли станет для людей сладким даже после морозца. Всё-таки душе русского человека необходима надежда на лучшее будущее, гордость за прошлое Родины и за великих сынов Отчизны, добро и щедрость к окружающим, любимое дело, песня, споры лириков и физиков и многое другое, что сегодня почти утратило своё значение. Все прошлые ценности души и сердца теперь расцениваются как элементарная потеря времени и сил. А без всего перечисленного, как же нам жить дальше? Недаром в народе есть пословица: «Что имеем — не храним, потерявши — плачем».

Не забывается, помнится,
помнится
Детство в далёком, красивом краю.
Словно в груди моей
спрятана звонница,
Будит таинственно память мою...

Не поспоришь с поэтом, действительно в груди каждого русского человека есть своя звонница, которая будит память и предостерегает от самоуспокоенности и обезличивания нации. Стяжательство, равнодушие и злоба — качества, которые стали, к сожалению, развиваться и доминировать в умах населения страны. Россия большая, нас ещё много, но мы стали одиноки. Мы не слышим друг друга:

Услышь сквозь яростный прибой
Всей этой жизни бестолковой,
И он, услышанный тобой,
Надеждой озарится новой.

Он человек. Он не чужой,
В нём сердце бьётся так похоже.
Услышь другого всей душой,
И он тебя услышит тоже.

Поэт находит удивительные образы, мыслит высшими категориями истинной поэзии, и у него получаются свои миры, в которых мы живём и действуем, ошибаемся и исправляем ошибки, спешим успеть сделать больше хорошего (на наш взгляд), но чаще достигаем обратного. Рачков чуток и прозорлив, его строки необычно ярки и точно попадают в цель. Приведу очередной пример блестящей работы автора, где он представляет поле, как нашу память и совесть:

В нём — все наши радости и беды,
Пепел славы, мужество знамён.
Поле — это пращуры и деды,
Это память, это связь времён.

В мелочах забот житейских роясь,
Забываем, где добро, где зло.
Поле — это, братцы, наша совесть,
Посмотрите, вон как заросло...

В каждом стихотворении поэта чувствуется напряжённый нерв человека, ответственного за происходящее. Ему тяжела окружающая действительность. Настоящий поэт сегодня — это талантливый трудяга и боец за правду, не ищущий благ для себя, а ищущий пути к счастью и благам для Родины:

Поэту не до денег, не до крова,
И не до славы сладкой каждый раз,
Когда в душе он выплавляет слово
Старательно, мучительно — для вас.

Оно звучит таинственно и мило,
Пьянит, как виноградное вино.
Но лучше вам не знать того горнила,
В котором так оно обожжено...

Высокая гражданская позиция стихотворца радует и вызывает истинное уважение. Сегодня такой поэт, как Рачков, стране очень нужен. И мы ему благодарны за стихи, которые могут серьёзно задеть и разбудить струны души многих, пассивно живущих граждан, напомнив им о великом прошлом Отчизны, о чести и гордости русского человека. В поэтическом сборнике значительное место занимают лирические стихи, без которых любая книга будет выглядеть неполноценной. Рачков показывает себя мастером и лирического слова, а созданные им образы почти всегда красочны и глубоки, пластичны и душевны:

Ах, эта осень... Словно пьяная,
Она уходит от ворот.
И золотые, и багряные
Она с себя одежды рвёт.

Ей по природе так завещано.
Напрасно падать ей на грудь.
Уходит осень, словно женщина.
И не вернуть, и не вернуть...

Темы любви и природы во многих стихах автора переплетаются и создают прекрасный мир свежести, чистоты и взаимопонимания природы и человека. Вот, например, как оригинально поэт представляет начало зимы и ожидание чего-то нового и светлого:

Медленно кружится мягкий снежок.
Может быть, это и впрямь для поблажки.
Белые, белые к нам на лужок
Падают с неба сегодня ромашки.

Может, не зря в этот миг, в этот час
Сердце такого же чистого просит.

Может быть, это на радость для нас
Кто-то на небе их косит и косит...

Автор пишет о зиме, но так тепло и интересно, по-своему свежо и необычно... Вообще, Рачков удивительно точно чувствует, когда необходимо усилить сюжетную линию стиха своим богатым арсеналом художественных средств, позволяющих утвердить основную идею творения, сделать его более ярким и запоминающимся, чувствует, когда нужно добавить стихам лексическую выразительность и глубину образного ряда. Вот лишь несколько строк из разных стихов, которым использование гипербол, метафор, эпитетов, олицетворений и других художественных средств привносит что-то сказочное, таинственное, завораживающее и особо запоминающееся:

Над далью озера вселенской
Стоит весною птичий грай.

или:

Безбрежна, наверное, русская грусть...

или:

Клонясь направо и налево,
Зачем здесь шепчет и трава
Такие дивные напевы,
Такие чудные слова?..

или:

Словно звёзд бесконечная вьюга.

или:

Запряг своих коней февраль,
На облучок залез.
— Пошёл!.. И потемнела даль,
И закачался лес.

Строчками подобной силы и привлекательности пестрит большинство страниц поэтического сборника. А вот несколько философских строк о счастливой любви и кратковременности жизни:

Я так любил! Был весел, светел,
Как солнца луч среди ветвей.
Меня уж нет. Теперь я пепел.
Возьми, любимая, развей...

Стихи Рачкова удивляют своею непредсказуемостью и мудростью. Что-то, совершенно необычное, в его творчестве принимает иные формы и сущность, становится более значимым и важным. Мы проходим мимо василька в поле и видим просто цве-

ток, а поэт, используя возможности художественных изысков, создаёт следующие строки:

Он во ржи всегда стоит весёлым,
Он под ветром даже не прилёг...
Улыбаться солнцу, листьям, пчёлам —
Это счастье, думал василёк.

Мы часто не замечаем что-то очень нужное для нас или совершаем поступки, а потом ругаем за них окружающих и весь мир, который, по нашему мнению, к нам несправедлив.

Однако мало кто из нас способен здраво оценить свою собственную роль в происходящем. Виноваты другие... А что же мы?

Нет ничего, что всегда безупречно.
Всё изощрённей, придирчивей глаз.
Как осознать, что вначале извечно
Всё происходит не с нами, а в нас?

Рачков очень точно подмечает, что все совершённые нами поступки зачастую управляются нашей сутью, которую, в первую очередь, следует изменить, и тогда, быть может, изменится всё вокруг в лучшую сторону! Добро и справедливость станут доминировать в отношениях между людьми, возродится духовность общества и, как следствие, знаковость России, возродится вера и гордость за прошлое Родины:

Пора задуматься о вечном,
О сути истины простой.
На том же месте, по-над речкой
Пусть крест сияет золотой!
Чтоб каждый был незримо в Храме
Святой надеждой осенён.
Чтоб между предками и нами
Не прерывалась связь времён...

Сказано красиво и мудро. Листаю книгу и радуюсь. Следует один прекрасный образ за другим, одно прекрасное стихотворение за другим... Можно ещё долго говорить о стихах, восхищаться мастерством автора. Но всё имеет свои пределы. И эта статья подошла к своему концу. Много добрых слов сказано мною о талантливом авторе, и это всё от чистого сердца, здравого ума и рассудка. Хороших поэтов в России не так много, но они есть! И одним из них является прекрасный русский поэт Николай Рачков. Его стихи трогают сердце и разум, зовут к тем истинам, которые ближе всего душе русского человека.

В нынешнем году эта статья была опубликована в «Русском литературном журнале в Атланте» (США).

«ДА-ДА»? ДА!

Интервью с Татьяной Александровной Хайман, директором школы архитектуры и дизайна «ДА-ДА», заслуженным учителем Республики Татарстан, членом Союза дизайнеров России, председателем Набережночелнинской общественной организации Союза дизайнеров России «Кама-Дизайн», членом Совета председателей Союза дизайнеров России.

Как родилась идея создания школы, с чего всё началось?

В конце 80-х годов в Набережных Челнах проходила Международная конференция «Культура молодых городов» под эгидой ЮНЕСКО. Теоретик архитектуры мирового уровня Вячеслав Леонидович Глазычев дал детям задание — изобразить город будущего. Дети Челнов нарисовали прямоугольные домики с квадратными окошками. Ребята в 80-е годы вынуждены были расти в городской среде, не отличающейся многообразием, так как социальной сфере практически не уделялось внимания. Тогда и зародилась мысль о создании студии, которая могла бы воспитывать художественно-проектное мышление, формировала бы у детей новый взгляд на мир и открывала бы перед ними возможность перемен. Мы решили немедленно приступить к воплощению нашей идеи. В те годы активно работал Фонд культуры КамАЗа — творческая жизнь в городе бурлила. Тогда Вадим Исаакович Хайман и написал концепцию студии. Нам выделили совершенно мизерные деньги, которые позволили сделать первые шаги на пути создания школы. Городское отделение Союза архитекторов СССР предоставило небольшое помещение в Доме архитектора, где в то время я работала директором. Учеников искать не пришлось. В городе было много интересных творческих людей, с которыми нам часто приходилось общаться: архитекторы, художники, дизайнеры, писатели, музыканты... Именно они первыми привели своих детей в нашу студию. Собралось 45 мальчиков и девочек...

Что изменилось за эти годы?

Мы поменяли три места жительства. Из Дома архитектора переехали в соседнее здание под крыло Управления главного архитектора города. Пространства не хватало, да и количество учеников росло с каждым годом, и в 2006 году Ильдар Шафкатович Халиков, будучи мэром, способствовал выделению нам другого помещения. Мы его отремонтировали. С шести первых преподавателей-энтузиастов, которые открывали студию, коллектив увеличился до 27 человек, из которых более 70% — члены творческих союзов России, чего нет ни в одной архитектурно-дизайнерской школе

страны. Количество детей увеличилось с 45 до 500. Мы выросли из студии в школу архитектурно-дизайнерского профиля, которую знают во всех уголках России. У нас уже три поколения преподавателей: мэтры, которые всё это начинали; специалисты, которые подключились к нам в процессе работы; и совсем молодые ребята, которые пришли несколько лет назад. Все эти люди проектируют, очень много строят в городе, живут активной творческой жизнью. Масштабы изменились, а задор, желание работать — те же самые.

Почему школа называется «ДА-ДА»?

Наше название многогранно, его можно растолковать по-разному. В первую очередь, оно расшифровывается как Детская архитектурно-дизайнерская альтернатива. Плюс междометие, которое говорит о том, что мы готовы на любые предложения. Также название перекликается с существовавшим когда-то течением «дадаизм» — художники этого направления писали свои произведения с поистине детским взглядом на мир.

Какие отрасли выбирают ваши выпускники, куда поступают?

Самое главное в нашей работе — формирование художественно-проектного мышления. После нашей школы дополнительного образования более 90% детей идут в институты. Те, кто проходит все три ступени обучения, поступают по профилю «архитектура-дизайн», «мультипликация», «медиа-графика», «графика», «ландшафт», «костюм», «искусствоведение». Наши выпускники учатся и работают в Англии, Америке, Германии, Израиле, Австралии. География деятельности наших выпускников очень широка.

Участвуют ли ученики и преподаватели в благоустройстве города? Как это проявляется?

В 2000 году, когда у нас накопилось множество интересных идей, мы поняли, что нужно выходить за рамки школы. Была разработана концепция «Город — детям, дети — городу». Мы начали совместную работу с фирмой «Трим» — делали проект «100 лет кондиционеру». Тогда с нашими работами выпустили целый каталог. После этого было много проектов. Например, наши воспитанники разработали колористику строящегося 60-го микрорайона «Радужный», был спроектирован бульвар Кереселидзе. По нашим эскизам реализовалось новогоднее оформление площади «Азатлык». Мы проектировали интерьеры 80-го лицея, садиков, больниц. Сейчас наши студенты кафедры дизайна Набережночелнинского института социально-педагогических технологий и ресурсов занимаются интерьерами реконструируемых школ. Наша деятельность в городе интересна и обширна.

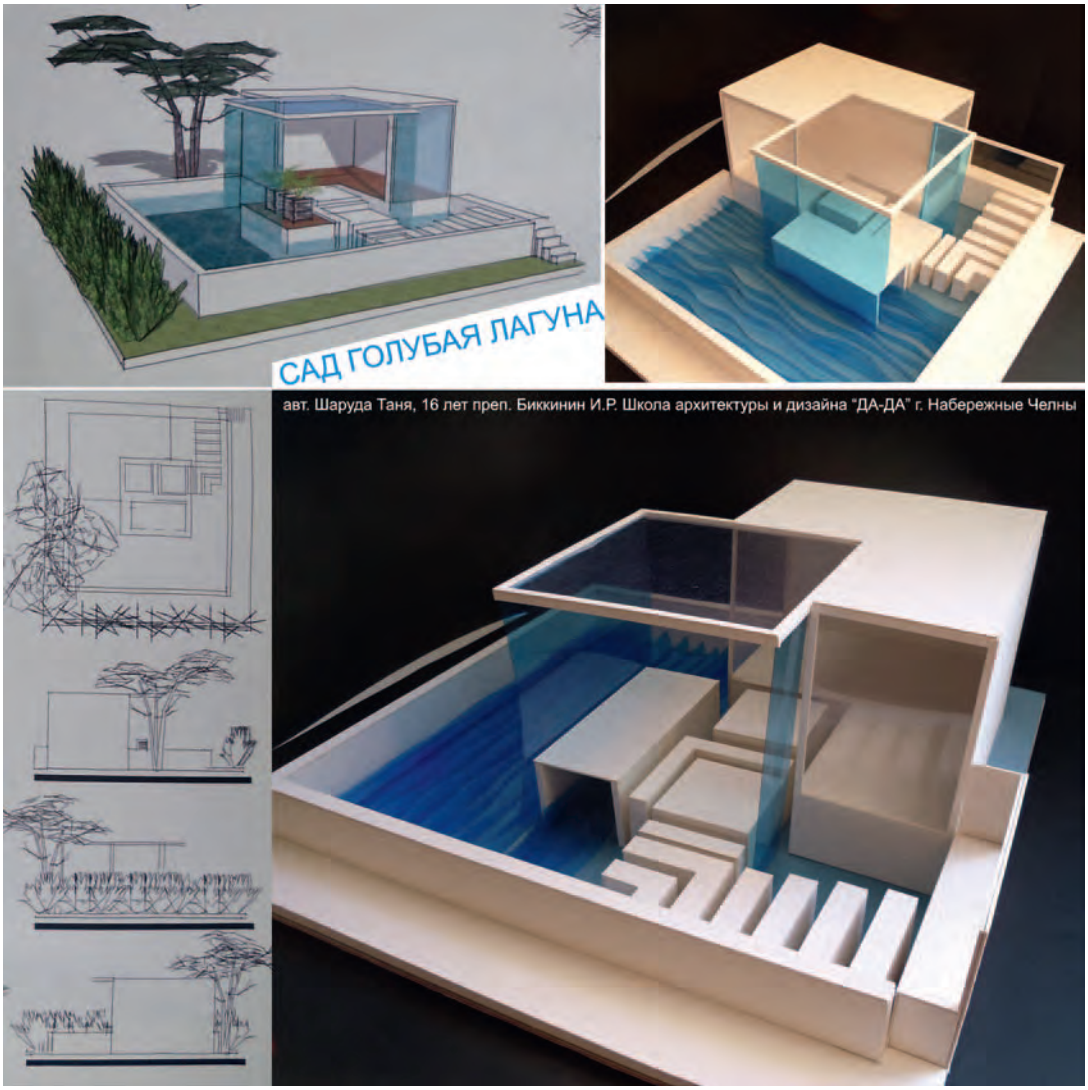
Выходит ли деятельность школы за рамки города, страны?

Дети участвуют во многих выставках и конкурсах, которые являются основными в России. В области архитектуры это Международный фестиваль «Зодчество», где наши ученики завоёвывали и бронзу, и серебро, и золото. Мы постоянно (уже 8 лет) ездим на архитектурно-дизайнерскую олимпиаду в Пензу, и там у нас есть победы. На «Виктории» мы стали лауреатами самого главного приза в Союзе дизайнеров России. Мы ездим с пленэрами за границу, привозим оттуда большие награды. Проводим республиканскую олимпиаду архитектурно-дизайнерского творчества им академика Б. Р. Рубаненко — поддерживаем молодых талантливых ребят. В общем, очень широко работаем.

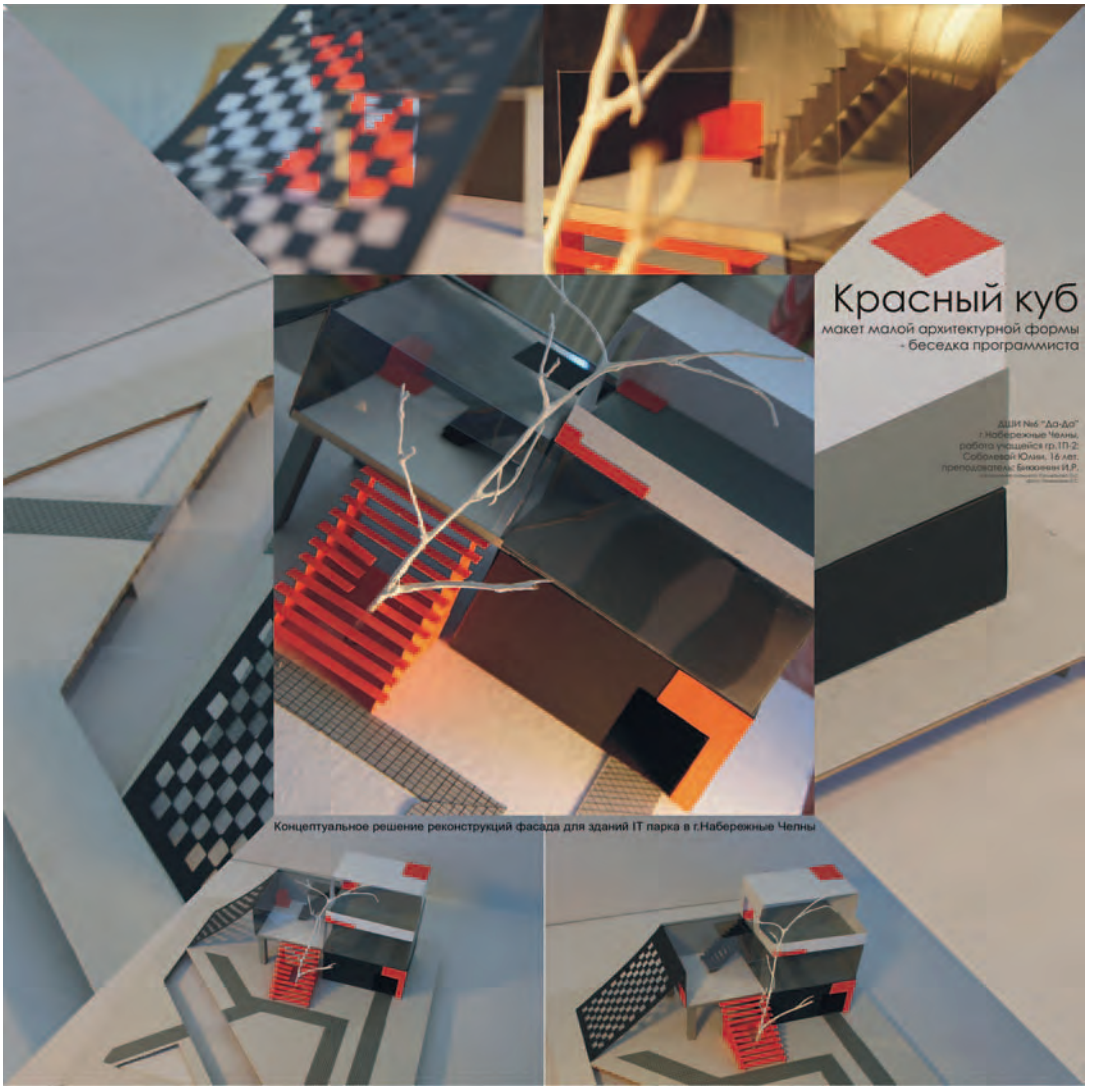
Основное направление школы — архитектура и дизайн. Тяготеют ли ваши воспитанники к живописи, классическим видам искусства?

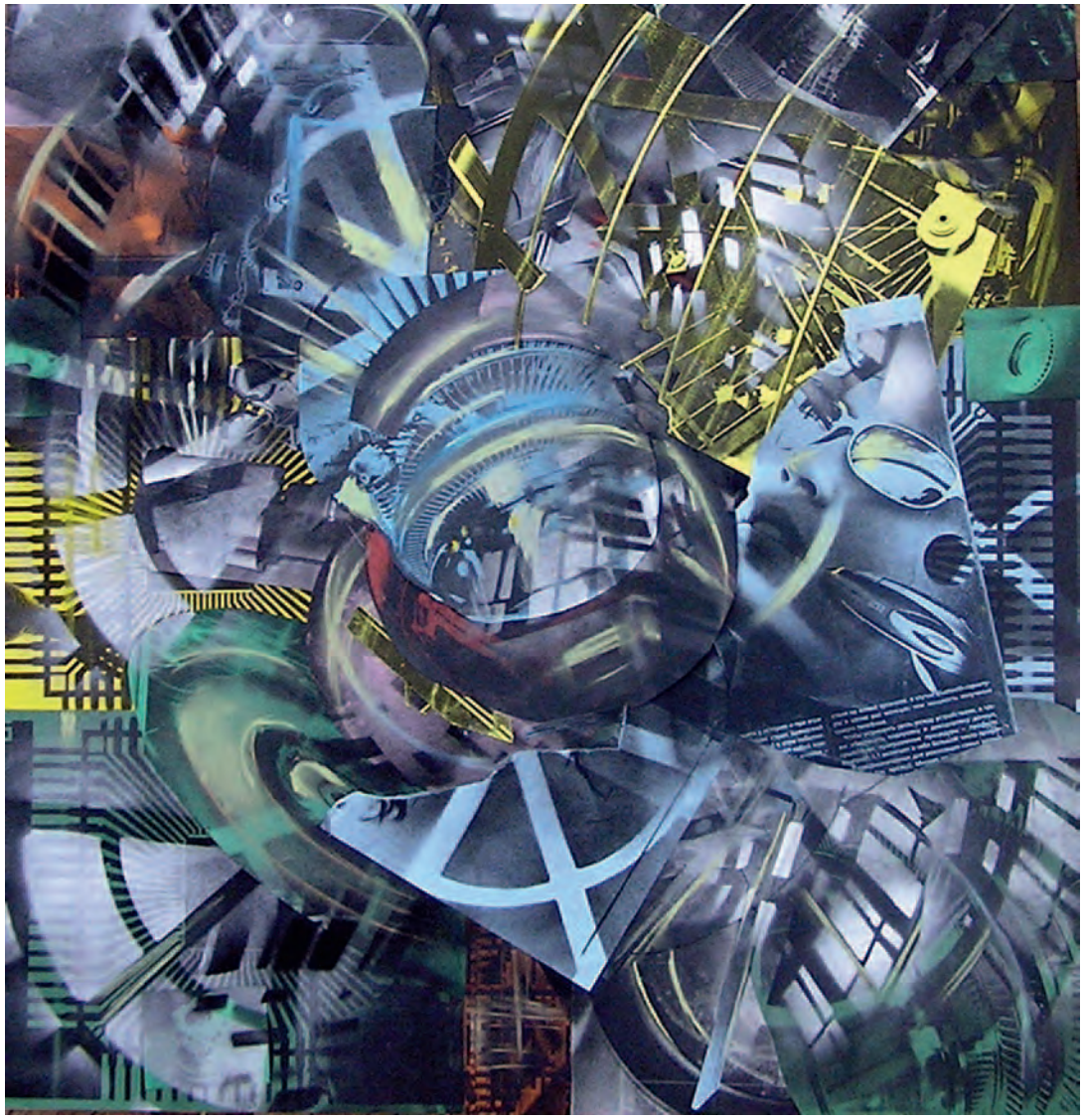
Классические виды искусства — это академический рисунок, станковая живопись, декоративно-прикладное искусство и скульптура. Иногда у нас бывают вы-

РАБОТЫ УЧЕНИКОВ ШКОЛЫ АРХИТЕКТУРЫ И ДИЗАЙНА «ДА-ДА» (НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ)



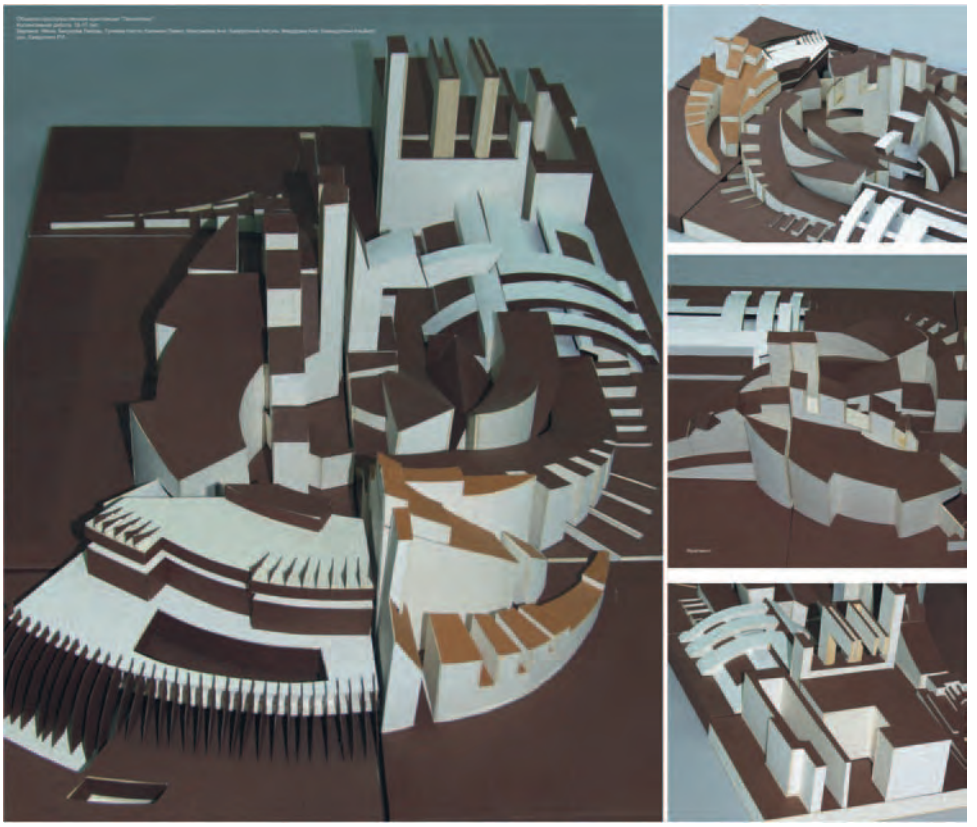
РАБОТЫ УЧЕНИКОВ ШКОЛЫ АРХИТЕКТУРЫ И ДИЗАЙНА «ДА-ДА» (НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ)

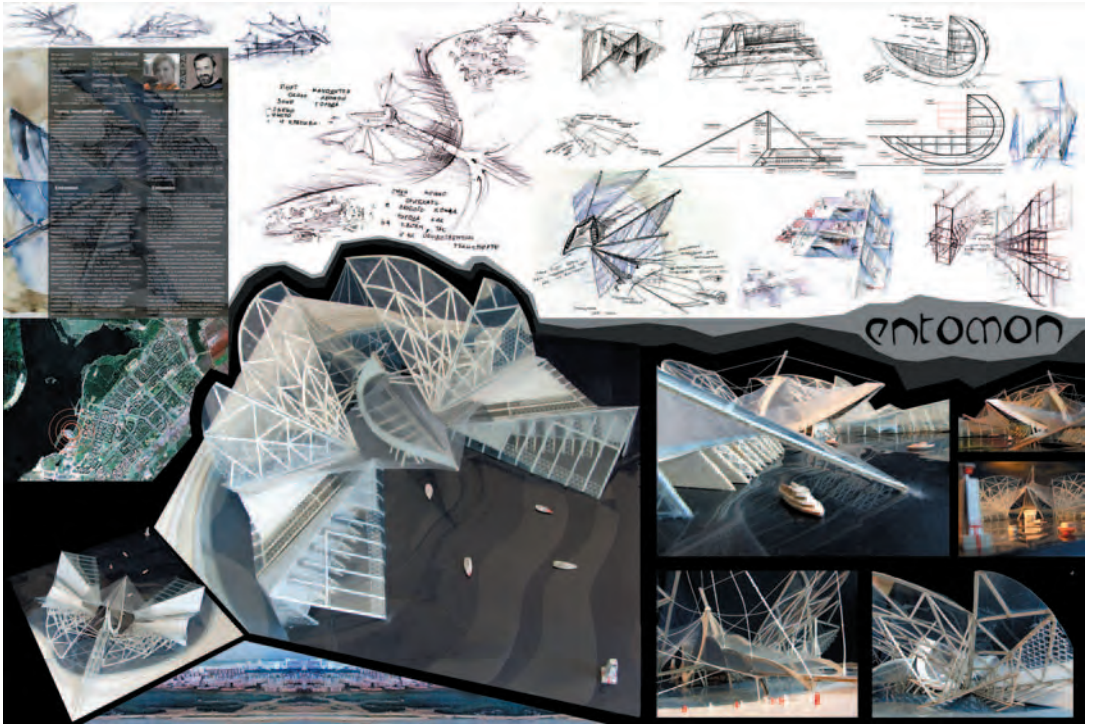


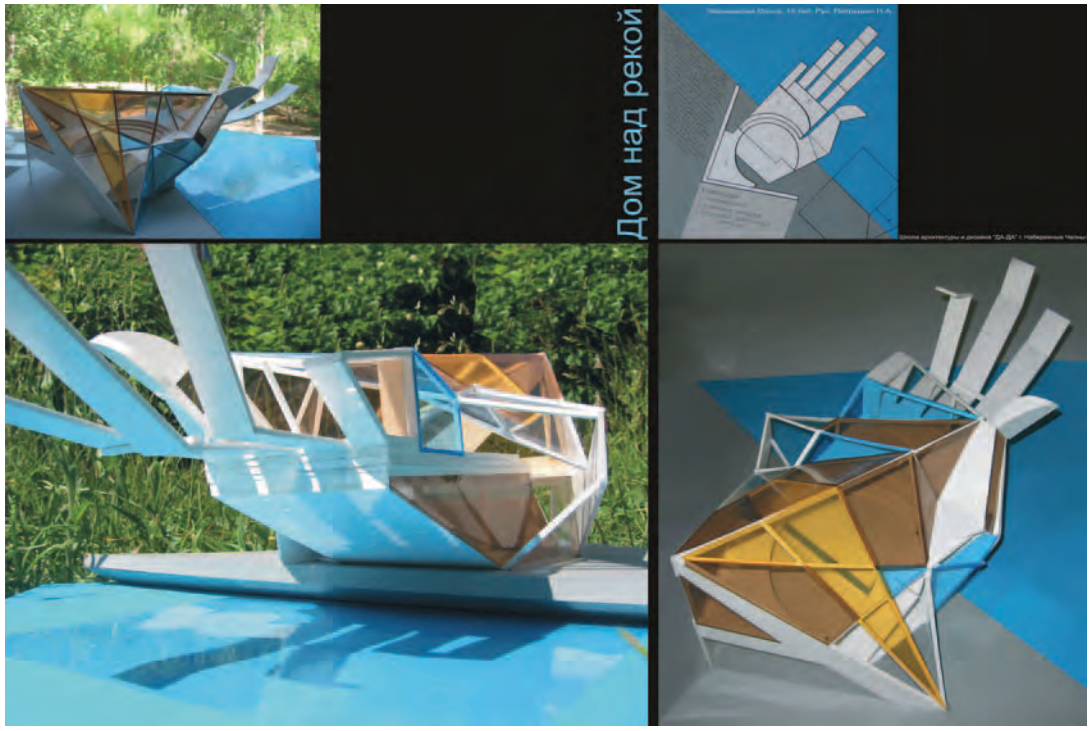


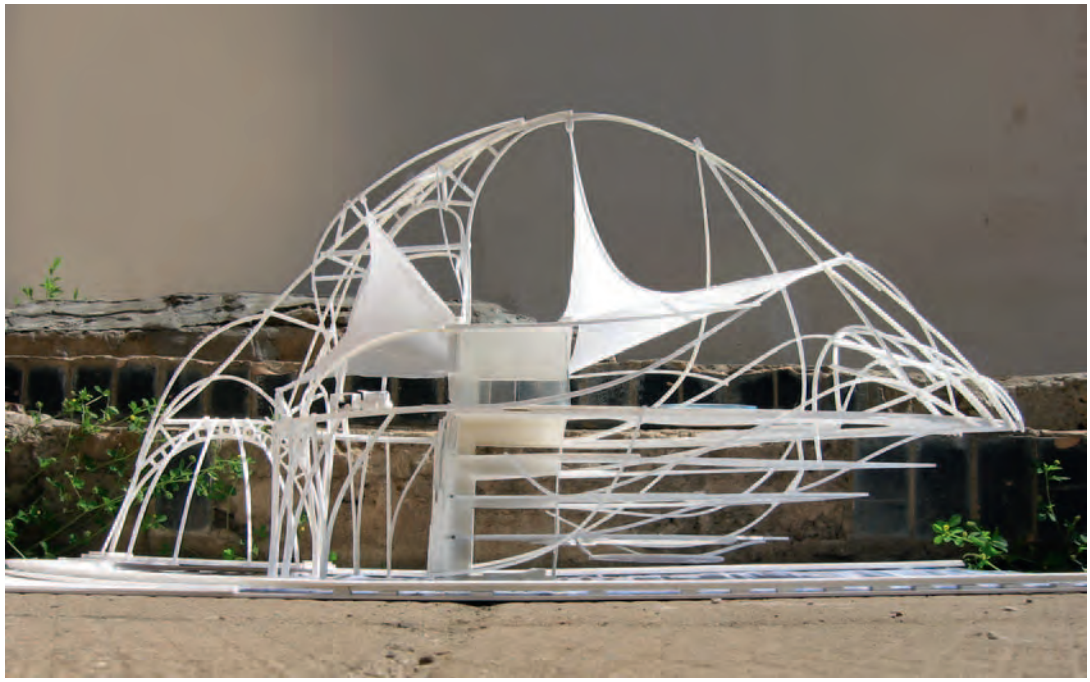
НОВОГОДНИЕ
ОТКРЫТКИ
«ДА-ДА» г.Набережные Челны
преп. А.Кузнецова
Нафикова Эльза
15 лет
Харина Анна
15 лет
С НО
ВЫМ
ГОД
ОМ!!!

РАБОТЫ УЧЕНИКОВ ШКОЛЫ АРХИТЕКТУРЫ И ДИЗАЙНА «ДА-ДА» (НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ)

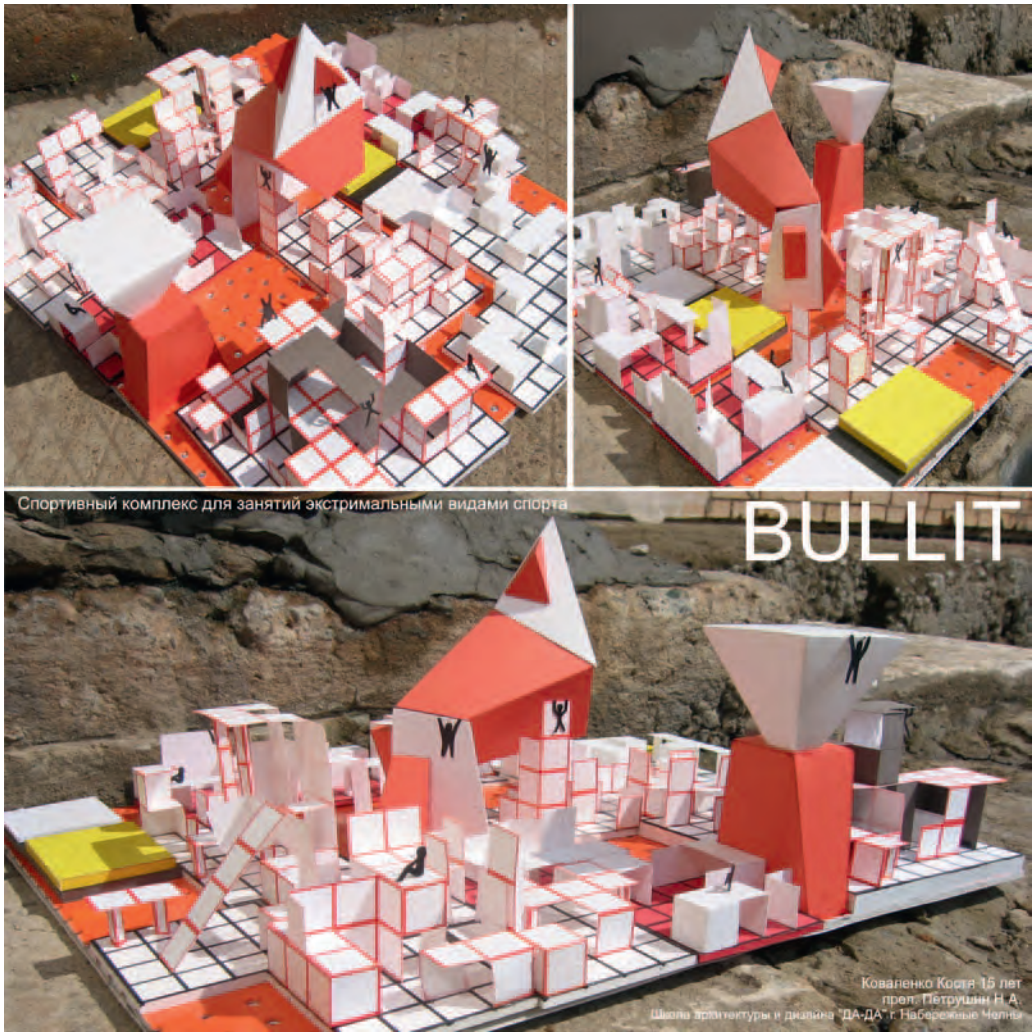





Дом над рекой

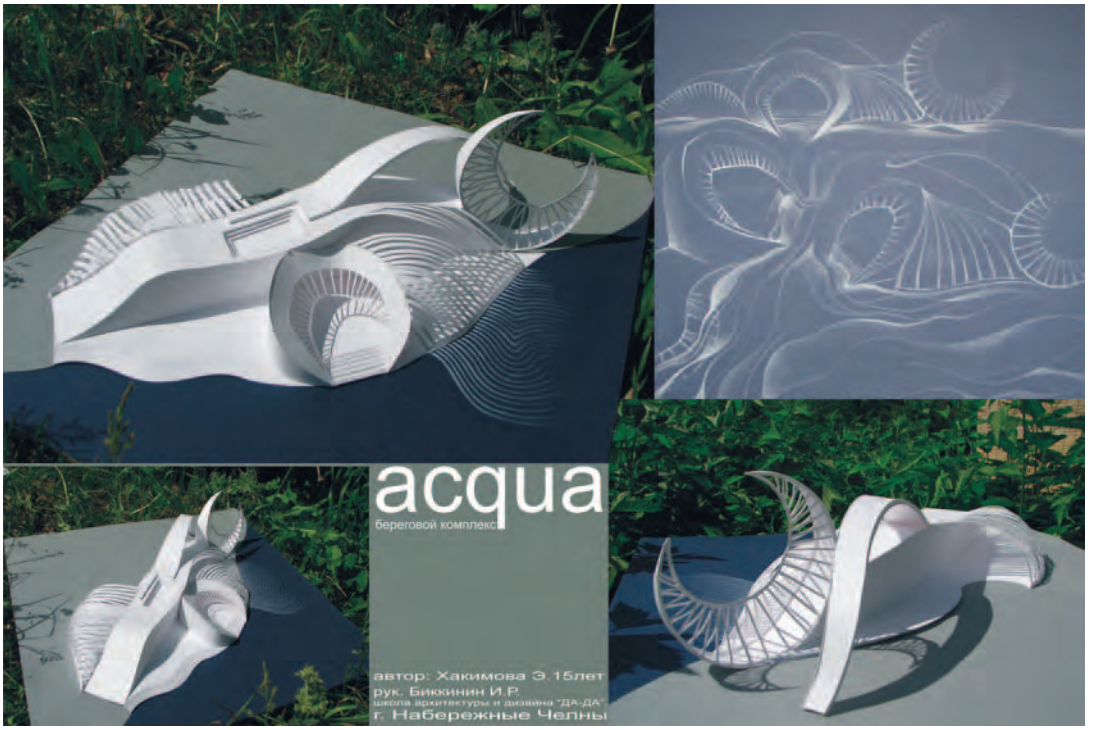


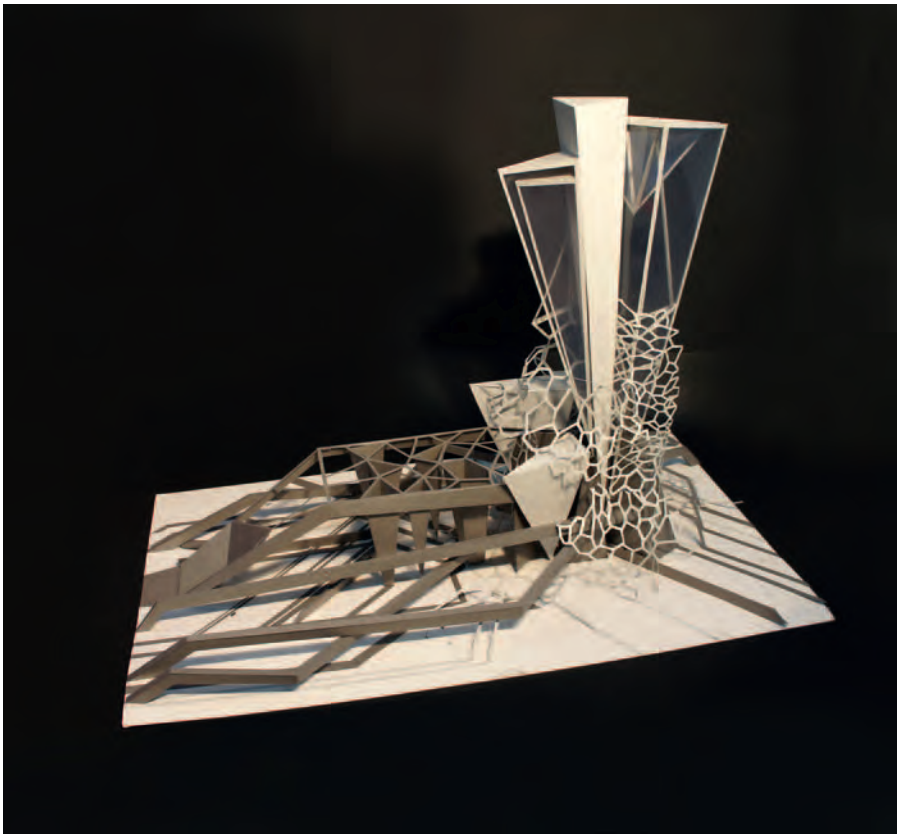
РАБОТЫ УЧЕНИКОВ ШКОЛЫ АРХИТЕКТУРЫ И ДИЗАЙНА «ДА-ДА» (НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ)



CAPPUC
Do you like coffe
NEWS BLOC
BREAKFAST
#1

РАБОТЫ УЧЕНИКОВ ШКОЛЫ АРХИТЕКТУРЫ И ДИЗАЙНА «ДА-ДА» (НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ)





пускные работы по декоративно-прикладному искусству, например, очень красивые батики, витражи, расписанная посуда в стиле авангард. Если ребёнок тяготеет к этому, мы даём ему возможность выразить себя. Например, рисунок у нас — конструктивно-аналитический. Но если ребёнок хочет сделать итоговую проектную работу в форме фантазийного рисунка, с применением классических приёмов, мы этому не препятствуем. То же самое и с живописью. Первые два года мы прививаем детям навыки классического подхода в работе с гуашью, пастелью и акварелью. Но живопись у нас почти всегда экспериментальная. Мы не даём классическое художественное образование, этим должны заниматься художественные школы. Иногда мне становится грустно, когда все художественные школы начинают заниматься дизайном и архитектурой, не имея для этого базовых знаний. Зачем это делать, когда классическая художественная школа — гордость российского образования, начиная с 17 века?

Как Вы считаете, удаётся ли преподавателям «просвещать» молодёжь, прививать им художественный вкус?

Все понятия ребёнка о жизни закладываются до трёх лет. К нам они приходят в шесть. Помимо обучения мы занимаемся их воспитанием. Возникает резонный вопрос: что же такое воспитание? Когда ты не говоришь много, но зато много и хорошо делаешь, когда рядом с тобой стоит маленький человечек и смотрит, как ты честно, добросовестно и с полной отдачей стараешься передать свои знания — вот это воспитание. Педагог должен говорить то, что думает, общаться с учеником на понятном ему языке. Постоянно находясь в связке «педагог — ученик», ребёнок не будет чувствовать себя униженным и недооценённым. Когда на эти нормальные человеческие отношения ложится море полученных здесь знаний, новых мыслей, возможностей, рождается личность. Мы создали прекрасную библиотеку, видеотеку, потому что музеев в городе не хватает, создали мощную материальную базу с хорошим оснащением, пригласили к сотрудничеству творческие союзы. В течение шести лет дети изучают, например, историю архитектуры и искусств, историю костюма, историю и теорию проектной культуры — они слушают лекции умнейших эрудированных специалистов. Дети получают полное представление о мировой и российской культуре, архитектуре, о новых видах искусства.

Расскажите о вашей уникальной пятиступенчатой системе образования.

Когда мы поняли, что база у школы мощнейшая, мы вместе с Набережночелнинским институтом социально-педагогических технологий и ресурсов открыли кафедру дизайна. Теперь у нас пятиступенчатая система, аналогов которой нет в России. Мы выстроили непрерывную цепочку, что было предопределено особенностями города Набережные Челны. Ведь это молодой город, с неокончательно сформировавшейся социально-культурной средой. Школа — это большой клубок взаимных интересов, взаимной помощи и взаимообогащения. Всё это происходит на глазах у ребят. Они сразу понимают, что представляет из себя наша профессия. Это 16 часов труда, самообразования и самоотдачи. Поэтому мы открыли кафедру. Для этого есть база, ресурсы, прекрасные преподаватели и огромный опыт, есть анализ вузовской системы всей России. Но самое главное — это мощный коллектив. Теперь у нас есть три ступени (четырёхлетняя «Студия», пятилетняя «Школа» и отделение предпрофессиональной ориентации «Архитектура и дизайн»), четвёртая ступень — среднее специальное образование по направлению «Дизайн», и последняя ступень — высшее образование в этой области. Мы выстроили уникальную систему от студии до института за 18 лет. Собственно, поэтому мы имеем такие хорошие результаты.

Существуют ли совместные проекты с другими заведениями, организациями вашего профиля?

У нас очень широкий диапазон взаимодействия. Например, сейчас в Органном зале проходит выставка художников, которые преподают в нашей школе. Недавно в Картинной галерее студенты Набережночелнинского института социально-педагогических технологий и ресурсов делали потрясающую современную инсталляцию, которой восхищался весь город. Мы сотрудничаем практически со всеми культурными заведениями нашего города, региона и России.

Какие качества характера и профессиональные качества приобретают ваши воспитанники?

В первую очередь, умение работать, работать много и творчески. Все наши выпускники имеют креативное мышление и знают, как его применить. Ребят отличает порядочность, доброжелательность и уважительное отношение друг к другу и преподавателям. Нас связывает дружба на многие годы. Все мы одна большая семья.

Большое спасибо за беседу, желаем творческих успехов Вам и Вашей школе!

Беседовала Ксения ЛАРИНА

ВЛАДИМИР ЕРМАКОВ

ОТКРЫТИЕ ОЧЕВИДНОСТИ

ТРАКТАТ ПО МЕТАПРАКТИКЕ

Недостаток разговоров об очевидном в том, что они развращают сознание своей лёгкостью, своим легко обретаемым ощущением правоты.
Иосиф Бродский «Нобелевская речь»

... чтоб говорить Бог ведает о чём,
чтоб речь, как пыль, пронзённая лучом,
крутилась мелко, путано, едва...
Но значила – прозрачность вещества.
Ольга Седакова «Пятые стансы»

* * *

ПРОЛОГ. Как воет осенний ветер! А я почему-то вспомнил, как шёл через парк в июле — среди неподвижного зноя дрожал листок на осине. Пустырь по правому берегу Оки, наречённый в народе Козьим парком, блаженно млел в недвижности полдня. В ясной лазури высились ясени, поглощали свет и источали сияние осины, томились по дождичку распущенные лопухи. Ни слабого ветерка, ни расслабленного выдоха. И только один осиновый листок сводило дрожью. В беспричинном трепете было что-то мистическое. Словно этот золотой зной пронзала прозрачная ледяная жилка грядущей осени. Словно несчастный листок колебался между жизнью и смертью. Я смотрю на него — и смутно ощущаю внутренне сродство всего живого. Я смотрю на дерево — и среди моей отпускной безмятежности зреет незримая тяжесть. Из глубины меня поднимается то странное и томительное чувство, что Мартин Хайдеггер назвал тревогой. Словно на горизонте Бытия промелькнул чёрный сполох Ничто.

Я смотрю на дерево. ... Дерево — это не впечатление, не игра моих представлений, не то, что определяет моё состояние, но оно пред-стоит мне телесно и имеет отношение ко мне, так же как и я к нему — только иным образом. Не тщись же выхолостить смысл отношения: отношение есть взаимность. (Мартин Бубер «Я и Ты»).

Я смотрю на дерево как на часть своей участи. Трепет листа отдаётся дрожью сердца. Я обращаюсь к дереву на Ты. Ты передашь... нет: ты подаришь...

Ты подаришь мне смертную дрожь,

а не бледную дрожь сладострастья.— Откуда это? — Как откуда? Это из Гумилева.— Нет, откуда это в Гумилеве: жадное ожидание освобождения от материальной зависимости, это упрямое стремление уйти от тотальности тела, эта трагическая доминанта танатоса над эросом...— Я думаю, из метафизической практики. Он смотрел в лицо судьбы, и потому его жизнь не трагична, но героична. Пожалуй, самый мужественный из наших поэтов, акмеист Гумилёв утверждал жизнь на постоянной готовности к смерти.

* * *

ГЛОССАРИЙ. Для начала определимся в терминах. Вот извлечения из трех словарных статей, взятые как отправные точки последующих рассуждений.

МЕТА... [< гр. meta после, за, через] — первая составная сложных слов, обозначающая: 1) следование за чем-либо, переход к чему-либо другому, перемену состояния, превращение; 2) в современной логической терминологии используется для обозначения таких систем, которые служат, в свою очередь, для исследования или описания других систем.

МЕТАФИЗИКА [<гр. «meta ta physika» «после физики» (так были названы философские сочинения Аристотеля, помещённые после его трактатов по физике)] — 1) метод мышления, противоположный диалектике, рассматривающий явления действительности не в их развитии и взаимной связи, а в состоянии покоя, разрозненно; 2) в идеалистической философии — антинаучные размышления о «духовных первоначалах» бытия, о предметах, недоступных чувственному опыту (о боге, о душе и т.д.); 3) в современной буржуазной философии — то же, что онтология; 4) что-либо отвлечённое, умозрительное и потому малопонятное, туманное.

«Словарь иностранных слов» М, 1988.

МЕТАПРАКТИКА (metapractice) — метафизические составляющие практической жизни; медитация, включённая в деятельность; система мыследействий, поступков, обладающих свойствами метафизического высказывания. Метафизика — это дисциплина осмысления основ бытия, первичных сущностей мироздания. ... Метапрактика — это выполнение самых обыденных, житейски необходимых действий как условий решения метафизических задач.

Проективный философский словарь СПб, 2003.

Из сопоставления двух определений следует, что на переломе тысячелетий метафизика обретает новый смысл. Этот смысл ещё не устоялся. Он двоится в фокусе умозрения. С одной стороны, это новое не что иное, как хорошо забытое старое: мышление, потерявшее свою исходную позицию, возвращается к своему началу. С другой стороны, накопленный опыт позволяет перенести смысловое ударение в греческой приставке, указывающей на суть понятия, со значения *за* на значение *через*. Метафизическая составляющая следует в движении мысли не *после*, а *перед*. Современная метафизика не подбирает в духовную пищу непереваренные физикой и философией апории и парадоксы, а осмысливает их как необходимые и достаточные условия самой физики и философии. Она становится *сверх*системой мышления, опосредующей всякую частную систему. *Философия полна вещей, которые суть усло-*

вия ясности всего остального, а сами не ясны и никогда ясны не будут (Мераб Мамардашвили). Метафизика не только полностью реабилитируется в онтологии, то есть в учении о бытии, но и возвращает себе право первородства в экзистенции, то есть в технике существования. *Человеку не на что положиться вне самого себя* (Мераб Мамардашвили). Новая метафизика через учреждение метапрактики ставит вопрос о производстве смысла жизни в массовом масштабе и по доступной цене вопроса. Если не удастся решить эту проблему в рамках нашего времени, то она неминуемо встанет перед новыми веками. Восстанет как феникс из пепла ... из пепла нашей цивилизации.

* * *

MEMENTO MORI–MEMENTO VIVERE. У живущего нет альтернативы. Ему не дано ничего иного, как жить. Жить, огораживая в диком поле времени забором календаря немногие тощие и тучные годы, отведенные в частное владение. Жить, расчищая от наносного, лишнего, чужого кусочек реальности, полученный в долю. Жить, защищая от насилия свою душу как жизненно важный орган познания добра и зла. Жить, пока живётся. Смерть не альтернатива; смерть суть прекращение процесса тяжбы с вечностью за отсутствием истца и неявкой ответчика.

Знание о конечности всякого опыта — точка обратного отсчёта на шкале ценностей. Черная дыра смерти — негативное зеркало, не отражаясь в котором, жизнь через посредство разума вынужденно задаётся вопросом о своём смысле. Мрачное ритуальное приветствие монахов-траппистов memento mori (помни о смерти) жизнеутверждающий гений Гёте сплавил с формулой античного эпикурейства carpe diem (лови день) и тем самым интерпретировал в позитивном плане как memento vivere (помни о жизни). Метафизический привкус смерти придаёт сбывшемуся ожиданию значение чуда. То же в живой основе православной традиции. В истинной вере происходит парадоксальное преображение смертной тоски в сердечное веселье. *Если я не сохраню того, что в христианской аскетике называется «памятью смертной», то есть способности, не отворачиваясь и не жмуря глаз, смотреть в сторону неуклонно приближающегося конца, если я буду то ли деловыми стрессами, то ли эйфорией отвлекать себя самого от знания о смерти, я не смогу быть здрав и, следовательно, не могу быть счастлив.* Так полагал глубоко верующий человек и глубоко думающий философ Сергей Аверинцев. Так он пояснил свою позицию в интервью 2001 года. Так вышло, что это интервью было опубликовано лишь после его безвременной смерти, последовавшей 21 февраля 2004. Как бы договорённое уже оттуда. *В память смертную...*

Пока смерть является неизбежным и недостижимым горизонтом жизни, метафизика актуальна. Ибо что такое метафизика с точки здравого смысла? — это напряжённое незнание самых важных вещей. Прежде всего, собственной судьбы. Незнание смерти. Там, впереди, сплошной мрак, и мерещится всякое... на краю последней бездны, свесив копыта, сидит спиной Некто, наигрывая на окарине невыносимо тоскливую мелодию в несколько тактов. И всё. И если поверить, что это всё, то ничто не имеет смысла тут, и ничто не имеет опоры там. Можно бросать камешки — оттуда ни отзвука, ни всплеска. Никогда ничего.

Так мысль о вечности не возвращается как тезис или доказательство из бездны сомнения. И что тогда человек? — исчезающе малая частица бытия. Былинка, противостоящая небытию — не мыслящий тростник, а сознающая себя былинка! Возможно то, что удерживает нас от ужаса и падения, и есть Бог. Бог как смысл всего. В очах,

сохранивших чёткий отпечаток *ничто*, предваряющего и обуславливающего что бы то ни было, каждая былинка — быль.

Руины порастают быльем — и жизнь сосредоточена в этом былье. Былое, то есть некогда бывшее и прекратившее быть, не исчезает из сознания и тем самым отрицает небытие. Ничтожество былинки? — Чтожество человека!

Засохшая былинка — соломинка. Теряя опору, голый разум хватается за соломинку. Идея метафизики — соломинка над бездной, по которой сознание переходит из прошлого в будущее. Коса смерти гуляет по лугу, нещадно выкашивая каждую травинку,— но ангел истории сгребает сухие стебли в стога, которыми насыщается и никогда не будет насыщен апокалиптический зверь времени.

Смерть без метафизических кавычек мерзка, как смердящая яма. Мысль о ней проходит ледяной жилкой сквозь тёплую плоть тучных лет и нещадно жалит расслабленную мышцу тощих. Сознание справляется с отчаянием, символически переживая своё поражение как причастие к иному. Символ — метафизический транзистор. На границе бытия с небытием воздвигается крепость веры. Страх смерти, пропущенный через трансформатор религиозного ритуала, преображается в жизненную энергию.

Однако идея личного бессмертия, взращённая великими монотеистическими религиями из основного инстинкта самохранения, исчерпала метафизическую силу. Все образы рая не пережили породившие их культурные контексты. Представления о загробной жизни отданы на откуп массовой культуре. Неистребимо лишь одно — судорожное желание найти альтернативу смерти. То, что действительно давит на душу, должно назваться иначе: *несмерть*. Или, на языке концепций: *жизнь+*. Концепт пуст, но потенциал его огромен. Вся вера нашего дня укладывается в неизречённую молитву о несмерти, обращённую к Ничто. *Господи! знаю, что Тебя нет, но взываю из глубины смертной тоски своей: стань и спаси*!

Тотальная цель разума и одновременно условие его целесообразности — создать и поддерживать в рабочем состоянии ментальный механизм переработки страха смерти в жизненную энергию. Сил и средств рассудка для решения этой задачи недостаточно; рассчитывать на Божью помощь безрассудно. Эта безвыходная ситуация стала источником всех бед разума и всех его побед. Рассудок силён, но ограничен фактами и связан логикой. Воображение свободно, но результаты его деятельности не могут быть верифицированы. Рассудок стремится к Истине, воображение зачаровано Тайной. Разум подозревает, что в конечном счёте это одно и то же. Нет ни одного убедительного доказательства бытия Божьего — кроме онтологически глубокой потребности в Нём. Нет иных свидетельств существования души — кроме боли и радости, не имеющих прямой причины. Область контакта рационального и иррационального суть метафизика.

* * *

АКСИОМЫ МЕТАФИЗИКИ. При всей своей относительной бесплодности метафизика абсолютно необходима — и неизбежна. Всякое теоретическое построение, не имеющее метафизического обоснования, построено на песке. Всякому прорыву к реальности, новому скачку в эволюции сознания, предшествовала мощная метафизическая подготовка. Бессилие и растерянность мирового сообщества перед наступлением неправильного будущего обусловлены метафизической немощью технологической цивилизации. Ни одна научная социальная или моральная проблема современности не может быть решена без определения метафизических аксиом.

Миллениум застал наше время врасплох. Человек оказался голым среди волков нового века. Для выработки стратегии существования у него нет методологии. Мировые религии исчерпали свой креативный ресурс. (Неизрасходованная энергия ислама безрассудно и бессмысленно сжигается в топке геополитического кризиса.) Давно минуло удивительное и ужасное мифологическое детство. В не столь отдалённое время кончилось отрочество — время слепой и страстной веры, равно способной подвигнуть к подвигу и обольстить подлостью. Видимо, минувшим веком прошла юность с ее оптимистической надеждой на теорию и практику позитивной науки. Как-то неожиданно настала зрелость: пора трезвости и ответственности. Сознание, вылупившееся из мифологического яйца и выкормленное в гнезде религиозности, теперь должно или подняться к чистой метафизике, или опуститься до полной прагматики. Новая фаза метафизической жизни человечества имеет одну очень важную особенность: она лишена обязательности и всеобщности. Никто и ничто не принуждает более к духовному напряжению личности,— ни государство, ни общество. Никакая утопия не компенсирует впредь душевной растраты, но и традиция не даёт душевного покоя. Никто не в указ и ничто не в опору. Выбор — летать или ползать — каждый делает сам.

Это странное чувство эпистемологической неуверенности определило собой самочувствие эпохи постмодерна. Некое сладкое и стыдное межумочное и бездушное состояние, которое объединяет всех современников лишь тем, что в равной мере не устраивает никого. Здесь начинается согласие — и здесь же оно кончается. В общем на всех мире не оказывается ничего всеобщего. Действительность, то есть уже случившееся сущее, устоявшаяся видимость или мир мнений, поставлена под сомнение, но все предложенные способы её изменения не имеют для наличного менталитета должной метафизической убедительности. Отказ от диктата окостеневшей действительности и обращение к первородной реальности, возвращение в мир вещей, начинается с установления метафизических координат потерянной личности. *Я есть*. Это первая метафизическая аксиома. Которая немедленно распадается на две леммы: *что есть я*? и *каким образом я есть*? Первая имплицитно содержит право на самоопределение личности, вторая отсылает сознание к бытию. Как бы то ни было, моё существование есть указание на реальность мира, но ускользание мира из моего понимания превращает моё существование в апорию. То есть не только в житейскую и не столько в научную проблему, а более в болезненный для разума парадокс. *Сознание есть самообнаружение бытия через собственное отчуждение*.

Сознание держится верой в свою реальность и строит себя на метафизической почве, удобренной историей, и в сложившемся культурном слое взращивает собственный смысл. Личность может не воспользоваться правом на самоопределение (и тогда человек попросту не состоится) или злоупотребить им (и утратить человеческое содержание). Между этими крайностями веер возможностей, отраженный в спектре историко-культурных традиций. Мифологема Мирового Дерева, общая для многих культур, трансформирует идею в образ.

За тысячелетия прогресса Мировое Дерево пышно разрослось в крону — а корни, оставленные без попечения, усыхают. Как физические, так и метафизические объекты, центр тяжести которых смещён от основания к вершине, неустойчивы при катаклизмах. Буря валит высокие деревья; революция рушит великие церкви. По мере усложнения цивилизации возрастает ее уязвимость. Инстинктивное ощущение нарастающей опасности проявляется в культуре как новая апокалиптика. Индустрия развлечений капитализирует тревогу в производство товаров повышенного спроса:

в воспроизводство всеми информационными технологиями реальных и виртуальных кошмаров и катастроф. Реванш сверхъестественного и паранормального в массовой культуре — сублимация метафизической нищеты нашей цивилизации. Массовая культура прячет концы жизни в воду подсознания. Триллер эксплуатирует пустую смерть; хоррор практикует метафизические извращения. В том и ином случае смерть обесчещена и деморализована — как чистая негация она лишена всякого смысла; она знак собственного отсутствия. Смерть в современности есть симулякр в чистом виде — за ней ничего не стоит.

Тем не менее эта вальпургиева ночь массового сознания доказывает от обратного ценность обыкновенной жизни. Мир в суженности кругозора подобен плоской тарелке, в которой навалена всякая скучная всячина. Но стоит представить себе насильственную смерть на другой чаше весов — и сразу возрастает удельный вес повседневности. Таким извращённым способом обыватель возвращает себе утраченные в процессе интенсивного производства и экстенсивного потребления основные ценности: свой дом, свою семью, свою работу. И тем восстанавливает душевное равновесие. Обращаясь в игре воображения к архаическим платам психики, человек обнаруживает в себе нетронутым основной инстинкт существования. Жить стоит. Ergo, *жизнь имеет смысл*. Смысл обнаруживается как отношение сознания к бытию: не потребление и не подчинение, а соучастие.

Это вторая метафизическая аксиома. Аксиома не догма: и то, и другое не доказывается, а постулируется, но аксиома устанавливается как колыбель истины, а догма как её гроб. Великие религии исходили из дерзновений, а кончались назиданиями. Метафизика не держалась в канонах как святая вода в горстях. Она утекала ересями из церковных оград и суевериями стекала в подсознание. Таинства теряли магическую силу, но тайна сохраняла сакральную мощь. Метапрактика всегда оставалась частной инициативой человека — в рамках ритуала или вне его.

* * *

ИЗГНАНИЕ И ЦАРСТВО. Сознание как субстанция нуждается в субстрате. Мышлению нужен материальный носитель — мозг. Сознание квантуется, и элементарная частица этой участи даётся в удел отдельной личности. Старая метафора *свет знания* по сути не просто красивое сравнение, а концепт: природа сознания подобна природе света — волна и частица одновременно. Сознание возможно только при наличии и соблюдении двух необходимых и достаточных условий:

— *постоянство памяти и тождество разума в субъективном времени;*

— *единство мышления в объективности языка и непреложности логоса.*

Представим сознание как некий континуум, то есть связное множество, совокупность отдельных точек. Основными его характеристиками станут единство поля и дискретность проявления: общность мышления и частность мысли. Через единство дана действительность. В точках дискретности — прокол к реальности. Однако актуально в каждое мгновение существует только одна-единственная мысль, и ее открытая возможность реально осуществляется как усилие отдельного ума. Таким образом субъективное и объективное в сознании существуют нераздельно и неслиянно. Бытие непрерывно, оно полно *везде и всегда*; существование дискретно, оно исполняется только *здесь и сейчас*. Модус сознания в светильнике разума — мерцание. Только экзистенциальное напряжение вырабатывает свет, выхватывающий из тьмы противостоящие вещи. Метафизический механизм мозга работает как ускоритель мысли; остановленная мысль исчезает из понимания, и лишь её тень отпечатывается в памяти как сведение. Вещи нарекаются именами; владея

словарём, всегда можно вызвать нужную вещь из тьмы незнания. Заколдованная в языке реальность называется действительностью. Магия слов даёт мышлению волшебную власть над миром. Но эта власть — как и любая другая — сопряжена с опасностью отрыва от реальности. Самовозрастающий логос отрывает сознание от породившего его бытия, уводя в концептуальные лабиринты. На костяке логики держится корпус ментального тела человека. Масса слов словно мыслительное сало лишает дух подвижности.

В начальной метафоре Библии, в притче о первородном грехе (Бытие 3;1–24) дана точка бифуркации — пункт расхождения действительности и реальности. Сущее как полнота бытия, включающая в себя и небытие, не нуждается в том, чтобы все его потенциальные возможности осуществились актуально. Чтобы эта нужда явилась, Бог наделил бытие сознанием. Чтобы возможное могло стать настоящим, Бог дал миру время. Чтобы всё это имело смысл, Бог создал человека. И резким толчком запустил механизм. Ибо мир не хотел добром выходить из состояния блаженства. История началась провокативным актом; запалом послужило искушение знанием. Так рядил Дьявол:

И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел.

Бог заложил человека на внутреннем противоречии: дал ему свободу воли и наложил на неё запрет. Будь человек не повреждён в себе и неподвержен времени, он имел бы полное бытие и пустое сознание. Чтобы вывести мир из совершенного покоя, пришлось ввести его в грех. Так судил Бог:

Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевою травою; в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься.

Такова цена знания, которую назначил Бог и заплатил человек. Изгнание из рая и царство над миром. Повторим: *сознание есть самообнаружение бытия через собственное отчуждение*. Первое, что познаёт отчужденное от бытия сознание, это страдание. Боль разрыва и ужас невозвратности. Свобода выбора оборачивается бременем ответственности. Только первоначальное действие было безусловно свободным. Вся последующая деятельность не предопределена, но определена первоначальным выбором — первородным грехом. Грех не вина, и подлежит не наказанию, а искуплению. Однажды ввязавшись в историю, человек должен претерпеть её до конца, чтобы в ходе её осуществить некие возможности, о сути которых нет даже догадки.

Модус существования сознания — творческая активность. Мышление не может быть пустым. Разум не может быть праздным. Действительность, создаваемая в ходе целенаправленных действий человека по моделированию утраченной реальности, становилась самодовлеющей сущностью. Человек обитает в созданном им мире. И мир этот похож на настоящий — и всё же он не настоящий. Так пейзаж похож на природу. И внутри этого плоского мира человек помещает свое представление о себе.

Другими словами: *действительность — это саморепрезентация человека в картине мира*. Человек есть собственный Франкенштейн. Ответственность за историю

лежит на нём самом. Ссылка на Божий промысел — ссылка совести на галеру предопределения. В основе самопознания человека лежит парадокс: чтобы сформировать мировоззрение, нужно сначала принять действительность как гипотезу, а потом отказаться от нее как от догмы. Разум должен извлечь себя из собственной природы подобно Мюнхгаузену, вытащившему себя из болота за волосы. Что есть чистая метафизика.

Не тому ли издавна учит дзэн-буддизм? В «Трактате о вере и уме» третий патриарх Сэн-цань предостерегает от методологической ошибки: *Если ты работаешь над своим умом при помощи ума, как можешь ты избежать путаницы*? А Итигон Ходан сказал как бы в сторону: *верующее сердце хорошо обрести украдкой*. Ибо всякое умозаключение — заключение ума в скобки концепции. Научное познание иначе не может. А в основе метода метафизики не концепция, а контрацепция. То есть предотвращение нежелательной догматичности в любви к истине. Познание мира в науке — открытие, в метафизике — откровение. Удалить действительность из сознания нельзя: так невозможно мышление без языка. Но смысл, закреплённый за словом, не вмещается в него. Значение слова не сводится к его звуковой или графической оболочке. Пропасть между означающим и означаемым в лингвистике и пропасть меж действительностью и реальностью в философии — одна и та же метафизическая бездна.

Заполнять её своей жизнью — судьба человека.

* * *

ПРОЙТИ СКВОЗЬ ИГОЛЬНЫЕ УШИ. Все истекшие времена маленький человек отгораживается от огромной реальности как только может. Питает своей мыслью прекрасные иллюзии. Строит на границе бытия и небытия крепости духа — храмы. Метит территорию магическими знаками. Воздвигает меж собой и судьбой баррикады из вещей. Из понятного желания обрести власть над действительностью родилась идея собственности. Что есть собственность в метафизическом смысле? — незримые силки, поставленные субъективностью, стремящейся присвоить объективность. В кои угождает своя душа. *Ибо удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие* (Лука 18;25). Связь между личностью и вещностью для неподвижной *вещи-в-себе* абсолютно несущественна, но накрепко привязывает *образ жизни* человека к установленному порядку вещей. Вещь, что должна быть постаментом образу Божию, положенному в основу проекта человека, становится его надгробием. Отдельное бытие, обросшее коростой предрассудков и загромождённое вещами, превращается в быт. Собственно говоря, извращается.

Самовозрастание потребностей — врождённая болезнь прогресса. Лучшее — враг хорошего. В материальном достатке кроется душевная бедность современного человека. Нищета духа. Даже скорбь не вмещается в плоскость обыденности. Что пользы от сожалений? ... Польза. Скользкое ползучее слово. (Змей, обвивший древо познания добра и зла.) Что за польза от заката? Соблазн выгоды — уход от полноты бытия, отказ от самодостаточности. Идеал красивой жизни — Голливуд. ... Идеал. Идиллия. Льдинка на языке — в гортани ангина — не сглотнуть... и жар, и хочется живой воды, и тоска, тоска...

В испорченном мире всё навыворот. Негативом метафизики на самом деле является не диалектика, а экономика. В сути вещей ценность подменяется стоимостью. С дьявольской помощью человек сумел выделить из вещества существования квинтэссенцию вещности — деньги. Через простенький транзистор *время — деньги*, вмонтированный в ментальную схему личности, дьявол повернул прогресс в бесконечный

тупик. За всё человек должен платить, и только время проходит даром. Неиспользованное по назначению время разлагается в пустом сердце и отравляет душу радиоактивными отходами деятельности. Сама же деятельность, вложенная в собственность, нарастает на становом хребте личности громоздкими горбами. *У верблюда два горба, потому что жизнь борьба*. Линия жизни завязывается мёртвыми узлами. Как её продеть в игольное ушко исключительно малого шанса быть здесь и сейчас, выпавшему каждому из нас как невозможное чудо? Никак нельзя. Не проходит. Подменяя качественные критерии жизни количественными, цивилизация выработала общедоступный эрзац существования — потребление. Потребительство — наркотическое отчуждение существования от сущности. Смертный грех, совершаемый человеком по его метафизической слабости.

Как и другие смертные грехи, этот не новость. Не было, пожалуй, пророка, который не вонзал бы в него грозно указующего перста. Нет ни одного мудреца, так или иначе не предложившего бы аскезы как панацеи от болезни сознания. *Не возжелайте вещей. Ведь их так легко приобрести и так трудно от них отказаться.*— наставлял буддист Итигон Ходан. Великий имам Али, имея в виду частную собственность, сказал то же самое куда жёстче: *Мир — падаль. Кто пожелает себе хоть кроху от этого мира, тому место среди собак*. Идеолог нестяжательства Нил Сорский так же наставлял: *Если потребуется тебе какая-то вещь..., то прежде помолись и рассуди в себе, полезно ли это*. Религиозный аскетизм доходил до крайности, превращаясь в то лекарство, что хуже болезни. Парадоксальный католик Гилберт Кийт Честертон предложил иной модус воздержания, изложенный в категориях современности — аскезы как игры: *Игра в ограничения — одна из тайных радостей жизни*.

А ведь в нашей повседневной жизни радости мало. И часто причиной тому вовсе не недостаток, а излишек. На душу давят собственные вещи. Не просто ненужные — лишние! Столько потрачено сил на их приобретение, что на радость обладания уже ничего не остаётся. В них овеществлено столько жизненной энергии, сколько пыли в дорогих коврах. Эта вездесущая пыль, прах времени... это стертые в порошок дни нашей жизни и истлевшие желания юности. Нужные вещи те, в которых аккумулируется память или инвестируется эстетическое чувство: восторг от мира. Таких-то как раз немного. Их всегда немного. Их много и не нужно. Аскеза: освобождение сознания от заносов повседневного.

Поэт и философ (что совмещается теперь всё чаще) Ханс Магнус Энценсбергер в парадоксальном эссе «Роскошь — прежде и теперь, или Кое-что об излишествах» осуществил синтез аскетического и эстетического. Довольно пессимистично (как это свойственно сумрачному германскому гению) поглядывая в будущее, он постулирует неизбежность смены приоритетов в иерархии земных благ. *Роскошь завтрашнего дня расстаётся со всем, что излишне, и стремится к безусловно необходимому*. Качество жизни по Энценсбергеру будет измеряться по шести основным параметрам. В плане практической метафизики акценты можно расставить следующим образом.

ВРЕМЯ. Благо не длинная жизнь, а долгая. Истинное богатство измеряется свободой расходовать биологическое время по своему усмотрению; благо — независимость от ритма и темпа социальных отправлений.

ВНИМАНИЕ. В информационном обществе наши эмоциональные и познавательные способности поглощены и превращены в системные связи; степень свободы возрастает, когда мы вправе ограничиться тем, что хотим чувствовать и познавать сами. Ценность самозабвения — освобождение от социального гнёта памяти.

ПРОСТРАНСТВО. Урбанистическая цивилизация и массовая культура концентрируют людей в толпы; уже наш век оценил онтологическую прелесть пустоты и отдельности. Одиночество в толпе теснит душу и умаляет масштаб личности.

ТИШИНА. Избыточность звуковой среды, как упорядоченной в рамках культуры, так и ее шумовых отходов, уже почти непереносима для психики; счастлив тот, кто защищен от акустической агрессии. В православной традиции сосредоточенное безмолвие (исихия) — первое условие просветления.

ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА. Современный человек в большей степени является частью техносферы, чем биосферы; обращение к природе суть исцеление природы человека. Блудный сын природы грезит о возвращении домой.

БЕЗОПАСНОСТЬ. Ценность жизни, как бы она высоко ни декларировалась по курсу прав человека, фактически не гарантирована; все предыдущие блага отравляет страх. Борьба за существование не может быть смыслом разумной жизни.

Ханс Магнус Энценсбергер, задумываясь о будущем, не пророчит, но предрекает: *будущее роскоши не в приумножении, как до сих пор, а в сокращении, не в накоплении, а в отказе от него. Избыток переходит в новую стадию — стадию самоотрицания*. Если поверить ему (а почему бы и не поверить?), нам надо чувствовать себя счастливыми *здесь и сейчас*. Каждый может позволить себе многое: не носить дорогого галстука и не гладить старые штаны, не смотреть телевизор и не заглядываться на витрины, не ходить в рестораны и не ездить в заграницы. Что бы ни убыло из привычного удобства, остаётся мужество не жалеть об изношенном и потерянном и не завидовать владельцам всего, без чего можно запросто обойтись. Другого способа жить в радости просто нет.

Самая большая роскошь в этом мире — владеть собой.

* * *

СЕРЕДИНА ЖИЗНИ. Мераб Мамардашвили в одной из лекций определил психологию (шире — психику) как *трещинку в бытии*. Столь же ёмкое самоопределение познающего субъекта содержится в апории Михаила Эпштейна: *человек — пробел в своём знании о себе*. Невероятно, но факт — в любой случайный момент хватившийся себя человек обнаруживает свою тотальную недостаточность! Не просто моральную или физическую слабость (это бы полбеды) — недостачу сущности. Сумма биологических функций и социальных ролей, не имеющая метафизического центра, почти в той же мере не человек, как говядина не корова.

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.

Могучий гений Данте зажал в тисках бессмертной терцины вечную трещину меж сознанием и бытием. Остановил мгновение — но не прекрасное, а мучительное — расщепления времени в индивидууме. По какому-то ехидному подвоху латинским словом individuum (*неделимое*) в философском дискурсе обозначили отдельного человека — личность, осознающую себя как проблему, как болезненный разрыв гармонии мира. Другими словами — только заблуждение в мире обращает человека лицом к самому себе. И разделившийся individuum обнаруживает в себе не просто нечто иное, чем он сам, а зияние. Алчущее *ничто*, требующее для своего заклятия принесения живой жизни в жертву пустому смыслу. Только тогда смысл исполнится... может быть.

Земную жизнь пройдя до половины... Что это значит? Современный психолог определил бы случай сеньора Алигьери как *кризис среднего возраста*. Чушь, конечно. На са-

мом деле этот перманентный кризис — нормативное состояние духа. Человек в любой момент своей жизни находится точно в середине её. В буддизме есть понятие пробужденного сознания. Внезапно задумавшийся о смысле жизни человек подобен лунатику, очнувшемуся на коньке крыши собственного дома. По обе стороны от настоящего разверзаются бездны времени. С одной стороны пропасть прошлого, с другой — обрыв будущего. Хронологические рамки здесь не имеют значения: бездны неизмеримы по определению. В течение всей жизни виртуальную точку в середине потока я не столько опознаю, сколько ощущаю как единственную ненадежную точку опоры своего *я*. Единственную — и ненадежную. Ненадежную, но единственную. Кроме неё ничего, данного непосредственно — только в ощущениях (чаще всего болезненных) и в размышлении (большей частью пустом). Корень мудрости не в уме, а в сердце.

Середина жизни — сердцевина.

* * *

В ТЕЧЕНИЕ ЖИЗНИ... В этом плоском штампе почти стерлась глубокая народная мудрость: интуитивное понимание существования как процесса, а не состояния. Пробужденное сознание первочеловека, кочующего от края до края плоской земли. Пробуждённое к удивлению и открытое всякому встречному чуду как данности. Привыкнуть к жизни было никак нельзя. Задремавшего субъекта съедали невиданные звери или поглощали невидимые архетипы. Жизнь текла, протекала (*истекала...*) через прореху в человечестве, существующую в качестве каждого отдельного человека. Мозаика впечатлений складывалась обособленном разуме в картину мира. Homo sapiens, самоназвание человека как зоологического вида, значит: *человек разумный*. Что такое *человек*, люди до сих пор ещё не договорились, ну а по поводу разума вообще не высказано ничего определенного, кроме сомнения в его способности что-либо определить в своей природе.

Внутренняя форма личности есть зеркальное отражение её представления о мире. Кощунственное подсознание русских семинаристов разрешилось от бремени сомнения вопросом: *может ли Бог создать камень, который сам не сможет поднять*? Бог его знает... А вот человек в истории воспроизводит мир, который сам не может принять, то есть воспринимает его как *неподлинный*. Суть слова, возведённого в ранг термина, содержит неявное противоречие. Представление о мире не есть непосредственная действительность. Пред-ставление. Ещё до того, как мы посмотрим на мир, мы уже чем-то научены смотреть. Взгляд на мир обусловлен оптикой концепций. Не полемика глаза в глаза с онтологическим зверем времени, а прозябание в его тени, расчисленной в календаре. Зараженные действием идеи в действительности становятся идолами, требующим от человека принесения в жертву здравого смысла. Подверженность разума коррозии теоретически обосновал Фрэнсис Бэкон: *Но тягостнее всех идолы площади, которые проникают в разум вместе со словами и именами. Люди верят, что их разум повелевает словами. Но бывает и так, что слова обращают свою силу против разума. ... Большая же часть слов имеет своим источником обычное мнение и разделяет вещи в границах, наиболее очевидных для разума толпы. Когда же более острый разум и более прилежное наблюдение хотят пересмотреть эти границы, чтобы они более соответствовали природе, слова становятся помехой*. («Новый Органон»; LIX*)*

Сознание глядит на мир не прямо и непосредственно, а через педантичное посредство рассудка. Словно некое дикое первобытное «я» заключено в кавычки, заточено подобно Минотавру в глубине лабиринта мозга, а панорама мира, транслируемая через объективы глаз, попадает сначала на мониторы супер-эго, где

внедрённые воспитанием и образованием внутренние цензоры, редакторы, политтехнологи и прочая номенклатурная мелочь монтируют картину мира. Мир как он существует в нашем воображении не более чем наведённая галлюцинация. Морок. Симулякр. ... *сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все в ненастоящем виде.* (Гоголь).

Считалось, что мир яснее различим и лучше понимаем как бы со стороны. Из пустыни одиночества. С высоты столпа. Из глубины падения (De profundis clamavi ad te, Domine.— Из глубины взываю к Тебе, Господи. Псалтырь, 129/130. Отсюда вышел Достоевский...). Выход из обстоятельств позиционировался как экстремальный опыт. Опыт-предел. Наверное, это так. Но ещё в большей мере не так.

Едва ли не больше,
чем в самых высоких горах,
для сердца сокрыто
в толчее
городского базара.

Так слагал поэт Кагава Кагэки. Так, видимо, полагал самый, пожалуй, знаменитый японский художник Кацусика Хокусай, принадлежавший к направлению *укиё-э*, что в переводе означало *картины повседневной жизни*. Тоже своего рода открытие очевидности: выявление красоты в банальности и постижение мудрости в расхожих истинах. Японский гений в поисках истины не удаляется от мира — он углубляется в него. В том же направлении движется мысль философа Михаила Эпштейна: *Традиционное противопоставление медитации и практики снимается метапрактикой, для которой даже стояние в очереди есть упражнение в метафизике времени и чисел, этика стойкости и терпения.*

В глубине мира сходятся все истинные пути, на поверхности кажущиеся ведущими в разные стороны. Сходятся в субъективной бесконечности очевидной истины. Тайна — то место, откуда исходит сознание. Может быть, это то же самое место, куда уходит жизнь, исчерпавшая себя. Реальность — предел действительности, но не внешний, а внутренний.

* * *

ALETHEIA. Язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли. Более того: язык изобретен человеком, чтобы скрыть отсутствие в мышлении основополагающих представлений или возместить их недостаточность. С помощью абстрактной системы символов человек более или менее успешно производит и потребляет действительность. То, что дано человекам в непосредственное владение суть не реальность, а действительность, то есть относительно устойчивая система наших отношений с реальностью. Мы говорим: *реальное положение вещей*. Говорим не задумываясь. Если задумаемся, то больше так не говорим. Что мы знаем об истинном порядке вещей, то есть о космосе? Вещи положены в некоем порядке или беспорядке — кем? И что именно положено? *Вещи-в-себе*. А мы по ним ползаем как некие гносеологические паразиты, извлекаем из них кое-какую пользу, и абсолютно не понимаем ни их скрытой сути, ни собственного предназначения.

Зерном этого эссе стала озадаченность ускользающим смыслом платоновского понятия aletheia. Термин актуализирован современной философией в интерпретации Мартина Хайдеггера, едва ли не главного мыслителя минувшего века. (Чуть раньше *несокрытость* как свойство истины постулируется в философии Ортеги-и-Гассета.) Истина присутствует в мире таким образом, что её непотаённость требует целенаправленного усилия для своего обнаружения. *Непотаённое должно быть вырвано*

из потаённости, в известном смысле быть похищено у неё. И вот ещё что: *Истина есть соответственно такое отвоевание путём преодоления потаённости. Потаённость при этом может быть разного рода: утайка, охрана, маскировка, сокрытие, завуалированность, искажение* (Мартин Хайдеггер «Учение Платона об истине»; пер. В.В. Бибихина). Понять это трудно, а не понять нельзя — иначе наивная душа будет привязана мысленным взглядом к видимости, как глупая курица (по слухам; сам не проверял) к меловой черте. А что такое видимость как не бытовая пыль, поднятая ветром времени и осевшая плотным слоем по контурам тайны? Наверное, именно это имел в виду философ Людвиг Витгенштейн, утверждая следующее: *место, куда мне действительно следует стремиться, должно быть тем местом, которое я уже занимаю.* И еще: *да поможет Бог философу проникнуть в то, что находится у всех перед глазами.*

Этот парадоксальный статус очевидности есть метафизическое основание всякой философии и поэзии. В конце концов, единственная подлинная причина, почему человек начинает сочинять стихи или гипотезы, это неудовлетворённость действительностью как она представляется ему в наличном ассортименте так называемой *современности.* Её недостаточность более чем наглядна. Способы обогащения бедной породы пустого времени различны. Прагматики ищут коренные жилы настоящего. Мародёры обирают останки прошлого. Дезертиры грабят обозы будущего. Честные служаки довольствуются казённым пайком должного. Но душе всё равно мучительно не хватает этого мира. Что делать? Творить мир заново, иначе, лучше. Творчество — единственный данный сознанию способ совместить модальности должного, возможного и желанного. И тем самым — пусть только в условном плане — преодолеть онтологический разрыв действительного и реального. Заполнить зияние нельзя — его нужно вместить.

Концептом соединения творчества с существованием стал термин «метапрактика», предложенный к разработке философом Михаилом Эпштейном в «Проективном философском словаре». Ещё раз: *Метапрактика — это выполнение самых обыденных, житейски необходимых действий как условий решения метафизических задач.* И далее: *Задача метафизики не в том, чтобы отказаться от обычных действий, а в том, чтобы отрефлектировать их изнутри в контексте бытия как целого.*

Параметры технического задания на разработку практической метафизики почти совпали с габаритами внутренней пустоты, обнаруженной постмодернизмом как ядро современной культуры. В структуре этого текста понятие «метапрактика» стало устойчивой точкой опоры собственных умозрительных построений. Таким образом тайная тяга к метафизическим измышлениям переставала быть постыдной склонностью, маскируемой в литературном процессе под респектабельную философскую публицистику.

Единственной легальной формой метафизического трактата в современной культуре является эссе. Эссе — жанр, промежуточный меж наукой и литературой — наиболее подходящий для агностика способ расписаться в своем метафизическом бессилии. *Эссе — разновидность литературы, позволяющая сказать почти всё почти ни о чём* (Олдос Хаксли). В конечном счёте, течение речи есть размытое отражение растекания мысли по древу познания,— а что есть мышление как таковое как не бесконечная интерпретация символов и рекомбинация образов и понятий? *Эссе устремляется к тому единству жизни, мысли и образа, которое изначально, в синкретической форме, укоренялось в мифе* (Михаил Эпштейн). В этом устремлении течение мысли неизбежно подхватывает весь попутный мусор... ну да это неважно. Главное: словесный сор выстраивается по контурам внутреннего напряжения, подобно тому, как желез-

ные опилки обрисовывают силовые линии магнитного поля. Поэтому не стоит зря стращать бедного мыслями писателя и слабого на слово мыслителя опостылевшим пугалом постмодернизма,— всё равно никто не может ничего иного, как говорить всё то же, но иначе. Снова и снова подбирать упавшие с чужого воза неважные слова, чтобы выложить их по контуру своей тени...

Метафизика — пространство сущего, в котором человек самоопределяется как мера всех вещей. Метапрактика — применение метафизического масштаба к повседневности. Вне метафизического измерения человек мал и жалок. В этой малости нет доли ни Богу, ни чёрту. Путь к себе начинается с самоотречения. Сказано обратившему своё сознание к бытию: *предоставь мертвым погребать своих мертвецов, а ты иди, благовествуй Царствие Божие* (Лука 9; 60). И в то же время в метафизике первохристианства Царство Божие чудесным образом совмещает микрокосм и макрокосм. *Царство Божие придёт не так, чтобы приход его можно наблюдать, и не скажешь, здесь оно или там. Ибо вот, Царство Божие посреди вас* [Или: *внутри вас*]. (Лука 17; 20–21 в переводе С. С. Аверинцева). Это же не что иное как платоновская алетейя! Лука не читал Платона, но суть та же. И тогда понятно выражение: *что пользы человеку, если приобретёт он весь мир, а душу свою потеряет*. Ведь в душе — Царство Божие. Именно так понимал этот отрывок Иоанн Златоуст. Потом это понимание в церкви утратилось. Так толкование Иоанна Златоуста приводится и отвергается как мнение в комментарии *Толковой Библии* под редакцией А. П. Лопухина (т.3, с.236–237).

Потерявшие метафизическое напряжение конфессиональные традиции Запада и Востока ныне неплодны. То, что по-настоящему волнует человека в его существовании, если не отлучено, то отстранено от церкви. Кризис христианского благочестия в России — казус Толстого. Церковные иерархи, вынесшие Определение Синода по поводу метафизических метаний мятежной души графа Толстого, спутали святое с праведным и тем самым развели веру и мораль. Истинное моральное беспокойство оказалось не в ладу с обрядоверием. Некогда Русская Православная церковь вмещала в себя все духовные искания национального гения, ныне же она хранит в недвижности духа прежние находки, словно некий музей веры. В своё время она одновременно могла счесть со святыми идейных противников Иосифа Волоцкого и Нила Сорского, то есть сочетать крайности. В наше время православие, отказавшееся от метафизических рисков, содержащихся в неканонических метапрактиках, перестало быть охватывающим языком русской национальной идеи и сжалось в церковнославянский диалект. То, что в церковных кругах в начале тысячелетия наличествует тенденция к канонизации Григория Распутина, а не Льва Толстого, есть выражение Второго Раскола: разделения Царства Божия на внутреннее и внешнее. Внутреннее без апостолов, а внешнее без святых. Понимание того, что непотаённая истина и тайна бытия одно и то же, найдено и утрачено. Возвращение в рай через церковные врата не состоялось. В начале третьего тысячелетия человек начинается заново.

Разумная жизнь зарождается в пограничье меж хаосом и логосом и исчезает в разрыве меж физиологией и теологией. Всё, что человек полагает в качестве своей сущности, поглощают сомнения. Но остается ноль как число, разделяющее бесконечности положительных и отрицательных чисел. Метафизическое ядро человека — дырка от бублика: но вот её-то небытие не в силах поглотить. Давайте по-прежнему называть это непонятное нам, но явленное в нас отношение сознания к бытию *душой*. В силу категорической неопределимости душа исключена из философского дискурса, а в теологическом плане она есть проекция личности на

метафизическую плоскость. Память — реакция сознания со временем; душа — реакция сознания на вечность. В чаянии послесмертного нет ничего достоверного. Единственный метафизический опыт человек получает из жизни. Через открытие очевидности своего бытия.

Мироздание дробится в нашем сознании, как свет в хрустальной призме. В мутном уме мир тёмен, а в чёрном человеке полный мрак. Сартр в «Дневнике странной войны» нашёл образ своей философии: человек — толща существования; его экзистенциальная возможность заключается не в том, чтобы выбраться (куда?), а в том, чтобы просветлить среду. То есть опять же в открытии очевидности. Экзистенциализм — предтеча новой философии существования; так ессейская ересь предшествовала христианству.

Особое место в современных метафизических практиках Запада занимает заново открытая мудрость Востока. Прежде всего дзэн-буддизм. В дзэн есть слово для чуда: *сатори*. Просветление. Словно бельма упадают с внутреннего взора — и прямо перед собой ты обнаруживаешь жизнь как она есть. То есть реальность. О том же учил св. Григорий Палама: *исихасты знают, что очистившийся, просвещённый и явно приобщившийся божественной благодати ум получает и другие таинственные сверхприродные созерцания, и даже видя самого себя он видит себя как другое* (Слово в защиту священно-безмолвствующих). Путь к просветлению — медитация. В учении исихастов это сосредоточенная умная молитва. В учении дзэн это внезапный рывок сознания из действительности в реальность.

Интенция нашего времени — перевод обыденного сознания из состояния *как бы* в состояние *на самом деле*.

* * *

СТРУКТУРА МИРА. Сознание человека неоднородно. Оно расщепляется в анализе на три параллельных пласта. Я — это *сверх-я*, собственно *я* и *оно*. Такова классическая триада Фрейда:

Социальное (super-ego)
Сознательное (ego)
Подсознательное (id)

Однако центр тяжести личности надежно укоренен в среднем уровне, в очевидности. Что худо-бедно позволяло человеку в массе удерживать душевное равновесие на всех поворотах истории. Согласно принципу тождества микрокосма и макрокосма, свою внутреннюю форму человек проецировал вовне как концептуальную модель мироустройства. То есть обустраивал в сознании Божий мир по своему образу и подобию. В рамках категорий своей культуры. Такова триада миров славянской мифологии:

Правь (сфера богов, непознаваемое — платоновский идеал, логос, закон)
Явь (собственно жизнь, явленное — то есть алетейя)
Навь (мир смерти, несознаваемое — хтоническое, чуждое, чужое)

Поразительным образом это членение совпадает с формулой сознания, предложенной Фрейдом. В процессе социальной эволюции (или в результате научно-технической революции) мир человека усложнился. Те сферы, которые сотворены человеком из ничего в дополнение к созданному Богом, можно обозначить так:

Ржавь (вторая природа — техносфера, искусственная среда обитания)
Славь (третья природа — виртуальная, информационная, психоделическая)

Усложнилась и структура сознания. Однако для освоения новых уровней реальности в психической сфере ещё не образовалось отдельных секторов. На пути про-

гресса человек не поспевает за собой. Homo sapiens опасно отстает от homo faber. Трещина между *думающим* и *делающим* ширится. Парадигма личности, заложенная Возрождением, установленная Просвещением, упроченная Позитивизмом и модифицированная Модернизмом, изъеденная коррозией цинизма, тонет в тёмных водах подсознательного. Из растревоженных глубин психики к поверхности сознания всплывают доисторические чудища архетипов. Это их кормили с руки останками гуманизма Сталин и Гитлер... Но страшней прочих опасность неведомая. Неодушевлённый мир техники самоорганизуется на принципах прагматики. Рано или поздно то в человеке, что не укладывается в стандарты, будет тем или иным образом стерилизовано. Технологический комфорт потребует от человека своего рода метафизической кастрации — и избалованный изобилием обыватель охотно пойдёт на упрощение. (Нечто подобное вообразил Станислав Лем в «Возвращении со звёзд».) Но и это горе еще не беда. Хтонические чудовища из архаического подсознания человека проникают в психоделическое надсознание и клонируются там с невероятной скоростью. Все информационные технологии так или иначе потворствуют злу. В это мнимое пространство реальное человечество безответственно выселяет свои кошмары. В виртуальном мире, сотворённом человеком, но не очеловеченном им, вызревает апокалиптический зверь из бездны. Настанет день, и заложенная в воображении империя зла нанесёт ответный удар. Лишенное метафизической основы сознание беззащитно перед вторжением иррационального. Может ли человек создать такой камень, который его раздавит? Может... Совокупность выработанных слов рано или поздно достигнет критической массы. И тогда в сознании начнётся цепная метафизическая реакция. Будет она управляемой или случится как взрыв — тайна сия велика есть.

* * *

КРАТКАЯ АНТОЛОГИЯ МЕТАПРАКТИКИ. Особая роль словесности в разработке метафизических проблем не нуждается в доказательствах. Античная классика не различала философию и филологию. В сущности, любой текст, обладающий художественной ценностью, зиждется на нездешнем. *Вкус к метафизике отличает литературу от беллетристики* (Иосиф Бродский «О скорби и разуме»). Литература без сакральной подкладки не более чем занятная ерунда. Настоящая книга по сути кодированная в тексте метапрактика. Частный случай открытия очевидности.

Один из самых загадочных писателей России — Антон Чехов. Его метафизика не вытащена в скандал, как у Достоевского, и не дана в задание, как у Толстого, а опущена ... нет, не в подтекст — опущена вообще. И эта дзэнская пустота среди никчемности заполняется сама собой иным значением. Текст работает как ловушка неизреченного. Вот «Чайка», знаменитое и затасканное...

Треплев (собирается писать; пробегает то, что уже написано). ... *Тригорин выработал себе приемы, ему легко... У него на плотине блестит горлышко разбитой бутылки и чернеет тень от мельничного колеса — вот и лунная ночь готова, а у меня и трепещущий свет, и тихое мерцание звезд, и далекие звуки рояля, замирающие в тихом ароматном воздухе... Это мучительно.*

Секрет Тригорина, который мучает Треплева, много позже французский философ Ролан Барт в эссе о фотографии определил как punctum — точка прокола плоскости мира, мгновение прорыва в непотаённую суть очевидного. Взгляд профессионала Тригорина сфокусирован на обнаружение неприрученной реальности, в то время как дилетант Треплев пытается поймать ускользающий образ данного худым сачком должного. Чехов, Пастернак, Набоков — все большие писатели

по-разному утверждали значимость детали. В основании художественного метода лежит методика гипноза. Блистательная деталь подобно хрустальному шарику волшебника (или шарлатана) притягивает внимание, завораживает взгляд и ввергает в гипнотический транс медитации. Дар видеть реальность непосредственно реализуется в литературе как антитеза умозрению. Художественное слово работает в тексте как линза, обнаруживая скрытый план действительности. Но яркий образ отпечатывается на сетчатке как слепое пятно: имя розы становятся препятствием для видения розы. Замасленная умилением линза — бельмо. Художественное слово склонно отливаться в клише, которым клеймят одомашненную очевидность. Существо литературной работы — освобождение слов от присущих значений для обращения опустошённого сознания к сущему.

В поэзии совершается аннигиляция слов, ничтожение их прямого смысла в метафорах, отсылающих от действительности отношений к реальности явлений. Утверждением самодостаточности вещей начинает Ольга Седакова «Пятые стансы»,— может быть, самую лучшую и самую большую вещь в современной поэзии:

Большая вещь сама себе приют.
Глубокий скит или широкий пруд,
таинственная рыба в глубине
и праведник, о невечернем дне
читающий урочные Часы.
Она сама — сосуд своей красы.

Задолго до неё другая гениальная послушница очевидности, фрейлина императорского двора Сэй-Сёнагон, обращала свой скромный взор к незамутнённой красоте того, что есть, составляя каталоги обыкновенных вещей и перечни ничем не примечательных событий в знаменитых «Записках у изголовья»: *Однажды в пору девятой луны всю долгую ночь до рассвета лил дождь. Утром он кончился, солнце встало в полном блеске, но на хризантемах в саду ещё висели крупные, готовые вот-вот пролиться капли росы. На тонком плетении бамбуковых оград, на застрехах домов трепетали нити паутин. Росинки были нанизаны на них, как белые жемчужины... Пронзающая душу красота! Когда солнце поднялось выше, роса, тяжело пригнувшая ветки хаги, скатилась на землю и ветви вдруг сами собой взлетели в вышину... А я подумала, что люди ничуть бы этому не удивились. И это тоже удивительно*! Это талантливое удивление очевидца японской древности открывало доступ к реальности вокруг неё. Та же роса, в буддийской образности символизирующая мимолетность этой жизни, пережила в паутинке ее строки уже тысячелетие. Предметом медитации в метапрактике Сэй-Сёнагон становится не проникновение в запредельное, а прикосновение к пределу реальности. Лишь прикосновение... и этого достаточно для сатори (*просветления*). Потому что майя (*иллюзия*) не мир вещей, а мир мнений. Что запало нам в память из блистательной эпохи Хэйан? — не пышный храм, не страшный бой, а утро после дождя. И это тоже удивительно!

Чтобы увидеть реальность, нужна не столько панорамность обзора, сколько свобода зрения. В большинстве случаев визуального контакта взгляд ищет в незнакомом знакомое; эта прагматика умозрения упрощает быт, но упускает жизнь. Обеднению картины мира и вырождению ее в карту-схему препятствует искусство. Художник тот, кто развивает в себе дар увидеть в знакомом незнакомое. Тропой к реальности в литературе служит риторический троп. Вот пример зоркости, взятый из книги Вашингтона Ирвинга «Поездка в прерии» (1835): *Несколько больших собак шныряли взад и вперед по кузнице, другие отдыхали на солнце; маленький щенок, приподняв немного одну сторону головы и выпрямив ухо, со свойственным ему любопытством смотрел,*

как ковали лошадь, будто сам хотел перенять это искусство или дожидался времени, когда очередь дойдет до него, чтобы тоже подковаться. Одним художественным жестом автора (то есть творца) случайной собаке дарована вечная жизнь. Правда, лишь в плоскости бумажного листа...

Чтобы увидеть мир таким, как задумал его Бог, нужно этот мир любить. Любить a priori, то есть до опыта. Любовь к миру есть необходимое условие веры в его реальность и надежды на понимание. Путешествовать стоит только для того, чтобы найти мир в себе. Для меня нет лучшего опыта метапрактики, чем путевые записки Карела Чапека. (То, что его Нобелевскую премию отдали в 1938 году полузабытой теперь политкорректной американке, я до сих пор воспринимаю как личную обиду). Так, к примеру, он увидел Голландию: *Дело вот в чём: там, где у нас между рядами домов тянутся мостовые, в Голландии просто находится вода, так называемые грахты, а там, где такая же вода течёт от города к городу,— это уже канал. Берега тихой воды ничем не ограждены, вдоль них стоят только тихие большие деревья и тихие фасады домов со светлыми окнами; и всё это тихо отражается в грахтах, как в зеркале. ... Но самое характерное для грахтов — вечерний час, когда на тёмные каналы с колоколен падает колокольный звон. Словно тяжкие капли со звоном разбиваются о тёмную, спокойную гладь, и кажется, что вековой дождь этих набожных звуков и образовал тихие грахты.* Когда я это читаю, мне не жаль, что я нигде не был. Мне жаль, что меня нет здесь и сейчас. Потому что aletheia равномерно распределена в мире, и радость открытия очевидности не заказана нигде и никому.

Карел Чапек — один из самых удивительных писателей XX века. И что самое удивительное, он жил практически в одно время и в одном месте с Францем Кафкой. Кажется, они не были даже лично знакомы. (Как Толстой и Достоевский, кстати.) Но это несхождение символически выявляет их тотальное несходство. Два гения, светлый и тёмный, объявились в Праге, в мистическом центре тяжести Европы, в первой трети прошлого века, чтобы поставить на кон этот мир в игре воображения. Выиграл Кафка. Счёт, предъявленный им истории, оплачен двумя мировыми войнами и, судя по всему, далеко не погашен. Но если на Страшном Суде человечеству будет дано право назначить из своей среды защитника, я бы просил пана Чапека описать своими словами нашу *обыкновенную жизнь* (так, кстати, назван один из его романов) и тем оправдать ее в глазах Господа. Описание мира, сделанное таким образом, есть открытие мира, то есть обнаружение его как реального и наделение высшей ценностью. Если угодно, пересотворение. А ещё — искупление. Художник своей работой выкупает мир у забвения.

В оккупированном немцами Париже один из оккупантов не находил себе места. 17 июля 1943 в городе... *было невыносимо жарко; от зноя улицы притихли. Сквозь витрину рассматривал внутренность маленькой антикварной лавки на улице Лористон. Среди предметов старинной мебели, картин, стекла, книг и разных редкостей в бархатном кресле сидела продавщица — красивая молодая женщина в шляпе из перьев — и спала. В ее сне было что-то гипнотическое — ни грудь, ни ноздри не шевелились. Я как бы заглядывал в некий заколдованный кабинет, предметы в котором, казалось, бесценны, но и сама спящая была как бы превращена в предмет, в заводную куклу.* Знаменитый писатель Эрнст Юнгер, полковник вермахта, в своём дневнике сохранил эту безымянную мадемуазель как сказочную спящую красавицу — в ожидании освобождения от злых чар. Так и случилось. Хотя счастья ей наверняка не принесло. Зато дневник Юнгера стал для поколений читателей опытом метапрактики в чрезвычайных обстоятельствах.

Опыт, который современные ему философы-экзистенциалисты осмысливали как опыт-предел. Пограничная ситуация возникает на каждом шагу. Человек, возжелавший свободы, получает её немедленно — как наказание за бунт против установленного порядка вещей. Бремя выбора — иго свободы. Бунтовщик изгоняется из действительности, но не находит дороги к реальности. Он — *посторонний* (в другом переводе названия романа Камю — *чужой*). Метафизика заполняет его сознание как холодная тёмная вода трюмы корабля, тонущего в море житейском. Альбер Камю в «Записных книжках» (Тетрадь № VI) протоколирует собственную потерянность: *Париж. Сентябрь 1950. То, что я хочу сказать, гораздо важнее того, что я есть. Устраниться — и устранить. ... Дождь и ветер усыпали улицы осенними листьями. Идешь по влажному рыжему меху*. Идёшь — и никуда не приходишь. Потому что из себя не выйти.

Как не мог найти выхода из действительности другой *чужой* — чёрный меланхолик Чоран. Имя, до сих пор не очень известное в России. Даже написание ещё не устоялось: если встретится *Сиоран (Сьоран)* — это он же. Большой автор малой формы, он долго и мучительно избегал популярности,— но не уберегся... Вот и у нас издают. Хотя еще не факт, что читают. По крайней мере, в святцах современного снобизма места ему не нашлось. Что его, безусловно, порадовало бы. Если он вообще был способен чему-либо радоваться. Потому что оный философ слыл одним из самых мрачных мыслителей века.

Эмиль Мишель Чоран родился в 1911 году в семье румынского попа и умер в 1995 году в парижской больнице. Время между этими датами было потрачено на попытки как-то осмыслить отведенный ему отрезок времени — найти человеческое измерение истории. И что же? Ничего. Ничего из его жизни не вышло, что могло бы послужить ей оправданием. Этот вывод, который Чоран не мог ни принять, ни отвергнуть, выводил его из общего течения европейской мысли в пустыню отчаяния. Или история где-то незаметно кончилась, или человек перестал быть мерою всех вещей. Смысл истории (если допустить, что он вообще был), вероятно, потерялся на одном из ее поворотов, и что без него теперь человек? — так, человечишко: ничей больной ребенок, сирота казанская...

Отщепенец от румынского провинциального самомнения, Чоран не пришелся впору и рациональному сомнению французской философии; он сам по себе, он вне всякого общего места. Вот он, гонимый бессонницей, влачит свой жребий в пустыне Парижа, а над ним парят химеры Нотр-Дам, и проклятые вопросы, как ненасытные осы, язвят сознание и жалят совесть. В путанице мыслей завязываются узлы парадоксов. *Быть — значит быть в ловушке.— Моя задача в том, чтобы убить время, его — в том, чтобы убить меня. Двое убийц всегда поладят.— Как узнать, что ты на верном пути? Проще простого: если рядом с тобой не осталось никого, значит, ты действительно близок к сути.* Читайте Чорана,— возможно, в своих заблуждениях он оказался близко к сути. Но где именно — сам не понял, а нам уж и подавно не понять. И все же — читайте Чорана... Негативный опыт метапрактики — тоже опыт. Дорого оплаченный, он дорогого стоит.

В те же годы, когда в весёлом Париже мрачный румын изливал в афоризмы свою неизбывную тоску, в мрачной Москве весёлый грузин сложил в роман свою незаконную радость. Александр Эбаноидзе написал праздничную книгу, казалось бы уже невозможную в наши дни. Роман «Брак по-имеретински» — центростремительный текст: все силовые линии сходятся к фактически отсутствующему событию, придавая ему мифологический статус. Цельная и целомудренная проза завораживает до ощущения физической иллюзии присутствия — форма и фактура, цвет и свет, тишина

и звук,— вот что сотворяет событие романа на практически нулевой фабуле. Бабушка Тебро и Красный Симон, пройдоха Бесо и расстрига Касьян, река и коза в равной мере участвуют в прохождении сюжета через счастливую податливость читательского воображения. Романная иллюзия плывёт радужным облачком над пересохшими от концептуализма литературными пажитями — это Ладо, рассказчик и герой обыкновенной горской истории опрыскивает медным купоросом зреющие виноградники... «*Шелковица зашелестела под ветром, словно дрожь пробежала по ней. Зашептались акации, кусты и сливы. Зашуршали покинутые пчёлами липы. Занялись виноградники, сад и дальний лес... То близящаяся ночь дохнула тайной. Тайной и страхами. Мир медленно наливался тёмной ночной силой*». Собственная тайна романа — алетейя, открытие очевидного как чудесного события жизни. Опыт метапрактики этого текста в самодостаточности данности для простого человеческого счастья. Простого, как вода в реке, и естественного, как коза, пьющая воду. Опыт, в нищей прагматичности или натужной духовности нашей повседневности не прочтённый и не востребованный. К сожалению...

Все настоящие книги написаны как пособия по жизни. Включая ту, которую вы сейчас читаете. Функция художника в обществе — хранить мир в сознании. Предоставленный самому себе, мир исчезает из восприятия. Повседневное сознание оперирует банальностью. Банальность — это бывшая очевидность. Единое мира исчезает под наслоениями размножившихся вещей, как материальных, так и духовных. Во второй природе идет жесткая конкурентная борьба за место в иерархии ценностей, и отмирающие вещи откладываются внутри цивилизации культурными слоями, погребая под собой реальность. С этим ничего поделаешь. В искусственном мире нет механизма естественного очищения среды обитания, и только в искусстве совершается регенерация свободного духа. Только творческий порыв способен на прорыв к реальности. Погрязший в истории индивид способен сохранить если не тело, то душу лишь через отстранение от собственных обстоятельств. Так, как барон Мюнхгаузен вытащил себя из болота — силой воображения, не скованного клише. Только я сам могу дать себе смысл.

Потому что внутри меня — Царство Божие, но я из него изгнан.

* * *

ЯВЛЕНИЕ АВТОРА ПОД ЗАНАВЕС. Чем дольше длится текст, тем дальше он уходит от своей цели. Может быть, в конце каждой книги, автор должен выйти из тени и извиниться перед читателем за очередную неудачу. Ибо все художники в конечном счёте терпят поражение; разница в масштабе. Великие катастрофы называются шедеврами.

Замысел этого эссе был более чем амбициозным — написать о том, что ускользает из слов. Об очевидности. О сложности простых вещей и актуальности вечных истин. О своём запоздалом открытии мира. О смысле жизни. О смысле смерти. Этот замысел я вынашивал давно и обдумывал долго, но не знал, как за него взяться — и не брался. И, наверное, правильно. Будучи собственной недостаточностью, я жил пусто и скудно. Зная, что так жить нельзя, но по-другому не умея. Писал на злобу дня и тратил время на бесплодные сожаления о бездарно потраченном времени. Нет, не так: в поисках утраченного времени я терял настоящее время. Одно я понял почти наверняка: чем больше человек думает о себе, тем меньше знает себя. Душа, метафизическая пчела, безнадёжно запутывается в паутине психики — и черный паук отчаяния тянет из неё живые соки. К этой тянущей боли внутри привыкаешь так, что принимаешь её за естественный фон существования. И вдруг, нечаянно задумавшись о чём-то другом,

обнаруживаешь самого себя потерянным в житейской суете, стоящим в очереди на выход из жизни.

Сознание стоит в обыденности как вода в затоне — и загнивает. Ум покрывается ряской здравого смысла, непроницаемой для света истины, а на дне души, в подсознании, осаживается ил. Рыба ищет где глубже, а человек где лучше. А лучше ему в мутной воде, где легче спрятать своё несовершенство. Сфера мира сводится к своей среде. Вне которой ничего. И только упавший на зеркало воды листок вдруг обнаруживает рябью грань иного — и тем самым пробуждает сознание, побуждает человека наполнять собой пустое присутствие. Так яблоко, долбанувшее по башке Ньютона, вернуло ему самого себя в качестве познающего. Господи, да вот же я — сущность, занятая своим существованием, а совсем не тот житейский мусор, что я привык воспринимать в качестве себя — боль, долг, забота, досада, желчное желание чего-то ещё...

А ведь нашей короткой жизни всегда не хватает на самое необходимое — на жизнь. *Жизнь... это единственное, к чему мы стремимся, даже когда живём.* (Мераб Мамардашвили «Лекции о Прусте»). Ольга Седакова дала этому чуду удивительное определение: *явление настоящего*. Настоящее — ключ к очевидности. В русском языке это слово вмещает (совмещает) два ключевых понятия: 1) время, схваченное в событие; 2) истинное, подлинное, бытийное. В концепте настоящего любая точка на линии жизни, взятая как точка зрения, есть центр бесконечной сферы мироздания. Сферы Паскаля, центр которой везде, а окружность нигде. Я фиксирую эту мысль в тексте, и внутренний голос утверждает, что точка в конце предложения и есть истинный центр мира. ... Пока писал, я верил в это. Но сразу после точки возникло многоточие сомнения, и очевидность подёрнулась недостоверностью. Читатель в опыте чтения может повторить эксперимент с тем же самым результатом. Вся полнота бытия даётся человеку *здесь* и *сейчас* — и в момент обретения оказывается абсолютной пустотой.

У грешного человека нет прямой связи с Богом. Бог в нём нем. Более того, у него нет внутреннего голоса, которому он мог бы довериться вполне. Вслушиваясь в себя, он слышит разные голоса, исповедующие каждый своё. Суть человека — разноголосье. Когда человек стоит дурак дураком на пустыре посредине мира, и не знает — смеяться или плакать от избыточной нищеты обыкновенной жизни,— только тогда он есть на самом деле. Так в нескольких словах автор постулирует своё существование.

* * *

ЭПИЛОГ. В каждом связном тексте происходит реакция синтеза слов. (Или не происходит...). К существующим смыслам приращиваются вновь произведённые. Интенция к размножению смыслов — основной инстинкт творческой деятельности. Систематические действия разума, направленные к раскрытию реальности, парадоксально увеличивают системность и связность действительности. В пределе мышления постулат Гегеля: *всё действительное разумно, всё разумное действительно*. Горизонт рационального познания — порочный круг замкнутой на себя мысли. Самоопределение человека как homo sapiens по сути самоограничение. Одного разума очевидно недостаточно для открытия очевидности. Выход из себя как человеческой частности в целостность бытия открыт через метапрактику. Через обретение утраченной метафизики.

Никчемность как пыль покрывает невидимую паутину силовых линий необходимости. На самых важных вещах слой вековой пыли плотнее всего. На самых не-

обходимых вещах липкий налёт употребления и скользкий след использованности. Если с поверхности *вещей-в-себе* периодически не удалять мёртвые слова, начинается некроз понятий. Рефлексия как критика практической никчемности — необходимое и достаточное условие метафизической практики. То, что в античности называлось *техникой себя*. В опыте самопознания мутный поток жизни процеживается сквозь фильтр философии. Найти себя через текст невозможно, обнаружить себя вне текста немыслимо. И тем не менее литература — в форме чтения или письма — остаётся наиболее доступной человеку технологией метафизического поиска. Опыт прозрачности очерчивается радугами метафор, а в память осаживается взвесь слов. Слова, слова, слова ... пустые оболочки смыслов в паутине синтаксиса. Автору остаются вершки приподнятого духа, читателю — корешки книг, заставляющих полки вавилонской библиотеки.

Текст сделал своё дело, текст может уходить в отстой. Как трактат — это очередное поражение рациональной мысли в метафизических правах. Самого главного словами не скажешь. Как эссе — это не более чем черновик отчёта о проделанной душевной работе, словесный осадок медитации. Образ реальности, представший перед внутренним взором, не удержать и не передать. Открытие очевидности происходит каждый раз заново. И достигается каждым в одиночку. Ибо в едином и неделимом реальном мире нет ни одного общего места. Как ни жаль, но это так. Ясность всякой мысли в речи подёрнута тенью неточности выражения. *Мысль изречённая есть ложь*,— констатировал Тютчев разрыв меж реальностью мышления и действительностью высказывания. По мере возрастания критичности неясности сгущаются, и наступают сумерки чистого разума. В яблоке познания заводится червь сомнения. *Во многой мудрости много печали*,— сказал Екклесиаст. *Сова Минервы вылетает только с наступлением сумерек*,— подтвердил Гегель. Очевидность подёргивается повседневностью,— и исчезает из обыденного сознания.

Вечер. Сумерки мысли. Над черновым наброском кружит сова Минервы: ищет — и не находит, чем поживиться...

НАТАЛЬЯ ВЕРДЕРЕВСКАЯ

ИЗ-ПОД КУСТИКА, ИЗ-ПОД КАМЕШКА...

Сборник с этим названием и с подзаголовком «Старинные русские народные песни, записанные в 60-х — 80-х годах XX века в Елабужском и Менделеевском районах Татарстана» был издан в 2011 году Елабужским государственным историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником. Составитель сборника Н. А. Вердеревская, редакторы Гульзада Руденко и Андрей Иванов. В сборник включены 36 подлинно народных текстов, вступительная статья, комментарии, имеется карта с обозначением населённых пунктов, в которых производилась запись.
Далее мы приводим отрывки из вступительной статьи («Старинные русские песни», и как мы их записывали) и несколько песенных текстов, наиболее, по нашему мнению, красивых и оригинальных.

«Тёмные сосны старого бора и неожиданный — на выходе — простор заливных лугов. Асфальтовый тракт Казань — Набережные Челны, отбегающие от него пыльные, грязные, разбитые машинами просёлочные дороги. Тропинка, бегущая по склону оврага. Гулкие родники. Ласточки под куполами разрушенных сельских храмов и голос жаворонка над полевым простором.

Мы выпрыгиваем из автобуса или попутной машины и вступаем — в который раз — на широкую деревенскую улицу. На лицах студентов — ожидание и любопытство. Для многих из них тут новый мир, знакомый только по книгам и телепередачам. Для других — всё, как дома: разбитые тракторами улицы, рубленые избы, медленно бредущее стадо. Но дело для всех новое. Где-то здесь, в глубине крестьянских дворов, в памяти пожилых людей хранятся сказки и легенды, воспоминания о шумных свадьбах и весёлых хороводах, мелодии и слова старин-

ных песен, россыпь весёлых частушек. И нам нужно всё это записать. Мы собираем фольклор.

Это всё не сейчас — не сегодня. Это тридцать, сорок, даже пятьдесят лет тому назад. Именно тогда — в 60-е, 70-е, 80-е годы XX столетия — студенты Елабужского государственного педагогического института под моим руководством во время летней фольклорной практики обследовали сёла и деревни, окружающие Елабугу, более или менее от неё отдалённые. В наших записях было всё: и сказки (очень редко), и так называемые былички (рассказы о леших, домовых, ведьмах, живущих на соседней улице), и устные сказы — полуфантастические рассказы о прошлом, например, о елабужских купцах Ушковых, основавших Менделеевский (тогда — Бондюжский) химический завод. Попадались загадки, заговоры, частушки. Но больше всего записывалось песен: хороводных, свадебных, лирических, весёлых и грустных, «частых», то есть быстрых, и «протяжных» — медленных, с повторяющимися не раз строчками и отдельными словосочетаниями. Мы записывали их тексты «на слух», как это делали ещё в XIX веке. Магнитофона у нас не было: переносные магнитофоны были редкостью, а о других средствах записи никто в те годы даже и понятия не имел.

Да, это было не сегодня. И надо с грустью признать: мы захватили самый конец живого существования («бытования») старинной лирической песни. Уже тогда, 30–50 лет назад, её «носителями» (хранителями, исполнителями) были женщины преклонного возраста, не моложе 65–70 лет. Они пели нам песни своей молодости. Женщины средних лет их уже не знали, о молодых нечего и говорить. Сейчас прибежищем старинной песни стали профессиональные и полупрофессиональные хоры и ансамбли, именно они выступают на «Каравоне» и других праздниках. Они делают большое и важное дело, но к традициям устного бытования имеют отношение лишь косвенное.

А тех, у кого мы записывали песни, увы, нет в живых — и уже давно. Нет в живых Ирины Тихоновны Балобановой из села Танайки, талантливой песельницы с богатейшим репертуаром, ей было 75 лет в конце 70-х годов XX века, когда мы записывали её песни. Нет Анны Филипповны Акаевой из Костенеева, примерно её ровесницы. А Бурмистровой Анастасии Васильевне из Лекарева было уже 90 лет, когда мы в 70-е годы с ней повстречались — и какие песни она знала! Но бывало, что и мы опаздывали. В первую половину 80-х годов мы впервые приехали в Тихие горы. «Вы опоздали,— сказали нам.— Прошлой зимой у нас умерли три лучшие песельницы».

Итак, перед нами песни, записанные на территории Елабужского и Менделеевского районов. До 1985 года это был один Елабужский район, из него выделился Менделеевский. Они протянулись по правому берегу Камы от устья реки Иж до реки Вятки, именно Вятка является западной границей. На севере земли районов примыкают к территории Удмуртии. Это слегка холмистая равнина, когда-то вся поросшая лесом; сейчас лесные массивы разрознены и невелики, хотя и сохранились в окрестностях города знаменитые шишкинские пейзажи, равнину пересекают овраги и небольшие речки: Тойма, Танайка, Армалинка, Анзирка. В годы, когда мы начинали наши записи, Елабуга была отрезана от Казани и от всего мира бездорожьем: не было ни Нижнекамской плотины у Набережных Челнов, ни моста через Вятку у Мамадыша. Единственным путём был речной, пароходом из Казани, зимой же только санный путь к ближайшей железнодорожной станции Кизнер: два дня на санях-розвальнях в обязательном тулупе, с ночёвкой на полу в крестьянской избе. Полное бездорожье. Позднее кое-где появился асфальт, построили плотину, за Камой выросли города — Набережные Челны и Нижнекамск, но даже в конце 80-х годов регулярной связи

с Казанью ещё не было. Такая отдалённость, обособленность района во многом и обеспечивала сохранность фольклорных богатств...

Как возникли необрядовые лирические песни и как они распространились? Трудно сказать. Серьёзных исследований в этой области не проводилось. Каждую песню кто-то когда-то сложил. Кто — мы уже не узнаем. А вот когда — часто узнать можно, даже не сверяясь со временем первых публикаций. Дело в том, что содержание песни очень устойчиво и с годами не подвергается изменениям... И потому лирические песни легко доносят до нас реалии прошедших веков, старинного крестьянского, и не только крестьянского, быта. Девушка жалуется на родителей, которые не по обычаю младшую сестру отдают замуж раньше старшей, муж пошёл в поле сеять, но забыл лукошко (так сеяли когда-то, вручную разбрасывая из лукошка семена), девка мыла на речке платье и колотила его (так стирали, когда мыла не было), купец едет в Китай-город, торговую часть Москвы, «закупочки закупати» и привозит жене в подарок «саму-саму преотличную плётку», что песня вполне одобряет. Иной раз не всё и понятно без прояснений. Вот соловеюшка девушкам «весть подаёт», советует подольше побыть у матушки с батюшкой «в своей воле, в своей негушке». Замужество может быть несчастливым: «неровен-то муж навяжется либо старый, либо малый, либо ровня горький пьяница». Старый и пьяница — это понятно, но что значит «малый» и почему это несчастье? Дело в том, что до начала XIX века брачный возраст в России законами не ограничивался, и взрослую девушку могли выдать замуж «за малого» — за мальчика, ребёнка. В книге Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» крестьянская девушка Анюта говорит: «Меня сватали в богатый дом за парня десятилетнего». И действительно, песня эта в XVIII веке уже существовала, она помещена в один из сборников того времени. А вот дошла до второй половины XX века в сохранности и осталась очень популярной. Мы её записывали неоднократно.

Они очень красивы, эти старинные песни. В них свой особый, необыкновенный язык. В них слёзы горючие, сердечко ретивое, мать — сыра земля, ветры буйные и тёмные леса. В них быстрая реченька течёт из-под кустика, из-под камешка, в них калина роняет листья в синее море, над Москвой занимается заря и собирает бранное войско, генеральский сын гуляет по улице по шведской и ведёт девушку за руки, за златые перстенёчки. В них горе, печаль, тоска, в них радость и веселье.

Да и к чему я всё это говорю. Вы прочитайте и убедитесь сами».

* * *

Семик да Троица, ию-ию.
Вы летите улицей, ию-ию.
Царь-государь во поход пошёл,
За ним гонцы гонятся.
— Царь-государь, воротися домой,
Царица-матерь сына родила.
— Для сына я не ворочусь домой.

Семик да Троица, ию-ию.
Вы летите улицей, ию-ию.
Царь-государь во поход пошёл,
За ним гонцы гонятся.
— Царь-государь, воротися домой,
Царица-матерь дочерь родила.

— А для дочери я ворочуся домой.
Дочерь у меня гостийка.

Танайка

Уж мы выйдем-ка, девоньки,
На широкую на улицу,
На широкую на улочку гулять.
Уж мы вынесем, вынесем, девоньки,
Соловушку на рученьке,
Соловушка песенку поёт,
Молодой душой насвистывает,
Красным девушкам весть подаёт.
Уж вы девушки красные,
Полюбуйтесь в своей неге,
В своей негушке, в своей волюшке,
У родимого батюшки,
У родимой-то матушки.
Неровно ваше замужество,
Неровен-то муж навяжется,
Неровен накачается.
Либо старый, либо малый,
Либо ровня — горький пьяница.
Он в кабак идёт — шатается,
Из кабака идёт — валяется,
Домой придёт — разругается.
Он заставит разувать-разволокать,
Часты пуговки расстёгивать,
Шёлковы петли ресхлёстывать.

Тихоново

Запрягу я лошадку вороную,
Сам я сяду в карету золотую.
Я поеду во Китай-город гуляти.
Я заимочки занимати,
Я закупочки закупати.
Я куплю своей хозяюшке подарок:
Само-само преотличное платье.
Ты встречай-ка, жена молодая,
Принимай-ка подарок, не спесивься,
Душа сердце моё, не сердися.
Посмотрите, люди добрые, поглядите,
Что жена-то меня, молодца, не любит.
Запрягу я лошадку вороную,
Сам я сяду в карету золотую.
Я поеду во Китай-город гуляти.
Я заимочки занимати,
Я закупочки закупати.
Я куплю своей хозяюшке подарок:
Саму-саму преотличную плётку.

Ты встречай-ка, жена молодая,
Принимай-ка подарок, не спесивься,
Душа сердце моё, не сердися.
Посмотрите, люди добрые, поглядите,
Что жена-то меня, молодца, любит.
Она любит и милует, и целует.

Менделеевск

Выпьем по рюмочке, позавтракаем.
Выпьем по второй, раззабавимся с тобой,
Выпьем по третьей — с вами песню запоём.
Споём мы песню новенькую,
Всё новую, всё весёлую,
Всё про иву зелену.
Что же ты, ивушка, не зелена стоишь?
Не зелена стоишь, не лазарево цветёшь?
Как же мне, ивушке, зелёною быть?
Тятенька с маменькой неправедно живут,
Меньшую сестру раньше замуж отдают.
Меньшая сестра чем же лучше меня?
Она не ткать, не прясть,
Только мотики мотать,
Только мотики мотать, на ключ по воду сходить,
На ключ по воду сходить, вёдра под гору скатить.

Елабуга

Как по улочке по шведской,
По слободушке немецкой
Генеральский сын гуляет,
Генеральский, капитанский.
За собой он ведёт девку,
Ведёт девку королевну,
Он ведёт её за рученьки,
За златые перстенёчки.
Девка парню говорила,
Говорила, не таила.
— Ты поедешь, мил, жениться,—
Заезжай ко мне проститься.
Не проститься — доложиться,
Чаю, кофею напиться.
Привяжи коня ко кусту,
К тому кусту калинову,
Сорви ягоду калинку.
Какова горька калинка,
Такова с тобой разлука.

Татарские Челны

Как у нашего соседушки
Случилася пир-беседушка

Во беседе люди добрые сидят,
Всё кумушки, всё голубушки,
Честны-хвальны попадеюшки.
Честны офицерские жёны,
Офицерские жёны-барыни,
Они барыни-сударыни.
Офицерский сын впереди сидит,
А постылый муж — на скамеечке.
Уж мы смигнёмся, улыбнёмся,
Обернёмся, поцелуемся.
А постылый муж догадается,
Со беседушки подымается,
Меня младу за рукав тащит,
За рукав тащит, аж рукав трещит.
А мне младой не хотелося идти,
А хотелось во беседе посидеть,
Хотелося позабавиться,
С милым дружком принабаиться.

Тихоново

На печи сижу, заплатки плачу,
Заплатки плачу, приплачиваю.
Всё мужа браню, прибраниваю.
— Муж-муженёк, борзый кобелёк,
Продай, муж, корову с лошадушкою.
Купи шубку-юбку всю в золоте
Купи чоботы, высоки пяты.
Нарядна жена пировать пошла.
За ней муж идёт, он хомут несёт.
— Снарядна жена, запрягайся сама,
Запрягайся сама, поедем по дрова.
Заехал в целик, наклал воз велик.
То мне не досадно, что он сам сидит.
По улице едет, всё детей кричит.
— Дети мои дети, садитесь на воз.
Садитесь на воз, мать-то увезёт.
Подъезжал ко двору, распрягал жену,
Распрягал жену, привязал к столбу.
Жаркую напоил, да жаркою накормил.
Тогда жена мужу воспокаилась.
— Муж ты муженёк, ясный соколок!
Продай, муж, шубку-юбку в золоте,
Продай чоботы, высоки пяты.
Купи, муж, корову с лошадушкою,
Чтобы та корова по двору ходила,
По двору ходила, по плошке доила.

Тихоново

Калинушка со малинушкой,
Ты не стой-ка, не стой на горе крутой,
Не спущай листья во сине море.
Как по синю морю лодка-корабель плывёт,
Лодка-корабель плывёт, аж вода ревёт.
Как на том корабле три полка солдат,
Три полка солдат, молодых ребят,
Как один солдат богу молится.
А другой солдат домой просится.
— Генерал-майор, отпусти домой,
Отпусти домой к отцу-матери,
К отцу-матери, молодой жене,
Молодой жене, малым детушкам.

Елабуга

Сторона моя сторонушка,
Сторона моя незнамая
На тебе, моя сторонушка,
Нет ни тятеньки, ни мамоньки,
Нет родна брата компаньицы.
На тебе, моя сторонушка,
Только есть одна любушка
По прозванию полечко,
Поле чистое, турецкое.
Мы когда тебя, поле, пройдём,
Когда чистое прокатимся,
Горы, долы — перемаемся,
Быстры речки переправимся,
Мы сойдёмся с неприятелем,
Со такой ордой неверною,
Со турецким главным корпусом
На турецкий главный праздничек,
Турки пьяны напивалися,
Со похмелья похвалялися:
— Мы Рассюшку насквозь пройдём,
Граф Паскевича в полон возьмём.
Граф Паскевич слово молвил, речь возговорил:
— Вы ребята да ребятушки,
Мои вечные солдатушки,
Закричим мы все как раз «Ура!»
Турки силы испугалися,
По лесочкам разбежалися,
По кусточкам рассовалися.

Костенеево

В саду ягода малина
В подзакрытии росла,
А княгиня молодая
С князем в тереме жила.

А у князя был слугою
Ванька — ключник молодой.
Ванька-ключник, злой разлучник,
Разлучил князя с женой.
— Уж вы слуги, мои слуги,
Слуги верные мои,
Вы подите приведите
Ваньку-ключника ко мне.
Вот ведут, ведут Ванюшу
На широком на ремне,
Его шёлкова рубашка
К белу телу так и льнёт,
А княгиня молодая
Сквозь стеколку слёзы льёт.
— Ванька-ключник, сын ты вражий,
Сколько лет с княгиней жил?
— Про то знает одна княгиня,
Да её медная кровать.
Я не дарывал княгиню
Ни златом, ни серебром,
Только дарывал княгиню
Своим белым лицом.
Вот повесили Ванюшу
На широком на ремне,
А княгиню молодую
На шелковом поясу.

Бехтерево

ВИКТОР ГЛАДКОВ

ПЕРВЫЕ ДУБЛЁНКИ

(из цикла «Помню»)

Это сегодня в Набережных Челнах, как и в любом другом большом городе, можно зайти в магазин и купить необходимые товары без лишних хлопот, очередей и унижений. И без нужных связей, которые раньше называли словом «блат». Правда, у большей части россиян по-прежнему, как говорится, «видит око, да зуб неймёт». И всё же теперь перед нами не только постоянное наличие в продаже, но и широкий ассортимент продовольственных и промышленных товаров.

Поэтому в настоящее время слова «дефицит» и «блат» прекратили своё бойкое хождение по стране и не ассоциируются больше с отсутствием в розничной сети нужных населению товаров. Но в период социалистической действительности люди вынуждены были выстаивать длинные очереди, чтобы купить, например, колготки, стиральные порошки, одежду, обувь, мебель, зубную пасту, тюль, меховые изделия, детские пелёнки и другие товары. Не хватало и многих продовольственных товаров.

Повсеместно и повседневно дефицитные товары нужно было доставать, находить, выклянчивать, выжидать или «с боем» покупать. Такие товары, по определению обывателя, «выбрасывались» на прилавки (чаще в конце месяца для выполнения плана товарооборота) и продавались при сумятице и нервотрёпке, удовлетворяя лишь мизерную часть покупательского спроса. Дефицит сеял среди людей блат, спекуляцию, склоки, сплетни, слухи. Порождал зависть, озлобленность, чванство, хамство. Он выстраивал взаимоотношения между ними по принципу « ты мне — я тебе». Приносил радость одним и огорчения другим. Отнимал массу времени и сил, открывал пути кому «на верха» — карьерные, кому «в низы» — за решётку. Не зря же в ту пору ходил анекдот: «Дочь спрашивает у мамы: — Можно я надену норковую шубу? — Нет! — А дублёнку? — Нет! — А французские сапоги? — Нет! — А колье и золотой перстень? — Нет! И запомни доченька, пока папа работает в ГАИ, ни-че-го из того, чего нет у других, надевать нельзя!»

Понятно, что крайними во всех безобразиях, связанных с дефицитом, оставались всегда работники торговли. В их адрес летели камни народного гнева и эстрадной сатиры. Потоками изливались газетные обличающие статьи. На «торгашей» переводились стрелки ответственности и ставились клейма виновников вершителями партийной и исполнительной власти в стране.

Время внесло справедливые коррективы: нет больше распределительной системы товарной массы по фондам, разнарядкам, спецификациям, ассортименту. Как нет и унизительных талонов, которые выдавались населению на мясо, масло, водку, моющие средства и многие другие товары. Забылись электрички, поезда и самолёты, мчавшие в Москву за колбасой, косметикой, карамелью и т.д.

Теперь уже сложно представить нынешнему молодому поколению, как и почему тогда приходилось с большим трудом решать бытовые проблемы, а именно (вспомним Райкина): «через заднее кырыльцо, дюрехтор магазин, завсклад, туварувед»... И это хорошо. Только знать и помнить о первопричинах жизненных трудностей тех лет, условиях существования советского человека в стране, которой правил дефицит, думаю, необходимо и любопытно.

Поэтому расскажу подлинную историю о том, как в нашем городе впервые появился и кому предназначался, например, такой «страшный дефицит», как дублёнки.

Шёл 1973 год. Строительство гиганта КамАЗа и города набирало невиданные обороты. Я работал директором магазина «Детский мир». В конце октября вызывает меня директор горпромторга Равиль Шигапович Нуриахметов и говорит:

— Руководство КамАЗа, Виктор Петрович, имеет договорённость с Министерством торговли СССР о выделении целевым назначением для передовиков производства (понимай, самого руководства) дефицитных товаров, которые надо получить, причём срочно, в счёт фондов нашего торга.

Он сделал короткую паузу и, доверительно, продолжил:

— Конкретно, это двенадцать дублёнок, пятнадцать шапок из ондатры и пять лисьих воротников из чернобурки. Товар находится в Москве на меховой оптовой базе. Задание, сам понимаешь, ответственное, требует грамотного подхода, принципиальности при получении этих товаров, необходимой конспирации во время доставки и, особенно, при реализации по назначению. Транспортом обеспечит КамАЗ. С тобою вместе поедет выбирать дублёнки заместитель генерального директора Фрат Сафич Раимов. Он же инициатор этого творческого замысла и потому знает, кому конкретно и какие размеры нужны. Ясно?

— Понятно,— ответил я и тут же вспомнил, что на одном курсе со мною в Московском кооперативном институте Центросоюза учился сын бывшего коммерческого директора ГУМа Виталий Строгов. Его старший брат Николай как раз и работает заместителем директора на этой самой «блатной» базе союзного значения.

В течение получаса я разыскал этих братцев по телефонам и они пообещали оказать мне помощь при выполнении столь ответственного поручения. Выписал командировочное удостоверение и доверенности на получение товаров. Забрал и письмо-ходатайство руководства КамАЗа, на котором уже стояла виза одного из первых заместителей министра торговли СССР: «Отпустить».

Надо отметить, что такие письма на бланках с красной широкой диагональной полосой и впечатляющей строкой «КамАЗ строит вся страна» имели в то время хождение по кабинетам различных министерств, главков, ведомств державной власти. Отзывы на запросы по таким письмам находили, как правило, положительные и оперативные решения.

Поэтому я тоже предложил своему шефу воспользоваться ситуацией и напрямую, минуя министерство торговли республики, на таком же бланке, но уже от магазина «Детский мир», сделать заявку в адрес Министерства торговли СССР на недостающие в нашем городе товары детского ассортимента, по которым причитающиеся нам фонды были давно выбраны. Особенно недоставало в продаже пелёнок, распашонок, подгузников, колготок, одеял, костюмчиков трикотажных, зимней одежды и обуви, игрушек. Письмо написали. Заявку-хотелку (на двух листах) к нему тоже приложили, и я заспешил в аэропорт.

В депутатской комнате (для начальствующего и разного «блатного» люда) стояли мягкая мебель и телевизор, чего не было тогда в залах ожидания общего пользова-

ния. Очередей и нервотрёпок здесь не было тоже. Милые девушки Валя, Роза и Люда могли оформить билет на любой самолёт. Здесь меня и познакомили с Фратом Сафичем Раимовым. Это был тогда известный на КамАЗе деятель. Высокий, дородный татарин, он занимал солидную должность заместителя генерального директора Камаза Льва Борисовича Васильева по быту. Его работа состояла в распределении квартир, малосемеек, общежитий, в решении сотни других важных общественных задач. Как у Жванецкого: «За очередью следишь, без очереди берёшь!» О его деловой хватке, оперативности, смекалке, хитрости, амурных похождениях и аферных поступках в те годы по городу ходило множество слухов.

На арендованном заводом самолёте ЯК-40 мы тут же вылетели в Москву и уже в начале одиннадцатого часа ночи вошли в кабинет к управляющему московской дирекции строительства КамАЗа Бацаеву Никите Алексеевичу. Круглый, как колобок, он полулежал в кресле и, держа телефонную трубку обеими руками, орал зычно и требовательно:

— Питтсбург, Питтсбург, Питтсбург — ё... твою мать! Ты слышишь меня, Николай?

Поняв, что на том конце его слышат и готовы воспринимать информацию, Никита Алексеевич разразился таким колоритным, многоступенчатым, витиеватым и беспрерывным потоком матерных слов, которого ни до того, ни после мне слышать не приходилось. Из этого «чудного монолога» десятиминутной длительности нам удалось понять, что речь шла о закупках и поставках на КамАЗ сложнейшего технологического оборудования...

За это время Фрат Сафич успел открыть свой новый «дипломат» (тоже дефицитная вещь), разлить по стаканам бутылку коньяка, поделить плитку шоколада. Выпили. Договорились, что на завтрашний день в нашем распоряжении будет машина «Волга», а когда получим дублёнки, то и машина РАФ, которая отвезёт товары к самолёту. Бацаев остался на рабочем месте звонить в Италию, а мы отправились отдыхать в гостиницу, которая находилась в этом же здании.

В девять утра мы ступили на проходную меховой базы. Сразу было видно, что это режимный объект: высокий забор, колючая проволока, двойной турникет и вахтёр-охранник за пятьдесят лет возрастом при форменном кителе и военной выправке. Ему я первым предъявил свои документы. Он внимательно изучил мой паспорт, командировочное удостоверение, доверенности и сказал:

— Проходите.

Фрат Сафич протянул свой паспорт и красного цвета удостоверение, что он является заместителем генерального директора КамАЗа.

— Что ещё можете предъявить? — спросил страж.— Пропуск, командировочное удостоверение у Вас есть?

— Нет.

— Тогда до свиданья.

— Как так?! — опешил на секунду Раимов. Но тут же перешёл в атаку:

— Да ты что себе позволяешь? Понимаешь, с кем разговариваешь, зелёная крыса?! Пропускай! Иначе я тебя... — и вдруг осёкся, потеряв дар речи.

В руках охранника возник автомат ППШ времён Великой Отечественной войны, ствол которого был направлен в сторону Раимова.

— Покиньте территорию, товарищ, иначе я сейчас же дам очередь и поставлю крест на всех ваших регалиях, — громко и твёрдо предупредил охранник...

Фрат Сафич вынужден был ретироваться. Я же поспешил к руководству базы, чтобы скорее «разрулить» неприятную ситуацию.

Заместитель директора базы Николай Строгов, как и договаривались, ждал нашего визита. Пропуска на Раимова и Бацаева, который обещал подъехать, быстро выписали и отнесли на проходную.

Когда Фрат Сафич появился живым и невредимым, мы в сопровождении начальницы торгового отдела (которой было поручено уделить повышенное внимание представителям КамАЗа) отправились на самый престижный, специализированный склад, где хранились меховые изделия при температурном режиме плюс 2–4 градуса. К моему удивлению, склад площадью триста квадратных метров был наполовину пуст, имел неухоженный вид и плохое освещение. Заведующая складом подвела нас к вешалкам с мужскими и женскими дублёнками и любезно произнесла:

— Вот в этих первых восьми рядах, пожалуйста, выбирайте, что вам понравится и подойдёт. Поставщики-изготовители этих дублёнок — Болгария, Румыния, Финляндия и Турция. В последних трёх рядах дублёнки из Швеции и Канады, но я прошу вас на них не обращать внимания, так как они предназначены, сами понимаете, для работников высшего партийного звена.

Конечно же, мы понимали.

Я прикинул: в одном ряду на вешалках насчитывалось, примерно, сорок дублёнок, если умножить их на общее количество рядов то получается, что на складе находится около пятисот изделий. Шёпотом я всё же полюбопытствовал у хозяйки склада, сколько дублёнок в наличии и почему не видно детских? На что она мне доверительно и тоже тихонько ответила: «На сей день в остатке четыреста двадцать семь единиц. Следующее поступление ожидается лишь после Нового года. Детские дублёночки бывают, но совсем мало, и мы их сразу отправляем в ГУМ или в универмаг «Детский мир». Тут меня осенила и шокировала крамольная мысль: выходит, что на весь Советский Союз (ведь это только для «цэковских», обкомовских и министерских мужей и жён, а в стране их не одна тысяча) здесь зарезервировано такое мизерное количество дублёнок? Значит, с этим товаром «камазовским передовикам» действительно здорово повезло. Отломился огромнейший куш — аж двенадцать дублёнок!

Фрат Сафич активно занялся подборкой дублёнок нужных размеров для лиц, список которых был известен ему одному. Но прежде всего он тщательно, перед зеркалом и под рекомендации присутствующих дам, выбрал дублёнку себе и своей жене. Попросил упаковать отдельно. В это время появился на складе Бацаев. Как и следовало ожидать, на его нестандартную фигуру подобрать дублёнку не удалось, и он, покрыв иностранных изготовителей смачным матом, направился к выходу. Раимов поспешил его успокоить и заверить, что уж шапку из ондатры нужного размера ему точно завезёт. По предварительному разрешению Фрата Сафича одну дублёночку я прикинул на себя. Пришлось, конечно, признаваться ему в том, что я приехал работать в Челны из жарких, степных краёв Ставрополья и потому к наступающей зиме совсем не готов, ибо нет ни тёплой одежды, ни головного убора. Добро-то, вроде бы, он дал, но предупредил: «Решение это не окончательное, и купишь ли ты её или нет, будем смотреть на месте. Если одного большого начальника твоего росточка удастся обойти, тогда заберёшь. Нет — значит, нет».

В итоге мы отобрали пять женских и семь мужских дублёнок, в основном болгарского производства, также пятнадцать ондатровых шапок отечественного пошива и покраса да пять воротников из чернобурки. Из них три шапки и два воротника Фрат Сафич тоже попросил завернуть отдельно. Затем с целью ускорения оформления документации на полученные товары мы ходили по разным кабинетам, где он

доставал из своего «дипломата» и щедро одаривал работников сувенирами: значками и медальками с камазовской символикой.

Товар под ответственность Раимова на «РАФике» увезли к самолёту. Я же на «Волге» заспешил в Министерство торговли СССР, где на удивление быстро попал на приём к замминистра по промышленным товарам. Без регистрации оставил ему своё письмо-заявку. Рассказал вкратце про «дымы коромыслом» над строительными площадями КамАЗа. Привёл впечатляющие цифры рождаемости детишек в нашем городе (тогда самую высокую в стране) и просил поверить на слово, что каждая десятая встречная женщина в «интересном положении», что беременеют они в Набережных Челнах гораздо чаще, чем выходят замуж, и что «камазятам» остро не хватает самой разной амуниции.

— Продолжайте там действовать в том же духе,— улыбаясь, сказал мне большой начальник.— А мы здесь подумаем, чем можно помочь.

Уже глубокой ночью мы прилетели в Челны. Фрат Сафич рассчитался со мною за две дублёнки по сто шестьдесят рублей за каждую, за три шапки (по тридцать пять) и два воротника из чернобурки (по сто десять). Договорились, что оставшиеся товары он распределит и выкупит в течение двух дней сам или будет направлять ко мне тех людей, которым они предназначены.

Доставленный в магазин «острый дефицит» я передал заведующей отделом, а на проданные товары (за каждое изделие) дал команду пробить отдельный кассовый чек и написать фамилию покупателя: Раимов. Понятно, что это было сделано затем, чтобы оправдать и защитить коллектив магазина от больших неприятностей в случае внезапной проверки правоохранительными органами — ОБХСС (отделом по борьбе с хищениями социалистической собственности).

На следующий день первым посланцем от Раимова стал заместитель генерального директора КамАЗа по экономике Сергей Васильевич Паринов. Он торопился. Быстро примерил у меня в кабинете, где специально для этих целей было поставлено трюмо, предназначенную ему дублёнку. Подошла. Выбрал себе по размеру и ондатровую шапку. Дублёнку, помеченную для его жены, не разворачивая, тоже оплатил и уехал. Появился сам Фрат Сафич. Забрал под честное слово одну мужскую дублёнку (для заместителя генерального директора Андреева), ещё четыре шапки и один воротник. Сказал, что деньги за товар через час завезёт его водитель (так и получилось), а после семи вечера попросил меня лично уделить внимание генеральному директору КамАЗа Васильеву.

Лев Борисович приехал в начале девятого. Познакомились. Дублёнку на себя примерил. Понравилась.

— Кстати,— сказал он,— я недавно был в Америке и видел, что такие дублёнки там стоят очень дорого, 480–510 долларов за единицу изделия. Но зато есть большой выбор и можно купить, а не «доставать» их, как у нас. Хотя купить ту же дублёнку или какую-либо другую ценную вещь советскому человеку, попавшему в зарубежную страну, практически «не можно». Ибо — будь ты командированным или туристом, в обмен на рубли в одни руки получаешь 30–50 долларов, не более. Что можно на них купить? В связи с этим, если хотите, я расскажу вам историю, имеющую прямое отношение к торговле, приключившуюся со мною.

— Конечно, хочу! (Когда это ещё доведётся мне увидеть перед собою такого легендарного человека и, как оказалось, прекрасного рассказчика, наделённого отличным чувством юмора.)

Лев Борисович посмотрел на часы. Отметил, что до начала совещания на РИЗе, назначенного на 21час 30 минут, время есть. Ему тоже, наверное, хотелось простого, доверительного общения, чтобы как-то отвлечься от сотен сложных задач, оторваться от беспрерывных телефонных звонков и деловых разговоров, снять постоянное душевное напряжение. И он поведал мне следующее.

— Я уже работал в министерстве автомобильной промышленности, когда первый раз попал в Америку. Каждый член нашей делегации был обеспечен валютой в размере 30 долларов. За день до возвращения на Родину появился гид — миловидная, бойкая и отлично говорящая на русском языке женщина. Она заявила, что сегодня повезёт нас в магазин, который уже с давних пор известен всем приезжающим из Советского Союза и других социалистических стран под названием: «Яшкин-стрит». Там, говорит, вы сможете потратить свои кровные доллары и привезти на память родным и близким приобретённые по самым низким ценам промышленные товары, сувениры, плюс прекрасное впечатление. По пути, не вдаваясь в подробности, рассказала, что Яшка, коренной одессит, после войны каким-то образом оказался в Америке, открыл этот магазин и уже много лет рад видеть и обслуживать своих соотечественников. У входа в магазин делегацию встречал сам хозяин. Был он весь напомаженный, при пышных усах, в элегантном костюме, галстуке и блестящих туфлях — « мокасинах». Он первым делом демонстративно набросил на плечи «гидши» роскошную шубу из искусственного меха (под песца), в качестве подарка стоимостью всего лишь 100 долларов, и только потом любезно пригласил пройти всех в торговые залы.

Товаров было много. Глаза разбегались. Хотелось купить и то, и это, но в карманах не шуршало. В итоге я выбрал в подарок жене две кофточки (такие, знаете, с люрексом — яркие, цветастые, как у Высоцкого: «с драконами да змеями...») по цене 7 и 8 долларов за изделие. Себе же купил шикарный отрез ткани на костюм, не мнущейся, бежевого цвета, за смешную цену — 12 долларов. Оставшиеся три доллара ушли на сувенирчики, с чем и вернулся домой.

История с подарками закончилась таким образом. Открыли чемодан. Жена восторженно ахнула. Выхватила первую кофточку и устремилась к зеркалу. Минуту что-то весело щебетала, а потом затихла и подошла ко мне с недоумением в глазах и протянутыми вперёд руками. И я тоже увидел, что один рукав этой прекрасной кофточки был короче другого сантиметров на пятнадцать. Чуть успокоившись, она стала примерять вторую симпатичную кофточку и вышла ко мне уже умиротворённой и улыбающейся. Поставив руки в бока, жена крутнулась передо мною один раз, подняла руки вверх и сделала ещё один оборот на 360 градусов: «Ну как, нравится?» Но тут уже первым обомлел я, увидев, что у этой кофточки под мышкой правой руки зияет огромная дыра, которую ни зашить, ни скрыть нельзя. Слёзы жены вытирать мне было больше нечем, ибо подарки кончились. Переплакав, она всё ещё продолжала смотреть на меня так, как будто перед нею стоял сам Яшка — хозяин магазина. Неделю ни с кем не разговаривала. Была в том и другая причина: сотрудницы донимали её вопросами, «что привёз муж из загранки и когда она появится в новых нарядах», хотя уже, очевидно, «перемололи» долетевший до них слушок о двух неизвестно кому доставшихся от Васильева заморских кофточках. Пришлось нам озвучивать объяснение, что кофточки не подошли по размеру и были проданы знакомой по дому, а почему не в кругу сотрудниц — и козе понятно.

Однако, это ещё не весь сказ. Из купленного материала я сшил себе шикарный костюм и пару раз успел щегольнуть в нём перед коллегами, чем вызвал открытые возгласы одобрения и скрытые чувства зависти. Но месяца через полтора, когда мне

необходимо было присутствовать на одном торжественном мероприятии, я достал из шкафа этот свой стильный костюм и... пришёл в ужас. Я его не узнал. Ткань стала не бежевого, а грязно-серого цвета, смялась и буквально расползалась от прикосновения рук. Жена разразилась неудержимым хохотом, а мне в тот момент очень захотелось увидеть рядом Яшку-америкашку. Только при следующем визите в США узнал, что старый плут Яшка построил свой бизнес на реализации явно бракованных товаров, получаемых от изготовителей за бесценок, товарах низкого качества и вышедших из моды, уценённых по каким-либо причинам и т.д. Расчёт у него простой: покупатель бывает «разовый» и теоретически он больше никогда в магазине не появится. Заявить претензии или вернуть бракованный товар тоже не сможет, да и морду ему бить за потерю каких-то тридцати несчастных долларов никто не станет. Что же касается подарка шубы «гидше», так это был обыкновенный рекламный трюк, не известный советскому обывателю. На самом деле гид получает определённую сумму «чаевых», за каждый «подгон» новой партии покупателей-лохов из стран социалистического лагеря. — Благо, что в нашей стране мы пока до такой торговли не докатились,— подвёл итог Лев Борисович и снова посмотрел на часы.— Мне пора. Уютно у вас в магазине. Продавцы-девчонки все молодые, симпатичные и внимательные — это хорошо. Так держать...

Оказывается, прежде чем зайти ко мне в кабинет, Лев Борисович с шофёром, не представляясь, обошёл все отделы, задавал вопросы продавцам, получал ответы и сделал три покупки.

— Если потребуется какая-либо помощь, обращайтесь,— сказал он мне, направляясь к выходу.

Необходимости в технической или строительной помощи не было. А вот мысль, что в магазинах города пора иметь товары с камазовской символикой (а то как-то неудобно видеть их только в руках Раимова) я ему высказал.

— Хорошо,— ответил Васильев,— сейчас же на совещании поставлю этот вопрос.

Мы попрощались. Забегая вперёд, скажу, что уже в скором времени на прилавках магазинов появились значки, медали, вымпелы, изделия из кожи, подарочный набор инструментов «Новосёлу». А первая партия автомобиля «КамАЗ» в сувенирном исполнении (масштаб: один к сорока трём) была продана в «Детском мире» на ура.

Но вернёмся к дублёнкам. По городу поползли слухи, полетели настоятельные телефонные звонки с вопросами не только от коллег по работе, но и от руководителей города различного ранга: что, где, почём, как купить? Реализация оставшихся нескольких единиц дефицитных товаров затянулась. Дальше прятать их в вентиляционной камере было несерьёзно. Сотрудники магазина заходили ко мне в кабинет и просили разрешения хотя бы посмотреть, что представляют собою эти самые дублёнки. Ждать тотальных проверок контролирующими органами (их и тогда было предостаточно), пятнать честь коллектива магазина и руководства горпромторга я не имел морального права. Что делать? И было принято решение.

Я позвонил Раимову и твёрдо поставил ультиматум: если в течение двух часов оставшиеся товары не будут выкуплены, то я «выброшу» их в свободную продажу и реализую в порядке живой очереди первым же подошедшим покупателям. Комиссионно заактирую каждую покупку с указанием фамилии и адреса проживания покупателя и лично попрошу каждого из них сохранить товарный чек. Состав комиссии уже сформирован, приказ лежит у меня на столе.

— Ты что там, охерел!? — взвинтился Фрат Сафич. Но, видимо, осознав, что так оно и будет, добавил:

— Ладно. Я скоро тебе перезвоню.

Через пятнадцать минут он сообщил:

— Сейчас отправляю деньги и машину к вам за оставшимся товаром. Дублёнку, которую ты примерял на себя, забери. А на шапку не рассчитывай.

— Может одну шапку директору торга можно выделить? — спросил я.

— Нет, не получится. Тут и так обиженных набралось, хоть пруд пруди. От каждого «по шапке» уже сам получил. Врагов нажил кучу, да ещё и разнополых к тому же...— заключил Раимов.

Через час остатки дефицита уехали к «передовикам» производства.

Проверок органами не последовало, видимо, договорённость состоялась. А вот звонки недовольных, любопытствующих и бдительных граждан, требующих объяснений, ещё долго не давали покоя.

Вскоре наступил праздник Великого Октября. На трибуне среди руководителей города заметно выделялся Лев Борисович Васильев. Он был в светлой ладной дублёнке. На голове ондатровая шапка, а не пресловутый «правительственный пирожок», как у остальных представителей власти мужского пола. Ему, очевидно, было тепло и уютно. Но я с грустью подумал: «Такой человек! Настоящий передовик производства — мирового масштаба! А вот бывает, что вынужден соприкасаться с унизительными словами «блат», «дефицит», и все, стоящие рядом с ним на трибуне, и те, которые сейчас маршируют мимо неё, и ещё миллионы людей по всей нашей стране — тоже. Тяжело это осознавать и наблюдать такое повсюду, ежедневно. И наступит ли когда-нибудь тому конец — неизвестно...»

Из всех громкоговорителей рвались наружу, истошно надрывались и глушили мозги забубённые слова: «Слава великой Коммунистической партии!.. Ура-а-а! Ура-а-а! Ура-а-а!!! Слава подвигам тружеников Камаза!.. Ура-а-а!.. Ура-а-а!!! Слава доблестным строителям!.. Ура-а-а!.. Ура-а-а!!! Слава неутомимым энергетикам!.. Ура-а-а!.. Ура-а-а!!! А почти замыкающей парад колонне кричали: «Работникам советской торговли и общественного питания... ура-а-а!»

Не хватало тогда работникам этой отрасли восклицательных знаков и слова «слава», хотя слава-то у них была, да только несколько другая...

Сразу после праздничных дней из Министерства торговли СССР, от предприятий лёгкой промышленности и оптовых баз посыпались телеграммы, телефонные звонки и извещения о дополнительно выделенных фондах на товары детского ассортимента.

К концу месяца подошли вагоны с детскими зимними пальтишками и комбинезонами, вагон с пелёнками-распашонками, десятки контейнеров с одеялами, колготками, трикотажными костюмчиками, детской зимней обувью, механическими игрушками...

План товарооборота магазину тут же был скорректирован в сторону увеличения, на сумму ожидаемого поступления товаров.

Тогда в любом магазине горпромторга условия для работы с товаром и для обслуживания населения были крайне тяжёлыми. Складских, выставочных и торговых площадей катастрофически не хватало. Обеспеченность ими согласно действующим нормативам составляла лишь 30–35%. Поэтому персонал любого магазина испытывал колоссальные моральные и физические нагрузки. Особенно доставалось продавцам в «Детском мире». Приехав по направлениям на работу сразу после окончания торговых техникумов и училищ из разных городов (средний возраст сотрудника магазина составлял 19 лет), они оказались в круговороте великой стройки, без родительской опеки, получали мизерную зарплату, которой едва хватало на скудное

пропитание и оплату проживания. Свалившиеся же на них тяжёлые условия работы, множество самых разных обязанностей и ответственность требовали значительных физических усилий, повышенной концентрации внимания, самоотдачи, дисциплинированности и умения правильно выстраивать взаимоотношения в коллективе. Обслуживать ежедневно беспрерывный поток покупателей с улыбкой и словами «пожалуйста», «спасибо», зачастую отрабатывать по полторы, а то и две смены (такая переработка не оплачивалась) и, в то же время, нести на себе «ярмо» материальной ответственности было крайне сложно и не каждому по силам. Поэтому в чём, в чём, а в слезах дефицита не было.

Большая пропускная способность покупателей обеспечивалась за счёт молодости, энтузиазма, добросовестного отношения к труду, выдержки и терпения, осознания своей причастности к великой стройке.

Чтобы как можно быстрее продать товары повышенного спроса, приходилось постоянно организовывать (без увеличения штата) дополнительные рабочие места: лоточную торговлю по городу, выездную на строительные площадки.

Девушкам приходилось целый день работать на ветру, на морозе, стоя в болоньевых курточках и резиновых сапожках. В те времена продавец не имел права и возможности приобрести себе, например, зимние импортные сапоги без разрешения администрации и профкома. Да и на какие шиши? В связи с этим, до сих пор помню частушку, которую на собрании коллектива однажды «выдала» совсем юная, но уже успевшая выскочить замуж продавщица: «Куплю себе дублёночку — фланелеву пелёночку! Не придётся поносить. Скоро буду я родить».

В конце месяца повсюду выстраивались длинные очереди за детскими товарами. Народ обречённо выстаивал эти очереди. Нервничал, переживал: хватит — не хватит, достанется ли... Покупатели переругивались между собой и открыто «славили» и материли работников торговли...

* * *

Только спустя двадцать лет, то есть в начале девяностых в Набережных Челнах дублёнки стали появляться в свободной продаже. Сначала на рынках города, а затем открылся и магазин «Меха». Первые два-три года дублёнки не отличались хорошим качеством выделки, крашения, разнообразием моделей, но, тем не менее, пользовались большим спросом у населения, так как были доступны по цене и хорошо согревали. Появилась возможность делать и индивидуальные заказы на пошив как взрослых, так и детских меховых изделий из овчины. Заслуга же в этом была предпринимателя нашего города Музипова Флюра Фаидовича. Юрист по образованию, он, по его же признанию: «бросил заниматься словоблудием и созерцанием в народных судах бед народных» и целеустремлённо занялся тем, что было ему по душе и что стало его настоящим делом. В итоге Ф. Ф. Музипов достиг таких высоких результатов, которые оказались не по силам лёгкой промышленности страны за все годы существования советской и нынешней властей. Начинал он свою предпринимательскую деятельность в конце восьмидесятых с того, что во дворе дома кустарным способом выделывал овчину. Затем сам красил шкуры, моделировал, кроил, шил и продавал на рынке куртки и полушубки. Уже через три года Флюр Фаидович создал и открыл три собственных предприятия, деятельность которых была объединена в систему, нацеленную на достижение положительного результата.

Заготовительная деятельность кожевенного и мехового сырья, сложнейшая производственно-технологическая линия по обработке, выделке и покраске его, своё

транспортное предприятие, пошивочные цеха дублёнок, головных уборов и обуви, мастерская по изготовлению мебели, оптовая и розничная торговля готовой продукцией с каждым годом набирали обороты. Строились и расширялись складские, производственные и торговые площади, завозились из Турции, Италии, Эмиратов новейшее промышленное оборудование, технологии, химические компоненты, материалы, красители и даже фурнитура.

Создавались всё новые рабочие места. В результате производство меховых изделий, в первую очередь дублёнок, достигло значительных объёмов и хорошего качества. В свободной продаже уже постоянно имелся расширенный ассортимент моделей женских, мужских и детских дублёнок, что практически обеспечило покупательский спрос населения на этот вид тёплой одежды не только в нашем городе, но и городах всего региона. Производились оптовые поставки по заявкам и за пределы республики. Приезжали, например, москвичи, закупали большие партии детских дублёночек, затем у себя на местах вшивали новые этикетки, на которой указывали: « изготовитель — Италия», навешивали свои ценники и продавали их втридорога. Приезжали меховщики из других городов страны (в том числе из Казанского мехового объединения «Мелита», имеющего вековую историю работы в этом направлении) с целью перенять у Флюра Фаидовича опыт и секреты выделки кожевенного сырья, чтобы затем у себя на местах добиться такого же качественного производства...

Теперь в нашем городе целая дюжина фирменных магазинов (с вычурными иностранными названиями) предлагает населению тысячи дублёнок. Вешала заполнены ими так, что невозможно просунуть руку между изделиями, но все они одного изготовителя: Турция. Дублёнки облегчённые, со стриженным до самой мездры мехом, они больше подходят для фланирования в лунную ночь вдоль моря на курортах Анталии и мало пригодны для ношения в суровых зимних условиях России. Цена же на каждое изделие выше себестоимости в три-четыре раза, и теперь уже по этой причине (блат давно кончился) у подавляющего большинства полунищего народа и «видит око, да зуб неймёт». И сидят в меховых отделах, маются и тупеют от безделья продавцы (больше охранники), которым тоже, чтобы купить на свою мизерную зарплату дублёнку, нужно проработать минимум семь, а то и все двенадцать месяцев в году. Неспокойно на душах и у хозяев этих магазинов, не получивших ожидаемой хорошей реализации от стихийно возникшей конкуренции, летающей вокруг моли и безрадостной перспективы. И что дальше делать? Товарные потоки не регулируются, покупательский спрос не изучается, ценовая политика отсутствует, а главное, ничего этого и не будет, так как отечественного производителя дублёнок (как и производства многих тысяч наименований других товаров лёгкой промышленности) в нашей стране не стало. Загублена целая отрасль животноводства — овцеводство. Не пасутся больше многомиллионные поголовья овец на степных просторах Волгоградской, Астраханской областей, в Калмыкии, в Ставропольском и Краснодарском краях. Нет теперь уже и заготовительной деятельности по сбору кожевенного сырья и шерсти. Закрыты шерстомойные фабрики. Прекратили своё существование по стране предприятия по обработке кожевенного сырья, пошивочные цеха и комбинаты. Аналогичное положение в стране и с выращиванием пушных зверей: лисицы, песца, норки, куницы, нутрий.

Нашлось кому за последние двадцать лет всё вышеупомянутое, мягко говоря, развалить, а вот защитить, помочь развить в стране отечественного производителя, достичь уровня мировых стандартов — некому. Возрождать же из пепла былое сегодня

никто не собирается, ибо в стране снова появился дефицит, но не на дублёнки, а на толковых правителей. Тут уже блатом не поможешь. Так и останутся, видимо, в памяти народной лишь те тёплые полушубки из некрашеной овчины, в которые до войны и после неё одевал Казанский меховой комбинат советскую армию и которые можно увидеть теперь разве что на известной картине «Василий Тёркин» или в старых кинофильмах о войне.

Не ко двору нынче России и передовики производства, патриоты дела, самородки вроде Флюра Фаидовича. А жаль.

Обидно. Досадно. Тревожно. Неладно...

БОРИС ВАЙНЕР

НА ЧТО ПОХОЖИ ТЕНИ?

ПРОИСШЕСТВИЕ

И откуда
Львиный рык
В роще на опушке?

Растревожился тальник,
Вздрогнули волнушки,

Белка с ветки над дуплом
Уронила шишку,
Через кустик напролом
Бросился зайчишка,

Взмыли тучей комары,
Замолчали дятлы,
Глянул суслик из норы —
И полез обратно,

Всполошилась в озерке
Лягушачья стая...
А потом опять в леске
Тишина настала.

Это Люся в тальнике
На мобилке в рюкзаке
Кнопочку нажала.

КАРАМЕЛЬКИ

Карамельные конфеты
Ел Алёша из кулька,
А Илья глядел на это
И вздыхал исподтишка.

Над кульком оса летала
Неизвестно, почему —
Карамелек было мало
И Алёше самому —

С неба дождик капал мелкий,
Летний день к закату брёл...
Карамельки, карамельки,
Кто вас только изобрёл!

БЕДА

Прохожий укрылся от дождика в дом.
Пиджак проворчал: «Слава богу, успели».
Поддакнули Брюки: «И мы переждём.
Ну что за погода вторую неделю!»

Поёжились Туфли: «Ох эта вода!
Того и гляди каблуки оторвутся!»
А Зонтик воскликнул: «Ну прямо беда!
В который уж раз
Не дают
Развернуться!»

НА ЧТО ПОХОЖИ ТЕНИ?

На что похожи тени
В прихожей на стене?
На странные растенья
На океанском дне.

А иногда — на волка,
На парус на реке.
На дворника с метёлкой,
На гнома в колпаке.

В весёлую минуту —
На клоуна в трусах,
А если не до шуток —
На тучу в небесах.

На что
Похожи
Тени?
На наше настроенье!

ШКОЛЬНАЯ СЕРЕНАДА

Иванова, с полуслова
Ты зажгла в груди костёр!
Выйди, выйди, Иванова,
Поскорей ко мне во двор!

Из окошка, где цветочки,
Мне рукою помаши;
Этот носик, эти щёчки
До чего же хороши!

Эти глазки, эти ушки,
Этот модный, кружевной
Алый бантик на макушке,
Этот ранец за спиной,

Этот в ранце ластик новый,
Эта в клеточку тетрадь...
Выйди, выйди, Иванова,
Дай по алгебре списать!

ШКОЛЬНАЯ ЭПИТАФИЯ

Здесь похоронен дневник Иванова.
С ним Иванов обошёлся сурово.

Но если бы не был суров Иванов,
То был бы отец с Ивановым суров.

ПОДСОЛНУХ

Голова
Белым-бела
У подсолнуха
Была.

Загорала
Дотемна —
Загорела
Дочерна.

ПОМИДОР

Помидор сегодня новый:
Стал он сочный и пунцовый

И глядится молодцом
Даже рядом с огурцом!

ОГУРЕЦ

Огурцу ужасно зябко
В предрассветные часы:
Лёгким листиком на грядке
Не укрыться от росы.

Он от холода дрожит,
Весь в пупырышках лежит.

МОРКОВКА

Где же ты,
Морковка?
Спряталась,
Плутовка.

Приглашаешь
В гости —
Потяни
За хвостик!

ВЬЮНКИ

Очень стараясь,
Наперегонки
Тянутся вверх
Молодые вьюнки.

Вьётся живая
Зелёная нитка —
Славная будет
Забору накидка!

ПИСЬМО ДЛЯ МЫШЕЙ, КОТОРЫЕ ХОТЯТ ПОСЕЛИТЬСЯ У МЕНЯ В КВАРТИРЕ

Приходите поскорей,
Дорогие мыши —
Вместе будет веселей
Нам под этой крышей!

Ничего для вас не жаль —
Только приходите!
Захотите — о рояль
Зубки поточите.

Захотите пошуршать —
Подарю тетрадку,
Захотите подремать —
Постелю кроватку,

Захотите погулять —
Вот она, квартира,
Захотите пожевать —
Вот головка сыра.

Свечек я для вас купил,
Приготовил крошки...

Да! Чуть было не забыл:
ВАМ ПРИВЕТ ОТ КОШКИ!

ЦИКАДА

В тишине ночного сада
Грозно цыкает цикада —

На жужжащего жука,
На сверчащего сверчка,

На шуршащего мурашку.
На молчащую букашку.

Так расцыкалась она —
Всей округе не до сна.

Просто нет с цикадой сладу!
Кто бы цыкнул на цикаду!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ ДОЧКИ

Спи, моя малышка:
Ночь со всех сторон.
Ночь листает книжку
Под названьем «Сон».
Шелестят страницы,
Листья шелестят,
Пусть тебе приснится
Заповедный сад.

Пусть тебе приснится
Ручеёк в саду,
А на ветке — птица,

Белый какаду.
Он хранитель вечный
Тишины кругом,
Потому что птенчик
Под его крылом.

Чутко-чутко птенчик
Черноглазый спит.
Ручеёк-бубенчик
Шепотком звенит,
Замирает ветер,
Прячется луна —
Чтоб ничто на свете
Не спугнуло сна.

АРИСТОКРАТКА

Таких я мало видел хрюшек:
Она была не из простушек,
Она всегда среди подружек
Аристократкою слыла,
Поскольку тонкий вкус имела
Во всём, чего касалось дело.
Отменно тонкий вкус имела,
Хотя и
Толстенькой была.

Она спала совсем не в луже,
А, замечая там подружек,
Им замечала: «Это ужас!
Ну до чего же вы просты!
Куда приятней спать в халате
На простыне, в своей кровати!
На простыне в своей кровати,
Но напустив
Туда воды».

А подавали этой даме
Отнюдь не кашу с желудями
И не похлёбку с отрубями
И совершенно без затей,
А марципаны и цукаты.
Да, марципаны и цукаты!
Лишь марципаны и цукаты
Из отрубей
И желудей.

И уж конечно этой хрюшке
По вкусу были не частушки
О чем-нибудь из жизни чушки
В глухом каком-нибудь селе,
А исключительно романсы,
Причём старинные романсы.
Ужасно грустные романсы —
Про *хрю*зантемы
В *хрю*стале.

БЕРЕГИТЕ БАРМАЛЕЯ!

Берегите
Бармалея —
Друга взрослых
И детей!
Берегите
Бармалея,
Потому что он —
Злодей!

Потому что он —
Мучитель
Докторов
И обезьян!
Потому что он —
Грабитель!
Потому что
Хулиган!

Потому что он
Коварней,
Чем голодный
Крокодил!
Потому что он
Кошмарней
Стада бешеных
Горилл!

Потому что он —
Жадюга!
За недорого
Соврёт!
Потому что
Ради друга
Пальцем он
Не шевельнёт!

Потому что он
Не мылся
Сорок зим
И сорок лет!
И не стригся,
И не брился,
И не чистил
Пистолет!

Потому что он —
Ужасный
Образец
Дурных манер...
Потому что он —
ПРЕКРАСНЫЙ
ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ
ПРИМЕР!

ИЗДАНО В РОССИИ

Михаил Чванов. Загадка штурмана Альбанова (Сенсационные находки в Арктике). *Москва. Издательство «Вече». 2012 г., 400 с.*

Теперь уже больше века назад по реке Белой на дырявой плоскодонке отправился в «кругосветное» плавание первоклассник Уфимской мужской гимназии, сын ветеринарного врача 5-го Оренбургского полка Валериан Альбанов, за что был нещадно выпорот дядей, у которого он жил. В 1917 году в Петрограде в приложении к «Запискам по гидрографии» были изданы «На юг, к Земле Франца-Иосифа. Записки о путешествии по дрейфующим льдам Северного Ледовитого океана летом 1914 года», рассказывающие о беспримерном переходе по дрейфующим льдам на шхуне «Св. Анна» полярной экспедиции Г.Л. Брусилова. Автором «Записок...» был участник экспедиции, бывший уфимский гимназист Валериан Альбанов.

«Записки...» В.И. Альбанова в виде дневника штурмана Климова использованы В. Кавериным в романе «Два капитана». В течение века они неоднократно издавались за рубежом, но оставались не известными широкому российскому читателю. Уже на рубеже XX–XXI веков они переиздаются во Франции, Англии, США, где названы «забытым шедевром русской литературы, забытым везде — в том числе в России».

На многие десятилетия оставалась забытой и сама личность выдающегося полярного исследователя и землепроходца. Уфимский писатель Михаил Чванов в течение сорока с лишним лет по крохам восстанавливал во многом покрытую тайной биографию легендарного штурмана, вернувшегося из полярного небытия, но сгоревшего в горниле гражданской войны, как и пытался разгадать судьбу без вести пропавшей «Св. Анны» с остальными членами экипажа.

В начале 90-х годов прошлого века М.А. Чванов с единомышленниками: легендарным полярным лётчиком, флаг-штурманом Полярной авиации В.И. Аккуратовым и заслуженным летчиком-испытателем Героем Советского Союза В.П. Колошенко готовили экспедицию на Землю Франца-Иосифа: попытаться найти следы пропавшей группы Альбанова, но осуществлению экспедиции помешала начавшаяся «перестройка». И вот летом 2010, а потом 2011 года на острове Георга Земли Франца-Иосифа поисковая экспедиция при участии Пограничной службы и авиации ФСБ России сделала сенсационные находки, о которых вы узнаете из книги Михаила Чванова.

Михаил Чванов. Русский крест. Очерки русского самосознания. *Москва. Издательство «Институт русской цивилизации», 2012 г., 608 с.*

Как свидетельствует аннотация, «в книге современного русского писателя и общественного деятеля, создателя Аксаковского фонда М.А. Чванова публикуются произведения, продолжающие духовные традиции славянофилов: неразрывность веры и жизни, добролюбия и соборности, жертвенного служения России. Возрождённый им музей С.Т. Аксакова в Уфе стал важным центром русской духовности, отстаивающим идею межнационального согласия и противостояния силам мирового зла».

Эпиграфом к книге взяты слова митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева): «На Земле есть только одна сила, способная остановить сползание России в пропасть. Эта сила — мы сами. Вопроси каждый совесть свою — и она ответит тебе, что нельзя, недопустимо более ставить вопросы личного благополучия, покоя и комфорта выше понятий гражданского долга и ответственности за судьбы страны. Всякий должен сделать конкретный выбор на своём месте. Только помните при этом: если мы позволим помыкать собой, безропотно и безгласно снося раз за разом все оскорбления, издевательства и беззакония, непременным результатом такого жалкого безволия станет рабство ещё более тяжкое, от которого Россия лишь недавно избавилась...»

Эпиграфом эти слова взяты не случайно, потому как начинается книга эссе-расследованием «Всего мира Надежда и Утешение», поиском по всему миру одной из главных святынь русского народа, покровительницы огромного региона России от Волги до Тобола, а также Оренбургского казачьего войска, Табынской иконы Божией Матери, ушедшей в изгнание с частью русского народа в Гражданскую войну в 1918 году. Далеко не все знают, что акафист к явленной иконе в своё время был написан юным и безвестным иеромонахом Иоанном, будущим светочем Русской Православной Церкви в Новое Смутное время, митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном.

В раздел «Русские судьбы» вошли статьи и эссе о С.Т. Аксакове («Быль о великом семьянине»), И.С. Аксакове («Феномен, но не сила»), о тесно связанном с семьёй Аксаковых философе Русского Зарубежья Г.А. Мейере («Русский философ — потомок ливонского рыцаря»). О безвременно ушедшем в мир иной выдающемся скульпторе и общественном деятеле, президенте Международного фонда славянской письменности и культуры В.М. Клыкове («Человек есть — олицетворённый долг». Об одном из первых истинных предпринимателей-патриотов нового времени А.С. Паникине («Устремить на высокую жизнь русского человека»), создателе знаменитого народного концерна «Панинтеръ», книжно-журнального издательства с этим же названием, параллельно с отечественной классикой начавшим выпускать серию альбомов «Малые города России». Думая о будущем Родины, он создал школу молодого предпринимателя, лучшим выпускникам которой давался капитал, чтобы начать своё дело. О судьбе французско-русской семьи де Гас, владевшей санаторием Шафраново в Башкирии в начале прошлого века и беззаветно любившей Россию повествует очерк «Блаженны страждущие, ибо их есть Царство Божие...».

В раздел «Вместе с Россией» вошло эссе «Сберегатель русского народа» — о великом норвежском полярном исследователе и общественном деятеле Фритьофе Нансене, спасшем миллионы русских жизней в годы голода в Поволжье и в Приуралье, а также сотни тысяч российских изгнанников, оказавшихся в результате Гражданской войны разбросанными по всему миру, в то время когда красные и белые вожди объективно занимались уничтожением российского народа. В этот же раздел вошло эссе «Выбор Высокого Неба» — о знаменитом сербском художнике и геополитике Драгоше Калаиче, с которым М.А. Чванова, неоднократно бывавшего в Югославии во время страшной Балканской войны, связывала многолетняя и горькая дружба. Драгош Калаич задолго до распада СССР, в пору внешнего благополучия, предсказал его судьбу и будущие потрясения России, вплоть до Кавказской войны, но, к сожалению, к голосу его своевременно никто не прислушался.

Книгу завершает эссе «Крест мой», смысл которого определяется эпиграфом: «На Земле есть только одна сила, способная остановить сползание России в пропасть. Эта сила — мы сами. Вопроси каждый совесть свою...» Один из нравственно-духовных столпов, который может остановить сползание России в пропасть, по мнению М. Чванова,— семейно-государственная идеология семьи Аксаковых, которая не устарела, а наоборот, в наше тревожное время приобрела новое звучание. Эссе посвящено истории возник-

новения и упрочения Аксаковского движения, спасению и восстановлению аксаковских мест, истории Аксаковского фонда, который в этом сыграл немаловажную роль и которому в этом году исполнилось 20 лет.

Айдар Сахибзадинов. О товарищах весёлых, о полях посеребрённых. *Повесть и рассказы. Красноярское книжное издательство. Издательская компания журнала «FloriДА» (Майами, США). 2012 г.*

Казанский прозаик Айдар Сахибзадинов последние годы живёт в Подмосковье. В Казани он не мог найти себе работу, кормил семью, подрабатывая частным извозом на стареньком «жигулёнке». Пока однокурсник по Литинституту не предложил ему должность в своей фирме, в Москве… Но связи с родным городом Айдар не терял, рассказы Сахибзадинова регулярно выходили в журнале «Казань», а в 2006 году Татарское книжное издательство выпустило книгу его прозы «Октябрьские груши». Именно с неё началось знакомство и сотрудничество с Александром Росиным — главным редактором журнала «FloriДА». Наш соотечественник, он ещё в советские годы много ездил по СССР как журналист, но такой России, какой она предстаёт в прозе Сахибзадинова, не знал… И выразил готовность способствовать изданию новой книги. Вот так — через Флориду книга казанского автора попала в Красноярск.

«Название сборника настраивает ностальгически, и большинство произведений не обманывает ожидания,– пишет о новой книге Айдара Сахибзадинова казанский критик Галия Зайнуллина,– они о затонувшей советской Атлантиде. Автор рассказывает, какой замечательной девочкой была его одноклассница Наташа Барейчева (повесть «Родительское собрание»), каким задушевным товарищем стал ему армейский сослуживец Магдей (повесть «О товарищах весёлых, о полях посеребрённых»). Порой в его произведениях волна лирического воодушевления сносит законы композиции и сюжетообразования, но он мастерски скрепляет ткань повествования метафорами и ассоциативным рядом».

Добавим, за книгу «О товарищах весёлых, о полях посеребрённых» Айдару Сахибзадинову в этом году присудили Всероссийскую литературную премию имени Г.Р. Державина.

Светлана Савицкая. Три лягушки. *Москва. Издательский дом «Золотое перо». ГУП ИПК «Чувашия». 2011 г., 63 с.*

Этот маленький и добрый сборник стихов известная сказочница Светлана Савицкая посвятила своим детям Витеньке, Василинке и Юрочке. Сборник разбит по временам года: стихи весны, дачные истории лета, стихи осени, стихи зимы и плюс главка — стихи уютного дома. Как мне кажется, одно из главных достоинств этих стихов — их простота и доступность для детей. Ведь часто так бывает — читаешь ребёнку детскую книжку, и вдруг попадается слово или выражение, явно недоступное детскому пониманию. Мучительно соображаешь по ходу дела, как заменить, упростить их, тут же « перевести» на «общедетский» язык. У Светланы Савицкой таких промахов нет. Её строчки прозрачны, как июльское утро, ясны, как мамина улыбка. И неважно, сможет ли малыш прочитать эти строки сам, или будет воспринимать их с голоса родителей — они точно найдут дорогу к его душе.

Там за полем,– новый мир. Там — трава по плечи.
Далеко собрались мы. Далеко — далече.
Там за лесом у реки папа ловит рыбку.
А несём мы пирожки — мамину улыбку.

Владимир Скиф. Молчаливая воля небес. *Иркутск. Типография Репроцентр А 1. 2012 г., 512 с.*

В свою новую книгу автор включил стихи последних пяти лет, часть из которых публиковалась в журналах «Наш современник», «Москва», «Родная Ладога», «Сибирские огни», «Дальний восток», «Аргамак», в «Литературной газете».

Известный русский критик Вячеслав Лютый в своём предисловии к книге пишет: «Пройдя большой литературный путь от вполне типичной городской лирики до тончайших описаний сибирской природы, от альбомных стихотворений до проникновенных и в чем-то даже неземных любовных строк, Скиф интуитивно нашёл собственную художественную территорию, на которой надмирное соприкасается с реальным».

У Владимира Скифа одновременно можно найти строки, в которых загадки бытия совсем просты и, кажется, неизъяснимы. Рядом с серьёзной думой появляется стихотворение лёгкое, даже бытовое или очевидно житейское. Думается, что родилось оно оттого, что язык поэта чувствует волшебную свободу родной речи. Но в совокупном портрете автора это даёт ощущение художника, для которого не существует дистанции по отношению к читателю. А в некий момент в таком «доверительном» поэте просыпается острое зрение — и он видит мир за горизонтом, а его отвлечённый ум мгновенно связывает небо и землю в единое пространство, где идёт противоборство Добра и Зла, Света и Тьмы.

Смотрю — звезда шагает по воде,
В просторах степь сама себя теряет.
Спрошу Россию: — Родина, ты где?
В ответ лягушка в тёмный пруд ныряет.

Кроме лирики автор впервые публикует своё переложение «Слова о полку Игореве» и перевод стихотворения «Ворон» Эдгара По. Несмотря на многочисленные, уже существующие варианты этих переложений, В. Скиф достойно справился с этой задачей, внеся собственные ноты в классику переводов.

Алексей Соболь. Пётр Ткаченко: «Но на сей час я и пришёл…» Литературный портрет. *Москва. Культурно-просветительская инициатива Походъ. 2012 г., 185 с.*

Кубанский литератор, поэт Алексей Иванович Соболь часто выступает со статьями о литературе Кубани. Его новая книга посвящена творчеству и жизни известного литературного критика, публициста и прозаика Петра Ткаченко. Автор рассматривает многогранную деятельность писателя по оригинальному перечитыванию ключевых произведений великой русской литературы, начиная от «Слова о полку Игореве», «Песни о вещем Олеге» и «Медного всадника» А.С. Пушкина до шедевров литературы советского периода истории — «Разгрома» А. Фадеева и «Тихого Дона» М. Шолохова, поэзии Н. Рубцова, Ю. Кузнецова и других поэтов.

Автор представляет писателя, как глубокого литературного критика, мыслителя, бескомпромиссного публициста, рассматривает своеобразие его прозы. А также — последовательного приверженца традиционной народной песенной культуры, вдумчивого исследователя фольклора; составителя первого словаря кубанского диалекта «Кубанский говор. Балакачка», автора книг «Кубанские пословицы и поговорки», «Кубанская свадьба», «Кубанские обряды», «Кубанские песни. С точки зрения поэтической».

Перед читателями П. Ткаченко предстаёт и как издатель единственного в своём роде в России авторского литературно-публицистического альманаха «Солёная подкова». Кро-

ме того, он является редактором нового литературно-публицистического альманаха «Поход».

В качестве приложения в книгу вошла литературно-критическая повесть П.И. Ткаченко «После неистового Виссариона», печатавшаяся в сокращении и в нашем «Аргамаке», постоянным автором которого является Пётр Иванович.

Вертикаль XXI век. *Литературно-художественный журнал. Выпуск № 35. Нижний Новгород. 2012 г., 230 с.*

В последний выпуск нижегородского литературно-художественного альманаха «Вертикаль XXI век» вошли повести Валерия Шамшурина «Ураган» и Дмитрия Фаминского «Кладоискатели», рассказы Олега Ермакова и Николая Ерёмина, стихи Ярослава Каурова. Кроме того, в разделе «Из памятного» опубликована автобиографическая повесть Петра Буханова «Моя жизнь».

В сборнике произведений нижегородских литераторов и публицистов есть интереснейшие заметки о малоизвестных подробностях международной деятельности В.И. Ленина, его взаимоотношениях с Р. Кили, Д. Ридом и А. Хаммером, представленные Германом Смирновым в рубрике «Наша история».

Без сомнения, интересна и познавательна читателям будет и подборка статей о жизни подвижников православия.

Поздравляем главного редактора журнала «Вертикаль XXI век» Валерия Викторовича Позднякова с награждением его медалью Пушкина!

Ирек Сабиров. Жизнь по-юному любя. *Челябинск. Издательский центр «Взгляд». 2012 г., 140 с.*

Новая книга нашего земляка, а ныне челябинского поэта и публициста Ирека Сабирова издана в виде фотоальбома, куда вошли его лучшие стихи на русском и татарском языках.

Так сложилось, что уроженец Высокогорского района Татарстана И. Сабиров связал свою жизнь с городом Еманжелинск Челябинской области, где прошёл путь от мастера до заместителя главы администрации. Здесь же он возглавил русское городское литературное объединение и стал консультантом областного татарского. Сам поэт говорит: «Моё богатство и в то же время нелёгкая ноша — я двуязычен. Пишу на русском и татарском. Знаю, что даже на одном языке невозможно достигнуть совершенства. Но уже поздно — имею читателей и в той аудитории, и в этой. Сам себя не перевожу — мои стихи пишутся на том языке, на котором возникают».

О чем стихи И. Сабирова? Да о том, что окружает поэта: люди, родная земля, природа, явления в обществе. И как любого человека, живущего на этой земле, его не могут оставить равнодушным большие и малые проблемы, которые на ней происходят. Его стихи — это честные размышления с самим собой, которые достойны быть услышаны и другими.

Все знают всё. Живут мечты лелея.
Друг друга поучая. Благодать.
Рецептом счастья многие владеют,
Да вот счастливых что-то не видать.

Шакирова, Хайдарова. Путешествие в мир Тукая. *Казань. Татарское книжное издательство. 2012 г.*

Эта книга посвящена Тукаю. Кроме стихов и сказок поэта в сборнике вы найдёте информацию о его жизни и творчестве, а также увидите иллюстрации к его произведениям, нарисованные нашими художниками. Эта книга-подарок поможет вам лучше понять великого Тукая.

Галина Зайнуллина. Жизнь уместна. *Повести и рассказы. Казань. Татарское книжное издательство. 2012 г.*

Книга прозы «Жизнь уместна» состоит из произведений, с 1994 по 2008 годы печатавшихся в московских литературных журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Юность». Темой всех их является травматический душевный опыт. Повесть «Пролетая белый свет» — о первом ожоге молодости абсурдностью мироустройства. Рассказы «Халик» и «Торг уместен» фиксируют уже другую травму — слом общественно-психологического уклада в смутное время девяностых.

Повесть «О падении храброй казаночки», вошедшая в антологию «Современная литература народов России»,— не просто плач по родному городу, чей исторический облик подвергся разрушению, но ещё и социально-сатирический анализ ситуации, поиск ответа на вопрос «кто виноват?», адресованный широким слоям общества. Последнее произведение — псевдодокументальное расследование (написанное совместно с писателем и киносценаристом Денисом Осокиным) за игровой постмодернистской формой таит встречу с трагическими событиями былого, память о которых хранят стены старинного особняка.

Сергей АЛПАТОВ
Александр ВОРОНИН

Наши авторы

стр. 110 БАДРЕТДИНОВ Ульфат Шайхутдинович родился в Башкирии в 1957 году. Закончил Можгинское педучилище и Удмуртский госуниверситет. С 1981 года живёт в Ижевске.

Три года работал учителем в школе, восемь лет — корреспондентом газеты «Советская Удмуртия», был заместителем главного редактора молодёжного журнала «Инвожо», с 1995 года — главный редактор детского журнала «Кизили».

Выпустил восемь прозаических книг. Член Союза писателей России с 2000 года. Пишет на удмуртском и русском языках. Его произведения переведены на русский, коми, татарский, башкирский, мордовский, карельский, марийский, эстонский языки. Некоторые рассказы печатались в журналах «Мурзилка», «Миша», «Рабоче-крестьянский корреспондент», «Вилы», «Бельские просторы», в «Литературной газете».

Перевёл на удмуртский язык пьесу коми драматурга Алексея Попова «Когда-нибудь встретимся». Спектакль по этой пьесе в настоящее время в репертуаре Удмуртского театра.

стр. 96 БАШАРОВ Рашит Гафарович (Рашит Башар) родился 7 октября 1949 года в селе Яныль Кукморского района ТАССР. Окончил Казанский государственный университет /1972/, Высшие литературные курсы в Москве /1989/.

Работал учителем и завучем Куакбашевской школы Лениногорского района ТАССР, заместителем директора ГПТУ, мастером на заводе ЖБИ.

С 1979 года живёт и трудится в городе Набережные Челны. Работал диспетчером и оператором автоматических линий на заводах КамАЗа, редактором отдела, ответственным секретарём газеты «Тан йолдызы», редактором газетно-книжного издательства «КамАЗ», главным редактором киностудии «Ак Буре», редактором отдела, ответственным секретарём-заместителем главного редактора журнала «Майдан».

Автор 13 книг для детей и юношества. Лауреат премии им. Абдуллы Алиша /2000/.

Награждён медалью «В память 1000-летия Казани», нагрудными знаками Министерства культуры Республики Татарстан «За достижения в культуре» /1999,2009/, «За заслуги перед городом Набережные Челны» /2009/.

Заслуженный работник культуры Республики Татарстан /2010/. Ветеран труда. С 1985 года член Союза писателей СССР и Татарстана.

стр. 236 ВАЙНЕР Борис Гиршович родился в 1948 году на Курилах в семье военнослужащих. С раннего детства живёт в Татарстане, сначала в деревне Матвеевка (ныне Мензелинского района), затем в Бугульме и Казани. Закончил физико-математическую школу № 131 и филологический факультет Казанского пединститута. Вузовское время провёл под знаком студенческого театра КГУ — УТЮГ (Университетского Театра Юмора и Гротеска). Всерьёз писать начал, придя после нескольких лет учительства в газету. Более десяти лет проработал в «Вечерней Казани», затем издавал и редактировал детские журналы «Барабашка», «Зонтик» и «Будильник». Известен как детский поэт и прозаик, драматург, сценарист (в частности, киножурнала «Ералаш»), переводчик с английского и татарского, а также как автор-исполнитель песен.

Борис Вайнер — автор многих публикаций, книг, театральных постановок (в Татарстане, России и ближнем зарубежье) для детей и взрослых, литконсультант ЛИТО КГМУ «Белая ворона», заслуженный деятель искусств РТ, лауреат Литературной премии им. М. Горького.

стр. 217 ВЕРДЕРЕВСКАЯ Наталья Александровна родилась в 1927 году. С юных лет посвятила свою жизнь литературе. Более сорока лет работала на кафедре литературы Елабужского государственного педагогического института. Доцент, кандидат филологических наук, специалист в области русской литературы 40-х — 60-х годов XIX века. В 1998 году издала сборник «Провинциальные стихи», в 2001 году — книгу «Двадцать лет спустя. Этюды о поэзии Владимира Высоцкого», в 2003 году — сборник стихов «Невеликие города» и в 2007 году — «Осень с дыханьем весны».

Член Союза российских писателей. Живёт в Елабуге.

стр. 59 ГАЗИЗОВА Лилия Ривкатовна родилась в Казани, окончила Казанский медицинский институт (1990), Литературный институт имени А.М. Горького в Москве (1996).

Работала детским врачом. Ныне — руководитель секции русской литературы и художественного перевода Союза писателей Татарстана.

Стихи и проза публиковались в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Юность», «Даугава», «Татарстан», «Идель», «Казань», альманахе «Истоки», в «Литературной газете», «Литературной России» и др.

Автор пяти сборников стихов. Составитель антологии русской поэзии Казани «Как время катится в Казани золотое...» (Казань, 2005), сборников (совместно с Сергеем Малышевым) «Современная татарская проза» (Казань, 2007), «Современная татарская поэзия» (Казань, 2008).

Известна и как переводчик татарской поэзии на русский язык.

Член правления Союза писателей РТ. Член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств.

Лауреат литературной премии им. Г.Р. Державина.

стр. 225 ГЛАДКОВ Виктор Петрович родился 22 марта 1943 года в селе Арзгир Ставропольского края. В детстве девять лет был прикован к постели тяжёлым недугом и находился на излечении в городе Пятигорске.

В 1963 году окончил Арзгирскую среднюю школу, затем в 1968 году Московский кооперативный институт «Центросоюза». Работал на родине экономистом, директором торговых предприятий в сёлах Родниковское, Каменная Балка.

В 1973 году по приглашению приехал на всесоюзную ударную стройку в Набережные Челны, где работал директором магазина «Детский мир», начальником торгового отдела горпромторга, директором оптовой базы «Росгалантерея», начальником отдела реализации автомобилей «КамАЗ».

Автор сборника стихов, песен и афоризмов «Журавли мои...», а также поэмы «Челны — Арзгир». Живёт в городе Набережные Челны.

стр. 128 ГРАЧЁВ Сергей Анатольевич родился в подмосковном Подольске 11 февраля 1961 года. После окончания в 1986 году Литературного института им. А.М. Горького служил в армии. Работал в подольских и московских газетах, издательствах «Мир книги», «Славянская школа», в литературно-художественном и публицистическом журнале «Новая Россия. Воскресенье» (бывший «Советский Союз»), в журнале «Строительный сезон».

Публикуется с 1979 года. Первые рассказы были напечатаны в газете «Подольский рабочий» в 1982 году. Затем рассказы публиковались в журналах и альманахах «Истоки», «Аргун», «Пионер», «Дон», «Москва», «Литературная Кубань», «Подольский альманах», «Тропою радуги», «Уральский следопыт», «Московский писатель», «Московский вестник», «Слово», «Новая Россия. Воскресенье», «Читаем, учимся, играем», «Человек и закон», «Детская Роман-газета» и др.; в коллективных сборниках «Эта гиблая жизнь» (М., ИТРК), «Письмена на песке» (М., «Московский Парнас»).

В Союзе журналистов России — с 1990 года, в Союзе писателей РФ — с 1997 года.

Живёт в Подольске, работает главным редактором информационно-общественного журнала «Деловой Подольск», заместителем главного редактора информационно-аналитического журнала о занятости населения и рынке труда Московской области «Стратегия занятости».

стр. 50 ГРИГОРЬЕВА Ольга Николаевна родилась в Новосибирске. Автор тринадцати поэтических книг, десяти книжек для детей, трёх книг очерков, изданных в Павлодаре, Омске, Алма-Ате, Москве.

Стихи и очерки О. Григорьевой печатались в журналах «Знамя», «Наш современник», «Студенческий меридиан», «Дом Ростовых», «Миша» (Москва), «Складчина», «Омская муза», «Точка зрения» (Омск), «Нива» (Астана), «Простор», «Литературная Алма-Ата» (Алма-Ата), альманахах «Южная звезда» и «Ковчег» (Ростов-на-Дону), «День и Ночь» (Красноярск), «Под часами» (Смоленск), в сборнике материалов Международного конгресса «Русская словесность в мировом культурном контексте» (Москва, Фонд Достоевского, 2004), многих других научных сборниках.

Член Союза российских писателей. Лауреат литературной премии им. Марины Цветаевой (Елабуга, 2008). Живёт в Павлодаре.

стр. 121 ГУЧКОВ Борис Петрович родился 24 января 1950 года в городе Касимове Рязанской области. Первые стихи опубликовал в 1966 году в районной газете «Мещерская новь».

С 1976 по 1981 год учился заочно в Литературном институте им. Горького (семинар Николая Старшинова). Стихи поэта печатались в «Литературной России», журналах «Октябрь», «Волга», «Наш современник», в альманахе «Поэзия», в антологиях «Молодые голоса», «Голоса на рассвете», «Современная русская лирика».

Борис Гучков автор более десяти изданных в Волгограде и Москве книг. Член Союза писателей России с 1989 года. Лауреат Всероссийской литературной премии «Сталинград». Живёт в Волгограде.

стр. 185 ДЕОРДИЕВ Игорь Трифонович родился в 1947 году в Донецке. С 1949 года живёт в Санкт-Петербурге. В 1972 году окончил ЛСХИ, факультет «Защита растений».

С 1967 года участвовал в экспедициях по Средней Азии и Северному Кавказу, связанных с изучением энтомофауны хлопчатника и семенной люцерны с целью защиты культур от комплекса вредных насекомых. Многие годы проработал во ВНИИ защиты растений. Защитил кандидатскую диссертацию.

С 20 лет начал изучать основы стихосложения. В Союз писателей России (областное Ленинградское отделение) вступил в 2006 году. С 2007 года является председателем секции поэзии и входит в состав Правления Союза писателей.

Последние десять лет занимается литературной критикой и сотрудничает в данном направлении с журналом «Невский альманах», где и опубликовал значительную часть своих работ.

стр. 10 ДОРОЖКИН Николай Яковлевич родился в 1935 г. в Мариинске Кемеровской области. Окончил физико-технический факультет Томского университета. Работает старшим научным сотрудником ЦНИИ машиностроения Роскосмоса (г. Королёв). Кандидат технических наук, доцент. Действительный член Российской академии космонавтики. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Научный обозреватель газеты «Калининградская правда».

Стихи публиковались в журналах «Юность», «Техника—молодёжи», «Свет. Природа и че-

ловек», в «Антологии русского лиризма, XX век» (Москва, 2000), альманахах «День поэзии-2000», «Память», «Долгие пруды», «Радуга над Клязьмой», «Надмосковье», «Болшевский Парнас». Автор поэтических сборников «Поздний велосипедист» (Калининград, 1993), «Паровоз» (Москва, «Информдинамо», 1997), «Чай по-азиатски» (Москва, СИП-РИА, 2003), «Кавалергардский марш» и «Параллельные миры» (ИД «Космос», 2011), а также научно-популярных книг «Астрономия» (М., Астрель, 2003), «Космос. Загадочный мир Вселенной» (М., АСТ-Ермак, 2004), «Загадки русской истории» (М., Астрель, 2007), «Великие путешественники» (М., АСТ, 2008), «Великие путешествия» (М., АСТ, Минск, Харвест, 2009).

Книга «Загадки русской истории» и поэма «Кавалергардский марш» удостоены литературной премии им. С.Н. Дурылина 2008 и 2009 гг. соответственно.

стр. 195 ЕРМАКОВ Владимир Александрович, поэт, эссеист, родился 6 июня 1949 года в пос. Метенино Петушинского р-на Владимирской обл. С 1961 года живёт в Орловской области: сначала в г. Болхове, где окончил среднюю школу № 1, затем в Орле.

В 1971 году окончил исторический факультет Орловского пединститута, отслужил в рядах СА на Дальнем Востоке; награждён знаком «Отличник ВВС». С 1975 года работал в Орловском краеведческом музее; автор ряда теоретических концепций и практических разработок стационарных экспозиций и выставок, а также публикаций в местной прессе и специальных изданиях. В 1996 году удостоен звания «Заслуженный работник культуры РФ». Впервые опубликовал стихи в 1974 году.

С началом перестройки успешно работает в востребованном временем жанре эссе. С середины 90-х гг. активно публикуется в областных газетах и в литературных журналах. Наиболее значимые публикации связаны с журналами «Дружба народов» (Москва) и «Parnasso» (Хельсинки). Основные тексты вошли в книги, изданные в Орле.

стр. 116 ЗАЙЦЕВ Михаил Фёдорович — член Союза писателей СССР с 1980 года. Автор более двадцати поэтических сборников, семь из которых изданы в московских издательствах «Молодая гвардия», «Современник», «Советский писатель» и «Советская Россия — до перестройки», «Голос-Пресс» — в 2008 году.

Первая книга стихотворений поэта, вышедшая в издательстве «Молодая гвардия» в 1978 году, на Всесоюзном литературном конкурсе, проводимом Госкомиздатом СССР, Союзом писателей СССР, ЦК ВЛКСМ была отмечена первой премией и признана лучшей книгой года среди молодых поэтов страны.

Ныне Михаил Зайцев — лауреат Всероссийских литературных премий «Традиция», «Имперская культура», «Сталинград», «Большая литературная премия России». Он — лауреат Государственной литературной премии Волгоградской области.

В 2010 году его творчество было удостоено премии имени Марины Цветаевой.

В этом же году он был участником Всероссийского литературного рейда по Волгоградской области «Детская книга».

Стихи поэта издавались в антологиях «Русская поэзия — XX век» и «Русская поэзия — XXI век», в антологии военной поэзии, в антологии «Мать», переводились на европейские языки.

стр. 90 ЗИНОВЬЕВ Николай Александрович родился в 1960 году в станице Кореновской (ныне город Кореновск) Краснодарского края. Учился в ПТУ, станкостроительном техникуме, на филологическом факультете Кубанского государственного университета, но после окончания вуза трудился в сфере, далёкой от филологии: работал грузчиком, бетонщиком, сварщиком.

В 1987 году вышла его первая книга стихов «Я иду по земле», с 1993 года — член Союза писателей России, с 2009 года — член правления Союза писателей России.

В 2005 году Союзом писателей России ему была присуждена Большая литературная премия России.

В 2010 году Зиновьев стал лауреатом Всероссийской православной литературной премии им. Александра Невского. Диплом 1-й степени и памятную медаль в номинации «Поэзия» Николай Зиновьев получил за большой вклад в русскую литературу и книгу стихов «Круг любви и родства».

Живёт в городе Кореновске. Женат, растит сына и дочь.

стр. 40 КАН Диана Елисеевна родилась в советском городе-гарнизоне Термезе в Узбекистане в семье кадрового офицера, этнического корейца. В 1980 году переехала в Оренбург, на родину матери, потомственной яицкой казачки. Закончила факультет журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Член Союза писателей России, руководитель народного литобъединения «Отчий Дом», автор семи стихотворных книг. Дважды лауреат ежегодной премии журнала «Наш современник», лауреат всероссийских литературных премий «Традиция», «Имперская культура», Самарской губернской премии в области литературы, Самарской региональной премии им. поэта Виктора Багрова, дипломант Всероссийского конкурса молодых поэтов им. Сергея Есенина, премии имени Валериана Правдухина альманаха «Гостиный Двор» (2010). Живёт в Новокуйбышевске Самарской области.

стр. 72 КАРЕЛИН Алексей Валерьевич родился в 1990 году в с. Митьковка Брянской области. Закончил Брянский политехнический кол-

ледж, учится заочно в Брянском государственном техническом университете. Служил в РВиА (Ракетные войска и артиллерия), во Владимирской области.

География публикаций: США, Австралия, Казахстан, Дагестан, Финляндия, Новая Зеландия, Германия, Украина, Беллоруссия, Россия.

Публиковался в литературных журналах «Простор» (Алматы), «Нива» (Астана), «Вселенная. Пространство. Время» (Киев, Москва), «Искатель» (Чикаго), «Воин России» (Москва), военной газете «Красная звезда» (Москва), «Наш Техас» (Хьюстон) и др.

стр. 162 МИХАЙЛОВ Валерий Фёдорович родился в 1946 году в Караганде.

Автор более 20 книг стихов и прозы. Его произведения печатались во многих литературных изданиях России и Казахстана, переводились на английский, немецкий, корейский, белорусский, казахский и другие языки. Стихотворения включены в ряд антологий: «Современное русское зарубежье» (М., 2002), «Молитвы русских поэтов. XI–XXI век». (М., 2009), «Русская поэзия. XXI век» (М.,2010) и другие.

Член Союза писателей России и Союза писателей Казахстана.

Главный редактор журнала «Простор», секретарь правления Союза писателей Казахстана. Живёт в Алма-Ате.

стр. 5 НУТФУЛЛИНА Роза Амировна родилась в 1942 году в селе Муслюмово (Татарстан). В 1964 году окончила Елабужский государственный педагогический институт, в 1974 — аспирантуру Московского государственного университета им. Ломоносова.

С этого времени по сегодняшний день работала и работает на кафедре русской и зарубежной литературы Елабужского института Казанского университета в качестве старшего преподавателя. Живёт в Елабуге. Ведёт активную общественную и научную деятельность. Является одним из руководителей ветеранского движения города.

стр. 17 СЕМИЧЕВ Евгений Николаевич — известный русский поэт, секретарь правления Союза писателей России. Автор книг «Заповедный кордон», «Свете Отчий», Российский развилок», «Соколики русской земли», «Небесная крепь», «Великий верх», «Аргуван» и др. Лауреат Всероссийской премии им. М.Ю. Лермонтова. Лауреат Большой литературной премии России. Лауреат Международной премии «Золотое перо» и т.д. Живёт в городе Новокуйбышевске Самарской области.

стр. 182 УЛИТИН Вячеслав Михайлович родился 8 августа 1944 года в г. Коврове Владимирской области. В 1963 году переехал во Владимир, где окончил факультет русского языка и литературы государственного педагогического института.

Работал в областном Доме народного творчества методистом по фольклору, занимался сбором народных песен, духовных стихов, сказок, частушек. Преподавал историю мировой культуры в детской художественной школе г. Владимира и Суздальском художественно-реставрационном училище. В течение нескольких лет вёл культурологическую студию «Ковчег», а на областном радио — передачу «Экслибрис».

Начиная с 1966 года, стихи и рассказы В.М. Улитина публиковались в областных газетах. В коллективном сборнике «Золотые ворота» напечатана повесть «Звезда над избой. Из записок фольклориста» (1985).

Член Союза российских писателей с 1996 года. Автор книги стихов и прозы «Сны о Рублёве» (2008).Член редколлегии московского журнала «Духовно-нравственное воспитание». Лауреат премии благотворительного фонда имени Владимира Солоухина (2009). Лауреат всероссийского конкурса им. В.М. Шукшина «Светлые души». В одноимённом сборнике лауреатов напечатаны два рассказа В.М. Улитина.

стр. 64 ХАЙРУЛЛИН Камиль Хасанович родился в 1946 году в Казани. Закончил физический факультет Казанского университета в 1969 году. Поработав инженером, поступил в аспирантуру того же университета по специальности «Философия», которую закончил в 1976 году. 35 лет преподавал в разных вузах Казани. С 1987 по 2010 год заведовал кафедрой философии Казанского педагогического университета (впоследствии Татарского гуманитарно-педагогического университета), в 2004 году был избран профессором той же кафедры.

Кандидат философских наук. Почётный работник высшего профессионального образования РФ. Известен в России своей монографией «Философия космизма» (2003). Выпустил два сборника стихотворений «Звёздный свет» (2002), «Откуда к нам приходят сны...» (2006), два нотных сборника и три аудиодиска с песнями на свои стихи. Соавтор второго и третьего выпусков альманаха «Галерея».

Содержание

НАСЛЕДИЕ

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

ЧУЖОМУ. «ЕСТЬ СЧАСТЛИВЦЫ И СЧАСТЛИВИЦЫ...» 3

РОЗА НУТФУЛЛИНА

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПОСВЯЩЕНИЯ МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ. *Новые материалы* 5

К 200-ЛЕТИЮ БОРОДИНСКОЙ БИТВЫ

НИКОЛАЙ ДОРОЖКИН

СКИФСКАЯ ВОЙНА, ИЛИ ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ КАК ОРУЖИЕ 10

ЕВГЕНИЙ СЕМИЧЕВ

ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА 17

ЗАВЕЩАНИЕ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НАРОДНОГО ПИСАТЕЛЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН Т. А. МИННУЛЛИНА НА 28-М ЗАСЕДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА РТ 26 АПРЕЛЯ 2012 ГОДА 22

СОБЫТИЯ МИНУВШЕГО ЛЕТА

СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВ

САМАЯ ЖАРКАЯ НЕДЕЛЯ 24

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН

ЦВЕТЫ ДЕРЖАВИНСКОГО ФЕСТИВАЛЯ 28

КСЕНИЯ ЛАРИНА

СОЗВУЧЬЕ ДУШ 33

ЛЮДМИЛА ПАХОМОВА

ХРАНИТЕЛЬ НАСЛЕДИЯ 36

ОЛЬГА КУЗЬМИЧЁВА-ДРОБЫШЕВСКАЯ

«ПЕСНЯ, ПЕСНЯ! В ПРОСТОРЫ ЛЕТИ!» 38

МУЗЫ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

ДИАНА КАН

МЕЖ ВОСТОРГОМ И СТОНОМ 40

ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВА

НА ВЕЧНОЙ ДОРОГЕ 50

ЛИЛИЯ ГАЗИЗОВА

СНЕГОПАДЕНЬЕ В МАРТЕ 59

К 70-ЛЕТИЮ КОНСТАНТИНА ВАСИЛЬЕВА

КАМИЛЬ ХАЙРУЛЛИН

ПРЕБЫВАНИЕ В ВЕЧНОСТИ 64

ПРОЗА ДВАДЦАТИЛЕТНИХ

АЛЕКСЕЙ КАРЕЛИН

СКОРБЬ 72

ПОЭЗИЯ

НИКОЛАЙ ЗИНОВЬЕВ

ДОЖДАТЬСЯ ВОСКРЕСЕНЬЯ 90

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

К ЧИТАТЕЛЮ 90

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА
РАШИТ БАШАР
ГНЕЗДО СОЛОВЬЯ 96
УЛЬФАТ БАДРЕТДИНОВ
БУЙ 110
ЗВАНЫЕ ГОСТИ ИЗ ВОЛГОГРАДА
МИХАИЛ ЗАЙЦЕВ
МЫ ЕЩЁ НЕ ВСЁ ПРОПЕЛИ... 116
БОРИС ГУЧКОВ
ВСЛЕД ЗА ВЕТРОМ 121
СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТЬ
СЕРГЕЙ ГРАЧЁВ
ПЛЕМЯННИК 128
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ШТУДИИ
ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВ
ОДИН МЕЖ НЕБОМ И ЗЕМЛЁЙ 162
ВЯЧЕСЛАВ УЛИТИН
НИКОЛАЙ РУБЦОВ И ДЕТИ 182
ЧТЕНИЕ С ПРИСТРАСТИЕМ
ИГОРЬ ДЕОРДИЕВ
И НЕ ПРЕРВЁТСЯ СВЯЗЬ ВРЕМЁН 185
К ЦВЕТНОЙ ВКЛЕЙКЕ
ТАТЬЯНА ХАЙМАН, КСЕНИЯ ЛАРИНА
«ДА-ДА»? ДА! *Интервью* 191
НЕФОРМАТ
ВЛАДИМИР ЕРМАКОВ
ОТКРЫТИЕ ОЧЕВИДНОСТИ. *Трактат по метапрактике* 195
СОКРОВИЩА ФОЛЬКЛОРА
НАТАЛЬЯ ВЕРДЕРЕВСКАЯ
ИЗ-ПОД КУСТИКА, ИЗ-ПОД КАМЕШКА 217
ОЧЕРК
ВИКТОР ГЛАДКОВ
ПЕРВЫЕ ДУБЛЁНКИ 225
МАМА, ПОЧИТАЙ
БОРИС ВАЙНЕР
НА ЧТО ПОХОЖИ ТЕНИ? 236
ИЗДАНО В РОССИИ 244
НАШИ АВТОРЫ 250

ВТОРАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: К. ВАСИЛЬЕВ. ЧЕЛОВЕК С ФИЛИНОМ
ПЕРВАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: К 70-ЛЕТИЮ КОНСТАНТИНА ВАСИЛЬЕВА
ВТОРАЯ ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА: РАБОТЫ УЧЕНИКОВ ШКОЛЫ АРХИТЕКТУРЫ И ДИЗАЙНА «ДА-ДА» (НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ)
ТРЕТЬЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ: ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ШКОЛЫ АРХИТЕКТУРЫ И ДИЗАЙНА «ДА-ДА» ПО БЛАГОУСТРОЙСТВУ БУЛЬВАРА Т. КЕРЕСЕЛИДЗЕ В Г. НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ. 2007 Г.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Выходит ежеквартально
(1 раз в 3 месяца)

Учредитель
ОАО «Татмедиа»
420016, г. Казань, ул. Декабристов,
д. 2, 6 этаж. Тел.: (8-843) 222-09-84

Адрес редакции:
423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:
Татарстанское отделение
Союза российских писателей
423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

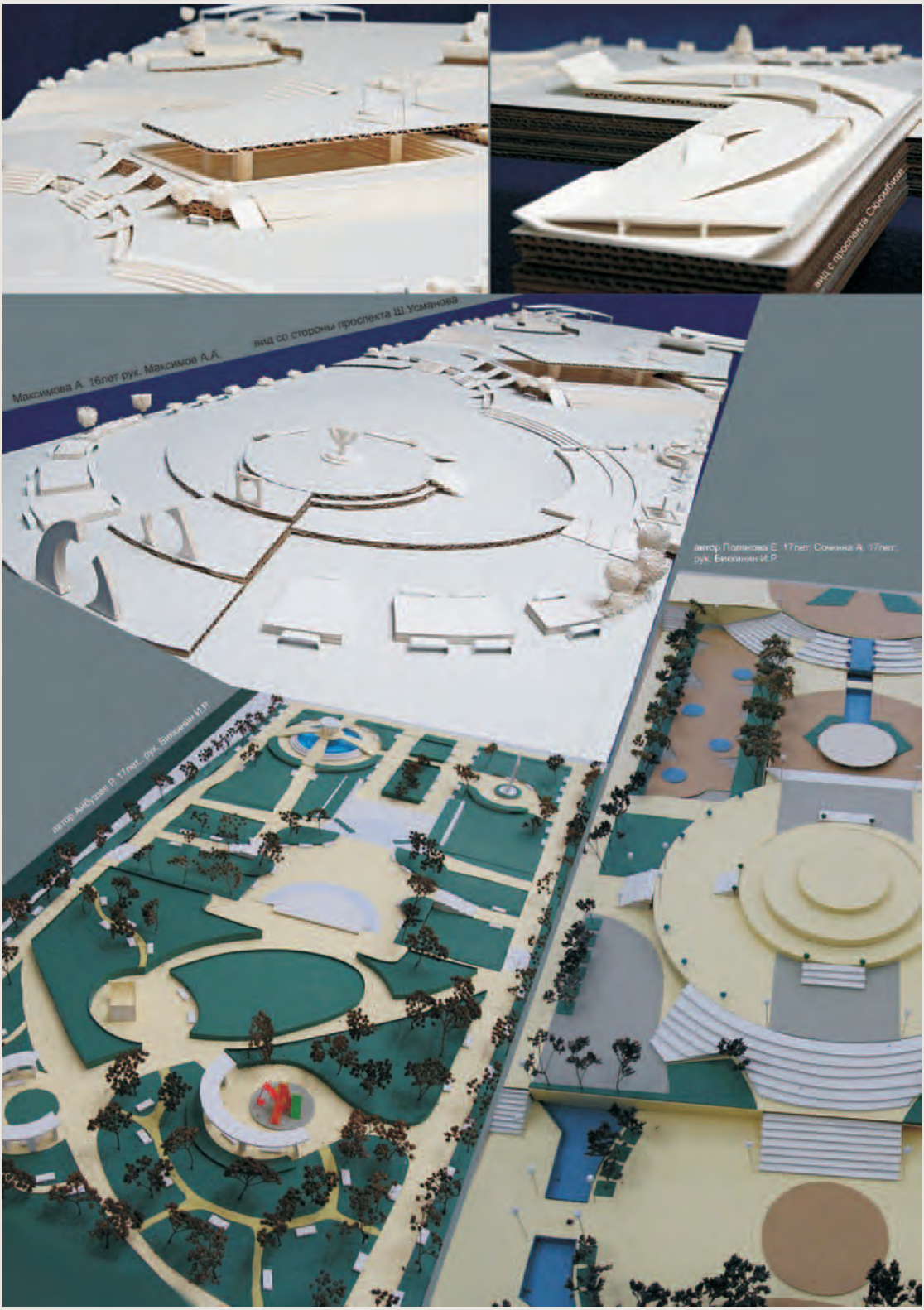
Подписано в печать 15.05.2012 г.
Формат 70x100 1/16;
Печать офсетная. Бумага ВХИ.
Усл. печ. л. 20,64 . Тираж 2000 экз.
Заказ 18549 (М760)

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии филиала
ОАО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс»
420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Рукописи принимаются по адресу: 423809, Татарстан, г. Набережные Челны, а/я 126 или e-mail: anp45@mail.ru. Желателен диск с набором, фотография, краткая биографическая справка.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Читательские письма и предложения могут быть опубликованы в альманахе. Ответственность за достоверность информации несут авторы материалов. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на альманах «Аргамак. Татарстан» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обращайтесь: e-mail: anp45@mail.ru, тел.: (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.



Творческий проект Школы архитектуры и дизайна «ДА-ДА»
по благоустройству бульвара Т. Кереселидзе в г. Набережные Челны. 2007 г.